

Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№4 (08) 2015

Петербургский Исторический Журнал

исследования по российской
и всеобщей истории

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)622-01-23

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

академик РАН, д.и.н. **Б. В. Апаньич** (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д-р *Я. Валге* (университеты Тарту и Таллина)
профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский университет)

д.и.н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *А. Х. Даудов* (директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета)

д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа социальных наук, Париж)

член-корр. РАН, д.и.н. *И. П. Медведев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *И. И. Муллонен* (доктор филологических наук, профессор Петрозаводского госуниверситета, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)

профессор *А. Рабинович* (Индианский университет)

профессор *У. Г. Розенберг* (университет Мичигана, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

д.и.н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)

д.и.н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)

к.и.н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор издательства «Нестор-История»)

№ 4 (08) 2015

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д.и.н. А. И. Рупасов
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

Секретариат

Ответственный секретарь — *К. А. Тарасов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

Дата подписания в печать: 04.12.2015

Перепечатка материалов допускается
только с письменного разрешения
редакции журнала.

Тираж 500 экз.
Заказ № 270

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2015
© Издательство «Нестор-История», 2015

Члены редколлегии:

к.филол.н. *Д. В. Кейер* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

к.и.н. *В. Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. Б. Свердлов*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН; Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена)

д.и.н., профессор *В. В. Носков* (Санкт-
Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Исколь* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

Содержание

История России

- *П. В. Седов*
«Калязинская челобитная»:
Замысел и историческая канва произведения 6
- *С. Н. Искюль*
Великая княжна Екатерина Павловна, Наполеон и «баварский брак» 11
- *А. А. Ефимов*
Малые и малоизвестные строительные проекты
Министерства императорского двора в Санкт-Петербурге в 1840-х гг. 24
- *Д. В. Тимофеев*
Варианты решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX в.:
Опыт сравнительного анализа «недозволенных речей»,
прошений и дворянских проектов 34
- *В. Н. Гинев*
Земские начальники: объективная необходимость
или реакционная контрреформа? 47
- *Н. Б. Рязанцева*
Опыт координации деятельности студенческих организаций
университетов Российской империи 65
- *В. Ю. Гессен*
К истории преследования религии в Петрограде-Ленинграде
в 1918–1929 гг. (по документам ЦГАЛИ СПб) 83
- *Е. М. Балашов*
Методы борьбы с преступностью несовершеннолетних
в Петербурге-Петрограде в начале XX в. 110
- *Е. Ф. Синельникова*
Финансовый аспект взаимоотношений власти
и научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1917–1920-е гг. 128
- *К. А. Тарасов*
Дискуссия о «Декларации прав солдата»
в Петроградском гарнизоне в 1917 г. 145
- *В. А. Мосунов*
Красноборская операция. Февраль 1943 г. 155

Всеобщая история

- *A. Friedlander*
St. Gildas and the anointing of kings 167
- *G. Schmook*
«...der Russe fügt sich leichter, wenn man ihn in seiner Sprache anredet».
Zur Bedeutung der russischen Wörterbücher
und Dolmetscher im deutschsprachigen Raum 1813–1815 196
- *Л. Кангаспуо*
Уголовный кодекс Финляндии 1889 г.
как законодательный источник европейской интеграции 218

Публикации

- *А. В. Востриков*
Е. В. Балобанова. Записки слушательницы
С.-Петербургских Высших Женских Курсов I выпуска (1882 г.) 227
- *Ф. А. Селезнев*
Вопрос о сепаратном мире между Россией и Германией
в материалах перлюстрации (1916 г.) 249

Сообщения

- *Е. З. Панченко*
Книги с автографами в библиотеке Н. П. Лихачева:
Статистический обзор 260
- *Л. В. Тимофеев*
Факты и домыслы о происхождении Алексея Николаевича Оленина 268

Рецензии

- *П. В. Крылов*
«Доля холопская, труд да побои».
Рецензия: *Korpela J.* Idän orjakauppa keskiajalla.
Ihmisyöstöt Suomesta ja Karjalasta //
Historiallisia tutkimuksia. 266. Helsinki, 2014. 288 s. 286

Аннотации 291

Abstracts 303

Сведения об авторах 314

Contacts of authors 316

Требования к публикации статей и материалов 318

П. В. Седов

«Калязинская челобитная»: замысел и историческая канва произведения

«Калязинская челобитная» — литературный памятник второй половины XVII в. — часто используется как хрестоматийный пример секуляризации русской культуры предпетровской поры. Исследователи видели в этом произведении демократическую сатиру с обличением нравов монашества. Подразумевалось, что такое произведение отражало острую критику церкви со стороны посадских людей¹. По мнению В. П. Адриановой-Перетц, «Калязинская челобитная» «представляет сатирическую картину полного разложения монастырского быта», а ее автор «был уже достаточно затронут тем вольномыслием, которое в XVII в. порождало антиклерикальные и даже антирелигиозные настроения» и утратил «былое почтение к обрядовой стороне религии»².

Попытаемся проверить антиклерикальный смысл произведения, написанного в форме челобитной от имени крылошан Троицкого Калязина монастыря. Челобитная датирована 7185 (1676/1677) г., адресована архиепископу Тверскому и Кашинскому Симеону и содержит жалобу на своего архимандрита Гавриила. Названные персонажи исторически достоверны: архиепископ Симеон занимал тверскую кафедру с 1676 по 1681 г., а Гавриил в эти же годы был каля-

¹ *Короткая Л. Л.* «Калязинская челобитная» как произведение антицерковной народной сатиры XVII века // Вопросы литературы. Минск, 1960. С. 33–53; *Сидельников В. М.* Русская народная сатира // Фольклорные записки Горьковского государственного университета. 1961. № 1. С. 63.

² *Адрианова-Перетц В. П.* Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977. С. 200–202 (комментарии).

зинским архимандритом, до перевода в настоятели Новоспасского монастыря в Москве³.

«Калязинская челобитная» является причудливым смешением правдоподобных и даже совершенно точных деталей с литературным вымыслом и дерзкой выдумкой. Косвенные данные позволяют считать автором произведения человека, знакомого с монашеской жизнью, может быть, монаха того же монастыря. Автор пародирует повседневный обиход и молитвы «крылоских уставов», упоминая о начале службы «по утру рано, за три часа до дни», «часы», молитвы «блаженна» и «слава и ныне». В другом месте челобитной читаем: «...коли мы <...> до полуночи у пивного ведра засидимся и на утро встать не можем <...>, и тогда мы немножко умедлим и к десятой песни поспеем, а иные к роскодному началу»⁴.

Близость автора к Троицкому Калязину монастырю проявилась в том, что имена монастырской братии имеют вполне обычный вид: «старец Уар», привратник «кривой старец Фалалей», «чашник старец Ефрем». Эти имена лишены литературного обобщения и напоминают настоящие. Автор знает, что из монастыря обычно ездят за покупками в Кашин, куда он и предлагает продать колокола, а на эти деньги купить там же вина.

Другое дело — Москва, для автора произведения место далекое, и в упоминаниях о нем нет никаких реальных деталей. Когда о пьянстве калязинских монахов «известно стало на Москве начальным людям», они «лучших бражников сыскали — старого подьячего Сулима да с Покровки без грамоты попа Колотилу <...>, чтобы они делом не плошали <...> иных бы пить научали»⁵. Имена московских начальных людей не названы, а имена подьячего и попа — результат литературного обобщения; они собирательно указывают на посулы и битые или колокольный звон.

Поскольку автор адресовал свое произведение современникам, для его понимания важно прочесть текст в контексте ассоциаций того времени, отложив в сторону далекие для человека XVII в. выводы о секуляризации культуры и демократической сатире.

Одна такая реальная деталь должна была в первую очередь обратить на себя внимание читателя второй половины XVII в., но, как это ни удивительно, она осталась незамеченной исследователями. Между тем, с нашей точки зрения, эта деталь выражает основную идею произведения: «Да он же, архимандрит, великой пост вновь завел земные поклоны, а в наших крылоских уставах того не написано. Написано сице: по утру рано, за три часа до дни, в чесноковник звонить, за старыми остатки “часы” говорит, а “блаженна” ведре над вчерашним

³ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. М., 2007. Ст. 443, 449.

⁴ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века. С. 53.

⁵ Там же. С. 52.

пивом на шесть ковшов “слава и ныне”, до свету на печь спать»⁶. Следовательно, архимандрит, на которого жалуются монахи, восстановил в монастыре земные поклоны во время великопостного богослужения, запрещенные патриархом Никоном. Монахи подчеркивают, что в новых никонианских уставах «того не написано», но зато предписано пьянствовать и спать.

Итак, пародируются не нравы монахов вообще, а нравы никониан, которые погрязли в пьянстве, лени и блуде. Присланный архимандрит восстанавливает в монастыре благочестие, чем и вызывает их возмущение: «Да он же, архимандрит, приехав в Колязин, почал монастырской чин разорять, пьяных старых всех разганял, и чуть он, архимандрит, монастырь не запустошил: некому впредь заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на достальные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных»⁷.

Новый настоятель заставляет монахов есть «репу пареную да ретку валенную, кисель с братом да посконная каша на вязовой лошке» вместо еды, которую монахи привыкли есть в постные дни: «вязига да икра», белорыбица, стерляжья уха, блины с маслом и медом, пиво мартовское и хмельной мед. Сам же архимандрит, который столь озлобил монахов, по их же словам «один хлеб жует, весь мед перекис, а сам воду пьет»⁸.

От имени калязинских монахов в тексте челобитной утверждается, что у нового архимандрита «ума не стало», живет «не гораздо, забыл страх Божий и иноческое обещание», «монашескому житию не навывчен», монастырь «запустошил». Монахи «пишут» об этом архиепископу Симеону, который был поставлен на тверскую кафедру 16 апреля 1676 г. из духовников боярина А. С. Матвеева⁹. Последний был яростным противником старообрядцев, а сам Симеон был ревностным сторонником никоновской реформы. Видимо, автор произведения осознавал эти реалии: никониане-монахи просят своего архиепископа защитить их от раскольника-архимандрита.

При этом слова о верности архимандрита Божьим заповедям адресованы читателю, который в действительности понимает, что такой настоятель, напротив, умен, помнит свои обеты и страх Божий. Челобитчики вынуждены признать, что их новый пастырь успешно наставляет их на истинный путь, хоть и против их воли: «от тое его, архимандритовы, налоги поневоле в церковь ходим и по книгам чтем и поем»¹⁰.

В произведении подвергнуто осмеянию всё и вся, кроме архимандрита Гавриила. Ненавидящие его монахи-никониане пишут о нем: «...родом ростовец,

⁶ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира. С. 52.

⁷ Там же. С. 51–52.

⁸ Там же. С. 52–53.

⁹ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. М., 2008. С. 211, 272.

¹⁰ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира. С. 52.

а нравом поморец, умом колмогорец, на хлеб на соль каргополец»¹¹. Архимандрит Гавриил действительно был родом из Ростова. Он состоял в родстве с суздальским архиепископом Стефаном, осужденным в 1678 г. на церковном соборе за сочувствие старой вере.

Это позволяет предполагать, что другие черты архимандрита Гавриила тоже реальны. Поморский «нрав» можно трактовать как сочувствие старообрядцам: всего за несколько месяцев до обозначенной в челобитной даты царские войска захватили оплот староверов в Поморье — Соловецкий монастырь. «Колмогорский» ум означал рассудительность и сметку, необходимые в единственном внешнем порту страны — Холмогорах. Гостеприимство каргопольцев, оказавшихся на пересечении торговых путей севера страны, было, надо полагать, общеизвестно. Любопытно, что автор произведения использует для похвалы знакомые северные реалии дорогих его сердцу Поморья, Холмогор и Каргополя.

Противопоставление старовера-архимандрита пьяницам-никонианам проходит сквозь все произведение, образуя смысловой стержень памятника. Это сатира не на церковь и монашество, а на никониан. Такое произведение было адресовано тем, кто сочувствовал «древлему благочестию», и не подразумевало ни секуляризации, ни демократической сатиры. Напротив, автор «Калязинской челобитной» был традиционалистом и выступал против «новин» патриарха Никона.

Дата «Калязинской челобитной» конкретна, а значит — не случайна. Именно в это время противостояние старообрядцев и никониан коснулось мест в непосредственной близости от Троицкого Калязина монастыря. В ноябре 1676 г. царь Федор Алексеевич со всем двором намеревался посетить Кашин. Здесь были открыты мощи святой Анны Кашинской, у которой персты во гробе были сложены двоеперстно. Кашин и его окрестности был взбудоражен полемикой вокруг святой, прославившей этой край.

В глазах староверов персты Анна Кашинской убеждали в древности двоеперстия и подтверждали их правоту, почему они и стремились показать ее мощи юному царю. Вместе с царем в Кашин отправилась его крестная мать — царевна Ирина Михайловна, ревностная сторонница Аввакума. Однако патриарх Иоаким запретил почитание Анны Кашинской, и царь Федор Алексеевич не доехал до Кашина несколько десятков верст. Патриарх назначил специальную комиссию для расследования кашинского дела, куда вошел и тверской владыка Симеон. Он не обманул возложенных на него ожиданий и доложил церковному собору, что «чудеса» Анны Кашинской вымышлены. В 1678 г. церковный собор исключил Анну из сонма русских святых¹². Этот же собор осудил ближайшего родственника архимандрита Гавриила — суздальского архиепископа Стефана. Он был лишен сана и сослан в Лисицкий монастырь.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² См. Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 255–260, 272.

Реальный калязинский архимандрит Гавриил не стал открыто противиться икононовским нововведениям, как его опальный родственник. Это позволило Гавриилу впоследствии сделать карьеру: в 1681 г. он стал архимандритом придворного Новоспасского монастыря, а в 1684 г. — вологодским архиепископом. Тем не менее, в синодике вологодского кафедрального собора Гавриил на первом месте после своих родителей велел написать имя Стефана, память которого он чтит¹³.

Таким образом, мнимая антицерковная направленность Калязинской челобитной отражает не столько ее замысел, сколько идеи, господствующие в историографии XX в.

References

- Adrianova-Peretc V. P.* Russkaya demokraticeskaya satira XVII veka. M., 1977.
Korotkaya L. L. «Kalyazinskaya chelobitnaya» kak proizvedenie anticerkovnoj narodnoj satiry XVII veka // *Voprosy literatury*. Minsk, 1960. S. 33–53.
Sedov P. V. Zakat Moskovskogo carstva. Carskij dvor konca XVII v. M., 2008.
Stroev P. Spiski ierarhov i nastoyatelej monastyrej rossijskoj cerkvi. M., 2007.

Список литературы

- Адрианова-Перетц В. П.* Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.
Короткая Л. Л. «Калязинская челобитная» как произведение антицерковной народной сатиры XVII века // *Вопросы литературы*. Минск, 1960. С. 33–53.
Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. М., 2008.
Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. М., 2007.

¹³ Русский биографический словарь. Гааг–Гербель. М., 1991. С. 39.

С. Н. Искюль

Великая княжна Екатерина Павловна, Наполеон и «баварский брак»

До начала XIX в. брачные проекты Российского Императорского дома всегда обходили стороной баварский курфюршеский дом Виттельсбахов. При Петре I завязывание брачных союзов было продиктовано российскими интересами на Балтике и на Севере Германии. При Екатерине II это, вероятно, связано было с тем, что во второй половине XVIII в. внешняя политика России в Германии традиционно сочеталась с сохранением баланса сил между Священной Римской империей (Австрией) и Пруссией (внешнеполитические проекты графа Н. И. Панина). Оба эти направления в политике исключали баварский «акцент» потому, что союз с Баварией для России неизбежно означал бы поворот во внешней политике: отказ от сближения с Австрией, поскольку политика последней в Германии во многом направлялась территориальными претензиями в отношении баварских земель.

Первый и единственный союзный договор России с Баварией был заключен в Гатчине 20 сентября (1 октября) 1799 г. при Павле I. Договор был подписан Вильгельмом герцогом Баварским в качестве уполномоченного от курфюрста Максимилиана с одной стороны и вице-канцлером Российской империи графом В. П. Кочубеем и первоприсутствующим в Иностранной коллегии графом Ф. В. Ростопчиным с другой. Договор был заключен после кратковременного разрыва, последовавшего в том же 1799 г. и вызванного вмешательством курфюрста Баварского в дела Мальтийского ордена, владения которого в Баварии пытался присоединить к своим землям курфюрст. Однако отношения были восстановлены благодаря письму Максимилиана-Йозефа императору Павлу I

от 29 мая 1799 г. настолько, что статья 1 Гатчинского договора подтвердила целостность Священной Римской империи, статья 2 — заинтересованность в восстановлении *status quo ante bellum* в Империи, а статьей 3 Россия брала на себя обязательство исходатайствовать у Великобритании материальное содержание для 20 тыс. баварских солдат, которые должны были совместно с русскими войсками принять участие в коалиционной войне против Франции. Этот российско-баварский договор играл чисто прикладную, вспомогательно-военную роль при наличии союза между Россией и Австрией во время войны против республиканской Франции (он не имел «отдельного» значения, так как был заключен как таковой в рамках соглашения о коалиции)¹. Договор сыграл свою роль, когда русские войска после неудачи в Итальянском и Швейцарском походах были выведены на территорию Баварии.

Гатчинский договор имел особое значение для Баварии. Уступки в мальтийских делах компенсировались для курфюрста противвесом в отношениях с Священной Римской империей. Насколько серьезны были ее территориальные претензии к Баварии, показывают такие «свежие» примеры, как неспровоцированное вступление имперских войск в баварские земли близ Пассау в 1802 г., когда в Регенсбурге шли переговоры об «индемнизациях» для германских государей после Люневильского мира 1801 г. между Французской республикой и Священной Римской империей, что пришлось улаживать на дипломатическом уровне в рамках многосторонних переговоров². О претензиях Австрии к Баварии говорит и тот факт, что в 1805 г. Австрия развязала войну вторжением на баварскую территорию, когда Бавария уже была союзником Франции, так что эта война ни в коем случае не являлась актом французской агрессии.

Россия всегда предпочитала связывать себя династическими узами с теми государствами, чье геополитическое положение, военная мощь и политическая самостоятельность не могли оказать решающего влияния на ее внешнюю политику и обязательства по отношению к германским государствам. Вероятно, в Петербурге твердо усвоили завет Екатерины II, которая считала, что Российскому Императорскому дому нужны династические союзы с теми владетельными домами, которые не имели существенного политического значения, но чье прошлое вместе с тем могло вызывать уважение своей древностью и историческими заслугами. Таковы были Мекленбург-Шверин, Саксен-Кобург, Гольштейн-Ольденбург, в особенности Гессен-Дармштадт, Баден-Дурлах, Вюр-

¹ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенный Россией с иностранными державами. СПб.: Тип. Мин-ва Путей сообщения, 1883. Т. VI. С. 246–249; Kleinschmidt A. Das Verdrag von Gatschina // Forschungen zur Geschichte Bayerns. 1898. Bd. VI. S. 206–253.

² См. переписку чрезвычайного посла и полномочного министра России в Мюнхене барона К. Я. Бюлера с послом России в Вене светлейшим князем А. К. Разумовским: Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. Канцелярии. 1802. Оп. 468. № 8008.

темберг; Бавария же, в отличие от перечисленных государств, была известна не только древностью династии, правившей в Мюнхене, но и известной самостоятельностью, силой и могуществом среди прочих германских государств вплоть до самого образования Германской империи и даже после 1871 г., когда она получила особый статус внутри и даже вне Германии³. Имело здесь, вероятно, значение и то, что сама Екатерина II прагматически предпочитала протестантских «невест», полагая, что последние легче переходят в православие, чем принцессы, воспитанные в католических семьях.

Но Бавария — страна католическая, и тем не менее в начале XIX в. Бавария и Россия едва не оказались связаны династическими узами, и этот союз был бы тогда чем-то новым в игре европейских политических сил. Впервые об этом упомянул в своей книге С. М. Соловьев⁴ в связи с русско-баварским разрывом 1806 г., но больше об этом проекте в отношении великой княжны Екатерины Павловны в отечественной историографии не писал никто, даже великий князь Николай Михайлович, издавший переписку Александра I и его сестры⁵, в предисловии к ней не упомянул эту историю; на многие факты могла пролить свет прочая корреспонденция Екатерины Павловны, особенно за 1805–1806 гг., но она сгорела во время пожара во дворце на Марсовом поле в 1849 г. Историк Марта Линдемманн, автор книги о династических связях германских владетельных домов и Российского Императорского дома, кратко упоминает о проекте «баварского брака» великой княжны, не углубляясь в тему⁶. Содержательная же статья Альбрехта Лисса о династических отношениях между Баварией и Францией в начале XIX в. построена лишь на французских и баварских источниках⁷.

Австро-баварский конфликт из-за Пассау, когда австрийские войска безо всяких на то видимых причин вступили в этот баварский город, явился в этом отношении камнем преткновения и серьезной проверкой на прочность посреднического принципа политики России в Германии. Среди мер, предпринятых российскими дипломатами в 1802–1803 гг., предполагалось сделать так, «чтоб занятие города Пассау австрийцами не представлять в виде оскорбления и внушать баварскому министерству, что кротость и есть единственный способ сие

³ Баварские дипломатические представительства существовали наряду с миссиями прочих германских государств во всех европейских странах, в том числе и в Петербурге (Петрограде) на Почтамтской улице, д. 10, и в других местах столицы вплоть до 1918 г.

⁴ Соловьев С. М. Император Александр Первый. Политика—дипломатия. СПб.: Тип. М. И. Стасюлевича, 1877. С. 104–105.

⁵ Николай Михайлович, вел. кн. Переписка Императора Александра I с сестрою Великой княгиней Екатериной Павловной. СПб.: Экс. Заготовления гос. бумаг, 1910.

⁶ Lindemann M. Die Heiraten der Romanows und der deutschen Fürstenhäuser im 18. und 19. Jahrhundert und ihre Bedeutung in der Bündnispolitik der Ostmächte. Berlin; Bonn: Dümmler, 1935. S. 61.

⁷ Liess A. Le prince héritier Louis de Bavière et Napoléon // France—Bavière. Bayern und Frankreich. Wege und Begegnungen. 1000 Jahre bayerisch-französische Beziehungen. Paris: Biro éditeur, 2006. P. 203–210.

дело довести до вожделенного окончания»; кроме этого предполагалось «в разсуждении затруднений родившихся со стороны баварской в уступлении Бискупства Ейхштадтского в пользу герцога Тосканского <...> убедить баварский Двор в надобности сего пожертвования для сохранения тишины и скорейшего окончания всех дел относящихся до нового образования Германии»⁸. Такая заботливость становится особенно понятной в связи с памятной запиской неустановленного дипломатического чиновника, который в 1803 г. писал Александру I: «Будущая родственная связь Баварского с Российским императорским домом дает ему конечно право на благоприятство наше, но самое благоразумие Вашего Величества покажет вам, государь, до какого пункта сие благоприятство дойти может»⁹. Тогда территориальные выгоды различных и возможных в то время приобретений курфюрста Баварского (среди которых в разное время в российских дипломатических источниках назывались Айхштедт, Бамберг, Берхтесгаден, Вюрцбург, Зальцбург, Мюльдорф, Фрейзинген и Регенсбург) по соглашению об «индемнизациях», уступчивость со стороны Империи и баланс австро-баварских отношений, которого придерживались в Петербурге, привели к тому, что к моменту итогового решения Имперской депутации (Reichsdeputationshauptschluss) отношения между Баварией и Австрией были восстановлены, и инцидент казался исчерпанным.

На переговорах в Регенсбурге баварские претензии было поручено проанализировать российскому представителю при рейхстаге барону Филиппу фон Клюпфелю¹⁰; эти претензии всегда внимательно рассматривались и большей частью поддерживались¹¹. Так называемые «русские таблицы», разработанные и утвержденные в Министерстве иностранных дел России, устанавливали разумные пределы вознаграждений для Баварии за понесенные ею территориальные потери¹². Более чем вероятно, что этим заступничеством за Баварию Александр I хотел привязать к себе будущего своего родственника, политика которого не могла вполне удовлетворять российского императора. Курфюрст Баварский Максимилиан IV Йозеф, как и многие другие владетельные государи Германии, строил свою политику, основываясь на понимании постоянной опасности, которую представляло для его страны соседство с Австрией, и на той поддержке, которую оказывала и собиралась оказывать Баварии Франция. Именно поэтому, вероятно, Александр I не раз выражал пожелание, чтобы «венский двор проявил большую благосклонность и уступчивость в переговорах с Баварией»¹³.

⁸ АВП РИ. Ф. Канцелярия. 1805. Оп. 468. № 8020.

⁹ Там же. № 7844.

¹⁰ См. рескрипт последнему: АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1801. Оп. 468. № 7856. Л. 10 – 28 об.

¹¹ Там же. 1802. Оп. 468. Д. 9886. № 34. Л. 12 – 16 об., 17 – 18 об.

¹² Там же. 1803. Оп. 468. № 12861. Л. 86 об. – 87.

¹³ Внешняя политика России XIX – начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. I (1801–1815). М., 1960. Т. 3. С. 510–513.

Первые упоминания о российско-баварском браке появились уже в ходе переговоров о заключении союза 1799 г., что было сложившейся практикой еще в эпоху Старого Порядка (впоследствии, во время тильзитских переговоров 1807 г., заходила речь и о браке Наполеона с великой княжной Екатериной Павловной). Однако такого рода разговоры и даже «полуобещания» никого и ни к чему не обязывали, и впоследствии таковые всегда могли быть преданы забвению. Тогда же император Павел I в одном из писем курфюрсту указывал, что великой княжне исполнилось еще только одиннадцать лет, в то время как принцу было только 13, но он выражал согласие на их бракосочетание в будущем, более того, уже тогда предполагалось, что свадьба наследного принца могла быть отпразднована весной 1804 г.¹⁴

Людвиг-Карл-Август, сын тогда еще пфальцграфа-палатина Максимилиана-Йозефа, династически принадлежал к левобережной (рейнской) Виттельсбахской Пфальц-Цвайбрюккен-Биркенфельдской линии. Принц родился 25 августа 1786 г. в Страсбурге, где его отец командовал королевским эльзасским полком. Первое крестное имя было выбрано отцом принца не случайно, поскольку и баварские владетельные государи, и принцы других государств запада и юга Германии всегда оставались противниками австро-прусской гегемонии и с надеждой взирали на запад. Крестным отцом принца Баварского согласился стать Людовик XVI, последний король Франции и Наварры «Старого Порядка».

Так возник проект «баварского» брака, который развивался по мере того, как великая княжна Екатерина Павловна входила в возраст и всё чаще (чаще, чем остальные дочери императора Павла I) становилась предметом брачных искательств.

В 1801 г., курфюрст в письме к императрице-матери Марии Феодоровне (оно не датировано, но следует в архивном деле после письма курфюрста Александру I от 29 ноября 1801 г.) писал о склонности обоих дворов соединиться династическими узами как о факте решенном, сообщал о поручении своему послу в Петербурге передать ей портрет своего сына, наследного принца, и просить императрицу прислать ему портрет великой княжны. Естественно, посол должен был при этом случае выразить чувства неизменной и почтительной преданности¹⁵. И тогда и в дальнейшем инициатива исходила всегда от баварской стороны, поскольку наследный принц выступал в роли соискателя руки великой княжны, хотя это не исключало деликатной миссии доверенных лиц императрицы-матери; в особенности это касалось князя Александра Борисовича Куракина, этого конфидента императрицы-матери, не раз бывавшего с визитами к немецким дворам, туда, где, естественно, имелись достойные и свободные кандидатуры.

¹⁴ *Adalbert Prinz von Bayern*. Max I. Joseph von Bayern. Pfalzgraf, Kurfürst und König. München, 1957. S. 379, 384.

¹⁵ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1801. Оп. 468. № 6014. Л. 19.

С переменой царствования в 1801 г. брачные предположения в отношении любимой сестры императора Александра I со стороны Баварии возобновляются, но не сразу, а только в 1804 г., когда великой княжне Екатерине было уже 16 лет, между тем как наследнику баварского престола Людвигу-Карлу-Августу (1786–1863) к этому времени исполнилось 18. В рескрипте императора от 24 октября 1804 г. барону Карлу Яковлевичу Бюлеру, бывшему тогда в ранге российского посланника в Мюнхене, Александр I в заботах о счастье и благополучии сестры предписывал собрать точные сведения о наследном принце, «которому она была предназначена», составить подробное описание его внешнего облика и душевного склада, образа жизни, склонностей, успехов, достигнутых им в науках, словом, всего, «что касается его физического и нравственного развития», не скрывая и имеющихся недостатков¹⁶. В таких же выражениях было выдержано и послание управлявшего Министерством иностранных дел России князя Адама Чарторыйского, но кроме всего прочего товарищ министра иностранных дел наставлял посланника пользоваться надежными источниками как в Баварии, так и за ее пределами, чтобы основательнейшим образом исследовать всё, что касается баварского наследного принца, имея в виду интересы Императорской фамилии¹⁷. Этот рескрипт и письмо Чарторыйского были подписаны одновременно с депешей товарища министра, направленной по тому же адресу, в которой содержались наставления относительно позиции России в отношении вероятного объединения германских государств, включая и Баварию, после свидания Наполеона с немецкими государями, состоявшегося в Майнце¹⁸. В этих переговорах принимал участие и баварский курфюрст, и тем не менее несмотря на заметную французскую ориентацию политики Баварии, династические интересы в политике России сохранялись; как сохранялась и вероятная надежда на вовлечение Баварии в русло российской политики. Подробные сведения о баварском наследном принце были представлены в донесении барона Бюлера от 19 (31) декабря 1804 г., которое было получено в Петербурге 5 января 1805 г.¹⁹

В депеше много внимания уделялось природному душевному складу принца, его чистосердечию и доброте характера, пронизательности взгляда и внешним чертам облика, которые выделяли его в особенности среди тех, кто избрал себе военную стезю: высокий рост, хорошее сложение и умение держать себя на лошади перед строем полка. В связи с этим в депеше отмечалось, что принц постоянно занимается разного рода упражнениями и закаливанием приучает себя к жизни в военных условиях. Бюлер подчеркивает, что Людвиг воспитан в правилах исключительной нравственности и религиозных принципов; его по-

¹⁶ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1804. Оп. 468. № 8013. Л. 126 – 128 об.

¹⁷ Там же. Л. 133 – 134 об.

¹⁸ Там же. Л. 147 – 152 об.

¹⁹ Там же. 1804. Оп. 468. № 8014. Л. 582 – 601 об.

ведение в семье и с окружающими безупречно тем более, что он продолжает поддерживать отношения с наставниками и воспитателями, к которым привязан. Принц имеет некоторую склонность проводить время на охоте, но в то же время увлекается искусством, в частности недурно рисует.

Среди очевидных недостатков дипломат отмечает, что принц несколько туг на ухо и это сказывается на его манере держаться в обществе. Вынужденный вслушиваться, он старается приблизиться к собеседнику и привык держать голову несколько набок. Лечение в данном случае оказалось безрезультатным, но принц вполне справляется с этим недугом.

Посланник подчеркивает, что в разговорах с принцем Баварским тот всегда направлял беседу таким образом, чтобы дать почувствовать, сколь дорожит надеждой принадлежать со временем к Российскому Императорскому дому (*combien de prix il attache à l'espérance d'appartenir à la Maison Impériale de Russie*). К этому принц присоединял всякий раз и пожелание посетить Россию.

К своей депеше Бюлер приложил и оригинал портрета Людвига, написанный маслом в 1804 г., который, по мнению посланника, лучше передавал внешний облик наследного принца, чем портрет, привезенный в Петербург ранее.

Впоследствии эти сведения дополнялись другими данными касательно нравственных качеств, образовательных занятий принца, а также того круга лиц, с которыми тот имел общение и которые могли оказывать на него влияние; при этом отмечалось и неослабевающее желание принца посетить Россию²⁰. При этом особо подчеркивалось то обстоятельство, что всем своим поведением принц неизменно подчеркивал понимание высокой значимости для Баварской королевской семьи династического союза с Российским Императорским домом²¹.

Со своей стороны в письме к курфюрсту от 5 января 1805 г. императрица-мать выразила полное одобрение тому, как протекало воспитание наследного принца под присмотром наставников. Императрица не скрывала, что в заботах о «будущем наших детей» она стремилась получить из разнообразных источников самые полные сведения о свойствах характера и успехах в учении принца Людвига. Она была довольна тем, что браку дочери, задуманному еще при жизни покойного императора, нет никаких препятствий, и выразила надежду на то, что принц успешно завершит свое образование. Императрица высказывалась за конечное осуществление брачного проекта, «который должен явиться со временем источником нашего общего удовлетворения»²².

Однако весьма скоро в российско-баварский брачный проект вмешалась большая политика. В то время как российское правительство выразило в рейхстаге решительный протест в связи с нарушением Францией суверенитета Священной Римской империи и расстрелом одного из членов низложенной

²⁰ Там же. 1804. Оп. 468. № 8015. Л. 192–195.

²¹ Там же. 1805. Оп. 468. № 8018. Л. 349–353.

²² Там же. № 8018. Л. 602 – 606 об.

во Франции династии, Луи-Антуана-Анри герцога Энгиенского в Венсенском замке близ Парижа, реакция Баварии была сдержанной и продиктованной желанием сохранить отношения с Францией. Признание курфюрстом титула «Императора французов» и его поздравления Наполеону, которого российские политики продолжали именовать «главой французского правительства», по случаю вступления на престол внесли холод в отношения между Баварией и Россией. Нерассеянные подозрения Баварии в связи с российско-австрийским союзом, заключенным в октябре 1804 г., ведь он при случае мог иметь и антибаварскую направленность, и агрессивные устремления Австрии, не считавшейся с баварским нейтралитетом, привели к тому, что Бавария выступила на стороне Франции в войне против очередной антифранцузской коалиции. В принципе курфюрст Максимилиан-Йозеф был не против сохранить нейтралитет Баварии, но он не чувствовал себя в безопасности, оставаясь вассалом императора Священной Римской империи.

Франко-баварский союз, заключенный 25 августа 1805 г., явился неожиданностью для российских политиков, ибо при разработке планов военных операций в 1805 г. предполагалось присоединить к коалиции держав и войска Баварии, обладавшей одной из самых сильных армий в Германии²³; возможно, именно в это время могло произойти знакомство Александра I с наследным принцем, которого Бюлер в депеше от 22 сентября 1805 г. советовал пригласить в Главную квартиру императора²⁴. Перед этим, 16 сентября, из Брест-Литовска, где находилась Главная императорская квартира, Александр I послал курфюрсту письмо, в котором гарантировал, что Австрия не имеет каких бы то ни было видов на баварские земли²⁵. В этом письме он указывал на очевидные для него «преимущества», которые получила бы Бавария в случае присоединения к коалиции, включая и, вероятно, династический союз (*quels liens pourraient m'attacher encore à Votre Maison ou me porter à resserrer ceux déjà existants...*).

В докладе о деятельности МИД за 1805 г., составленном А. Чарторыйским, в связи с этим говорится: «...от содействия курфирста Баварского должно было ожидать значущих выгод, и для того нужно было привлечь его на свою сторону, не допустив в том неприятеля»²⁶, однако на деле этого не произошло. В отсутствие в Петербурге императора и высших должностных лиц МИД «баваро-пфальцский министр» барон Йозеф-Мария фон Пош был отозван в Мюнхен²⁷ и вместо него в столице остался поверенным в делах баварский дипломат Иоганн-Франц-Антон фон Ольри. В записке Чарторыйского

²³ См. «Германская» политика России и французская гегемония (дипломатическая записка 1804 г.) / Ввод. ст., подг. текста и коммент. С. Н. Искуля // Русское прошлое. СПб., 1994. Кн. 5. С. 338–356.

²⁴ АВП РИ. Ф. Канцелярии. 1805. Оп. 468. № 8019. Л. 305 – 305 об.

²⁵ Там же. 1805. Оп. 468. № 8017. Л. 67 об.

²⁶ Там же. № 2988. Л. 60–63.

²⁷ Там же. № 7876. Л. 38–39.

от 2 октября 1805 г. по этому поводу сказано: «Баваро-Пфальцский министр барон фон Пош был у меня вчера... Он объявил мне, что для поправления весьма разстроенного здоровья своего, давно уже просил двор свой о позволении отлучиться; что предупредил оное получить теперь, намерен сим воспользоваться немедленно, дабы не упуская нынешнего водоходства мог из Риги переехать морем в Любек, откуда продолжить свой путь в Вирцбург и отечество свое; что имеет повеление на время отлучки сей оставить здесь поверенным в делах секретаря посольства Ольри, которого и непременно мне представить, и что крайне сожалеет, что по отсутствию Его Императорскаго Величества лишается Щастия быть представлен государю Императору...»²⁸

Вероятно, в баварском дипломатическом ведомстве в связи с этим было решено, что Бавария сохранит свое присутствие в Петербурге, но ранг ее представителя должен был быть понижен. Возможно, это было сделано по взаимному соглашению как результат участия баварских войск в «аустерлицкой» кампании 1805 г. на стороне Франции. Но этим дело не ограничилось.

3 марта 1806 г. баварский поверенный в делах фон Ольри был приглашен в Министерство иностранных дел России к товарищу министра. Князь Чарторыйский заявил баварскому дипломату, что поскольку «правильных» отношений между Баварией и Россией из-за взаимного отзыва миссий нет, то «ввиду нынешних обстоятельств проект брака между Ее Императорским Высочеством Государыней Великой княжной Екатериной и наследным принцем Баварским не может иметь никаких последствий...». Передавая слова императора, Чарторыйский сказал далее Ольри, что Александр I «отнодъ не желает затруднять наследного принца принуждением, ибо быть может Бонапарт уже предназначил ему одну из своих родственниц по примеру того, как он сочетал Евгения Богарне браком с государыней принцессой-курфюрстиной (Чарторыйский имел в виду сестру принца Людвига — принцессу Августу-Амалию. — С. И.)». Можно себе представить, как был озадачен и смущен дипломат, выслушав заявление Чарторыйского, вместе с демонстративным непризнанием нового титула курфюрста, который к тому времени уже стал королем Баварии под именем Максимилиана I.

Оставив затем официальный тон, Чарторыйский «как частное лицо» сделал ряд замечаний насчет поведения Баварии, которая предоставила французам свою армию для совместных действий против России и Австрии; последние же, по версии товарища министра, «далекие от того, чтобы причинить ей вред, соединились ради того, чтобы доставить ей особые выгоды, ежели б Бавария присоединилась к ним». Баварский поверенный в делах заверил Чарторыйского в том, что король не желал бы лишиться российского покровительства и надеется, что «во времена более счастливые он мог бы, разумеется, быть полезным для обеих держав союзником»²⁹. Вслед за этим Ольри вынужден был откланяться, и таким образом в вопросе о российско-баварском браке была поставлена точка.

²⁸ Там же.

²⁹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1806. Оп. 468. № 7900. Л. 152–155.

На следующий день Ольри направил Чарторыйскому послание с просьбой о паспортах для своего слуги Антона Хакенберга, которого отправлял в качестве курьера в Мюнхен с сообщением о *fatale nouvelle*; в этом послании дипломат вновь выражал чувства сожаления в связи с разрывом предполагавшихся династических отношений, с которыми связывались все надежды короля, королевского окружения и всей нации³⁰.

С тех пор, несмотря на то что по одной из статей Тильзитского договора Александр I признал королевский титул баварского государя, брачные предположения, имевшие место в прошлом, были оставлены без последствий, потому, вероятно, новые предложения не могли быть сделаны вследствие того, что отказ уже один раз был получен. Вероятно, для наследного принца Баварского это было немалым испытанием; ведь он был увлечен идеей этого проекта и, поддерживая тесные доверительные отношения с чрезвычайным посланником Баварии в Петербурге графом Франсуа-Габриэлем де Брэ, написал ему 9 октября 1808 г., что лично незнаком с великой княжной, но тем не менее вот уже долгие годы испытывает к ней глубокое чувство и считает, что только с нею может быть счастлив, ибо только в ней обрел бы наконец то, что воистину близко сердцу. Более того, в письме к посланнику принц не стал далее скрывать своих чувств: «Днем я всё думаю о той, что была мне обещана девять лет назад, и ночью я всё мечтаю о ней...». Есть основания предполагать, что принц Людвиг надеялся преодолеть полученный в 1806 г. отказ, который считал не окончательным.

Принц в то время пребывал в Париже и более того — в Тюильри, где на протяжении нескольких месяцев, с февраля по сентябрь, ему оказывали подобающий прием. Император французов знал о том, что Людвиг помолвлен с Екатериной Павловной, и не раз в разговорах с ним расспрашивал о великой княжне. Однажды он не скрыл от принца, что «только что подписал мир с Россией», а в письме к императрице по этому поводу заметил: «Как он доволен тем, что я ему сообщил, он все думает о своей малышке русской» (*il pense à sa petite Russe*)³¹. Впрочем, от принца не укрылось, что сам Наполеон по какой-то причине против его «русского» брака, ибо в разговорах с ним он не раз высказывался в том смысле, что Людвиг еще слишком молод для женитьбы.

После Тильзитского мира в новых инструкциях чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Мюнхене князю Ивану Ивановичу Барятинскому ни слова не было о предполагавшемся браке между наследным принцем Баварским и русской великой княжной. От имени Александра I там говорилось о другом — о том, что со времени подписания мира «между императором Наполеоном и Мною царит полнейшее единодушие, и все усилия, предпринимаемые общими нашими врагами с тем, чтобы смутить доброе это единодушие, послужили до сих пор к вящему укреплению этих связей», а Эрфуртское свидание лиш-

³⁰ Там же. 1806. № 625. Л. 26 — 27 об.

³¹ Liess A. Le prince héritier Louis de Bavière et Napoléon // France-Bavière. Bayern und Frankreich. Paris: Biro éditeur, 2006. P. 204–205.

ний раз «доказало всей Европе, что эта дружба особливо отвечает спасительным и благодетельным устремлениям августейшего монарха России»³². Благоприятные условия Тильзитского мира и доверительные отношения с баварским послом в Петербурге могли помочь принцу Людвигу восстановить утраченные отношения, если он несмотря на отказ еще некоторое время после 1806 г. продолжал надеяться, что в Петербурге изменят раз принятое решение. Но дальнейшие обстоятельства сложились так, что принц должен был оставить всякие надежды на брак с Екатериной Павловной. Принцу Людвигу стало известно, что в Петербурге неожиданно дали согласие на бракосочетание великой княжны Екатерины с принцем Гольштейн-Ольденбургским Георгом. Это имело место во второй половине 1808 г., а уже в январе 1809 г., во время визита прусской королевской четы в Петербург состоялось обручение «высоконареченных» жениха и невесты, за которым последовало бракосочетание, состоявшееся 3 августа того же года. Слишком очевидно было, что великую княжну выдавали замуж за Георга с тем только, чтобы не портить раньше времени отношения с Наполеоном, который тоже претендовал на руку любимой сестры Александра I.

Тем не менее более чем вероятно, что воспоминания о полученном из Петербурга отказе время от времени вызывали у принца Людвиг приливы своего рода фобии по отношению к Наполеону, хотя тот, как известно, имел к этому отказу лишь косвенное отношение. У Людвиг Баварского это усугублялось еще и тем, что в глазах принца его отец, Максимилиан-Йозеф, находился на положении вассала по отношению к Наполеону, главе Рейнского союза германских государств, а сам принц должен был принять участие в войне 1809 г. против Австрии во главе баварских войск. Более того, принц Людвиг должен был поздравить императора французов с победой при Абенсберге 20 апреля 1809 г. К чему присовокупился и тот факт, что он должен был переводить речь Наполеона, обращенную к баварским военным перед последующим сражением, за что император поощрительно выдрал принца за ухо. И это при том, что перед войной 1809 г. принц в беседе с австрийским посланником в Мюнхене сказал: «Я предпочел бы лучше сражаться против синих (как называли в свое время войска Французской республики. — С. И.), чем за них, но моего мнения здесь не спрашивают»³³.

Когда же император французов высказывался в том смысле, что принц Людвиг еще слишком молод для вступления в брак, он, возможно, имел в виду и свои собственные брачные виды, причем Екатерина Павловна была не единственной в этих августейших «предположениях». Конечно, русская великая княжна была для Наполеона наиболее привлекательной кандидатурой, поскольку тильзитский союз с Александром I в случае династического брака выглядел бы более прочным, но в перечне принцесс-невест для Наполеона в 1809 г. значилась и Терезия-Шарлотта-Луиза Саксен-Хильдбургхаузенская,

³² АВП РИ. Ф. Канцелярия. 1808. Оп. 468. № 8027. Л. 66.

³³ Liess A. Op. cit. P. 207.

дочь герцога Фридриха I и принцессы Мекленбург-Стрелитской Шарлотты. Возможно, это обстоятельство, если принц Людвиг знал об этом, сыграло свою роль в его выборе. С одной стороны, в нем могло зреть желание отомстить Наполеону за пагубное для него соперничество в деле с «русским» браком, с другой — принц, возможно, надеялся опередить предложение ему брачного союза с одной из французских принцесс. Последнее было не лишено вероятности, и принц был уверен, что королю и королеве Баварским, примерно в то время отправившимся в Париж по приглашению Наполеона, будут сделаны соответствующие брачные предложения. Правда, Людвиг был не против того, чтобы жениться на одной из австрийских эрцгерцогинь и даже не слишком настойчиво пробовал склонить будущую французскую императрицу Марию-Луизу к поискам для него подходящих кандидатур³⁴.

Как бы то ни было, в декабре 1809 г. принцу Людвигу представился случай посетить пограничные с северными провинциями Баварии земли саксонских герцогств, включая и Хильдбургхаузен, где он побывал 21–24 декабря. Среди дочерей герцога Фридриха решительный выбор кронпринца Людвиг пал на старшую из принцесс Терезию-Шарлотту, и обер-штальмейстер баварского двора барон Карл-Людвиг фон Кесслинг был отправлен в Хильдбургхаузен формально просить руки принцессы для Людвиг³⁵. В январе кронпринц получил согласие от отца невесты, а также и от императора Наполеона как главы Рейнского союза. Отдельные существенные формальности были быстро соблюдены, и свадьба состоялась 12 октября 1811 г. в Мюнхене.

Итак, первому опыту русско-баварского брачного союза не сопутствовал успех, — слишком велики оказались препятствия большой политики — но Российский Императорский и Баварский королевский дома все-таки породнились: это случилось благодаря бракосочетанию дочери баварского короля Шарлотты-Августы с принцем Фридрихом-Вильгельмом Вюртембергским в июне 1808 г., о чем король сообщил Александру I 9 июня 1808³⁶. Несомненно, императрице Марии Феодоровне, которая, будучи принцессой Вюртембергской, вышла замуж на великого князя Павла Петровича, этот брак был приятен во всех отношениях. После Тильзитского мира, который сделал Баварию как союзницу Франции союзницей России, баварская миссия в Петербурге в полной мере возобновила свою деятельность. В январе 1809 г. посланник Ф.-Г. де Брэ присутствовал на бракосочетании великой княжны Екатерины Павловны с принцем Гольштейн-Ольденбургским Георгом.

В 1812 г. прервались отношения между Баварией и Россией, но после победы над Францией они были восстановлены на прежней основе и поддержи-

³⁴ *Herre Fr.* Ludwig I. Ein Romantiker auf Bayernsthron. Stuttgart–Leipzig: Hohenheim Verlag, 2005. S. 90–91.

³⁵ *Montgelas M. von.* Denkwürdigkeiten des bayerischen Staatsministers Maximilian Grafen von Montgelas (1799–1817). Stuttgart: Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, S. 234.

³⁶ АВП РИ. Ф. Канцелярия. 1808. Оп. 468. № 6021.

вались вплоть до 1918 г. Что касается описанного выше «баварского» акцента в российско-немецких династических отношениях, то он так и остался бы уникальным опытом, если бы в 1839 г. между Россией и Баварией не был заключен брачный союз в лице Максимилиана герцога Лейхтенбергского и великой княжны Марии Николаевны.

References

- Adalbert Prinz von Bayern.* Max I. Joseph von Bayern. Pfalzgraf, Kurfürst und König. München, 1957.
France–Bayern. Bayern und Frankreich. Wege und Begegnungen. 1000 Jahre bayerisch-französische Beziehungen. Paris: Biro éditeur, 2006.
Gollwitzer H. Ludwig I. von Bayern. Königtum im Vormärz. Eine politische Biographie. München: Süddeutscher Verlag GmbH, 1987.
Herre Fr. Ludwig I. Ein Romantiker auf Bayernsthron. Stuttgart–Leipzig: Hohenheim Verlag, 2005.
Iskül' S. N. Vnešnââ politika Rossii i germanskije gosudarstva (1801–1812). М.: Индик, 2007.
Weis E. Die politischen und historischen Auffassungen Ludwigs I. in der Kronprinzenzeit // «Vorwärts, vorwärts sollst du schauen...» Geschichte Politik und Kunst unter Ludwig I. München, 1986.

Список литературы

- Искюль С. Н.* Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М.: Индик, 2007.
Adalbert Prinz von Bayern. Max I. Joseph von Bayern. Pfalzgraf, Kurfürst und König. München, 1957.
France–Bayern. Bayern und Frankreich. Wege und Begegnungen. 1000 Jahre bayerisch-französische Beziehungen. Paris: Biro éditeur, 2006.
Gollwitzer H. Ludwig I. von Bayern. Königtum im Vormärz. Eine politische Biographie. München: Süddeutscher Verlag GmbH, 1987.
Herre Fr. Ludwig I. Ein Romantiker auf Bayernsthron. Stuttgart–Leipzig: Hohenheim Verlag, 2005.
Weis E. Die politischen und historischen Auffassungen Ludwigs I. in der Kronprinzenzeit // «Vorwärts, vorwärts sollst du schauen...» Geschichte Politik und Kunst unter Ludwig I. München, 1986.

А. А. Ефимов

Малые и малоизвестные строительные проекты Министерства императорского двора в Санкт-Петербурге в 1840-х гг.

Основным направлением строительной деятельности Министерства императорского двора на территории Санкт-Петербурга с момента его основания и вплоть до Февральской революции было возведение резиденций для членов императорской фамилии. Однако под наблюдением чиновников Придворного ведомства возводились здания самого разного назначения и даже ведомственной принадлежности. Период 1840-х гг. стал самым насыщенным как по числу проектов, воплощенных под руководством представителей Министерства императорского двора, так и по их функциональному назначению. В эти годы при участии Придворного министерства были построены как такие широко известные памятники, как Марининский дворец и Новый Эрмитаж, так и целый ряд менее известных, но, возможно, не менее интересных зданий и сооружений.

Одной из малоизвестных сторон архитектурно-строительной деятельности Министерства императорского двора в середине XIX в. было участие ведомства в храмовом строительстве. В частности, под руководством сотрудников Кабинета Е. И. В. на Благовещенской площади (пл. Труда) была построена церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы в лейб-гвардии Конном полку, которая заменила полковой храм¹, размещавшийся в здании казарм². Проектирование и непосредственное управление работами Николай I

¹ Копия письма-распоряжения Николая I П. М. Волконскому о строительстве новой церкви для лейб-гвардии Конного полка, 2 февраля 1843 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 426. Л. 9.

² Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка 1731–1849: В 4 ч. СПб., 1849. Ч. 1. С. 321.

возложил на К. А. Тона³, состоявшего с начала 1828 г. при Кабинете Е. И. В.⁴ Этот зодчий, отмеченный императором еще в 1830 г. за свой первый храмовый проект — церковь Святой великомученицы Екатерины⁵, и получивший к 1838 г. право именовать себя «архитектором Его Императорского Величества»⁶, был главным специалистом по храмовому строительству в России того времени.

Для выполнения нового заказа архитектор взял за основу один из своих проектов, изданных альбомом в 1838 г., получивших в 1841 г. высочайшее одобрение и рекомендованных как образцовые⁷. Непосредственно рабочий проект церкви был утвержден императором 29 декабря 1842 г.⁸ Помощником архитектора стал академик архитектуры (с 1845 г.) Г. Х. Штегеман⁹.

Строительство было поручено членам Кабинета распоряжением государя. Тем же повелением предписывалось для рассмотрения вопросов, связанных с возведением этого здания, включить в состав учреждения командира полка и полкового священника¹⁰.

Произвести работы предполагалось в течение пяти лет с покрытием расходов из средств церковной суммы с возмещением недостающего капитала из денег Кабинета Е. И. В. При этом уже предварительный сметный расчет показал, что основные расходы понесет именно Кабинет Е. И. В.¹¹, которому надлежало выплатить около 290 тыс. руб. из планировавшихся к ассигнованию 300 тыс. руб.¹²

³ *Исаченко В. Г.* По малым рекам и каналам. СПб., 2004. С. 34; *Крюковских А. П.* Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 180; *Длужневская Г. В.* Утраченные храмы Петербурга. СПб., 2003. С. 124; *Шульц С. С.* Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 123.

⁴ Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. СПб., 1996. С. 301; [Б. а.] К. А. Тон // Неделя строителя. 1894. № 45. С. 228; *Кириков Б. М., Штиглиц М. С.* Петербург немецких архитекторов. СПб., 2002. С. 108.

⁵ *Пунин А. Л.* 1) Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990. С. 48–49; 2) Архитектура Петербурга середины и второй половины XIX века. СПб., 2011. Т. 1: 1830–1860-е. Ранняя эклектика. С. 83–85; *Славина Т. А.* 1) Константин Тон (Зодчие нашего города) Л., 1982. С. 32; 2) Константин Тон (Мастера архитектуры). Л., 1989. С. 36–37.

⁶ С такой записью в названии издается альбом проектов церквей К. А. Тона в 1838 г. (см. *Кириченко Е. И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982. С. 116).

⁷ *Кани П. Я.* Площадь Труда. Л., 1981. С. 46; *Кириченко Е. И.* Русская архитектура 1830–1910-х годов. С. 116–117; *Пунин А. Л.* Архитектура Петербурга середины и второй половины XIX века. Т. 1: 1830–1860-е. Ранняя эклектика. С. 87.

⁸ *Лисовский В. Г.* Архитектурный комплекс Благовещенской площади / Памятники истории и культуры Петербурга. Вып. 5. СПб., 2000. С. 144.

⁹ *Антонов В. В., Кобак А. В.* Полковые храмы Петербурга / Невский архив. Вып. 1. СПб., 1993. С. 187; *Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 157.

¹⁰ Копия письма-распоряжения Николая I П. М. Волконскому о строительстве новой церкви для лейб-гвардии Конного полка, 2 февраля 1843 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 426. Л. 9.

¹¹ *Цитович Г. А.* Храмы армии и флота. Пятигорск, 1913. С. 52–53.

¹² Копия письма-распоряжения Николая I П. М. Волконскому о строительстве новой церкви для лейб-гвардии Конного полка, 2 февраля 1843 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 426. Л. 9 — 9 об.; Исчисление о сумме на построение церкви лейб-гвардии Конного полка, [1843–1849 гг.] // Там же. Л. 213 об.

Для размещения храма предусматривалось занять участок углового корпуса Крюковских магазинов, а для обеспечения подхода и подъезда требовалось пустить на снос часть конюшен Конного полка¹³. Демонтаж конюшен был осуществлен без каких-либо процедурных осложнений весной–летом 1843 г.¹⁴, тогда как Морское министерство, которому принадлежало здание Крюковских магазинов, обратилось в Министерство императорского двора за гарантиями возмещения за изымаемое сооружение. Возникшие с организацией пространства под строительную площадку сложности вынудили обратиться к императору за разрешением на перенос места работ, которое последовало в начале мая 1843 г. Новым местом для церкви назначила плац-парадную площадь лейб-гвардии Конного полка. Здание Крюковских магазинов было передано обратно в Морское ведомство, но вскоре в связи с существовавшим проектом его перестройки по прошению морского министра было передано в ведение Главного управления путей сообщения и публичных зданий (ГУ ПСиПЗ), которое должно было осуществлять реконструкцию. Однако уже через месяц, в июне того же года, строительная площадка высочайшим повелением была перенесена на прежнее место¹⁵.

Возникшая чехарда с размещением здания привела к приостановке 2 июня 1843 г. всех приготовлений, в частности проведения торгов на закупку материалов и производство работ. После принятия окончательного решения о месте строительства потребовалось потратить около месяца на выбор подрядчика на снос углового корпуса Крюковских магазинов. Подготовка строительной площадки со сносом зданий и уборкой мусора была проведена в течение лета того же года. При этом для урегулирования правового статуса работ после отправки соответствующего прошения было получено сообщение от Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора о сделанном им распоряжении полиции не препятствовать строительству¹⁶.

¹³ Рапорт К. А. Тона в Кабинет Е. И. В., 20 января 1843 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 427. Л. 2.

¹⁴ Отношение Строительной части Департамента военных поселений Военного министерства в Кабинет Е. И. В., 9 февраля 1843 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 427. Л. 15.

¹⁵ Отношение Морского министерства министру Императорского двора, 8 февраля 1843 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 427. Л. 14; Внутреннее распоряжение Кабинета Е. И. В. «Комиссии о сооружении церкви лейб-гвардии в Конном полку», 1 мая 1843 г. // Там же. Л. 36; Отношение Морского министерства министру Императорского двора, 14 мая 1843 г. // Там же. Л. 42; Отношение ГУ ПСиПЗ министру Императорского двора, 11 июня 1843 г. // Там же. Л. 45.

¹⁶ Выписка из Журнала Кабинета Е. И. В. от 14 июня 1843 г., Там же. Л. 66. Отношение Строительного отделения Кабинета Е. И. В. к Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору, 3 июля 1843 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 427. Л. 47; Отношение Кабинета Е. И. В. главноуправляющему ПСиПЗ, 12 июля 1843 г. // Там же. Л. 68; Рапорт Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора министру Императорского двора, 7 июля 1843 г. // Там же. Л. 70; Отношение ГУ ПСиПЗ министру Императорского двора, 14 июля 1843 г. // Там же. Л. 71.

Непосредственно само возведение церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы началось в середине августа 1843 г., а торжественная закладка состоялась 2 июля 1844 г.¹⁷ При этом большинство авторов некорректно принимают дату торжественной закладки за дату начала работ¹⁸. Строительство продолжалось более пяти лет. Храм, освященный 20 марта 1849 г., был выполнен в виде продолговатого креста с полуциркульным алтарем и был увенчан пятью куполами¹⁹.

Согласно первоначальному расчету, возведение новой полковой церкви должно было потребовать выделения примерно 322 500 руб. Проведенное сокращение суммы сметных расходов дало сокращение на 50 тыс. руб. Тем не менее уложиться в отведенные 300 тыс. руб. не удалось, и с учетом сверхсметных расходов, дополнительных выплат и вычетов на строительство было потрачено чуть более 311 тыс. руб.²⁰

При этом для храма по словесному высочайшему повелению 20 апреля 1849 г. было сделано исключение, освободившее здание от обязательного по Строительному уставу освидетельствования Строительной комиссией. Однако через два дня государем было принято решение поручить Главному управляющему путями сообщений и публичными зданиями П. А. Клейнмихелю создать комиссию для освидетельствования церкви лейб-гвардии Конного полка²¹. Согласно рапорту архитектора К. Тона, освидетельствование было завершено к 17 мая 1849 г.²² Непосредственно в ведение полка храм перешел после 18 мая 1849 г., когда министр императорского двора князь П. М. Волконский обратился к военному министру с просьбой распорядиться о приеме здания от смотрителя по описям²³. Таким образом, строительство этого храма по целому ряду разнообразных причин заняло более пяти с половиной лет.

В то время как участие Придворного ведомства в строительстве храмов гвардейских полков может быть объяснено их статусом и формальной

¹⁷ Краткий отчет о строительстве церкви лейб-гвардии Конного полка, [январь 1850 г.] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 439. Л. 5–6.

¹⁸ *Кани П. Я.* Площадь Труда. С. 46; *Шульц С. С.* Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. С. 123.

¹⁹ Краткий отчет о строительстве церкви лейб-гвардии Конного полка, [январь 1850 г.] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 439. Л. 5–6.

²⁰ Примерное исчисление на сооружение церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы лейб-гвардии в Конном полку, [1843 г.] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 426. Л. 5–8; Исчисление о сумме на построение церкви лейб-гвардии Конного полка, [1849] // Там же. Л. 213–214, 216.

²¹ Выписка из Журнала Кабинета Е. И. В. от 20 апреля 1849 «О словесном высочайшем повелении сооруженную для лейб-гвардии Конного полка церковь не подвергать никакому свидетельству» // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 438. Л. 1–2 об.; Отношение Кабинета Е. И. В. к главному управляющему ПСиПЗ, 22 апреля 1849 г. // Там же. Л. 3.

²² Рапорт К. А. Тона в Кабинет Е. И. В., 17 мая 1849 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 439. Л. 1.

²³ Отношение министра Императорского двора П. М. Волконского военному министру, 18 мая 1849 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 439. Л. 2.

включенностью в состав полка кого-либо из членов императорской семьи как шефа данного воинского подразделения, возведение под наблюдением чиновников Министерства императорского двора лечебных учреждений в Санкт-Петербурге осуществлялось в рамках благотворительной деятельности царской семьи. Так, во второй половине 1840-х гг. под руководством Строительной комиссии Кабинета Е. И. В. была построена женская больница в память великой княгини Александры Николаевны²⁴, разместившаяся на Надеждинской (Маяковского) улице²⁵.

Предполагалось создание лечебного учреждения, рассчитанного на прием 50 пациентов с обустройством отдельной палаты для беременных и родильной комнаты. Кроме того, при больнице должна была быть устроена церковь²⁶. Помимо самого двухэтажного здания лечебницы²⁷ с централизованным отоплением аммосовскими печами требовалось построить флигель для служащих, а также провести комплексное благоустройство территории с установкой заборов, разбивкой напротив больницы сквера и мощением дорог²⁸.

Первоначальный штат руководства строительством больницы включал в себя главного архитектора с помощником, каменных дел мастера, комиссара-письмоводителя, а также десятника, вахтера и трех сторожей²⁹.

На сооружение стационара, согласно первоначальной смете архитектора А. П. Брюллова, которому поручили ее строительство, предполагалось выделить 135 855 руб. 50 коп. серебром. По результатам проверки этих расчетов, проведенной архитектором Карло Росси, сумма была сокращена до 109 773 руб. 90 коп. серебром. Общие расходы на создание больницы с учетом средств на ее обустройство и обеспечение инвентарем составили, согласно утвержденной строительной комиссией при Кабинете Е. И. В. смете, 118 086 руб. 16 коп. серебром³⁰.

Строительство лечебницы производилось на частные средства, полученные от членов императорской фамилии: принца Гессенского, наследника и его

²⁴ Примерное исчисление на постройку женской больницы в память в бозе почивающей е. и. в. в. к. Александры Николаевны, [декабрь 1844 г.] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 404. Л. 4; Отношение Канцелярии МИДв Кабинету Е. И. В., 11 декабря 1844 г. // Там же. Л. 5.

²⁵ Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. СПб., 2010. С. 75.

²⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 404. Л. 2.

²⁷ Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. С. 75.

²⁸ Сведение о сумме, употребленной на построение больницы и оставшейся в наличности (Выписка о заседании Комитета, высочайше учрежденного для устройства богоугодного заведения в память г. в. к. Александры Николаевны, 16 января 1845 г.) // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 409. Л. 1.

²⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 404. Л. 14.

³⁰ Сведение о сумме, употребленной на построение больницы и оставшейся в наличности (Выписка о заседании Комитета, высочайше учрежденного для устройства богоугодного заведения в память г. в. к. Александры Николаевны, 16 января 1845 г.) // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 409. Л. 1 — 1 об.

супруги, а также из процентов с капиталов покойной великой княгини Александры Николаевны³¹.

При этом оформление документации согласно распоряжению министра требовалось производить так, чтобы объем необходимых для постройки материалов рассчитывался на основании урочного положения, а их стоимость и цены на работы основывались на справочных ценах или являлись результатом проведенного обзора текущих цен. От архитектора требовалось совместно со сметой представить и проекты договоров на производство работ и поставку материалов³².

Для обеспечения проезда предполагалось проложить от Невского проспекта в сторону Итальянской улицы (улица Жуковского) новую улицу, для чего проведена была оценка двух соседних домовладений³³. Однако от предполагавшегося устройства новой улицы было решено отказаться ради строительства здания для Павловского женского института на Знаменской улице³⁴. Доступ к лечебному заведению был обеспечен со стороны Итальянской улицы³⁵ после приобретения у генерал-майора Рерберга за 7500 руб.³⁶ деревянного дома, на месте которого была устроена подъездная дорога³⁷.

Постройка больницы обошлась в 123 500 руб. серебром³⁸ и была завершена к началу августа 1848 г. Лечебница поступила в ведомство Санкт-Петербургского опекунского совета 9 августа того же года³⁹. Таким образом Придворное ведомство внесло свой вклад в повышение уровня медицинского обеспечения жителей столицы Российской империи.

Известно, что Министерство императорского двора принимало участие в строительстве императорских петербургских театров — Александринского, Михайловского и Мариинского. Однако Придворное ведомство занималось возведением в столице и другого типа культурно-развлекательных учреждений.

³¹ Сведение о сумме, употребленной на построение больницы и оставшейся в наличности // Там же. Л. 4.

³² Предложение Кабинета Е. И. В. архитектору А. П. Брюллову, 30 января 1845 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 404. Л. 12.

³³ Отношение ГУ ПСиПЗ в Кабинет Е. И. В., 26 февраля 1852 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 406. Л. 101 — 101 об.

³⁴ *Пушин А. Л.* Архитектура Петербурга середины XIX века. С. 159.

³⁵ Отношение Канцелярии МИДв к Кабинету Е. И. В., 5 февраля 1845 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 406. Л. 1, 4.

³⁶ Отношение Кабинета Е. И. В. к архитектору А. П. Брюллову, 19 февраля 1845 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 406. Л. 11.

³⁷ О проданном деревянном доме на снос. Доклад Кабинета Е. И. В., [февраль 1852 г.] // Там же. Л. 81.

³⁸ Сведение о сумме, употребленной на построение больницы и оставшейся в наличности, [1845–1848] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 409.

³⁹ Рапорт А. П. Брюллова в Кабинет Е. И. В., [август 1848 г.] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 404. Л. 149.

Так, на площади Большого театра (Театральная площадь) на месте цирка Гверра при его активном участии появился новый каменный цирк с конюшнями и забором. Проект этого здания, подготовленный архитектором А. К. Кавосом, состоявшим с июля 1835 г. на службе в Дирекции Санкт-Петербургских императорских театров⁴⁰, был утвержден Николаем I 13 июня 1847 г. При этом государь требовал, чтобы владелец прежнего цирка, Гверра, как можно скорее снес свою постройку и чтобы новое строение было подведено под крышу до конца 1847 г.⁴¹

Строительство цирка, согласно прилагавшейся смете, должно было обойтись в 216 070 руб., из которых 202 840 руб. выделялось на само здание цирка и 13 230 руб. на установку каменного забора вокруг него. Эти средства выделялись из Департамента уделов, а первый транш в 100 000 руб. должен был поступить в середине июня 1847 г., т. е. сразу же после одобрения проекта⁴².

В конце июня 1847 г. право постройки было передано по оптовому подряду купцу 1-й гильдии почетному гражданину Николаю Степановичу Тарасову⁴³ за округленную сметную сумму в 216 тыс. руб.⁴⁴ Торжественная закладка с установкой позолоченной закладной доски, водосвятием и окроплением места работ состоялась в середине июля 1847 г.⁴⁵

Для помощи А. К. Кавосу в руководстве возведением здания был сформирован небольшой штат, включавший помощника архитектора, чертежника, двух десятников и двух сторожей⁴⁶.

Распоряжение императора о сроках сооружения здания было исполнено, и в конце октября 1847 г. архитектор докладывал, что строительство вчерне закончено и зимой 1847–1848 гг. предстоит просушка внутренних стен⁴⁷.

В конце февраля 1848 г. А. К. Кавос, сославшись на требования Поля Кюзана, назначенного главным режиссером будущего цирка, представил вниманию министра императорского двора дополнительно проект и две сметы на возве-

⁴⁰ О службе архитектора действительного статского советника Альберта Кавоса // РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 6775.

⁴¹ Отношение МИДв Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору, [июнь 1847 г.] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 418. Л. 1 — 1 об.; Распоряжение Канцелярии МИД в Строительной комиссии, 14 июня 1847 г. // Там же. Л. 10 — 10 об.

⁴² Распоряжение Канцелярии МИДв Строительной комиссии, 14 июня 1847 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 418. Л. 10 — 10 об., Смета строительства Театра-цирка, [июнь 1847 г.] // Там же. Л. 87, 94.

⁴³ *Оффенгейм А. Т.* Семья Тарасовых в Петербурге: XVIII — начало XX века // История Петербурга. 2003. № 3 (13). С. 42.

⁴⁴ [О предоставлении подряда по строительству Театра-цирка Н. С. Тарасову], [24 июня 1847 г.] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 418. Л. 132 — 132 об.

⁴⁵ *Николаева Т. И.* 1) Театральная площадь. Л., 1984. С. 108; 2) Театральная площадь. М., 2010. С. 175.

⁴⁶ Штат руководства строительством Театра-цирка, [январь–февраль 1849 г.] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 418. Л. 530.

⁴⁷ *Николаева Т. И.* 1) Театральная площадь. С. 109; 2) Театральная площадь. С. 176.

дение при новом цирке манежа, а также кладовых для хранения овса с сеновалами и мастерскими. Согласно новым сметам, на круглый манеж следовало бы потратить 17 800 руб.; на квадратный — 13 500 руб., а на кладовые с сеновалами и мастерскими — 19 700 руб. Кроме того, общество газового освещения представило свой расчет стоимости монтажа осветительных приборов с подводом топлива на 30 500 руб., альтернативой которому могло бы служить ламповое освещение, стоившее 5700 руб. Представленные на рассмотрение Николая I все эти дополнительные расходы были им отвергнуты, а архитектору министром императорского двора было передано замечание государя, интересовавшегося, «зачем первоначально о сем не представлено вместе с проектом постройки цирка»⁴⁸.

В конце сентября 1848 г. А. К. Кавос обратился в Строительную комиссию Кабинета Е. И. В. с предложением об укладке на прилегающей к зданию цирка территории торцовой мостовой общей площадью до 350 кв. саженей. Согласно сделанным расчетам, на это потребовалось бы 2800 руб. серебром исходя из цены в 8 руб. за кв. сажень. Эта инициатива в начале октября была представлена министром императорского двора императору, который распорядился о ее воплощении в жизнь и лично очертил место для установки торцов. При этом было поставлено условие, что деньги будут выделены из Кабинета Е. И. В. только в пределах запрошенной суммы, а выдаваться будут постепенно по мере продвижения работ⁴⁹.

Возведение и последующая отделка здания цирка заняли в общей сложности около полутора лет и должны были закончиться к 15 ноября 1848 г., однако разразившаяся в городе эпидемия холеры замедлила ход работ из-за вынужденного ухода рабочих по деревням. При этом подрядчик утверждал, что принимал все возможные меры к найму рабочих и даже понес убытки, выплачивая мастерам повышенное жалование. Тем не менее, он не видел возможности окончить строительство ранее декабря. Министр императорского двора всё же настаивал на соблюдении ранее установленных сроков⁵⁰.

Выполнить указание главы Придворного ведомства не удалось, и здание цирка оказалось готово к приемке лишь в середине января 1849 г., т.е. даже позднее заявленных подрядчиком сроков. Освидетельствование окончания постройки было произведено комиссией Ведомства путей сообщения и публичных зданий 25 января 1849 г., а 29 января архитектор А. К. Кавос направил

⁴⁸ О постройке манежа, кладовых и сараев и о проводке газового освещения, [февраль 1848 г.] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 422.

⁴⁹ Доклад Строительной комиссии министру Императорского двора, 28 сентября 1848 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 424. Л. 2 — 2 об.; Распоряжение Строительной комиссии архитектору А. Кавосу, 2 октября 1848 г. // Там же. Л. 3—4.

⁵⁰ О причинах, по которым купец Тарасов не может окончить постройку цирка к сроку, [доклад Строительной комиссии], [ноябрь 1848 г.] // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 418. Л. 381 — 381 об.

в Кабинет Е. И. В. рапорт об окончании строительства⁵¹. Однако официальный переход цирка в ведение Дирекции Императорских театров, согласно архивным документам, состоялся лишь в середине февраля 1849 г., когда подрядчик Николай Тарасов по приемо-сдаточной описи передал здание смотрителю Лебедеву⁵², и указанные в литературе даты, включающие 1847 г.; 20 января 1849 г.; 25 апреля 1849 г., не соответствуют действительности⁵³.

Построенный Театр-цирк создал новый архитектурный акцент на площади, но несколько принизил значение Большого театра, отрезав его и всю площадь от Крюкова канала. Новое здание имело сложную структуру: основной объем, включавший большое фойе, сцену, зрительный зал и подсобные помещения, и примыкавшие к нему с двух сторон конюшни цирковых лошадей⁵⁴.

Вероятно, это здание стало последним проектом, реализованным Придворным ведомством в первой половине XIX столетия на территории Санкт-Петербурга.

References

- Annenkov I. V.* Istoriya Leib-gvardii Konnogo polka 1731–1849: V 4 ch. SPb., 1849. Ch. 1.
Antonov V. V., Kobak A. V. Polkovye khramy Peterburga // Nevskii arkhiv. Vyp. 1. SPb., 1993. S. 173–203. Arkhitektory-stroiteli Sankt-Peterburga serediny XIX – nachala XX veka. SPb., 1996.
 [B.a.] K. A. Ton // Nedelya stroitelya. 1894. № 45. S. 227–229.
Budko A. A. Istoriya meditsiny Sankt-Peterburga XIX – nachala XX v. SPb., 2010.
Grech A. N. Ves' Peterburg v karmane. SPb., 1851.
Dluzhnevskaya G. V. Utrachennye khramy Peterburga. SPb., 2003.
Zuev G. I. Peterburgskaya Kolonna. M.–SPb., 2007.
Isachenko V. G. Po malym rekam i kanalarn. SPb., 2004.
Kann P. Ya. Ploshchad' Truda. L., 1981.
Kirikov B. M., Shtiglits M. S. Peterburg nemetskikh arkhitektorov. SPb., 2002.
Kirichenko E. I. Russkaya arkhitektura 1830–1910-kh godov. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1982.
Kobak A. V. Svyatyni Sankt-Peterburga. SPb., 2010.
Kryukovskikh A. P. Khramy Sankt-Peterburga. SPb., 2004.
Lisovskii V. G. Arkhitekturnyi kompleks Blagoveshchenskoj ploshchadi // Pamyatniki istorii i kul'tury Peterburga. Vyp. 5. SPb., 2000. S. 145–147.
Nikolaeva T. I. Teatral'naya ploshchad'. L., 1984.
Nikolaeva T. I. Teatral'naya ploshchad'. M., 2010.
Ofengeim A. T. Sem'ya Tarasovykh v Peterburge: XVIII – nachalo XX veka // Istoriya Peterburga. 2003. № 3 (13). S. 40–46.
Petrovskaya I. F., Somina V. V. Teatral'nyi Peterburg: Nachalo XVIII veka – oktyabr' 1917 goda. SPb., 1994.

⁵¹ Распоряжение Кабинета Е. И. В. архитектору А. Кавосу, 20 января 1849 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 418. Л. 439; Отношение Дирекции императорских театров к Кабинету Е. И. В., 26 января 1849 г. // Там же. Л. 443; Акт об освидетельствовании оконченого постройки нового каменного в СПб цирка, 25 января 1849 г. // Там же. Л. 445–451; Рапорт архитектора А. Кавоса в Кабинет Е. И. В., [30 января 1849 г.] // Там же. Л. 528.

⁵² Рапорт архитектора А. Кавоса в Кабинет Е. И. В., 21 февраля 1849 г. // Там же. Л. 534.

⁵³ *Grech A. N.* Весь Петербург в кармане. СПб., 1851. С. 568; *Zuev G. I.* Петербургская Колонна. М.–СПб., 2007. С. 211; *Isachenko V. G.* По малым рекам и каналам. С. 52; *Петровская И. Ф., Сомина В. В.* Театральный Петербург: Начало XVIII века – октябрь 1917 года. СПб., 1994. С. 156.

⁵⁴ *Тарановская М. З.* Архитектура театров Ленинграда. Л., 1988. С. 132.

- Punin A. L.* Arkhitektura Peterburga serediny XIX veka. L., 1990.
Punin A. L. Arkhitektura Peterburga serediny i vtoroi poloviny XIX veka. SPb., 2011. T. 1: 1830–1860-e. Rannaya eklektika.
Slavina T. A. Konstantin Ton (Zodchie nashego goroda). L., 1982.
Slavina T. A. Konstantin Ton (Mastera arkhitektury). L., 1989.
Taranovskaya M. Z. Arkhitektura teatrov Leningrada. L., 1988.
Tsitovich G. A. Khramy armii i flota. Pyatigorsk, 1913.
Shul'ts S. S. Khramy Sankt-Peterburga. Istoriya i sovremennost'. SPb., 1994.

Список литературы

- [Б. а.] К. А. Тон // Неделя строителя. 1894. № 45.
Анненков И. В. История Лейб-гвардии Конного полка 1731–1849: В 4 ч. СПб., 1849. Ч. 1.
Антонов В. В., Кобак А. В. Полковые храмы Петербурга // Невский архив. Вып. 1. СПб., 1993. С. 173–203.
 Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX века. СПб., 1996.
Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. СПб., 2010.
Греч А. Н. Весь Петербург в кармане. СПб., 1851.
Длужневская Г. В. Утраченные храмы Петербурга. СПб., 2003.
Зуев Г. И. Петербургская Коломна. М.–СПб., 2007.
Исаченко В. Г. По малым рекам и каналам. СПб., 2004.
Канн П. Я. Площадь Труда. Л., 1981.
Кириков Б. М., Штиглиц М. С. Петербург немецких архитекторов. СПб., 2002.
Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982.
Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 2010.
Крюковских А. П. Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 2004.
Лисовский В. Г. Архитектурный комплекс Благовещенской площади // Памятники истории и культуры Петербурга. Вып. 5. СПб., 2000. С. 145–147.
Николаева Т. И. Театральная площадь. Л., 1984.
Николаева Т. И. Театральная площадь. М., 2010.
Петровская И. Ф., Сомина В. В. Театральный Петербург: Начало XVIII века — октябрь 1917 года. СПб., 1994.
Пушин А. Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. Л., 1990.
Пушин А. Л. Архитектура Петербурга середины и второй половины XIX века. СПб., 2011. Т. 1: 1830–1860-е. Ранняя эклектика.
Славина Т. А. Константин Тон. (Зодчие нашего города) Л., 1982.
Славина Т. А. Константин Тон. (Мастера архитектуры). Л., 1989.
Цитович Г. А. Храмы армии и флота. Пятигорск, 1913.
Шульц С. С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994.

Д. В. Тимофеев

**Варианты решения крепостного вопроса
в России первой четверти XIX в.:
Опыт сравнительного анализа
«недозволенных речей»,
прошений и дворянских проектов**

В начале XIX в. вопрос о положении крепостных крестьян в России становится одной из актуальных тем для обсуждения как в рамках публичных дискуссий на страницах российских журналов, так и на уровне формальных, но закрытых от общества заседаний в Негласном комитете, Государственном совете, особых комитетах и комиссиях¹. Существовая относительно независимо друг от друга, оба эти уровня осмысления проблемы сформировали общее негативное неприятие «рабства» как несовместимого с нормами христианской морали явления, а также порождали определенные надежды и опасения, связанные с возможным освобождением крепостных крестьян. Дополнительным фактором, укреплявшим ожидания преобразований, было издание указа 12 декабря 1801 г., в соответствии с которым всем

¹ См. подробнее: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888; *Мироенко С. В.* Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 65–75, 119–136; *Жуковская Т. Н.* Дворянский либерализм при Александре I: Споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х гг. Петрозаводск, 2002. С. 2–42; *Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России XVIII — начале XXI в. М., 2005; *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск: Пирс, 2006.

лицам «свободных состояний», включая государственных крестьян, было даровано право приобретения ненаселенных участков земли, и указа 20 февраля 1803 г. «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий, на обоюдном согласии основанных»². На фоне либеральных заявлений Александра I любые, даже самые незначительные изменения в российском законодательстве воспринимались как свидетельство интереса верховной власти к крестьянскому вопросу. В сложившейся обстановке ожидания социальных преобразований, с одной стороны, порождали множество слухов и домыслов о намерениях верховной власти и наиболее вероятных условиях освобождения, а с другой — служили дополнительным стимулом для представителей либерально настроенной части дворянства предложить императору свои соображения по крестьянскому вопросу. Одновременное существование как формальных, так и неформальных каналов «обсуждения» крестьянского вопроса обуславливает необходимость проведения сравнительного анализа содержания слухов, прошений и дворянских проектов с целью выявления ожидаемых «сценариев освобождения» крестьян в России первой четверти XIX в.

Сценарии освобождения крестьян: слухи и анонимные записки

Проведенный анализ содержания «недозволенных речений», слухов и записок выявил два основных типа сценариев ликвидации «рабства» крестьян. Первый из них был сформирован в связи с внешнеполитическими обстоятельствами и предполагал, что свобода крестьянам будет дана не российскими властями или помещиками, а в результате действий Наполеона. Именно такие настроения зафиксированы в архивных материалах учрежденного 13 января 1807 г. особого «Комитета охранения общей безопасности». Так, например, куцер надворного советника Тузова А. Корнилов распространял слухи о том, что «француз хочет взять Россию и сделать всех вольными», а Наполеон в письме к Александру I потребовал, «чтоб освободил всех крепостных», а иначе «война будет всегда»³.

Поскольку культурные механизмы распространения слухов не предполагают каких-либо сословных или внутрисословных перегородок, их содержание достаточно быстро становилось известно губернским властям. В данном контексте интересным является дело о крестьянине Афанасии Артемьеве, возбужденное по доносу губернского секретаря Гаврилы Колеухова, который

² См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXVI, № 20075. С. 862–863; Т. XXVII, № 20620. С. 462–463 (далее — ПСЗ-1).

³ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI. 1807. Д. 4. Л. 1, 13.

в личном разговоре на постоялом дворе «открыл ему... что-де слухи происходят, яко французы заверяют чернь, что их в продолжающейся ныне войне не будут нималейше трогать, а только де будут истреблять господ помещиков, дабы облегчить чернь от притеснения и сделать одного государя, а то-де в России оных много»⁴. Широкое «хождение» слухи о намерении французов освободить крестьян получили зимой 1807 г. в западных и северо-западных губерниях Российской империи и нередко дополнялись элементами национально-освободительного характера. О содержании и направленности такого рода слухов свидетельствует рапорт Лифляндского губернского прокурора Риземана министру внутренних дел В. П. Кочубею, в котором сообщалось, что живущий в мызе Куркунд крестьянин Ян Вейкюлла, находясь в Цитенгорской корчме, говорил: «...французы отнюдь не суть наши (т. е. крестьянские) неприятели, а придут только сюда (в Лифляндию), чтоб здешних крестьян освободить от рабства, и что при подобном случае должно будет истребить в деревнях всех жительствоющих там немцев»⁵. Конечно, национальная составляющая в «недозволенных речах» лифляндского крестьянина была обусловлена целым рядом социокультурных причин и исторически сложившихся обстоятельств. Все эти причины, безусловно, заслуживают отдельного рассмотрения. В рамках же настоящего исследования принципиально важным является сам факт существования сценария «внешнего освобождения» крестьян.

Аналогичные ожидания на уровне слухов и недозволенных речей возникали весной 1812 г. и в центральных губерниях Российской империи. Так, например, о распространении сценария «внешнего освобождения» свидетельствуют материалы следствия по делу о дворовых людях Афанасии Медведеве и Петре Иванове, которые в марте 1812 г. распространяли слухи о том, что «Москву возьмут французы» и «скоро все будут вольными, а помещики ж будут на жаловании»⁶. При этом А. Медведев, желая убедить следователей в своей невинности, утверждал, что он всего лишь передал Иванову содержание услышанного им случайно на Ильинской улице разговора десяти неизвестных людей.

В общем виде основанием для появления сценария «внешнего освобождения» была информация о действиях Наполеона в отношении крестьян на занятых им территориях. Действительно, в созданном под протекторатом Наполеона и формально возглавляемом королем Фридрихом-Августом Герцогстве Варшавском крестьяне получили личную свободу⁷. И хотя юридически они не получили ни земельных участков, ни права собственности на жилые строения и сельский инвентарь, российские крестьяне приграничных губерний, не имея достоверной информации о действительном положении дел, воспри-

⁴ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI. 1807. Д. 18. Л. 7–8.

⁵ Там же. Д. 23. Л. 3.

⁶ Там же. 1812. Д. 1. Л. 1–2.

⁷ *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 172.

нимали такую «свободу» как желанную перспективу, реализация которой возможна в результате внешнего завоевания.

Второй тип сценария освобождения, который прослеживается при сопоставлении содержания слухов и составленных от лица крестьян анонимных записок, предполагал освобождение крепостных и дворовых людей по инициативе российского императора. Особенно отчетливо ожидания освобождения крестьян по прямому указанию государя проявились весной 1815 г. В одном из секретных донесений из Москвы сообщалось, что под воздействием слухов об издании императором манифеста о даровании крестьянам свободы «мужики беспрестанно твердят, что они вольные и многие из деревень выезжают»⁸. Аналогичная ситуация сложилась и в Новгородской губернии: «...некоторые крестьяне совсем бунтуют и в послушание не идут, причина тому ...что будто будет воля», объявление которой они «с часу на час дожидаются»⁹. При этом в донесении местных властей подчеркивалась прямая связь произошедших в поведении крестьян изменений и распространяемых в округе слухов: «...до того слуху исправляли барщину, а ныне никто ничего, и кто хочет, идет на барщину, а кто не хочет, сидит дома»¹⁰.

В распространении подобного рода слухов участвовали не только крестьяне и дворовые люди, но и представители так называемых «свободных состояний». Источником информации мог быть, например, приехавший из столицы офицер или мелкий чиновник. Именно такой вариант распространения слухов был изложен в рапорте из Нижнего Новгорода. Весной 1815 г. капитан гарнизонного батальона Любанский «привез известие о даровании всем помещичьим крестьянам вольности...», о чем, по его словам, был и «Манифест читан в Санктпетербургском Казанском соборе»¹¹. Уже через несколько дней после приезда дворовой человек капитана Любанского Александр Дмитриев «рассказал сию новость недавно определенному в Казенную палату приказному», который поделился информацией с несколькими своими коллегами по службе. В результате местные власти вынуждены были констатировать: чиновники казенной палаты «пустили означенные слухи далее так, что теперь весь город ими преисполнен, и подан способ в некоторых господских домах даже дворовым людям выводить из сего разные толки, могущия послужить нарушениям спокойствия»¹².

Содержательно разнообразные слухи о возможном освобождении крестьян по инициативе государя описывали два варианта развития событий. Первый — освобождение крепостных и дворовых людей посредством перевода их

⁸ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI. 1815. Д. 2. Л. 4.

⁹ Там же. Л. 4 — 4 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 2—3.

¹² Там же.

в разряд государственных крестьян. Так, например, по доносу полицейского Козлова, сын придворного истопника Гаврила Антонов в апреле 1812 г., покупая на Сенной рыбу, представился придворным офицером и призывал продавать ему товар дешевле, «ибо он объявит радостную весть, что по возвращении Государя все крестьяне будут государственные»¹³. Такой сценарий «освобождения от рабства» подразумевал переход на свободные государственные земли, а, следовательно, исключение крестьян из владения помещиков и лишение их права наказывать поселян за незначительные правонарушения.

В некоторых случаях распространители слухов не ограничивались констатацией факта, а дополняли их суждениями о возможных последствиях перевода частновладельческих крестьян в разряд государственных. Утверждалось, что намерение императора лишить помещиков права полного распоряжения крестьянами неизбежно должно было вызывать ожесточенное сопротивление дворянства, вплоть до совершения очередного дворцового переворота. Одним из документов, подтверждающих существование такого рода опасений, является донос коллежского регистратора Ивана Николаева, в котором сообщалось, что канцелярист Нижегородского земского суда Л. Снежицкий, «пришедши в суд, пересказывал за новость слышанное им от неизвестного проезжавшего из Санктпетербурга человека о покушении дворянства на жизнь Его Императорского Величества за намерение отобрать от всех их крестьян в казенное ведомство»¹⁴. По словам анонимного собеседника, «покушение таковое удержано Его Императорским Высочеством Великим князем Константином Павловичем»¹⁵. Таким образом, воспроизводилась мифологема доброго царя-защитника народа, который, несмотря на нежелание помещиков освобождать крестьян, готов идти на открытый конфликт с помещиками.

Второй вариант сценария «освобождения по инициативе российского императора» во многом смягчал обозначенное противоречие между государем и помещиками. В соответствии с ним освобождение крестьян должно было сопровождаться государственной компенсацией помещикам в денежной форме всех потерь от утраты находившихся в их распоряжении работников.

Следует отметить, что идея необходимости выплаты денежной компенсации помещикам была достаточно популярна, о чем свидетельствуют не только донесения о распространении представителями «нижних состояний» слухов, но и тексты всеподданнейших прошений, составленных от имени крестьян. Интересным примером такого документа является «подброшенное на высочайшее имя» весной 1807 г. анонимное прошение. В результате проведенного расследования было установлено, что оно составлено дворовыми людьми графа А. И. Безбородко Иваном, Осипом и Гордеем при активном участии

¹³ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI. 1812. Д. 4. Л. 1.

¹⁴ Там же. 1815. Д. 2. Л. 1–2.

¹⁵ Там же.

коллежского секретаря Федора Дунаева, который «жил неподалеку... неоднократно с ними пивал, и по просьбам их писал к знакомым многие письма»¹⁶. В прошении от лица «бедных рабов господских» императору сообщалось, что крестьяне пришли в «отчаяние, и вскоре сделается бунт»¹⁷. Эмоционально описывая бедственное положение крестьян, авторы зывали к самодержцу: «Умилосердитесь, Батюшка наш Императорское Величество, докуда нам рабам господним и вашим верным подданным пропадать... Повелите... развести большие огни и велите нам всем броситься туда... или, лучше всего, велите нас всех отдать в солдаты. Великая для нас радость, что все мы будем ваши, все государственные»¹⁸. По мере снижения эмоционального напряжения в тексте прошения предлагался наиболее приемлемый, с точки зрения крестьян, вариант освобождения: «Даруйте вы господам нашим денежную суммою и положите им большое жалованье и пенсию, чтоб больше не было у них нас...»¹⁹. В завершение небольшого по объему текста прошения (примерно 2,5 страницы рукописного текста) авторы предлагали ограничить право помещиков наказывать крестьян, и еще раз, отождествляя положение крепостных с положением «рабов», обращались к российскому самодержцу: «Не оставьте наше императорское величество... господских бедных рабов»²⁰. В такой трактовке положение крепостных людей оценивалось негативно, без многочисленных оговорок и ссылок на конкретные обстоятельства или личные качества отдельного помещика, а исторически сложившаяся система личной зависимости крестьян могла быть уничтожена по инициативе монарха и при активном финансовом участии государства.

В целом анализ содержания слухов и анонимных прошений по крепостному вопросу позволяет утверждать, что вне зависимости от того, объявит ли о даровании «свободы» российский император или она будет предоставлена в результате внешнего завоевания, крестьянин не испытывал иллюзий в отношении помещиков, и не ожидал, что инициатором отмены «рабства» может стать их законный владелец. Главный смысловой акцент делался на переходе крестьян под покровительство государя, который, безусловно, позаботился бы и о наделении их необходимым количеством пашенной земли. Именно поэтому на уровне слухов проблема наделения крестьян землей не являлась первостепенной и затрагивалась крайне редко. С этих позиций слухи подобного рода отражали не только патерналистский характер ожиданий, но и отсутствие достоверной информации о том, что имевшиеся в распоряжении «казенного ведомства» земельные ресурсы за исключением отдаленных территорий страны были недостаточны для возможного переселения всех освобождаемых крепостных крестьян.

¹⁶ РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. Т. XVI, 1807. Д. 69. Л. 12, 45.

¹⁷ Там же. Л. 109.

¹⁸ Там же. Л. 109, 110.

¹⁹ Там же. Л. 110.

²⁰ Там же.

Крестьянский вопрос в отражении дворянских прошений и проектов

Вопреки ожиданиям императора Александра I, рассчитывавшего, что после издания указа 20 февраля 1803 г. помещики добровольно начнут освобождать крестьян, дворянство оказалось не готово отказаться от использования подневольного труда крепостных. Основанием для возникновения у императора своеобразной «иллюзии готовности» наиболее просвещенных помещиков добровольно освобождать крестьян было всеподданнейшее прошение графа С. П. Румянцева. В конце 1802 г. он заявил о желании отпустить 199 душ крепостных и предложил Александру I издать указ, в соответствии с которым инициатива личного освобождения земледельцев должна была бы исходить от помещика, а конкретные условия перехода «в особое состояние вольных хлебопашцев» фиксировались в предварительно согласованном с губернскими властями договоре²¹. После обсуждения в Государственном совете предложение С. П. Румянцева стало основой для указа 20 февраля 1803 г.²²

Однако сколько-нибудь масштабной поддержки в дворянских кругах инициатива С. П. Румянцева не получила: с момента издания указа и до декабря 1825 г. было заключено всего около 160 договоров, регламентировавших порядок освобождения крепостных с землей за соответствующее денежное вознаграждение²³. Такое положение, на мой взгляд, было обусловлено общим для всех категорий российских подданных представлением о доминирующей роли государства в решении сложных социально-экономических проблем. В сложившейся ситуации большинство помещиков пассивно ожидало распоряжений верховной власти, и лишь некоторые из них проявляли инициативу в форме разного рода проектов и записок по крестьянскому вопросу.

Патерналистские интенции в подходе к решению крепостной проблемы отчетливо прослеживаются при сопоставлении основных «сценариев» освобождения, циркулировавших на уровне слухов, и содержания проектов, официально

²¹ См.: *Румянцев С. П.* Записка, поданная государю о вольных земледельцах // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII — первой четверти XIX века. Сб. документов / Под ред. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2002. С. 45–48.

²² См.: Журнал заседания Общего собрания Совета 12 января 1805 г. // Архив Государственного Совета. Т. III: Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. С. 783–788.

²³ Общее количество освобожденных крестьян составляло 47 153 «души мужского пола». См. подробнее: *Бирюкович В. В.* Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. I. С. 63–79; *Сергеева Н. И.* Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX — нач. XX в. Л., 1983. С. 57–68; *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России. М., 2003. С. 177; *Мироенко С. В.* Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989. С. 73; *Долгих А. Н.* Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII — первой четверти XIX в. Липецк, 2006. Т. 2. С. 144–175.

представленных помещиками Александру I. Практически все описанные выше варианты за исключением, конечно, «сценария внешнего освобождения» можно обнаружить в текстах дворянских проектов и прошений.

Первый вариант — освобождение крестьян с последующим переводом на государственные земли, хотя и не рассматривался в качестве основного для решения крепостного вопроса в масштабе всей страны, но достаточно часто встречается в индивидуальных прошении помещиков. Анализ некоторых из них позволяет предположить, что помещики, предлагая переселять крестьян на «казенные земли», пытались реализовать наиболее удобный для себя вариант безземельного освобождения крестьян за выкуп. Такой сценарий в 1807 г. был реализован, например, таврическим помещиком штабс-капитаном графом Каховским, освободившим 328 душ без земли за выкуп с рассрочкой платежа на три года и переселением крестьян на земли, принадлежащие государству²⁴. Аналогичный порядок был изложен и в прошении действительного тайного советника В. С. Попова: освобождаемые им «на вечно без земли» 1503 человека вне зависимости от пола и возраста должны были в течение года заплатить по 150 руб.²⁵, после чего они, «оставя... всё недвижимое имущество», могли перейти на казенные земли²⁶.

Однако при внешнем сходстве слухов об освобождении крестьян посредством перевода в разряд государственных и подаваемых на высочайшее имя дворянских прошений между ними существовало принципиальное различие. Как правило, в «недозволенных речах» вопрос о судьбе помещичьей земли не затрагивался, а переход означал лишь изменение субъекта властвования. Вместо непредсказуемого помещика, поведение которого зависело от настроения или личных представлений о способах наказания, крестьянин получал покровительство государства как структуры более стабильной и последовательной в своих практических действиях. Для помещика же переход крестьян в разряд государственных был неразрывно связан с вопросом о сохранении собственности на землю и получения денежной компенсации за утрату работников. В данном контексте показательно, что почти все будущие декабристы, например, первоначально высказывались за освобождение крепостных крестьян при условии, что земля оставалась бы собственностью помещика²⁷.

Второй вариант сценария освобождения по инициативе самодержца и при финансовом участии государства также присутствовал в дворянских проектах. Так, например, граф А. А. Аракчеев в представленном императору Александру I в феврале 1818 г. проекте предлагал освобождать крепостных по инициативе государства, которое постепенно выкупало бы у помещиков крестьян

²⁴ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. 1812. Д. 103. Л. 5.

²⁵ 50 человек были освобождены без платы, см.: РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. 1812. Д. 103. Л. 3 — 3 об.

²⁶ Там же. Л. 3 об.

²⁷ Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. М., 2003. С. 180.

с землей по ценам каждой конкретной местности из расчета 2 десятины на одну «ревизскую душу»²⁸. Финансовые средства правительство должно было получить за счет ежегодных отчислений с питейного сбора и выпуска 5%-ных облигаций государственного займа. Таким образом, автор прямо говорил о финансовой ответственности государства перед помещиками и возможности выкупа крестьян с землей посредством кредитной операции. Данный проект был одобрен императором Александром I, но его реализация была затруднена в связи с несоразмерностью доходов от предлагаемых источников финансирования крестьянской реформы и общей суммы компенсационных выплат помещику²⁹.

Еще одним принципиально важным отличием слухов от дворянских проектов была скорость предполагаемых социальных изменений. На уровне слухов, анонимных писем и воззваний никогда не обозначалась точная дата, но утверждалось, что «дарование вольности» произойдет в ближайшее время. В дворянских проектах же процесс освобождения представлялся более длительным, требующим протяженного во времени подготовительного этапа, в ходе которого крестьянин должен был приобрести необходимые навыки и способности. В данном контексте в дворянских проектах, на мой взгляд, был представлен еще один сценарий решений крепостного вопроса — «сценарий отложенного освобождения».

Ярким примером существования в сознании помещиков подобного алгоритма является записка Н. С. Мордвинова «Одна из мер освобождения крестьян от зависимости, и с оною возбуждения народной деятельности» (1818)³⁰. Одномоментное уничтожение крепостного права, по мнению автора записки, было затруднено исторически сложившимися особенностями крестьянской психологии: полностью зависимый от воли помещика крестьянин не имел навыков свободного труда и не обладал сдерживающим от необдуманных поступков чувством собственника. Именно это обстоятельство использовалось в качестве главного аргумента при обосновании необходимости длительного периода подготовки крестьянского сознания к самостоятельному ведению хозяйства. По словам Мордвинова, «народу, пребывающему века без знания гражданской свободы, даровать оную изречением на то воли Властителя возможно, но знания пользоваться ею во благо себе и обществу даровать законоположением невозможно»³¹, следовательно, преобразования должны проводиться с «некоторою постепенностью, когда свободными делаются не все вместе и единовременно»³². Предполагалось, что крепостные будут освобождены после выплаты помещику денежной компенсации за потерю рабочих рук, размер

²⁸ См.: Записка о проекте А. А. Аракчеева по освобождению крестьян (1818) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С. 160–163.

²⁹ См. подробнее: *Мироненко С. В.* Указ. соч. С. 102–103.

³⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 34. Л. 1–6.

³¹ Там же. Л. 2.

³² Там же.

которой устанавливался бы в зависимости от возраста и трудоспособности каждого крестьянина: дети до 2 лет и крестьяне старше 60 лет освобождались бесплатно; от 2 до 5 лет общая сумма выплат составляла бы 100 руб.; 5–10 лет — 200 руб.; 10–15 лет — 400 р.; 15–20 лет — 600 руб.; 20–30 лет — 1500 руб.; 30–40 лет — 2000 руб.; 40–50 лет — 1000 руб.; 50–60 лет — 500 руб.³³ Установление высоких выкупных платежей привело бы к тому, что первыми освободились наиболее предприимчивые крестьяне. Таким образом, по словам Н. С. Мордвинова, свобода «представляется в виде награды трудолюбию и приобретаемому умом достатку»³⁴.

В дворянских проектах, так или иначе затрагивавших положение крепостных крестьян, центральными категориями, с помощью которых происходило обоснование необходимости постепенного их освобождения, были понятия «польза» и «просвещение». В идеале наиболее приемлемой моделью было избирательное освобождение крестьян по мере их «просвещения», следовательно, способности приносить «пользу» не только своим семьям, но и российской экономике в целом. Именно поэтому даже в проектах, авторы которых не ставили перед собой цель разработать предложения по освобождению крестьян, а главные свои усилия направляли на решение сугубо практических задач, предоставление «вольности» наиболее трудолюбивым и грамотным работникам рассматривалось как необходимое условие экономического развития. Одним из таких проектов является записка барона Фридрикса «Предназначение практической сельскохозяйственной школы во всех частях для воспитания искусных и образованных управителей» (1800 г.)³⁵. По мнению автора, главная проблема, сдерживающая развитие сельского хозяйства в России, — отсутствие квалифицированных приказчиков и управляющих дворянскими имениями. Анализируя сложившееся к началу XIX в. положение, он констатировал, что в большинстве случаев управляющими работают люди, не имевшие необходимых знаний и практических навыков работы с землей. Выход из сложившегося положения — создание при финансовом участии государства практической сельскохозяйственной школы, главной целью которой была бы подготовка квалифицированных управляющих из числа как государственных, так и частновладельческих крестьян. После шести лет обучения выпускники «практической сельскохозяйственной школы» обязаны были в течение восьми лет отработать в качестве «управителей в деревне». В случае, если крестьянин по истечении указанного срока заслужил положительные характеристики от собственника имения, он «получит уже совершенную свободу»³⁶. Таким образом, крестьянин, приобретая необходимые ему навыки свободного труда, становился «полезным» для общества и переходил в новое «свободное состояние».

³³ Там же. Л. 6.

³⁴ Там же. Л. 2.

³⁵ РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 6 — 19 об.

³⁶ РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 27. Л. 14 об.

Освобождение крестьян посредством постепенного перехода в «новое состояние» рассматривалось в качестве одного из вариантов решения крепостного вопроса не только в отношении так называемых «землепашцев», но также и тех, кто трудился на фабриках и заводах. Например, летом 1805 г. граф В. П. Кочубей представил в Государственный совет проект перевода фабрично-заводских крестьян в новое состояние «свободных мастеровых». Он предложил юридически закрепить порядок, в соответствии с которым все приобретенные для работы на заводах и фабриках крестьяне по истечении 18 лет с момента их появления на производстве становились бы свободными³⁷. Аргументируя свою позицию, автор проекта подчеркивал, что реализация данного предложения одновременно позволит освободить крестьян, и будет способствовать развитию отечественной промышленности за счет появления в России рынка вольнонаемной рабочей силы³⁸.

***

В отношении содержания выявленные в результате сопоставления слухов, записок и проектов по крестьянскому вопросу «сценарии» освобождения позволяют констатировать, что в общественном сознании не сложилось конвенционального соглашения по вопросу о способах и темпах упразднения личной зависимости крестьян. Представленные в различных формах коммуникативной практики ожидания и тревоги, связанные с возможными изменениями в положении значительной части населения, были обращены не к помещикам или местным властям, а к верховной власти, которая должна была учесть интересы всех заинтересованных сторон. Такая модель могла иметь несколько вариаций, и в отдельных случаях допускала даже сценарий «внешнего освобождения», но вне зависимости от конкретных механизмов предоставления крестьянам личной свободы, она последовательно воспроизводила патерналистский стереотип о роли государства в решении сколько-нибудь значимых социально-экономических проблем.

Однако обозначенная на уровне слухов, прошений и проектов общность патерналистских установок не предполагала унификации поведенческих моделей. В сложившихся условиях, ожидая активных действий со стороны государства, представители даже одной социальной страты придерживались разнонаправленных стратегий поведения. Так, например, одна часть дворянства, удовлетворяя потребность в самореализации и руководствуясь представлениями о долге гражданина и принципах христианской морали, предлагала проекты освобождения крепостных. Другая часть «благородного сословия», преследуя сугубо утилитарные цели, обращалась с жалобами на решения различных инстанций об освобождении отдельных крестьян и «взятии имения в опеку», или

³⁷ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Т. I. 1811. Д. 140. Л. 97–98.

³⁸ Там же. Л. 97.

продавала своих дворовых людей лицам недворянского происхождения. Как правило, незаконная продажа совершалась под прикрытием перехода крепостного по «верующим письмам» в «услужение», «учение» или «на воспитание». Даже несмотря официальный запрет, нарушение которого влекло за собой наложение на помещика денежного взыскания в размере от 200 до 500 руб. и принудительное освобождение работников³⁹, помещики каждые пять лет составляли новые «прокормежные и плакатные паспорта», «верующие письма» или контракты на «учение крестьян». В результате отданные «в услужение» или «учение» крестьяне могли находиться в полной власти лиц недворянского происхождения несколько десятилетий подряд, и полностью утрачивали какую бы то ни было связь с законным владельцем⁴⁰.

Однако такое положение было бы невозможно без наличия устойчивого спроса на «подневольных работников», который формировали представители других социальных групп, обладавшие необходимыми для совершения подобных сделок финансовыми ресурсами. Особенно часто попытки присвоения права обладания крепостными людьми предпринимали состоятельные купцы и так называемые «разночинцы», которые после издания указа 12 декабря 1801 г. имели право покупки лишь пустующих земель, но не могли владеть крепостными людьми. Для них использование труда крестьян и дворовых людей было, скорее всего, не столько инструментом получения прибыли, сколько наглядным показателем их состоятельности, своеобразной попыткой «сближения» с труднодостижимым статусом потомственного дворянина, главной привилегией которого было право обладания «крещеной собственностью».

Таким образом, отсутствие конвенционального соглашения о конкретных механизмах освобождения осложнялось разнонаправленностью практических действий российских подданных. Всё это существенно тормозило реализацию любых, даже самых реалистичных и тщательно разработанных проектов освобождения и наряду с целым рядом внешнеполитических факторов обусловило нерешительность верховной власти в деле проведения связанных с отменой крепостного права социальных трансформаций.

References

- Biryukovich V. V.* Sudba ukaza «O volnykh khlebopashchakh» v carstvovanie Aleksandra I // *Arkhiv istorii truda v Rossii*. Pg., 1921. Kn. I. S. 63–79.
- Dolgikh A. N.* Krestyanskiy vopros vo vnutrennej politike rossijskogo samodержaviya v konce XVIII — pervoj chetverti XIX v. Lipeck, 2006. T. 1–2.
- Got'e Yu. V.* Oчерк istorii zemlevladieniya v Rossii. M., 2003.
- Medushevskij A. N.* Proekty agrarnyx reform v Rossii XVIII — nachala XXI v. M., 2005.
- Minaeva N. V.* Pravitelstvennyj konstitucionalizm i peredovoe obshhestvennoe mnenie Rossii v nachale XIX veka. Saratov, 1982.
- Mironenko S. V.* Samoderzhavie i reformy: politicheskaya borba v Rossii v nachale XIX veka. M., 1989.
- Rumyantsev S. P.* Zapiska, podannaya gosudaryu o volnyx zemledelcax // *Dvoryanskiye proekty resheniya*

³⁹ ПСЗ-І. Т. XXXVIII. 1823. № 29.416. С. 906–908.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177. Л. 5.

krestyanskogo voprosa v Rossii v konce XVIII — pervoj chetverti XIX veka: Sbornik dokumentov / Pod red. A. N. Dolgikh. Lipeck: LGPU, 2002. S. 45–48.

Semevskij V. I. Krestyanskij vopros v Rossii XVIII i pervoj polovine XIX v. SPb., 1888.

Sergeeva N. I. Analiz kolichestvennykh pokazatelej dejstviya ukaza o svobodnykh xlebopashcakh // Voprosy istorii Rossii XIX — nachala XX vekov. L., 1983. S. 57–68.

Timofeev D. V. Evropejskie idei v Rossii: vospriyatие liberalizma pravitelstvennoj elitoy v pervoj chetverti XIX veka. Chelyabinsk: Pirs, 2006.

Zhukovskaya T. N. Dvoryanskij liberalizm pri Aleksandre I: spory o konstituciyakh i «rabstve» v russkix zhurnalakh 1800–1810-x gg. Petrozavodsk, 2002.

Список литературы

Бирюкович В. В. Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. I. С. 63–79.

Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. М., 2003.

Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII — первой четверти XIX в. Липецк, 2006. Т. 2.

Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм при Александре I: Споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х гг. Петрозаводск, 2002.

Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI в. М., 2005.

Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Румянцев С. П. Записка, поданная государю о вольных земледельцах // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII — первой четверти XIX века: Сборник документов / Под ред. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2002. С. 45–48.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888.

Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX — нач. XX в. Л., 1983. С. 57–68.

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск: Пирс, 2006.

В. Н. Гинев

Земские начальники: объективная необходимость или реакционная контрреформа?

Гибель Александра II 1 марта 1881 г. и переход власти к Александру III довольно скоро круто изменили вектор внутренней политики. При жизни отца державшийся в тени при обсуждениях проекта М. Т. Лорис-Меликова о привлечении к выработке некоторых законопроектов представителей земств и крупных городов наследник престола, став императором, под влиянием доводов К. П. Победоносцева, созвучных с его давними подспудными настроениями, взял курс на укрепление незыблемости самодержавия. Усердным проводником этого курса стал назначенный в мае 1882 г. министром внутренних дел убежденный консерватор граф Д. А. Толстой. При нем началось наступление на основные положения земской, судебной и городской реформ, проведенных в начале царствования Александра II. Во всеподданнейшем докладе Александру III в декабре 1886 г. Толстой подробно изложил программу их пересмотра. Она была частично осуществлена через несколько лет после смерти министра в апреле 1889 г. Он немного не дождал до реализации одного из ее пунктов.

«Первым реальным результатом этой программы стало введение института земских начальников 12 июля 1889 г. Им была передана вся полнота судебной и административной власти в крестьянском управлении. Мировые суды в уездах были упразднены. Подлежавшие их рассмотрению дела отныне должны были рассматриваться земскими начальниками или в волостных судах, находившихся в подчинении у земских начальников»¹.

¹ Власть и реформы. СПб., 1996. С. 391.

Между тем прохождение закона о земских начальниках, несмотря на благоволение императора к его социально-идейным основам, не было гладким. Целый ряд содержащихся в нем положений вызвал критику со стороны более дальновидной либерально настроенной влиятельной части высшей бюрократии. Пытались не допустить принятия закона министр юстиции Н. А. Манасеин, государственный контролер Д. М. Сольский, член Государственного совета М. С. Каханов, председатель Департамента законов Государственного совета А. П. Николаи, министр императорского двора и уделов И. И. Воронцов-Дашков, председатель Департамента государственной экономики Государственного совета А. А. Абазя; при решающем голосовании их поддержало большинство членов Государственного совета.

Резкую критику противников закона вызвало намерение соединить в лице земского начальника административную и судебную власть над крестьянами, ликвидировав при этом мировой суд в уездах. В отзыве на проект закона, направленном в Государственный совет, один из его членов, статс-секретарь Б. П. Мансуров напоминал: «Отделение власти административной от власти судебной есть краеугольный камень всякого благоустроенного государства, и это верно не только по теории, но еще гораздо более на практике»². Против предоставления земскому начальнику одновременно административной и судебной власти решительно возражал министр юстиции Манасеин.

Неприятие ряда членов Государственного совета вызывал принцип подбора кадров для будущего корпуса земских начальников, когда на первое место был поставлен сословный ценз в ущерб образовательному и даже имущественному. Указывалось также, что в проектируемом законе земскому начальнику предоставлялась слишком большая и притом почти бесконтрольная власть над крестьянами, что создавало почву для произвола.

Как бы это ни казалось странным, либеральная часть дворянской высшей государственной элиты выступила против ясно выраженного в проекте Министерства внутренних дел сословного дворянского уклона, прозорливо усмотрев в этом опасность ревизии некоторой части Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Вполне недвусмысленно высказался на этот счет барон А. П. Николаи: «Весьма нетрудно будет внушить крестьянину, что новое учреждение есть не что иное, как косвенное восстановление вотчинной полиции, что крестьянское население вновь отдается в полную власть помещиков, которые стремятся к восстановлению крепостного права»³.

В схожих выражениях эта же мысль была повторена 17 декабря 1888 г. в письменном решении большинства участников совещания Соединенных департаментов Государственного совета (18 против 7): «Образование земских начальников на почве крестьянских учреждений легко может быть объяснено

² Цит. по: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 388.

³ Там же. С. 387.

в смысле меры, направленной к восстановлению, хотя бы и в измененном виде, тех прав дворянства над крестьянами, которые утрачены первыми с освобождением последних от крепостной зависимости и во всяком случае как закон, вредный для полноправности крестьян и их самоуправления»⁴.

Негативное отношение к проекту закона о земских начальниках восемнадцати участников совещания 17 декабря было поддержано и в общем собрании Государственного совета 16 января 1889 г. Результаты голосования: 39 против законопроекта и только 13 за.

В таком виде мемория общего собрания Государственного совета была представлена Александру III, за которым оставалось последнее решающее слово.

Авторы и сторонники законопроекта — министр внутренних дел Д. А. Толстой, видный сотрудник его министерства А. Д. Пазухин (основной разработчик проекта), член Государственного совета, будущий преемник Толстого И. Н. Дурново, министр финансов И. А. Вышнеградский, министр государственных имуществ М. Н. Островский утверждали, что без постоянного дворянского попечения над крестьянским сельским и волостным самоуправлением порядка в деревне не будет. Будучи полностью с этим согласен, Александр III 29 января утвердил мнение меньшинства Государственного совета и предписал доработанный проект представить на его утверждение до летних вакансий. После этого дальнейшее обсуждение законопроекта стало пустой формальностью. 12 июля 1889 г. указом императора он приобрел статус закона⁵.

В дальнейшем консервативно настроенные авторы сочинений, вышедших после 1889 г., доказывали благотворность результатов реформы⁶. Напротив, представители либеральной части российского общества перманентно печатно высказывали свое негативное отношение к внедренному институту земских начальников⁷. При этом принципиальное неприятие противоречащего поступательному развитию российского общества усиления элемента сословности порой почти дословно перекликалось с критикой во время обсуждения законопроекта о земских начальниках в Государственном совете. Так, Г. А. Евреинов в своей книге «Крестьянский вопрос в его современной постановке» писал: «Законы о крестьянах 1889 года, по намерению их составителей, преследовали цель прямо противоположную освободительной реформе 19 февраля 1861 года, — они восстанавливали зависимость крестьян, в силу их сословного

⁴ Там же. С. 393.

⁵ Там же. С. 366–401.

⁶ *Цертелев Д. Н.* Нужна ли реформа местного управления. М., 1889. С. 12; *Катаев Д. Н.* Местные крестьянские учреждения 1861, 1874, 1889 годов. СПб., 1911.

⁷ *Джанишев Г. А.* Из эпохи великих реформ. М., 1892; *Даневский В. П.* По поводу предстоящей реформы нашего судопроизводства. М., 1896; *Гессен В. М.* Вопросы местного управления. СПб., 1904; *Кожухар К. Я.* Земские начальники // Вестник права. 1905. Кн. 5, 8, 9; *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905; *Никонов С. П.* Крестьянский правопорядок и его желательное будущее. Харьков, 1906.

происхождения, от поместного дворянства, которому, в лице назначаемых из потомственных дворян земских начальников, предоставлено попечительство над крестьянским населением»⁸.

Продолжалась борьба мнений по вопросу о земских начальниках и в правительственных структурах. В Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904 гг.), обсуждавшем крестьянский вопрос с соизволения Николая II, от группы большинства его участников звучала критика результатов деятельности земских начальников. Товарищ министра внутренних дел Н. Н. Кутлер заявил, что «узаконения» 1889 г. «не только не развивают начала самоуправления, но существенно их ограничивают, практика же идет еще значительно далее закона, пытаясь разрешить по властному усмотрению земского начальника даже те вопросы, которые и ныне должны бы решаться крестьянскими общественными органами». Консервативное меньшинство Совещания пыталось возражать, утверждая, что «серьезно говорить о произволе земских начальников не приходится», но председательствующий в Особом совещании С. Ю. Витте придерживался другого мнения: «На практике земские начальники, к сожалению, часто могут делать всё, что пожелают»⁹.

Советские историки в отличие от дореволюционных либералов-публицистов и полулибералов во власти рассматривали самодержавие как безусловно реакционный элемент российской государственности, подлежащий ликвидации, но их оценки земских начальников по существу перекликались с негативным отношением к этому институту его критиков конца XIX — начала XX в.

«Закон о земских учреждениях 12 июня 1890 г. наряду с введением института земских начальников в 1889 г. был основным звеном реакционной правительственной политики эпохи контрреформ». Оба эти нововведения выражали «взгляды и настроения наиболее реакционной части дворянства, которая стремилась вернуть по возможности дореформенные порядки»¹⁰.

«Введение института земских начальников увеличивало правительственную опеку над крестьянами, усиливая роль поместного дворянства в деревне и способствуя тем самым консервации феодально-крепостнических пережитков»¹¹.

«С начала 80-х годов, с приходом к власти Александра III, правительство выбрасывает знаменитый лозунг — заморозить страну. Главным проявлением этого курса служила консервация крепостнических порядков в деревне, т.е. всяческое ограничение свободной деятельности крестьянства, всемерное увеличение над ним правительственной опеки и путем создания института земских начальников известная реставрация власти дворян над крестьянами»¹².

⁸ Еврешинов Г. А. Крестьянский вопрос в его современной постановке. СПб., 1903. С. 47.

⁹ Цит. по: Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. С. 179.

¹⁰ Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 3, 111.

¹¹ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. С. 401.

¹² Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 80–81.

Тезис о частичной реставрации крепостнических порядков в деревне выглядит преувеличением, на что справедливо указывается в современных исследованиях. Однако с другой стороны в постсоветской историографии стала набирать силу тенденция к почти полной переоценке как внутренней политики Александра III в целом, так в частности и закона 1889 г. о земских начальниках. Появились исследования о деятельности земских начальников в ряде отдельных губерний, в которых обосновывается необходимость и полезность введения этого института неблагоприятным положением дел в крестьянском пореформенном самоуправлении. При этом доводы современных авторов перекликаются с аргументами разработчиков и сторонников закона 1889 г.

«Адекватная оценка положения, сложившегося в российской деревне после Великих реформ <...> заставила правительство в рамках курса государственного патернализма взять под контроль крестьянское самоуправление», — так считает автор кандидатской диссертации о земских начальниках в Тульской губернии. То же требовалось и в губерниях центрального черноземья, поскольку «крестьянство без государственной помощи не умело организовать свою жизнедеятельность»¹³.

М. М. Гурьянов, изучивший деятельность земских начальников в Вятской губернии, призывает «преодолеть сложившиеся стереотипы в оценке института земских начальников» и не воспроизводить «традиционные штампы» «советской историографии с ее упрощенным, идеологически предвзятым отношением к так называемым «контрреформам» эпохи правления Александра III»¹⁴. Отказ от идеологических «штампов» и «стереотипов» провозгласили в своих исследованиях О. Н. Богатырева, А. В. Звонцова, К. А. Мироненко¹⁵. Н. В. Башкирова выражала сожаление, что даже такому маститому советскому историку, как П. А. Зайончковский, «не удалось избежать влияния идеологических установок»¹⁶.

По мнению К. А. Мироненко, советские историки сосредоточили внимание на негативных сторонах деятельности земских начальников «в угоду новой власти». Но спрашивается, в угоду какой власти дореволюционная либеральная общественность и даже некоторые царские министры негативно отнеслись

¹³ Звонцова А. В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е гг. XIX — начале XX в. (По материалам Тульской губ.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2006. С. 3; Мироненко К. А. Земские начальники центрального черноземья в социально-политической повседневности конца XIX — нач. XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. С. 3.

¹⁴ Гурьянов М. М. Институт земских начальников в конце XIX — начале XX в. и его региональные особенности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007. С. 3, 15.

¹⁵ Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губ. (1861–1917). Екатеринбург, 2004. С. 370–371; Звонцова А. В. Указ. соч. С. 3; Мироненко К. А. Указ. соч. С. 6.

¹⁶ Башкирева Н. В. Земские участковые начальники Воронежской губернии: состав, функции, деятельность (1889–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 7.

к закону о земских начальниках и высказывали оценки этого института, сходные с аргументами советских историков-марксистов (за исключением отношения к существовавшей тогда монархии)?

Избавившись от идеологических штампов, авторы упомянутых выше диссертаций утверждают, что «деятельность земских начальников не была пронизана произволом и насилием», а «унизительная опека над крестьянами», «насильственное администрирование» — «явное преувеличение историков»¹⁷. Более того: «Надзирая за крестьянским самоуправлением, земский начальник совершенно его не стеснял». При этом «институт земских участковых начальников успешно справился с поставленной правительственной задачей»¹⁸. Не отрицая отдельные факты произвола со стороны земских начальников, сходной общей позитивной оценки их административной деятельности придерживаются А. В. Звонцова, Н. В. Башкирева, М. М. Гурьянов и ряд других исследователей.

В этом доброжелательном хоре обращает на себя внимание тезис в монографии О. Н. Богатыревой: «Институт земских начальников при всех его недостатках призван был сыграть позитивную роль в крестьянском управлении, помочь крестьянскому социуму адаптироваться к условиям пореформенной России, переживавшей форсированную модернизацию»¹⁹. Таким образом, земский начальник признается составной частью прогрессивного развития России, с чем, на мой взгляд, согласиться невозможно. Но об этом ниже.

Не столь однозначно позитивно современные исследователи оценивают совмещение в лице земского начальника административных и судебных функций. Так, например, К. А. Мироненко пишет об этом довольно противоречиво. То такое совмещение «отвечало потребностям переходного времени», то концентрация в одних руках двух разнородных полномочий объявлялась противоречащей принципу разделения властей²⁰. Но большей частью критическое отношение к наделению земских начальников судебными обязанностями вызывалось не идейным неприятием, а прагматическими соображениями: они мешали выполнять более важные административные функции.

Локальные исследования деятельности земских начальников полны оговорок и трудно стыкуемых между собой положений. Утверждения о необходимости и благотворности государственно-дворянского надзора над крестьянским самоуправлением перемежаются с признаниями мелочности и тягостности для крестьян дворянской опеки, задерживавшей развитие самостоятельности крестьянских сельских обществ. То говорится о почти исключительно дворянском

¹⁷ Богатырева О. Н. Указ. соч. С. 371; Гурьянов М. М. Указ. соч. С. 5, 20.

¹⁸ Чуканов И. А. Участковые земские начальники и их роль в регулировании правоотношений крестьянского общинного самоуправления в российской дореволюционной деревне (вторая половина XIX — начало XX в.) // Право и образование. 2009. № 2. С. 135, 136.

¹⁹ Богатырева О. Н. Указ. соч. С. 388.

²⁰ Мироненко К. А. Указ. соч. С. 3, 20.

контингенте состава земских начальников, то о вынужденном допущении в их среду в значительном количестве выходцев из других сословий, причем последнее, по мнению некоторых авторов, положительно влияло на качество исполнения должностных функций.

Было высказано убеждение, что институт земских начальников «выполнял общегосударственные, а не, как считалось в советской историографии, преследовал узко сословные продворянские интересы»²¹. Однако по поводу степени приверженности земских начальников, а также их непосредственных покровителей уездных предводителей дворянства государственной пользе часть современных историков придерживается противоположного мнения.

«Предводители дворянства, которые осуществляли фактическую власть в уезде, вовсе не увязывали свои действия с решением каких-либо государственных задач, проведением на местах государственной политики, занимались местными интригами, действовали зачастую незаконно и насильно». «Уездное дворянство <...> это круговая порука, это многочисленные родственные и деловые связи, это в иных случаях настоящий змеиный клубок». Земский начальник, «который обладал властными полномочиями, также представлял узко-сословные интересы»²².

Вызывает сомнение утверждение некоторых защитников института земских начальников о том, что они были надежно встроены в «жесткую вертикаль правительственной власти по линии министерства внутренних дел» и что этот «новый институт являлся составным элементом в слаженной административно-полицейской системе местного управления»²³. «Встроенность» отнюдь не была жесткой, а «слаженная система» на практике оказалась далеко не слаженной. Земские начальники хотя и числились по ведомству МВД, назначались на должность министром только после обсуждения кандидатур губернатором с соответствующим уездным предводителем дворянства и потому чувствовали свою зависимость больше от ближайшей власти, нежели от далекой петербургской.

Контроль над неукоснительным исполнением земскими начальниками своих обязанностей осуществлялся посредством нечастых ревизий в основном на местном уровне. В локальных исследованиях, когда авторы изучали особенности и результаты проведения таких ревизий, они отмечали, что «контроль был по сути формальным». «Даже явно неправомерные действия земских начальников, как правило, получали поддержку контрольных органов — уездных съездов, состоявших из них же». Губернаторские ревизии были редки и также «оставались без серьезных последствий», даже если обнаруживались

²¹ Там же. С. 9.

²² *Могилевский К. И., Соловьев К. А.* П. А. Столыпин: личность и реформы. М., 2011. С. 55–57.

²³ *Гурьянов М. М.* Указ. соч. С. 21; *Бродникова М. Н.* Взаимоотношения земских начальников и органов местного самоуправления в России // Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра. Ставрополь, 2004. С. 44.

злоупотребления. Во всех местных инстанциях земские начальники, «пользуясь связями», находили поддержку. «Это делало их власть не только всеобъемлющей, но и бесконтрольной»²⁴.

К сходным выводам пришла автор диссертации о земских начальниках Орловской губернии. Там также «ревизионные проверки носили поверхностный характер», но даже такие ревизии, особенно более строгие и независимые министерские, бывало, показывали, что «земские начальники Орловской губернии исполняли возложенные на них функции недостаточно эффективно, с большой долей индифферентности, были склонны к медлительности и бездействию». Что касается местных апелляционных инстанций, то, рассматривая жалобы доведенных до отчаяния крестьян (сохранились в архиве), они «в большей степени ориентировались не на строгое следование закону, а на сохранение приятельских отношений»²⁵.

Исходя из своего материала, диссертантка пришла к важному выводу: к началу XX в. центральная власть «начала обнаруживать, что ее вертикаль, построенная по безусловному принципу сословного дворянского ценза, в своем низшем звене начала проявлять пассивное игнорирование идущих сверху предписаний»²⁶.

В упомянутой диссертации приводятся примеры, когда земские начальники, получив два и более выговора, преспокойно оставались на своем месте. Властная вертикаль всё явственнее требовала укрепления. Наиболее дальновидные представители российской властной элиты постепенно убеждались, что этого невозможно достичь без ликвидации сословных перегородок в административном аппарате, начав с уездного и более низкого уровня и ослабив корпоративную связь земских начальников с их уездными покровителями.

Если рассматривать проблему не только в аспекте административных, но и социально-экономических преобразований, то на очереди стояла ликвидация сословного крестьянского самоуправления и создание всесословной волости. Одновременно нужно было разрешить выход из крестьянской общины с укреплением наделной земли в частную собственность.

О всесословной волости или, как вариант, мелкой земской единице велись начиная с 1880-х гг. дискуссии в либеральной публицистике и в ряде земских собраний. На правительственном уровне в так называемой Кахановской комиссии всесословная волость присутствовала в одном из проектов, оставшемся нереализованным. В начале XX в. этот вопрос рассматривался в различных комиссиях, но до революции 1905 г. и до появления во властных структурах П. А. Столыпина дело ограничивалось различными записками, не выходявшими за пределы правительственных канцелярий.

²⁴ Бузапова Н. А. Земские начальники Тамбовской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. Гл. 2: Земские начальники как объект контроля.

²⁵ Аверичева О. М. Институт земских участковых начальников Орловской губернии в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 18–19.

²⁶ Там же. С. 21.

На наш взгляд, к тому времени, когда П. А. Столыпин был назначен министром внутренних дел (26.04.1906), а через несколько месяцев с оставлением в этой должности стал председателем Совета министров (с 08.07.1906), у него уже сложилось убеждение, что одним из основных препятствий назревшего реформирования местного управления с перспективой становления России правовым государством (с сохранением монархии) является консервация сословной системы и политики государственного попечительства над крестьянами, осуществляемого местными дворянами. Известный историк назвал политику попечительства обращением к «патриархальной утопии»²⁷. Столыпину предстояло убедить свое ближайшее окружение и, главное, самодержца отказаться от укоренившихся иллюзий.

«Сильная вертикаль исполнительной власти, за укрепление которой ратовал Столыпин, предполагала широкое реформирование местного управления и самоуправления. Основная цель реформы местного управления состояла в том, чтобы, с одной стороны, ликвидировать архаичные сословные структуры (земских начальников, уездных предводителей дворянства), а с другой — укрепить губернское и уездное административное звено коронными чиновниками. При этом значительно расширялись полномочия губернаторов, а уездные предводители дворянства и земские начальники, соответственно, заменялись начальниками уездов и участковыми комиссарами, непосредственно подчиненными центральной власти»²⁸.

Одной из первых законодательных инициатив, разработанных в Совете министров при Столыпине в конце 1906 г., представленной «на уважение» второй Государственной Думе, был проект «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий», конкретизирующий царский указ от 5 октября того же года. Согласно проекту, подлежали «немедленной отмене» сословные ограничения для поступления на государственную службу. Очевидно, П. А. Столыпин счел необходимым особо упомянуть земских начальников: «...имелись должности (как напр[имер] должности земских начальников), доступ в которые почти совершенно был закрыт для лиц недворянского происхождения»²⁹. Требовалось этот доступ открыть.

В декабре 1906 г. появилось несколько вариантов записок Столыпина в Совет министров об основных началах нового устройства местного управления³⁰. Одна из записок опубликована. Пункт первый гласил: «Особое сословное управление крестьян (волостное и сельское), а также особые установления, заведующие крестьянскими делами (земских начальников и соответствующие им должности, уездные съезды и губернские присутствия), — упразднить»³¹.

²⁷ Христофоров И. А. «В высшей степени душевная ошибка» // Родина. 2015. № 2. С. 105.

²⁸ Столыпин П. А. Программа реформ. Документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 8 (Предисловие).

²⁹ Россия. МВД. Земский отдел. Б/м, 1907. С. 1–2.

³⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 63. Л. 2–13, 14 – 19 об., 38, 38 об., 96 – 111 об.

³¹ Столыпин П. А. Программа реформ. Т. 1. С. 252: «Главные начала устройства местного управления».

Вместо земского начальника вводилась должность «участкового начальника», который должен был назначаться исключительно «правительственной властью из числа лиц, получивших соответственное образование и служебную подготовку». Таким образом, сословный ценз не требовался. О необходимости обязательного предварительного согласования кандидатур с уездным предводителем дворянства речи не было.

Принципиально изменялся объем полномочий участкового начальника по сравнению с земским. Он не имел судебных функций, не должен был заниматься пресловутым «попечительством» над жителями вверенного ему участка. Он был обязан следить только за «законностью действий земельного, сельского и волостного управления» и рассматривать «в пределах, указанных в законе», жалобы на «неправильные действия указанных управлений». При этом поскольку волость предполагалось сделать всесословной, он получал статус «представителя общей правительственной власти в пределах участка»³².

Замена земского начальника участковым начальником и преобразования на волостном уровне были тесно связаны с одновременным реформированием уездной власти. Для укрепления правительственной вертикали фактического главу уезда, независимого от МВД уездного предводителя дворянства, следовало заменить высокопоставленным чиновником в должности «начальника уезда» в звании вице-губернатора, назначаемым «правительственной властью преимущественно из числа лиц, прослуживших известный срок в должности участковых начальников».

Высшим коллегиальным органом в уезде становился «уездный совет», председателем которого «Главные начала устройства местного управления» определяли начальника уезда. Уездному предводителю дворянства отводилось место только «обязательного члена»³³.

Во исполнение намеченного плана во вторую Государственную Думу от имени правительства были внесены проекты Положения о волостном управлении, Положения о поселковом управлении и Положения о правительственных участковых комиссарах. Участковыми комиссарами стали называться участковые начальники. Возможно, это было сделано для того, чтобы нагляднее отделить их от земских начальников.

Положение о правительственных участковых комиссарах подтверждало, что комиссар является «представителем общей правительственной власти в участке» и «имеет надзор <...> за деятельностью учреждений местного управления», повторялось, что он назначается министром внутренних дел. В Положении об участковых комиссарах подробно перечислялись их функции, в частности указывалось, что они имеют право утверждать в должностях волостных старшин и поселковых старост, налагать на них взыскания³⁴. В переданных

³² Столытин П. А. Программа реформ. Т. 1. С. 255.

³³ Там же. С. 255–257.

³⁴ Там же. С. 325–329.

во вторую Думу Положениях о волостном и поселковом управлении участковые комиссары упоминались в ряде пунктов, более всего в разделах «О надзоре и обжаловании».

Вторая Дума до своего роспуска не успела рассмотреть по существу правительственные законопроекты о местном управлении и они перешли в третью Думу. Но еще до созыва второй Думы, когда проекты реформ еще только начинали разрабатываться в канцеляриях министерства внутренних дел, возбужденное слухами о них поместное дворянство начало ожесточенную борьбу со Столыпиным. Для этого у него было много возможностей. Звучали страстные выступления на съездах «Объединенного дворянства» и принимались громкие резолюции, подавали свой голос и участники губернских дворянских съездов. Критика правительственных реформ велась в губернских и уездных земствах, где после 1905 г. большинство перешло к правому крылу, развернулась антистольпинская кампания в правой печати. Столыпина старались скомпрометировать в глазах Николая II. Его реформы, в том числе аграрная, объявлялись антидворянскими, антимонархическими, готовящими революцию. Разумеется, это не соответствовало действительным намерениям Столыпина. Своими реформами он хотел укрепить монархию, сделав ее более приспособленной к новым социально-политическим реалиям.

Перипетии яростного противодействия столыпинским реформам ярко и аналитично, на большом фактическом материале показаны в актуальнейшей статье В. С. Дякина, написанной более сорока лет тому назад³⁵. Сторонники «новых подходов» к оценке земских начальников, вероятно, ее не читали.

П. А. Столыпин, «плоть от плоти российского дворянства... елико возможно, старался сохранить за помещиками их привилегированное положение на местах, но в интересах государства считал необходимым предоставить кулаку бóльшую, чем прежде, роль в местном самоуправлении и передать административную власть в уезде из слабеющих рук дворянского предводителя в руки назначаемом правительством чиновника. Для крепостников-помещиков, привыкших считать, что государство — это они, такая перспектива была невыносима. Поэтому именно по планам местной реформы был нанесен первый удар...»³⁶

В конце марта — начале апреля 1907 г. состоялся 3-й съезд «уполномоченных дворянских обществ» из 32 губерний. «И сам факт разработки реформы и, в особенности, намерение правительства внести этот проект на рассмотрение Думы были расценены участниками съезда как “незаслуженное оскорбление”, и ряд дворянских лидеров предложил направить депутацию к Николаю II, чтобы сорвать разработку законопроекта».

В марте 1908 г. прошел 4-й съезд дворянских обществ.

³⁵ Дякин В. С. Столыпин и дворянство (Провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 231–274.

³⁶ Там же. С. 237–238.

«Принятое съездом постановление объявляло реформу местного управления не только “нежелательной и нецелесообразной”, но и “вредной”, а устранение сословных привилегий дворянства несовместимым с “правильно понимаемой заботой о сохранении и развитии монархического начала”. Постановление требовало сохранить прежнюю роль за уездными предводителями дворянства и земскими начальниками и высказывалось против введения бессословного принципа в организации местного управления и суда. Иными словами, задуманные Столыпиным реформы отвергались целиком». «За всеми словами о защите монархии и государственных интересов стоял в действительности корыстный интерес помещиков, стремившихся сохранить свои позиции в деревне и во всей системе управления»³⁷.

Столкнувшись с серьезным сопротивлением консервативного дворянства, П. А. Столыпин решил сделать тактический ход. В январе 1908 г. он отзывает свои законопроекты из третьей Думы и передает их на обсуждение в Совет по делам местного хозяйства, являвшийся совещательным органом при министерстве внутренних дел. Председателем Совета был сам Столыпин, часть его членов входила в Совет по назначению, это были в основном чиновники из МВД, другая, большая часть избиралась от некоторых земств и городских дум. По мнению В. С. Дякина, «такой состав Совета рассматривался дворянством как недостаточно обеспечивающий его интересы»³⁸. Забегая вперед, скажем, что уполномоченные объединенных дворянских обществ зря волновались на своих съездах по этому поводу. Что касается П. А. Столыпина, то он, очевидно, рассчитывал, что такой состав Совета поддержит его реформы и, пойдя на второстепенные уступки, можно будет найти компромисс с более вменяемой частью дворянства и противопоставить решения Совета постановлениям непримиримых дворянских съездов. Этого не произошло.

История создания Совета и последовательное комментированное описание хода обсуждений правительственных проектов на его заседаниях даны в книге К. И. Могилевского³⁹.

Весенняя сессия Совета по делам местного хозяйства проходила в марте 1908 г. На обсуждение был вынесен правительственный проект реформы волостного управления. Результаты работы сессии оказались для правительства более или менее благоприятными: было признано, что реформа волости является срочной и необходимой; Совет согласился с тем, что реформированная волость должна быть сословной. Однако при постатейном обсуждении проекта о волостном управлении произошел «сбой». Комиссия Совета «высказалась против утверждения в должности волостного старшины участковым комиссаром и полагала, что волостной старшина должен быть утверждаем какою-либо

³⁷ Дякин В. С. Столыпин и дворянство. С. 246, 256–257.

³⁸ Там же. С. 257.

³⁹ Могилевский К. И. Столыпинские реформы и местная элита. Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008.

высшею инстанциею»⁴⁰. Участковый комиссар присутствовал в ряде статей Проекта, но затем Комиссия решила, что «обсуждение вопроса о порядке надзора за волостным управлением целесообразно отложить до рассмотрения Комиссиею проекта о правительственных участковых комиссарах»⁴¹. Одно из наиболее острых положений правительственного законопроекта о реформе местного управления оказалось в подвешенном состоянии.

Самые спорные вопросы были перенесены на осеннюю сессию Совета по делам местного хозяйства. Она была созвана в конце ноября 1908 г. и работала до начала декабря. Ее состав оказался менее благоприятным для правительства, чем весной. На осеннюю сессию «в результате давления со стороны камарильи» в Совет были введены девять предводителей дворянства — решительных противников Столыпина⁴².

Совет тем не менее согласился с необходимостью учреждения вместо земского начальника должности правительственного участкового комиссара (в документах осенней сессии он вновь стал называться «участковым начальником»). Не было возражений и против того, чтобы в компетенцию участкового начальника входил надзор не только за законностью деятельности волостных учреждений, но и за выполнением ими дел по благоустройству. Правда, в отличие от земского начальника образца 1889 г. участковый начальник не мог применять какие-либо меры воздействия своей непосредственной властью, а должен был обращаться с соответствующим представлением в вышестоящую инстанцию — уездный совет.

Но камнем преткновения стал вопрос о том, кто будет назначать участкового начальника. Правительственный проект предоставлял это право единолично министру внутренних дел. Оппозиция в Совете настаивала, чтобы кандидатуры министру представлял губернатор после обязательных предварительных консультаций с местными предводителями дворянства и председателями земских управ. В результате правительственный проект был отклонен 47 голосами против 15. Предложенный компромиссный вариант: кандидатуру предлагает губернатор, но без согласований с предводителями дворянства и земскими деятелями, тоже не прошел. Большинством в 36 голосов против 26 было принято предложение оппозиционно настроенных членов Совета по делам местного хозяйства. «Таким образом, ход прений в Совете по делам местного хозяйства показал правительству, что ему трудно будет стовориться с поместным дворянством по ключевому вопросу реформы — о системе зависимости участкового начальника, важным моментом которой был способ назначения. Поместное дворянство стремилось сохранить в участковом начальнике как можно больше

⁴⁰ Журналы Совета по делам местного хозяйства. Весенняя сессия 1908 г. СПб., 1909. По-статейное изложение проекта о волостном управлении с изменениями, принятыми Комиссиею. С. 13.

⁴¹ Там же. Доклад Комиссии по волостному управлению. С. 12.

⁴² *Могилевский К. И.* Указ. соч. С. 299.

того, что составляло должность земского начальника и, прежде всего, — зависимость от дворянской корпорации»⁴³.

Преобразования в волости были тесно связаны с реформой уездного управления. Здесь борьба развернулась вокруг определения роли в уезде уездного начальника, назначаемого министром внутренних дел. По этому вопросу, как было записано в докладе образованной Советом комиссии, «в среде комиссии проявилось коренное разногласие». Оппозиционное «большинство комиссии полагало, что компетенция уездного начальника должна быть ограничена, главным образом, рамками обязанностей исполнительно-полицейских и фискальных», между тем как проправительственное «меньшинство стояло на точке зрения проекта, по которому уездный начальник является центром всего объединенного управления в уезде»⁴⁴.

Главным коллегиальным органом власти в уезде по правительственному проекту являлся уездный совет, и его председатель, соответственно, становился главой уезда. Вокруг этого в Совете разгорелись наиболее ожесточенные споры. В правительственном проекте значилось: «Уездный совет состоит под председательством уездного начальника». Проект оппозиции предлагал: «Уездный совет состоит под председательством уездного предводителя дворянства»⁴⁵.

В защиту своих притязаний оппозиция прибегла к аргументам, которые, как она, очевидно, надеялась, дойдут до монарха, окажут нужное воздействие и поколеблют положение Столыпина: «Сокращая сферу влияния <...> уездного предводителя дворянства, проект <...> упускает из виду общественное призвание этой должности и ее идейное значение. Будучи общественным избранником, уездный предводитель дворянства является лицом, которому доверяет население. С другой стороны, принадлежа к сословию, исконным заветом коего была и есть служба Царю и Отечеству, уездный предводитель дворянства представляет собою наиболее надежного проводника государственных предначертаний»⁴⁶.

«Вопрос уездной реформы был во всей серии узловым, обе стороны готовились к сражению, и, по сведениям, полученным накануне заседания, каждая могла получить большинство. <...> В этот момент Совет по делам местного хозяйства стал тем ристалищем, где во многом решалась судьба страны. Сумеет ли правительство навязать наиболее влиятельной части общества свой тип модернизации или останется ни с чем — вот вопрос, который на самом деле решался в эти дни»⁴⁷.

⁴³ Могилевский К. И. Указ. соч. С. 211.

⁴⁴ Журналы Совета по делам местного хозяйства. Осенняя сессия 1908 г. Доклад Комиссии по проекту Положения об уездном управлении. С. 2.

⁴⁵ Там же. Положение об уездном управлении. Ст. 32.

⁴⁶ Там же. Доклад Комиссии по проекту Положения об уездном управлении. С. 2.

⁴⁷ Могилевский К. И. Указ. соч. С. 224.

В день голосования Столыпин распорядился, чтобы те сотрудники министерства, которые являются членами Совета по делам местного хозяйства, обязательно участвовали в заседании. Это дало правительству формальный перевес: 39 против 30⁴⁸. Но такой результат показал силу дворянского сопротивления правительственному варианту реформы местного управления.

Поскольку Совет по делам местного хозяйства являлся совещательным органом, даже голосование не в пользу правительства правительство ни к чему не обязывало. Но оно имело большое морально-политическое значение. После окончания работы осенней сессии Совета по делам местного хозяйства правительство в декабре 1908 г. внесло в третью Думу свои проекты волостного и поселкового управления. Но Положение о правительственных участковых комиссарах (или иначе — участковых начальниках, что одно и то же) и Положение об уездном управлении внесены в Думу не были. Правда, в многостраничной сопроводительной записке, переданной в Думу вместе с текстом проекта о волостном управлении и датированной декабрем 1908 г., участковые комиссары упоминаются, но только два раза и по второстепенному поводу⁴⁹.

Выработанное третьей Государственной Думой после долгих дискуссий в мае 1911 г. Положение о волостном земском управлении содержит статью (№ 156) о контролирующем волостное управление органе — Особом присутствии уездного съезда, приблизительном аналоге столыпинского уездного совета, в котором должен был председательствовать уездный начальник. В 1911 г. в Особом присутствии уездного съезда председательствует уездный предводитель дворянства! Об уездном начальнике нет ни слова. Зато есть никто иной, как пресловутый земский начальник, он входит в упомянутое Особое присутствие уездного съезда⁵⁰. Таков был финал попыток П. А. Столыпина реформировать местное управление в России, приблизив его к нуждам социально-политической и экономической модернизации страны. Надо сказать, что и думский вариант волостного управления не был претворен в жизнь. Его в 1914 г. отверг Государственный совет.

Что касается земских начальников, то кадетская фракция в третьей и четвертой Государственных Думах пыталась убрать его из проектов реформирования волостной администрации, но безуспешно. Этот одиозный институт был ликвидирован только Временным правительством после февраля 1917 г.

Однако среди современных историков есть такие, кто не одобряет этот акт Временного правительства. Так, А. В. Звонцова считает, что была проявлена «поспешность и несвоевременность упразднения этого института, который еще имел большой управленческий потенциал для наведения порядка». По мнению Н. В. Башкиревой, «институт не только был востребован и к моменту своего

⁴⁸ Там же. С. 235–236.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 86. Л. 86 об., 87.

⁵⁰ Государственная Дума. Третий созыв. Сессия IV. Ч. 3. Стб 4643. Стенографические отчеты.

упразднения не изжил себя, но и вполне мог существовать в дальнейшем»⁵¹. Те историки, которые позитивно оценивают деятельность земских начальников, разумеется, не считают закон 1889 г. контрреформой. Автору настоящей статьи ближе позиция Л. Н. Жданович и Н. А. Бузановой. Для Жданович приоритетным является то обстоятельство, что «существование особых сословных учреждений по крестьянским делам способствовало подавлению хозяйственной инициативы крестьян, их дальнейшему отставанию и отстранению от полноценного участия в общественной жизни страны»⁵². Бузанова справедливо полагает: несмотря на то что среди земских начальников «было немало лиц», относившихся к своим обязанностям как к общественному служению, людей либеральных убеждений, «независимо от этого, сам институт земских начальников был аномален модернизирующейся пореформенной деревне, сковывая, а то и подавляя сельское самоуправление»⁵³.

П. А. Столыпин отнюдь не был противником строгого контроля, но преимущественно только над законностью деятельности всесословного волостного управления. Напротив. Но при этом он хотел заменить слабо управляемый надзор дворянской вольницы контролем дисциплинированных законопослушных чиновников, что для страны было бы предпочтительнее. Отказ от обязательного дворянского ценза для земского начальника должен был обеспечить большие возможности для подбора достойных кандидатов. Заслуга П. А. Столыпина в том, что он сознательно отказался от консервации сословного общества, и в этом его позитивное отличие от Толстого–Пазухина. Столыпин целенаправленно проектировал всесословную волость, что соответствовало прогрессивному развитию России.

«Все законодательные реформы, которые провел Столыпин, в той или иной форме проектировались в министерствах до его прихода к власти. Он, однако, вдохнул в них жизнь»⁵⁴. Но в итоге П. А. Столыпин не смог преодолеть сопротивление консервативного дворянства. Его реформы местного управления так и остались проектами, что в не очень отдаленной перспективе, наряду с другими факторами, привело к крушению российской монархии.

References

- Avericheva O. M.* Institut zemskih uchastkovykh nachal'nikov Orlovskoj gubernii v konce XIX — nachale XX v.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2013.
Bashkireva N. V. Zemskie uchastkovye nachal'niki Voronezhskoj gubernii: sostav, funkcii, deyatel'nost' (1889–1917 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2010.

⁵¹ Звонцова А. В. Указ. соч. С. 21; Башкирева Н. В. Указ. соч. С. 20.

⁵² Жданович Л. Н. Чиновники по крестьянским делам северо-западных губерний России (1861–1904 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2005. С. 23.

⁵³ Бузанова Н. А. Земские начальники Тамбовской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. Гл. 3: Земские начальники и общественно-политическая жизнь.

⁵⁴ Вчисло Ф. Отношения между правительством и местной властью. Столыпин и третьиюньская монархия // Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного colloквиума историков. СПб., 1992. С. 46.

Bogatyрева O. N. Evolyuciya sistemy mestnogo upravleniya v Vyatskoj i Permskoj gub. (1861–1917). Ekaterinburg, 2004.

Brodnikova M. N. Vzaimootnosheniya zemskih nachal'nikov i organov mestnogo samoupravleniya v Rossii // Mestnoe samoupravlenie: vchera, segodnya, zavtra. Stavropol', 2004.

Buzanova N. A. Zemskie nachal'niki Tambovskoj gubernii: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2005.

Certelev D. N. Nuzhna li reforma mestnogo upravleniya. M., 1889.

Chukanov I. A. Uchastkovye zemskie nachal'niki i ih rol' v regulirovanii pravootnoshenij krest'yanskogo obshchinnogo samoupravleniya v rossijskoj dorevolucionnoj derevne (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) // Pravo i obrazovanie. 2009. № 2.

Danevskij V. P. Po povodu predstoyashchej reformy nashego sudoproizvodstva. M., 1896.

Dyakin V. S. Stolypin i dvoryanstvo (Proval mestnoj reformy) // Problemy krest'yanskogo zemlevladieniya i vnutrennej politiki Rossii. L., 1972.

Dzhanshiev G. A. Iz ehpoi velikih reform. M., 1892.

Evreinov G. A. Krest'yanskij vopros v ego sovremennoj postanovke. SPb., 1903.

Gessen V. M. Voprosy mestnogo upravleniya. SPb., 1904.

Gur'yanov M. M. Institut zemskih nachal'nikov v konce XIX — nachale XX v. i ego regional'nye osobennosti: Avtoref. dis. ... kand. juridich. nauk. Nizhnij Novgorod, 2007.

Kataev D. N. Mestnye krest'yanskije uchrezhdeniya 1861, 1874, 1889 godov. SPb., 1911.

Kornilov A. A. Krest'yanskaya reforma. SPb., 1905.

Kozhuhar K. Y. Zemskie nachal'niki // Vestnik prava. 1905. Kn. 5, 8, 9.

Mironenko K. A. Zemskie nachal'niki central'nogo chernozem'ya v social'no-politicheskoj povsednevnosti konca XIX — nach. XX v.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 2012.

Mogilevskij K. I. Stolypinskie reformy i mestnaya ehлита. Sovet po delam mestnogo hozyajstva (1908–1910). M., 2008.

Mogilevskij K. I., Solov'ev K. A. P. A. Stolypin: lichnost' i reformy. M., 2011.

Nikonov S. P. Krest'yanskij pravoporyadok i ego zhelatel'noe budushchee. Har'kov, 1906.

Simonova M. S. Krizis agrarnoj politiki carizma nakanune pervoj rossijskoj revoljucii. M., 1987.

Solov'ev Y. B. Samoderzhavie i dvoryanstvo v konce XIX veka. L., 1973.

Stolypin P. A. Programma reform. Dokumenty i materialy. T. 1. M., 2002.

Vchislo F. Otnosheniya mezhdru pravitel'stvom i mestnoj vlast'yu. Stolypin i tret'eiyun'skaya monarhiya // Reformy ili revoljuciya? Rossiya 1861–1917: Materialy mezhdunarodnogo kollokviuma istorikov. SPb., 1992. Vlast' i reformy. SPb., 1996.

Zaharova L. G. Zemskaya kontrreforma 1890 g. M., 1968.

Zajonchkovskij P. A. Rossijskoe samoderzhavie v konce XIX stoletiya. M., 1970.

Zhdanovich L. N. Chinovniki po krest'yanskim delam severo-zapadnyh gubernij Rossii (1861–1904 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Velikij Novgorod, 2005.

Zhurnaly Soveta po delam mestnogo hozyajstva. Vesennyya sessiya 1908 g.; Osennyya sessiya 1908 g. SPb., 1909.

Zvoncova A. V. Institut zemskih nachal'nikov v Rossii v ehposu konservativnoj stabilizacii i reformator-skom processe v 80-e gg. XIX — nachale XX v. (Po materialam Tul'skoj gub.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tula, 2006.

Список литературы

Аверичева О. М. Институт земских участковых начальников Орловской губернии в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013.

Башкирева Н. В. Земские участковые начальники Воронежской губернии: состав, функции, деятельность (1889–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губ. (1861–1917). Екатеринбург, 2004.

Бродникова М. Н. Взаимоотношения земских начальников и органов местного самоуправления в России // Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра. Ставрополь, 2004.

Бузанова Н. А. Земские начальники Тамбовской губернии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. Власть и реформы. СПб., 1996.

Вчисло Ф. Отношения между правительством и местной властью. Столыпин и третьиюньская монархия // Реформы или революция? Россия 1861–1917: Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992.

- Гессен В. М.* Вопросы местного управления. СПб., 1904.
- Гурьянов М. М.* Институт земских начальников в конце XIX — начале XX в. и его региональные особенности: Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Нижний Новгород, 2007.
- Даневский В. П.* По поводу предстоящей реформы нашего судопроизводства. М., 1896.
- Джашишев Г. А.* Из эпохи великих реформ. М., 1892.
- Дякин В. С.* Столыпин и дворянство (Провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972.
- Евреинов Г. А.* Крестьянский вопрос в его современной постановке. СПб., 1903.
- Жданович Л. Н.* Чиновники по крестьянским делам северо-западных губерний России (1861–1904 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2005.
- Журналы Совета по делам местного хозяйства. Весенняя сессия 1908 г.; Осенняя сессия 1908 г. СПб., 1909.
- Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.
- Зволицова А. В.* Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е гг. XIX — начале XX в. (По материалам Тульской губ.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2006.
- Катаев Д. Н.* Местные крестьянские учреждения 1861, 1874, 1889 годов. СПб., 1911.
- Кожухар К. Я.* Земские начальники // Вестник права. 1905. Кн. 5, 8, 9.
- Корнилов А. А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905.
- Мироненко К. А.* Земские начальники центрального черноземья в социально-политической повседневности конца XIX — нач. XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012.
- Могилевский К. И.* Столыпинские реформы и местная элита. Совет по делам местного хозяйства (1908–1910). М., 2008.
- Могилевский К. И., Соловьев К. А. П. А.* Столыпин: личность и реформы. М., 2011.
- Никонов С. П.* Крестьянский правопорядок и его желательное будущее. Харьков, 1906.
- Симонова М. С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.
- Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.
- Столыпин П. А.* Программа реформ. Документы и материалы. Т. 1. М., 2002.
- Цертелев Д. Н.* Нужна ли реформа местного управления. М., 1889.
- Чуканов И. А.* Участковые земские начальники и их роль в регулировании правоотношений крестьянского общинного самоуправления в российской дореволюционной деревне (вторая половина XIX — начало XX в.) // Право и образование. 2009. № 2.

Н. Б. Рязанцева

Опыт координации деятельности студенческих организаций университетов Российской империи

Необходимость высшего образования неоспорима для развития не только научной базы государства, но и для воспитания интеллектуальной части общества, что составляет основу развития культуры. Неоспорим также факт влияния политических событий на развитие университетов. Несмотря на трагические моменты истории человечества, научные школы продолжали совершать научные открытия, и профессорский состав продолжал воспитывать молодое поколение в духе патриотизма. Важнейшей составляющей российской истории всегда являлась духовная составляющая, о чем подробно сказано в исследованиях Н. Маркушиной, О. Церпицкой о влиянии так называемого «политического духовника» на политическую активность в России¹.

Профессор В. Фокин, занимаясь систематизацией историографии взаимодействия культур народов и внешней политики государств, акцентирует внимание исследователей и политиков на важнейшей составляющей: «Для современной системы международных отношений особое значение приобретают межкультурные коммуникации»². Студенческие обмены вузов между разными государствами формируют современное мировосприятие молодого поколения. Важную роль в понимании другой культуры играют студенческие организации,

¹ *Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л.* «Политический духовник» как фактор политической активности // Клио. 2015. № 3 (99). С. 5.

² *Фокин В.* Взаимодействие культур народов и внешняя политика государств (Историография проблемы) // Клио. 2015. № 3 (99). С. 44.

помогающие студентам иностранных вузов, приезжающим по обменным образовательным программам из других государств, понять культуру и традиции российского государства. Перед руководством и студенческими организациями университетов стоит важнейшая задача воспитания у студентов патриотизма, сохранения исторических традиций собственного культурного наследия и одновременно воспитания уважения к культуре других народов.

Направление воспитательного процесса в Российской империи находилось под контролем государства. Особая роль в данном процессе отводилась университетам как центрам профессионального образования и международной научной деятельности. Накопленный опыт работы со студенческой средой ведущих вузов Российской империи является примером для современных вузов России.

В 1802 г. создано Министерство народного просвещения (далее — МНП), а затем — правила, регламентировавшие систему средних и низших учебных заведений: гимназий, уездных и приходских училищ. В 1804 г. в соответствии с уставом учебных заведений (средних и низших) университеты стали органами управления всеми находящимися в округе гимназиями и уездными и приходскими училищами³.

Управление университетами было автономным, под Высочайшим покровительством и под началом министра народного просвещения, компетенции попечителя ограничивались общим надзором и попечением о процветании университетов.

Высшим органом самоуправления являлся совет, состоявший из заслуженных и ординарных профессоров. Несмотря на малочисленность студентов при открытии гимназий, их число постепенно увеличивалось. Студенческая жизнь протекала тихо и спокойно до событий, которые произошли в Германии. В 1819 г. на основании постановления Франкфуртского союзного сейма от 20 сентября 1819 г. немецкие правительства обратили внимание на университеты в связи с подозрением в распространении ложных идей, что привело к строгому контролю со стороны особых правительственных комиссаров или кураторов, лишению большей частью контроля над учащимися вплоть до отмены постановлений советов.

Под влиянием описанных событий в России, в 1823 г. прокатилась волна увольнений с должностей профессорского состава, университеты постепенно теряли свои привилегии. Иностранцы преподаватели покидали Россию, и нависла угроза нехватки преподавательского состава в университетах, что незамедлительно отразилось на средних и низших учебных заведениях. Правительство 14 мая 1826 г. учредило Особый комитет устройства учебных заведений. 26 июля 1835 г. вышел новый устав. Независимо от этого при Дерптском учебном университете в 1828 г. был открыт институт для подготовки профессорского состава, существовавший в течение девяти лет. Управление училищами

³ По данным учебных заведений Ведомства Министерства Народного Просвещения за 1883/84 учебный год. СПб.: Тип. МВД, 1883. С. 3.

было выведено из подчинения университетов, что сыграло положительную роль в развитии самого университета.

Деятельность совета ограничивалась техническими и учебными вопросами и выбором ректора и лиц для занятий вакантных кафедр. С 1837 г. постановления совета подлежали просмотру и утверждению попечителя. Преподавательский состав обязан был представлять предварительно программы лекций с тремя цензурами: декана, ректора и попечителя. Все экономические, судебные и дисциплинарные вопросы по отношению к студентам были выведены из ведения университетов.

В 1856 г. Министерство потребовало от университетов представлений о дальнейшем их развитии, по итогам которых в 1861 г. была составлена особая комиссия под председательством попечителя Дерптского учебного округа. Система управления университетами была создана для государственных целей: назначение их состояло в приготовлении для государства способных, просвещенных наукой деятелей и вследствие этого они получали свои средства и привилегии исключительно от правительства. Поэтому они обязаны были действовать строго в границах, которые юридически определены для них уставом, данным верховной властью, и в своих действиях подчиняться правительственному контролю, т. е. отчетности, ревизии и ответственности по закону.

С 1856 г. началась работа над внесением изменений в уставы общеобразовательных учебных заведений, утвержденные в 1828 г., в соответствии с потребностями времени. Основной целью было признано привести к всеобщему распространению образования на «все лица без различия пола и звания». Низшим и средним учебным заведениям предполагалось дать характер исключительно общеобразовательный, т. е. поставить главной задачей для них приготовление не специалистов, а воспитание человека путем преподавания разных знаний. Вводилось три разряда общеобразовательных учебных заведений: народные училища мужские и женские, прогимназии и женские училища 2-го разряда и гимназии и женские училища 1-го разряда. Основной задачей являлось активная работа в классах под непосредственным руководством учителя, чтобы избежать домашнего обучения, при котором ученик в случае непонимания может потерять интерес к наукам.

В 1864 г. с учреждением земств правительство ассигновало значительные средства на народное образование, что привело к открытию новых училищ в сельской местности и более интенсивному росту распространения народного образования. В 1882 г. была поставлена задача взять за основу австрийскую систему народного образования, т. е. открыть народные училища, и 5 августа 1886 г. был утвержден устав народных училищ, на основании которого было открыто 315 училищ с 790 учителями, 18 128 учащимися мужского и 1787 — женского пола. План развития университетов по австрийскому образцу оказался неудачным. Однако народные училища создали почву для подготовки специалистов — учителей, владеющих методикой, что дало основу для создания университета с подготовленными кадрами.

Подготовка учителей народных училищ проходила в особых учебных заведениях, называемых учительскими институтами. Российская империя разделялась на учебные округа, из которых каждый заключал в себе учебные заведения нескольких губерний и состоял в ведении особого попечителя, подчиненного министру народного просвещения. Данный устав не распространялся на учебные заведения Дерптского округа, Царства Польского и Кавказского края, имеющие свои особые положения⁴.

По данным статистики, численность населения в России (без Финляндии) с 1897 по 1914 г. выросла с 126 млн 700 тыс. до 165 млн 700 тыс.⁵ По данным Департамента общих дел Министерства народного просвещения, в Российской империи было основано 12 учебных округов и 3 главных управления гражданскими учебными заведениями, в которых насчитывалось 2197 учебных заведений, с наибольшим количеством учебных заведений в Санкт-Петербургской (159) и Московской (134) губерниях⁶.

Санкт-Петербургский и Виленский учебные округа были основаны в 1803 г., Варшавский учебный округ учрежден в 1839 г. В состав Дерптского учебного округа с 1803 г. входили Лифляндская, Эстляндская, Финляндская и Курляндская губернии. В 1824 г. Финляндская губерния исключена и в 1893 г. округ был переименован в Рижский⁷.

В России в девяти университетах обучалось 21 950 студентов, в том числе: в Санкт-Петербургском университете — 4652 студента, в Варшавском — 1661, Дерптском (Юрьевском) — 811⁸. Заметим, что уже в 1907 г. в Санкт-Петербургском университете обучалось 9640 студентов⁹.

Одним из ведущих вузов Российской империи являлся Императорский Санкт-Петербургский университет, деятельность которого непосредственно соприкасалась с вузами западных губерний¹⁰. 20 мая 1803 г. была основана учительская гимназия в Петербурге, в 1804 г. переименованная в педагогический институт, 28 июня 1835 г. был принят общий устав российских университетов, по которому университет освобождался от административных функций по управлению округом и являлся открытым вузом. Отметим, что по уставу

⁴ Проект устава общеобразовательных учебных заведений Министерства Народного Просвещения. СПб.: Тип. Импер. АН, 1862. Гл. 1: Положения общие. С. 69.

⁵ Статистико-документальный справочник. Россия. 1913 год. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995. С. 17.

⁶ Учебные заведения Ведомства Министерства Народного Просвещения / Сост. по офиц. сведениям к 1 янв. 1905. СПб.: Изд. Деп. Общих Дел М-ва Нар. Пр., 1907. С. 674.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же. С. 36.

⁹ Сводная ведомость описи. Переписка Господина Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа с ректором Императорского Санкт-Петербургского Университета от 29.12.1907. № 1609 // ЦГАИ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11265. Л. 11.

¹⁰ Высшая школа Санкт-Петербурга XIX — нач. XX в. Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета: Сборник документов. СПб.: Лики России, 2007. С. 291.

1863 г. университет расширил права, а в 1884 г. завершилось функциональное образование, и университет стал центром фундаментальных наук¹¹.

Правила для студентов Императорского Санкт-Петербургского университета были составлены жестко. В Правилах 1839, 1879¹², 1886¹³, 1899¹⁴ гг. прописаны запреты на все виды многочисленных собраний. Студентам воспрещалось «принимать участие в каких бы то ни было тайных обществах или кружках, хотя бы они и не имели преступной цели»; «студенты не составляют особой корпорации и потому им строжайше воспрещаются какие бы то ни было коллективные действия, как-то: подача адресов, жалоб и прошений, посылка депутатов, вывешивание объявлений от имени студентов вообще, и т. д. Студенты, из уважения к своему званию, должны избегать противоправительственных собраний и мест, пребывание в которых неприлично хорошо воспитанному человеку, и везде и всегда обязаны вести себя скромно, пристойно и вежливо, как подобает молодым людям, ищущим высшего научного образования»¹⁵.

Однако студенческие общества формировались самостоятельно в начале XIX в., затем оказались под запретом, но при этом продолжали свою деятельность в разные периоды. Одним из положительных примеров являлась деятельность научных кружков, которые занимались нравственным и ученым направлениями ума, приобретаемыми студентами в университете. Работая над научным исследованием под руководством профессорского состава, студент знакомился с технической стороной подобных трудов, требующей упражнения и навыка, поэтому и по окончании курса учебная деятельность для него была доступнее.

К сотрудничеству приглашались студенты всех университетов, стоящие близко к университетской науке. Предлагаемая статья поступала или к одному из студентов-редакторов, который передавал ее профессору-редактору, или прямо последнему. Это приближало к разрешению великой задачи, состоявшей перед образованием молодого поколения в том направлении, которое было указано наукой и современностью. Программа состояла из переводов иностранных авторитетных книг и статей, учено-литературных заметок, всего того, что связано с интересами науки.

Безусловно, опыт деятельности студенческих организаций иных государств постоянно изучался и широко дискутировался в Министерстве народного просвещения Российской империи, учитывая традиционные особенности

¹¹ Там же.

¹² Правила для студентов Императорского С.-Петербургского Университета. Утв. 2 августа 1879. М.; СПб.: Тип. Стасюлевича, 1879. С. 1–2.

¹³ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских Российских университетов. СПб.: Типо-лит. А. М. Вольфа, 1886.

¹⁴ Правила для студентов и сторонних слушателей Императорских Российских университетов. СПб.: Типо-лит. А. М. Вольфа, 1889.

¹⁵ Правила для студентов Императорского С.-Петербургского университета. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1899. С. 12.

российских вузов. Одной из основных задач являлась координация деятельности неформальных студенческих групп, которые активно предпринимали попытки, порой жесткие, завоевания влияния в студенческой среде.

Многочисленные поправки в устав вносились на протяжении двадцати лет, прошедших после его утверждения в 1884 г., поскольку его пункты со временем входили в противоречие с научными требованиями и положениями. Существенным изменениям и дополнениям подвергались правила, определяющие положение учащихся в университете. В связи с тем, что ни в одном из предыдущих документов не допускались студенческие организации, студенты вступали в различного рода общества, которые существовали в качестве тайных и нелегальных. Некоторые из этих обществ играли большую роль в университетских волнениях и беспорядках и начиная в особенности с 1899 г. стали принимать всё более резкие формы. Предварительно обсуждался Свод мнений по вопросам, предложенный министром народного просвещения относительно желаемых изменений в устройстве императорских российских университетов.

МНП стало допускать мысль о возможности допущения некоторых организаций в 1899 г. Циркуляром 21 июля за номером 17287 в целях обеспечения общения между студентами и преподавательским составом вузов разрешено было образование под ответственным руководством профессорского состава студенческих научных и литературных кружков и других студенческих учреждений, как то: хоров, оркестров и т. п. Дальнейшую, более подробную регламентацию подобных учреждений получили в утвержденных 22 декабря 1901 г. Временных правилах организации студенческих учреждений в вузах МНП. В начале 1900-х гг. в студенческие аудитории активно проникали политические лозунги, что привело к формированию групп революционно настроенного студенчества; одной из попыток воспрепятствовать влиянию революционных беспорядков на академическую жизнь университета было создание некоторых студенческих организаций с охранительными лозунгами типа «Родина, честь и наука». В свете сложившейся ситуации под угрозой оказалось существование студенческой этики и традиций, приоритет занятий наукой для студентов.

В связи со сложившимися объективными причинами последовал ряд предложений о внесении следующих корректировок в устав: переход от курсовой к предметной системе преподавания, создание условий для конкуренции среди преподавательского состава, внешняя организация преподавания, т. е. избрание кандидата на должность по рекомендации факультета, управление университетами, в котором обсуждался и вопрос об упорядочении студенческой жизни, связанный с предотвращением волнений (подобных произошедшим в 1899 г.), создание комиссий, а впоследствии института кураторства, организация в 1902 г. профессорского дисциплинарного суда и делегирование советам университетов права избирать весь состав суда из своей среды. В 1906 г. упразднена университетская инспекция и учреждена должность проректора, избираемого советом профессоров данного университета, с возложением

на него ближайшего наблюдения за исполнением студентами и слушателями установленных правил¹⁶.

Главнейшие основания данных правил были следующие: студентам разрешалось образовывать различного рода кружки и общества, преследующие цели научно-литературные, художественные, взаимопомощи и физического развития, и для обсуждения вопросов, касающихся только этих учреждений, а равно для выбора старост или представителей разрешались студенческие собрания под председательством студента, но в присутствии лица из преподавательского или административного состава данного университета. Далее следовали подробные правила, определяющие порядок собраний, выбора старост и заведывания студенческими учреждениями.

Однако эти правила были встречены студентами с недоверием, истолкованы как мера, клонящаяся к подчинению их правительственной опеке и лишению их всякой свободы и самостоятельности, а потому не прижились на практике. Вследствие этого в 1902 г. вопрос студенческих организаций вновь подвергся обсуждению сперва в образованной при МНП комиссии из начальников вузов названного ведомства, а затем, с целью установления единообразия в действиях правительства, касающихся упорядочения студенческой жизни, в особом совещании подлежащих министров и главных управляющих. Было решено включить в Правила вузов с 1902 г. идентичные пункты, в том числе касающиеся образования студенческих организаций с новыми условиями, и оставить действующие в вузах студенческие корпорации на законном основании, как например в действовавшие студенческие организации в Юрьевском университете.

В ходе бурных обсуждений было выработано общее мнение о необходимости всякого рода организаций студентов, например для целей научных, экономических, общительных, за исключением тех, которые образуются для целей противозаконных и безнравственных. Формирование студенческих организаций путем принудительных мер должно быть отклонено. В основе студенческих организаций должны быть поставлены те типы, которые выработаны жизнью и всегда существовали в студенческой среде, хотя и нелегально.

Каждая организация студентов должна была действовать на основании особого устава, выработанного ее учредителями и утвержденного надлежащим порядком. Деятельность организаций находилась под общим наблюдением ректора, проректора и совета. Ректору представляется ежегодный отчет каждой организации. В особо важных случаях ректор имеет право приостанавливать деятельность организации и раньше окончательного ее закрытия, но с тем чтобы решение вопроса о ее закрытии было представлено на усмотрение ближайшего заседания совета. Выбор курсовых старост должен быть признан дозволенным, но не обязательным для студентов. Курсовые сходки следует признать

¹⁶ Об Уставе Императорских Российских университетов. Департамент Народного Просвещения. Справка в Государственную Думу от 10 мая 1910 г., № 13645. С. 29–33.

дозволенными, если они происходят по ходатайству студентов данного курса с разрешения декана в помещении, назначенном ректором.

Обсуждаемые вопросы касались только студенческих дел и не могли нарушать общие законы. Сходка могла считаться состоявшейся лишь при участии в ней более половины (например, 2/3) студентов данного курса. Решения таких сходок могли бы иметь для товарищей по курсу единственно нравственный авторитет; они должны быть сообщаемы декану, а последним — ректору для дальнейшего, если понадобится, направления дела.

Сходки общестуденческие были признаны нежелательными ввиду трудности гарантировать дисциплину, а потому они допускались лишь в исключительных случаях. Вообще их следовало бы заменить собранием представителей разных студенческих организаций и учебных групп на основании выработанных советом правил.

Из типов студенческих организаций при Юрьевском университете: корпораций, ферейнов и землячеств, первый представлялся неудобным из-за своих германских тенденций, второй — из-за недостатка гласности и контроля, а третий — из-за участия в недавних беспорядках. Землячества же поощряли развитие местного патриотизма вместо столь необходимого в России сближения жителей разных местностей и национальностей. Одним из решений было содействие образованию на разумных началах студенческих общежитий или, в крайнем случае, учреждению студенческого клуба. Нет нужды, как убеждал опыт, и в курсовых старостах, тем более что возлагаемые на них поручения могли бы сильно отвлекать их от научных занятий. Что касается землячеств, то они имели полезную цель: собирали и выдавали пособия студентам-землякам.

Споры профессорского состава о формах студенческих организаций принимали разную окраску: одни говорили о полезности создания студенческих организаций, которые могут «служить естественной школой воспитания в духе общественности, товарищеского единства и разумного подчинения решениям большинства»; другие выступали против принудительного участия студентов в подобных организациях, которые в своей деятельности будут ограничены Правилами университета, и высказывались за сохранение традиционной общности научных интересов студентов и профессорского состава. Например, Московский совет придерживался мнения университетов, основанного на аналогии с развитием немецких университетов в связи с отсутствием сформулированного пути развития российских университетов.

Что касалось задач университета, то большинство советов высказывалось за следующее решение. Первейшей задачей являлось вооружение студентов верными средствами для борьбы с вредными влияниями, выработкой приемов самостоятельной мысли и критической оценки чужих мнений. То, что услышат студенты с кафедры по поводу модных и запрещенных социальных теорий, философских и религиозных учений, скорее предостережет их от увлечений, чем меры полицейской охраны.

Если в университетах приоритетом будут научные задачи, то педагогические естественно отодвинутся на последний план, ибо для решения их недостаточно ни времени, ни сил. Ученая и учебная задачи должны стоять в нем рядом неразрывно.

Санкт-Петербургский совет считал необходимым введение в устав университетов статьи, узаконивающей существование корпоративного строя студенческой жизни и предоставляющей совету право издавать правила, определяющие следующие начала.

На основе института курсовых старост, которые служат посредниками, образуется совет старост — факультетских и общих — обсуждающий вопросы учебные и другие, касающиеся академической жизни, и представляющий свои заключения на утверждение декана или ректора. Заседание советов старост происходит только с разрешения ректора, в назначенное им время, в университетских помещениях и в присутствии товарища ректора или другого профессора, назначенного советом университета. Председатели факультетских советов старост и их товарищи избираются из старост старшего курса своего факультета, а представитель общего совета старост — из председателей факультетских советов.

В затруднительных случаях советы старост могут ходатайствовать о созыве курсовых, факультетских и общих собраний студентов с сообщением подлежащих обсуждению вопросов. Такие собрания могут происходить только с разрешения ректора, в часы, свободные от учебных занятий, в присутствии товарища ректора или другого профессора, назначенного советом университета.

Если собрание, несмотря на предупреждение присутствующего профессора, перейдет к вопросу, не подлежащему обсуждению, или примет беспорядочный характер, то профессор удаляется из собрания, после чего оно считается закрытым. Право голоса дается только тем студентам, личность которых известна председателю. Постановления студенческой корпорации являлись обязательными для всех студентов; решения университетского совета по коллективным жалобам и прошениям не подразумевали апелляций.

Частные академические кружки для целей научных и образовательных, а также для занятий искусством и спортом, по мнению совета, могли бы существовать под личной ответственностью профессоров. Что касается так называемых землячеств, то, так как в них нередко объединяются студенты разных учебных заведений, совет университета не мог бы принять на себя за них непосредственной ответственности; однако могут быть разрешения под началом и личной ответственностью кого-либо из профессоров.

Воспитательное влияние университета на студентов должно быть понимаемо не в смысле выработки уважения к науке, стойкости убеждений и твердости характера, сознания долга и чувства законности, которые могут быть истолкованы и в смысле упорства в высокомерии и преувеличении своих прав и чужих обязанностей, а скорее должны выражаться в более скромных задачах: развития работоспособности сознания собственного долга, уважения к чужому

мнению и объективности взгляда, что гораздо важнее для общества и государства, чем высокомерное поклонение собственным взглядам сего дня.

Все занятия как профессорского состава, так и студентов могут сосредотачиваться только на науке, и никаких других интересов, кроме научных, университет преследовать не должен. Студенты, конечно, должны иметь право с разрешения администрации устраивать и иные, кроме научно-учебных организаций (например экономические, землячества и т. п.), но наблюдение за тем, чтобы такие организации не приняли вредного в политическом отношении направления, должно лежать не на университете, как и вне стен университета они должны быть подчинены общей полиции на тех основаниях, на каких подлежат ее надзору граждане Российской империи.

С 1902 г. вводились следующие изменения в правила: руководство возложено на профессоров-кураторов, избираемых советом. Затем подтверждалось право студентов образовывать различного рода кружки, причем утверждение уставов предоставлено было советам, а устав прочих организаций при одобрении их правлением и комиссией кураторов — попечителю округа учебного. За студентами было признано право устраивать собрания по курсам, созываемыми либо ректором, либо, с его согласия, куратором, и избрание курсовых старост. И этим были недовольны студенты. На практике такой тип организаций не был принят студентами, и они тяготели к сохранению тайных обществ. Умеренная часть пыталась создать корпорации, но вскоре распались, и только научные кружки, кружки для занятий искусствами и спортом сложились в более или менее прочные организации¹⁷.

Новый взрыв студенческих беспорядков в 1905 г., сходки и митинги студентов в стенах университетов привел к корректировке и уточнению круга деятельности студенческих организаций.

11 июня 1907 г. были утверждены правила о студенческих организациях и об устройстве собраний в стенах вузов, в которых разрешалось открытие общества только тем организациям, которые соблюдали правила и чьи цели не преследовали посторонних академическим целей¹⁸.

Согласно Правилам относительно студенческих организаций и устройства в стенах Высших учебных заведений собраний от 11 июня 1907 г., «студентам вузов разрешается образовывать организации, преследующие цели, не противные существующим узаконениям и правилам, причем Уставы таких организаций утверждаются Советом Университета»¹⁹.

¹⁷ Отчет о деятельности Ботанического кружка при С.-Петербургском Университете за 1912 год. СПб.: Тип.-лит. А. М. Вольфа, 1912.

¹⁸ *Столянский И.* СПбГУ в первое столетие его деятельности. 1819–1919: Материалы по истории СПбГУ. Т. 1: 1819–1835 / Под ред. Рождественского. Пг.: 2-я тип., 1919. С. ХСIV.

¹⁹ Письмо Господина Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа ректору Императорского Санкт-Петербургского Университета от 29.12.1907. № 1609 // ЦГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11265.

По данным Учебного комитета Санкт-Петербургского учебного округа, по состоянию на 1910 г. утверждались уставы различных кружков и организаций, основанных как по принципу научных интересов и касс взаимопомощи (их насчитывалось 1295), так и по принципу принадлежности к краю проживания в виде землячеств (298). Только кружков насчитывалось около 45 видов²⁰.

Деятельность российских студенческих организаций вузов была направлена на участие в политической жизни государства. Поддержка профессорского состава университетов студенческих организаций прослеживается на основании анализа отчетов, в которых в состав Правления входили виднейший профессорско-преподавательский состав и студенческие организации являлись достаточно состоятельными в финансовом отношении.

В 1908 г. возникло общество студентов Императорского С.-Петербургского университета «Русская Академическая Корпорация» в противовес политическим сообществам²¹. Задачами общества являлись: а) проведение в академическую жизнь университета тех принципов, при которых университет служит науке, и б) поддержание русского студенчества С.-Петербургского университета.

Как и в других обществах, обязательным условием являлся отказ от политических интересов. Деятельность общества управлялась общим собранием, которое определяют тактику и способы отстаивания задач, изложенных в программе. Члены общества не имели права выступать с речами против определений, принятых обществом.

В обществе члены делились на действительных, работавших в периодических собраниях и имевших право решающего голоса, и сочувствующих, не имеющих права голоса, подчиняющихся принятым постановлениям. Членами могли стать все желающие студенты Университета по письменной рекомендации трех действительных членов под их личную ответственность и утвержденные Советом закрытой баллотировкой.

Лица, послужившие своей плодотворной деятельностью на пользу Корпорации, избирались «Почетными» членами, приглашались на заседания общества, но решающего голоса не имели. Исполнительным органом являлся Совет, состоящий из председателя, товарища председателя, четырех членов, казначея и двух секретарей. Совет избирался ежегодно общим собранием. В его функции входили следующие задачи: попечение о развитии деятельности Корпорации и изыскание мер по увеличению ее средств, представление годового отчета о деятельности общества и предложение бюджета на следующий год, заведывание хозяйственной стороной корпорации и предварительная разработка дел, вносимых на общее собрание. Голосование проводилось большинством голосов присутствующих при условии присутствия не менее семи членов.

²⁰ Доклад Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа. 29.03.1910. № 6493 // ЦГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1086. Л. 195.

²¹ Устав Общества «Русская Академическая Корпорация» студентов Императорского С.-Петербургского Университета. СПб.: Тип. «Россия», 1908. С. 5.

Председатель от имени корпорации вел переговоры с учреждениями и лицами по делам корпорации, занимался приглашением Совета на заседания, наблюдал за исполнением всех постановлений, исходящих от Совета, и являлся хранителем печати Корпорации. Корпоранты в установленных случаях должны были носить ленту и серебряные значки отличия. Лента синего цвета надевалась через правое плечо.

Общество имело право приобретать, владеть и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом, в том числе и отдельным помещением. Члены общества имели право устраивать в своей среде как научные кружки для изучения отдельных отраслей наук, преподаваемых в университетах, так и спортивные кружки.

В части «Средства общества» в обязательном порядке указывался вид взносов и размер платы в год. Средства данного общества составлялись из членских взносов действительных членов в размере одного рубля в год и из доходов с концертов, балов, частных пожертвований и т. д. В Примечании отмечалось, что размер взносов определялся годовым собранием. Общество имело право устраивать как в Петербурге, так и вне его пределов доклады, чтения, собеседования, платные и бесплатные вечера, концерты и спектакли, издавать отчеты о своей деятельности и другие печатные труды.

На 1 января 1914 г. население Российской империи составляло вместе с Финляндией 178 378,8 чел., в том числе: в Петроградской губернии проживало 3136,5, Курляндской — 798,3, Лифляндской — 1744,0, Эстляндской — 570,2, Варшавской — 2792,6, Финляндии (8 губ.) — 3241,0.

Грамотность населения составляла в среднем 45,3%. Средних учебных заведений насчитывалось 11 940 и 63 вуза с количеством студентов 71 379. Кроме того, действовало 54 частных вуза — 52 153 студента, преподавательский состав составлял в 1898/99 г. 2458, в 1913/14 — 4477.

Наибольшее количество выпускников выбирали следующие сферы деятельности: юристы — в 1909/1913 — 14 491, врачи — 8351, педагоги — 8402, офицеры — 1467, священнослужители православной, католической и евангелической церквей — 1208, инженеры фабрично-заводского производства — 4452, агрономы, лесоводы, ветеринары и межевые инженеры — 3308, инженеры путей сообщения — 939, горные инженеры — 623, инженеры-строители, архитекторы — 561, экономисты — 762, востоковеды — 313, инженеры связи — 201, художники, ваятели — 98. В сравнении с Англией, Францией и другими государствами Западной Европы, где один врач приходился на 1400–2500 жителей, в России — на 5450. Необходимость подготовки кадров того времени требовала участия в государственной и общественной деятельности лиц с высшим юридическим и финансово-экономическим образованием. И конечно, неотложными задачами являлось открытие высших медицинских и физико-математических, затем историко-филологических и, наконец, юридических школ. Совокупности этих школ подготовки и представляли собой университеты.

Западные губернии населяли многонациональные этносы, что отразилось на формировании и утверждении принципов студенческих корпораций и иных форм студенческих организаций вузов.

Дерптский учебный округ состоял из 339 учебных заведений: 162 гимназии, прочих — 78 и реальных училищ — 99. Население городов стремительно росло в связи с началом промышленного переворота в Прибалтийском крае, например, в начале XIX в. в Таллине проживало 59 тыс., Нарве — 29 тыс., Тарту — 41 тыс. чел.

В течение первой половины XIX в. на территории Прибалтийского края существовало одно высшее учебное заведение, учрежденное Александром I в 1802 г., — Императорский Дерптский (позже — Юрьевский) университет. На основании устава «университет имел право принимать в число студентов всякого звания и состояния людей», тем самым впервые давалась возможность местному латышскому и эстонскому населению получать высшее образование. В период с 1802 по 1844 г. основную массу студентов составляли выходцы из Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний. В 1802 г. количество студентов составило 46, на следующий год выросло до 95, наибольшее число обучающихся приходится на 1830 г. — 619²². В Дерптском университете преподавание на русском языке в качестве обязательного было введено еще в 1820 г. Во времена правления Николая I были направлены выпускники Московского и Петербургского университетов в Рижскую и Ревельскую гимназии и в Ревельское дворянское училище. В 1836 г. Правительство усилило меры по утверждению более жестких мер по Дерптскому университету вплоть до непредоставления звания студента, кандидата или лекаря без достаточного знания русского языка, вторым шагом был отказ принимать в университет студентов без сдачи экзамена по русскому языку. Однако и эти меры не привели к желаемому результату.

Основу преподавательского состава Дерптского университета составляли немецкие профессора, что отразилось на всех сферах университетской жизни.

Начиная с XIX в. активизируется российская политика в отношении проникновения русского языка на территории прибалтийских губерний. В Дерптском учебном округе начались дискуссии о целесообразности преподавания русского языка прибывающим из других учебных округов. Причиной возникшей проблемы явилось невыполнение мер, предпринятых правительством в 1820 г. и связанных с заменой делопроизводства на немецком языке на русскоязычное. Поэтому правительство было убеждено в необходимости учреждения русских гимназий в Дерптском учебном округе.

Кроме того, был разработан план открытия русских гимназий для латышей и эстов. После принятия к руководству общего устава, утвержденного 19 ноября 1864 г., в русских гимназиях в Риге и Ревеле увеличилось количество уроков русского языка, преподавание немецкого, одного из господствующих

²² Статистические таблицы и личные списки по Юрьевскому Императорскому, бывшему Дерптскому, университету (1802–1901). Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902. С. 4.

языков, сохранялось. В круг предметов в русских остзейских гимназиях введены в качестве необязательных местные языки. Латинский язык вводился со второго класса, французский — с четвертого.

В 1864 г., с учреждением земств, правительство ассигновало значительные средства на народное образование, что привело к открытию новых училищ в сельской местности и более интенсивному росту распространения народного образования.

Русские в городах Остзейского края составляли из торгового звания мещан и в Риге из раскольников следующее число: всех православных в Рижской губернской гимназии было 33 из 445 учеников, в Ревельской — 27 из 263. С 1835 по 1865 г. из рижской гимназии было выпущено 543 ученика, из них русских 18, латышей — 6. В Риге дети православных жителей поступали преимущественно в Русское уездное училище. Русские, латышские и эстонские семьи ограничивались начальными училищами для практической жизни, поэтому для населения при малочисленности желающих учиться в гимназиях реальной было бы учреждать русские выездные элементарные училища, такая же ситуация сложилась и в Дерптском учебном округе, где общее число учеников в гимназиях было невелико: в низших классах — 90, в основных семи — 240. В Рижской губернской гимназии — 278, в Ревельской — 253. Следующей проблемой являлась малочисленность русского, латышского и эстонского населения в городах, где большинство составляло немецкое население. В свою очередь и они попадали под влияние русского населения в торговле. Латыши и эстонцы, хотя и составляли большинство края, подвержены были влиянию немецкого населения, поэтому для начала было решено вводить русские уездные училища и элементарные школы в сельских местностях, где получают первые основы грамотности.

В ходе подведения итогов исследования и приведенных доводов состояния преподавания русского языка в Остзейских губерниях, при разрешении вопроса об открытии Рижской русской гимназии, министр народного просвещения граф Дм. Толстой пришел к выводу, что даже при открытии гимназии доступ к обучению должен быть свободным для всех учащихся, независимо от их происхождения и народности. В качестве первого шага необходимо было открыть прогимназию, а затем со временем — гимназию. До этого поставленные задачи должны были выполнять школы. С 1868 г. в виде эксперимента в одной из гимназий вводилось преподавание всеобщей истории на русском языке.

При создании организационных структур был перенят опыт корпорации германских университетов, в которых воспитывались сыновья курляндских, лифляндских и эстляндских баронов, бюргеров и пасторов до учреждения университета. В германских университетах студенческие корпорации являлись маленькими республиками, имевшими не только свои законы, особое управление, суд, но и свою боевую организацию, свои знамена, эмблемы, нашивки, ленты, цвета и наконец — особое оружие. Также некоторый опыт организации был перенят из Парижского и Болонского университетов, в которых обучались и германские студенты. Корпорации делились по принципу принадлеж-

ности к национальности и одновременно участвовали общие собрания. С возникновением Пражского (1348) и Венского (1356) университетов корпорации постепенно меняют свой характер в связи с рождением идеи общенемецкого объединения в единое государство в первые десятилетия прошлого века. Студенческие корпорации находились под покровительством правительств германского союза и профессорского состава университетов.

В прибалтийских вузах цели и задачи студенческих организаций приняли иную направленность. Приоритетом деятельности являлось понимание самобытности своих национальных культур. Например, при Дерптском университете наименования студенческих организаций регистрировались с национальными названиями. Влияние немецкого языка сказывалось только при организации их управления на первых этапах формирования.

В 1830-х гг. наиболее эффективной формой являлось научно-литературное общение преподавательского состава четырех факультетов, что стало основой для возникновения научных кружков, а затем — двух ученых обществ, по своим масштабам выходящих за пределы университетской среды: «Ученое эстонское общество в Дерпте» и «Дерптское общество естествоиспытателей». Основу обществ составляли пасторы, профессорский состав и так называемые литераты. Интересно отметить, что среди литератов был известный петербургский славист, профессор П. И. Прейс. Так было положено начало изучению национальной истории, языка и литературы эстонского народа²³. Одним из значительных результатов работы обществ было немецкое издание народного эпоса эстов «Kalewipoeg», вышедшее в 1861 г. Таким образом, возникшие общества явились средоточием научных интересов университетской и внеуниверситетской среды для изучения Прибалтийского края.

Студенческая жизнь протекала в тесной связи с жизнью профессорского состава, университета и городской среды при обществе «Академическая Мусса», основанном еще в 1814 г. С 1840 г. члены общества подлежали университетской юрисдикции. При обществе устраивались балы, концерты, публичные лекции и театральные представления. Однако последние с участием студенческой среды были запрещены вплоть до 1867 г. Подобные общества гораздо большее развитие получили в последующие годы.

Наиболее приемлемой формой с точки зрения российского правительства являлись музыкальные кружки «Музыкальное Общество» и «Университетское певческое общество» при активном участии преподавателей. Однако основной формой стали корпорации, которые влияли на все стороны деятельности студенческой жизни и последующей карьеры. В начале формирования корпораций проходило становление форм и методов организации. Преобладающей формой в борьбе с факультетским и общестуденческим принципами организации оказался земляческий принцип. В начале 1820-х гг. были основаны три корпорации:

²³ Петухов Е. Императорский Юрьевский бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802–1902). Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902. С. 561–562.

Estonia, Livonia, Fraternitas Rigensis. В 1830-х гг. корпорации, основанные на земляческом принципе, объединились в общестуденческую корпорацию «Curonia» с общим уставом, так называемый «команный» и выборный центральный административный орган управления «собранием уполномоченных» под названием «Chargirtenconvent». К этому же времени сложились и объединенные корпорации русских и польских студентов «Polonia» и «Ruthenia» с ограниченными правами без права голоса и представительного места в Конвенте. К концу 1830-х гг. сформировались основные методы организации студенческих корпораций, к которым часто обращалось управление администрации университета в решении различного рода вопросов по организации студенчества.

На основании «временных правил для учащихся» 1834 г. дозволялось учреждать студенческие общества под надзором ректора. Количество членов в каждой корпорации не должно было превышать 50 чел. В 1838 г. было внесено дополнение в «Правила...» о разрешении создавать студенческие общества, имеющие научные цели, под наблюдением и управлением избранных профессоров. Под данные категории ни одна из шести корпораций не подходила, но они продолжали существовать. В каждой корпорации были установлены свои правила, и вносить изменения можно было только с общего согласия. Неформальное положение корпораций было опасно как для руководства университета, так и для правительственных структур, так как корпорации имели огромное влияние на студенческую среду. 1840-е гг. отмечены были внутренней борьбой корпораций. Например, с 1841 г. наравне с сохранением дуэли возникла иная форма разрешения вопросов об оскорблении чести — так называемые «суды чести». Решение заседания суда чести являлось окончательным. Таким образом, корпорации играли важную роль в воспитании молодого поколения, в соблюдении правил поведения, воспитании чувства товарищества, что было отражено в решении таких конфликтов, как оскорбление корпорации, употребление неприличных выражений против товарищей, намеренное оскорбление подвергнутого порицанию товарища, несоблюдение правил корпораций. За более серьезные проступки представители суда чести обращались к руководству университета об исключении провинившегося из состава студентов. Для помощи нуждающимся студентам устанавливались стипендии из добровольных взносов членов корпораций. При содействии студенческих корпорантов Дерптского университета подобные корпорации были созданы в Московском (в 1820-х гг.) и Петербургском (во второй половине 1830-х гг.) университетах. Однако дальнейшего развития форма корпораций в российских вузах не получила, так как они объединяли небольшие группы бывших Дерптских студентов и уроженцев прибалтийских губерний. В Петербургском университете была организована корпорация «Ruthenia», просуществовавшая около 10 лет, в 1907 г. была основана корпорация «Neo-Ruthenia»²⁴.

²⁴ Петухов Е. Императорский Юрьевский бывший Дерптский университет. За сто лет его существования (1802–1902). Юрьев: Тип. Маттисена К., 1902. С. 595; «Рутения» в Риге и на чужбине / Сост.: Е. Осипов, Г. Гроссен, Д. Левицкий. Вашингтон–Рига. 2005. С. 45.

В 1850-х гг. корпорации получали официальный статус. 27 апреля 1855 г. были утверждены «Правила для корпораций в среде студентов Императорского Юрьевского университета», которые просуществовали с небольшими изменениями несколько десятилетий²⁵.

В 1850-х гг. корпоранты составляли 50 % всего студенчества (250–300 из 600 студентов), в 1880-х — 30 %, в 1899 — из 1742–229, или 13 %. Однако со времени возобновления более активных действий пророссийской политики при Александре III в Прибалтийских губерниях, особенно в области школьного образования, отношение к корпорациям со стороны русского правительства изменилось вплоть до закрытия их как несогласных с целями и задачами русских университетов. Реформы коснулись и Дерптского университета, будучи связаны с переходом на преподавание на русском языке. Как показывают данные статистики, студенты поступали в университет из различных учебных округов Российской империи, преобладающими были Дерптский (Рижский) и Санкт-Петербургский учебные округа. В конце 1880-х гг. количество обучавшихся составляло более 1700. В 1890-х гг. Дерптский университет переживал трудные времена. В 1898 г. разгорелся спор о недостаточном поступлении средств в университет и плачевном состоянии аудиторных и лабораторных кабинетов. Претензии со стороны руководства университета касались уменьшения государственного субсидирования сравнительно с университетами Германии и Франции; при наличии четырех факультетов ежегодная сумма составляла 400 тыс. руб., тогда как Юрьевскому университету с пятью факультетами выделялось в два раза меньше. Однако министр финансов С. Ю. Витте не принимал эти доводы, ссылаясь на нежелание руководства университета проводить преобразования, связанные с переходом на преподавание русского языка, приводя достаточно серьезный аргумент: до начала реформирования университет располагал значительно меньшими средствами по сравнению с прочими российскими университетами, но едва ли уступал им по научному значению и пользе, которую приносил. Постепенно вопросы были решены, и Императорский Юрьевский университет принял активное участие в обсуждении развития высшего образования в Российской империи.

Подведя итог истории формирования студенческих корпораций в Дерптском университете, можно сделать следующие выводы. Методы и формы организации, разработанные в корпорациях университета, имели большое влияние на возникновение и управление на этапах формирования собственных студенческих корпораций в Москве, Петербурге, Риге. Филистры (выпускники) оставались членами корпораций и влияли на дальнейшее развитие студенческих корпораций. Авторитет корпораций был достаточно высок даже среди родителей, которые старались включить в них своих детей.

²⁵ Устав студенческой корпорации при Юрьевском университете // Рижский вестник // Рига: Печ. Кальнинъ и Дейчманъ, 1901. С. 10.

В начале XX в. в Таллине действовали 130 обществ и организаций. Необходимо отметить, что взаимовлияние выпускников из Московского и Петербургского университетов и Рижского политехнического института тесно переплетались в культурно-просветительских обществах с деятельностью эстонских выпускников, окончивших и получивших опыт деятельности корпораций в вышеперечисленных вузах. При формировании студенческих корпораций в Латвии огромную организационную помощь оказали члены студенческих корпораций Дерптского университета; в начале XX в. начался обратный процесс. В связи с драматическими событиями, происходившими в XX в. на территориях будущих стран Балтии, прекращали свою деятельность в том числе и студенческие организации. Возрождение оказалось трудным, но благодаря сохранившимся контактам бывших выпускников удалось не только сохранить формы организации, но и создать новые методы сохранения национальных традиций в рамках всего Балтийского региона.

Исторический опыт и современная практика доказывают, что студенческие организации, целью которых является научное направление деятельности, показывают преобладающее влияние на формирование мировоззрения студентов и подготовленность высококвалифицированных кадров.

На современном этапе, несмотря на то что цель и задачи университетов сконцентрированы на несколько ином пути подготовки кадров, связанном с требованиями времени, основная цель — подготовить высокообразованные и профессиональные кадры — остается актуальной. Вузы вновь, как и в прошлые века, обращаются к повышенным требованиям к среднему образованию.

References

- Fokin V. I. Vzaïmodejstvie kul'tur narodov i vnešnáâ politika gosudarstv (Istoriografiâ problemy) // KLIIO. 2015. № 3 (99).*
Markušina N. Ū., Cerpickaâ O. L. «Političeskij duhovnik» kak faktor političeskoj aktivnosti // KLIIO. 2015. № 3 (99).
Petuhov E. Imperatorskij Ūr'evskij byvsij Derptsij universitet za sto let ego sušestvovaniâ (1802–1902). Ūr'ev: Tip. K. Mattisena, 1902.
 «Ruteniâ» v Rige i na čužbine / Sost.: E. Osipov, G. Grossen, D. Levickij. Vašington–Riga, 2005.
Stolpânskij I. SPbGU v pervoe stoletie ego deâtel'nosti. 1819–1919: Materialy po istorii SPbGU. T. 1: 1819–1835 / Pod red. S. Roždestvenskogo. Pg.: 2-â tip., 1919.

Список литературы

- Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л. «Политический духовник» как фактор политической активности // КЛИО. 2015. № 3 (99).*
Петухов Е. Императорский Юрьевский бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802–1902). Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902.
 «Рутения» в Риге и на чужбине / Сост.: Е. Осипов, Г. Гроссен, Д. Левицкий. Вашингтон–Рига, 2005.
Столянский И. СПбГУ в первое столетие его деятельности. 1819–1919: Материалы по истории СПбГУ. Т. 1: 1819–1835 / Под ред. С. Рождественского. Пг.: 2-я тип., 1919.
Фокин В. И. Взаимодействие культур народов и внешняя политика государств (Историография проблемы). // КЛИО. 2015. № 3 (99).

В. Ю. Гессен

К истории преследования религии в Петрограде-Ленинграде в 1918–1929 гг. (по документам ЦГАЛИ СПб)

Эта статья базируется на документах, входящих в состав архивного фонда № 36 «Государственный музейный фонд (ГМФ) Ленинградского отделения Главнауки Народного комиссариата просвещения РСФСР (НКП)», находящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства С.-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). В 1918 г. ГМФ назывался «Комиссией по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины НКП РСФСР» (далее — Комиссия), с конца 1918 г. Отделом с тем же названием¹.

Все эти создававшиеся большевистскими властями учреждения должны были способствовать выявлению из огромного объема имущества, изымаемого у частных лиц и организаций, той его части, которая представляла собой музейную ценность, всемерно способствовать сохранению этой части, ее дальнейшему направлению в музеи Петрограда, Москвы и других городов. Комиссия, а потом Отдел фактически были у властей консультационным органом по определению художественной и исторической ценности изымаемого. При этом степень этой ценности базировалась на соответствующих инструкциях, была в значительной степени политизирована. Фактически это была охрана изымаемой частной и общественной собственности на пути к ее превращению в государственную. Если эти учреждения, которые в дальнейшем изложении для краткости объединим под названием Отдел, в действительности выполняли, хотя бы в какой-то степени, функцию охраны, то это преимущественно

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 174.

касалось недвижимого имущества — дворцов, особняков, отдельных зданий, памятников. Что касается движимого имущества, Отдел охранял его, как писали, от «разбазаривания», от попадания в чужие частные руки, с целью передачи в полной сохранности государству, но отнюдь не прежним его владельцам.

Подчеркнем, что «Отдел» были лишены возможности самостоятельно влиять на дальнейшее использование изъятого имущества, которое делилось на имеющее музейную ценность и на не имеющее ее. Первое направлялось, главным образом, на склады Отдела, которые называли «бюро». До начала 1921 г. это было помещение в Зимнем дворце (именовавшемся «Дворцом искусств») — в основном в квартирах Нарышкиных и Бенкендорфа. Для удобства упоминания называем его Старым бюро Отдела (СБО). После указанного срока стало осваиваться помещение в Ново-Михайловском дворце (Миллионная ул., 19), называвшемся Новым бюро Отдела (НБО). Зачастую ценности доставлялись на промежуточные, временные склады с различным сроком существования. Часть имущества с мест изъятия перевозилась непосредственно в Эрмитаж и Русский музей. Некоторые ценности перевозили несколько раз с одного места хранения на другое, что, конечно, негативно сказывалось на их сохранности².

Особый подход был в отношении изымаемых предметов из золота и серебра, а также с драгоценными камнями. Их передавали главным образом в Государственный банк, после чего большая часть изделий из металла превращалась в слитки. Что касается не имеющей музейной ценности части изымаемого имущества, то она поступала в Госфонд на реализацию внутри страны и за рубежом. В деятельности Отдела существенное значение имела организация транспортировки реквизированных ценностей на склады и в другие места, которая производилась в основном с использованием одной лошади, позднее также на лошадях, но уже на нескольких подводах. Ограниченные транспортные возможности не позволяли в оперативном порядке вывозить ценности. Это делалось преимущественно частями, с одного места по многу раз, в продолжение длительного времени.

В данной статье в кратком виде приводятся архивные сведения о преследовании властями всего того, что было связано с отправлением религиозного культа. Что касается используемого архивного фонда, то в нем (только по 1-й описи) около 500 дел. Причем сведения по религиозной теме разбросаны более чем в 300 из них. Они, как правило, не имеют компактного изложения, вкраплены в отдельные тексты. Поэтому их использование было весьма затруднительно. Не было единства в наименованиях церковных учреждений. Как правило, не расшифровано в документах такое понятие, как «церковные перевозки», что весьма усложняло понимание того, что конкретно и куда возили.

По некоторым сведениям, в Петрограде в 1917 г. было 454 православных учреждения, а с учетом окрестностей — 569 (правда, включая некоторые новоделы), и примерно 25 — других конфессий.

² См. подробнее: *Гессен В. Ю.* Культурная революция по-большевистски в Петрограде-Ленинграде (октябрь 1917–1929) // *Клио.* 2014. № 4. С. 88–92; № 5. С. 77–94.

В исследуемом архивном фонде упоминаются далеко не все они, а в основном только те, в которых имелись представлявшие интерес ценности.

Преследования религии в Петрограде начались в январе 1918 г. после издания декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», который на деле воспринимался властью на местах как сигнал к повсеместному уничтожению как самой церкви, так и ее служителей, к грабежу церковного имущества. Серьезный удар по религии был нанесен декретом «О свободе совести» от 23 января 1918 г., в котором было сказано: «Никакие церкви и религиозные общества не имеют права владеть собственностью, прав юридического лица они не имеют. Все имущества Церквей и религиозных обществ объявляются народным достоянием»³.

Местные власти старались превзойти центральные в борьбе с религией. Свидетельством этого является, например, указание правительственного комиссара по музеям в Петрограде Р. С. Ятманова «О дальнейшей работе “Отдела” в деле ликвидации домовых церквей» (май 1919 г.). Он поручил создать комиссию в составе двух сотрудников для продолжения их осмотра «на предмет окончательного определения художественной ценности их имущества»⁴.

В то время практиковалась выдача Отделом «Охранных свидетельств» на ученное и зарегистрированное имущество, которое без его разрешения никто не имел права перемещать и реквизировать. Однако они время от времени аннулировались и имущество изымалось. То есть в большинстве случаев оно охранялось до момента изъятия.

1. Общие сведения об изъятии церковных ценностей в Петрограде

Приведем некоторые архивные сведения о реквизиции церковных предметов при отсутствии указания на конкретные религиозные учреждения. Так, в отчете Отдела 1 января 1919 г. было указано, что со времени его образования осмотрено 87 церквей. Из них 21 принята под охрану как историческая ценность, 50 не имеют художественного значения. При осмотре церквей рассматривались все религиозные предметы, включая библиотеки. Отмечалось всё то, что должно будет поступить в музеи. По материалам обследования были подготовлены доклады, сняты фотографии⁵. На заседании Совета Отдела в декабре 1918 г. было решено, что «для хранения церковных вещей наиболее подходящей является церковь в доме Шереметева. Но можно использовать и церковь бывшей Академии художеств, в которой целесообразно устроить музей, которым бы воспользовались ученики Государственных свободных учебных

³ Декреты советской власти. М., 1957. Т. 3. С. 21, 352. Декреты советской власти о Петрограде (1917–1918). Л., 1986. С. 19, 75 и др.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 397. Л. 15.

художественных мастерских»⁶. И только после этого выбрали СБО в Зимнем дворце.

В материалах, подготовленных для доклада наркома просвещения А. В. Луначарского в начале 1919 г., было указано, что осмотрено и сфотографировано свыше 125 домовых церквей, 30 взяты под охрану⁷. В 1919 г. Русский музей просил Отдел разрешить осмотреть склады мебели для отбора необходимой для организуемой при Историко-бытовом отделе этого музея первой выставки по истории русского быта⁸. По этому поводу Отдел написал в Музейный отдел НКП, что уже готовые музейные собрания мебели должны быть переданы из ведения Отдела в Музейный отдел, если там признают их таковыми и будут брать в свое ведение. Они находились в том числе в Петроградской духовной академии и в Александро-Невской лавре⁹. В 1919 г. из Отдела писали в управление по делам национальностей НКВД, что при разборе дворцовых библиотек обнаружены 98 евангелий на эстонском языке, 105 богослужебных книг — на библейском иврите. Сотрудники Отдела не знали, что с ними делать. Уведомляли на случай, если там нашли бы нужным их использовать¹⁰. Сообщалось тогда же о повреждении иконы св. кн. Георгия Владимирского художественной мозаичной работы, вделанной в стену дома 51 по Малоохтинскому пр.¹¹

В конце 1920 г. писали, что всего осмотрено 200 домовых церквей (видимо, с самого начала), из них под охрану взята 31. По плану на 1921 г. намечалось провести 300 осмотров домовых церквей, находящихся под охраной¹². Имелось немало фактов отправки реквизированных церковных предметов в другие города для пополнения их музеев. Так, 25 июля 1922 г. в соответствии с полученной просьбой было принято решение о выдаче в музей Воронежского университета 18 икон, отобранных в СБО его представителями¹³.

В июне 1922 г. на совете Отдела заслушали доклад «о предстоящей большой работе по вывозу в Эрмитаж отобранных в церквях художественных ценностей». Решили выделить на осуществление этого мероприятия дополнительных сотрудников. Также решили с 15 по 17 июня 1922 г. ежедневно подавать рабочих и подводы на Садовую ул., 18, где был временный склад, для перевозки в Эрмитаж церковных художественных ценностей¹⁴.

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 15.

⁷ Там же. Д. 397. Л. 17.

⁸ Там же. Д. 39. Л. 121.

⁹ Там же. Д. 39. Л. 120.

¹⁰ Там же. Д. 41. Л. 167.

¹¹ Там же. Д. 65. Л. 30.

¹² Там же. Д. 397. Л. 53, 96.

¹³ Там же. Д. 125. Л. 38.

¹⁴ Там же. Д. 125. Л. 27.

12 января 1922 г. из дома-музея С. Д. Шереметева в Комиссию Помгола на переплавку было сдано 100 церковных предметов из серебра¹⁵. 12 апреля 1922 г. была составлена еще одна справка об аналогичной передаче 84 предметов¹⁶.

В отчете за 1923 г. указывалось на продолжение ликвидации церквей в Петрограде, о вывозе имущества из 51 церкви, о принятии в НБО 1409 церковных предметов¹⁷. Утверждалось, что в этом году находилось под охраной в порядке регулярного надзора 300 домовых церквей¹⁸. В 1923 г. из 10 приходских и домовых церквей отобрано и поступило на склад Отдела тканей — 8, икон без риз — 20, книг религиозного содержания — 20. В церквях при доме Мятлевой, Петропавловской больнице, Рождества Христова на Песках и в Никольском соборе суммарно отобрано 48 предметов, из которых 16 направлено в Эрмитаж и 32 — в НБО. В церквях Благовещенской, Никольской единоверческой и Трех Святителей, а также Андреевском соборе отобрано 18 предметов, из которых 15 направлено в Эрмитаж, а остальные в НБО. Осмотрено совместно с церковными столами исполкомов 12 приходских церквей в Володарском и Центральном районах. Отмечалось, что в октябре–декабре 1923 г. было осмотрено 9 церквей. В трех церквях взято на учет 665 предметов. Всего на складах Отдела на 1 января 1924 г. находилось свыше 37 тыс. предметов, в том числе не менее 2500 церковных¹⁹.

При проведении сотрудниками Отдела в январе 1924 г. экспертизы двух тысяч находившихся на складе церковных предметов были обнаружены весьма ценные. Для Эрмитажа отобрали серебряный складень, старинный образ в серебряном окладе и др. За январь 1924 г. в НБО из церквей поступило: тканей — 8, серебряных предметов — 16, икон без риз — 20, картин религиозного содержания — 23²⁰. В Археологический институт было передано 897 мелких предметов культа (крестики, иконки и др.)²¹. 15 января 1924 г. вывезено из четырех церквей 18 предметов, из которых в Эрмитаж направлено 15, в Русский музей — три. В апреле 1924 г. в НБО приняли из неизвестных церквей: мебели — три предмета, прикладного искусства — шесть, серебряных вещей — 10, вышивок — 11. В июне этого года взято на учет Отдела более 300 церковных предметов. В НБО в 1924 г. поступили три иконы в ризах. В 1924 г. совместно с церковным столом райисполкома осмотрены девять церквей. Из различных церквей изъяты 343 книги. С 16 по 21 апреля этого года перевезено в НБО

¹⁵ Там же. Д. 397а. Л. 10.

¹⁶ Там же. Д. 368. Л. 6.

¹⁷ Там же. Д. 397а. Л. 34.

¹⁸ Там же. Д. 397б. Л. 12.

¹⁹ Там же. Д. 379а. Л. 66, 89.

²⁰ Там же. Д. 379а. Л. 66, 89.

²¹ Там же. Д. 233. Л. 279.

из домовых церквей 18 предметов, в них взят на учет 371 предмет²². 12 октября 1924 г. на складах производился отбор церковных предметов для Русского музея, музеев Ростова-Ярославского и Витебского.

Выдавались в большом количестве иконы для Археологического института²³. В 1924 г. в книжный фонд Отдела были сданы 343 книги, вывезенные из разных церквей. В январе 1925 г. вывезено из монастырских церквей 206 предметов. 24 марта 1925 г. в хранилище Отдела имелось 2273 церковных предмета, в том числе иконопись — 838, примитивы — 12, живопись — 91 и др. В отчете за 1925 г. указано, что поступило на склад 1184 церковных предмета. По состоянию на 1 октября 1926 г. на складах Отдела их имелось 2315. На 1 октября 1927 г. через Отдел за всё время его существования прошло 3182 церковных предмета²⁴. В конце 1927 г. на его складе их находилось 2923. Преимущественно церковное имущество со склада передавалось в Русский музей: с 1 октября 1927 по 1 октября 1928 г. — 838 предметов²⁵. Много их передавалось в Госфонд. Значительное число религиозных предметов находилось в созданных Отделом домах-музеях: Шереметева, Строганова, Юсупова и др.

2. Православные храмы Петрограда

2.1. Соборы и монастыри

Свято-Троицкая Александро-Невская лавра (пл. Александра Невского, 1), включавшая многие церкви, Митрополичьи покои, Северный корпус с Ризницей. В 1919 г. рассматривался вопрос «О недопустимости постройки крематория в саду Александро-Невской лавры»²⁶. В 1919 г. из церкви Тихвинской иконы Божией Матери вывезена старинная икона²⁷. Вывоз ценностей: 28–30 мая 1921 г.²⁸, 20–26 июля 1922 г.²⁹ Из Троицкого собора вывезли в Эрмитаж раку Александра Невского. Перевозка ценностей в июне 1922 г. в Русский музей, туда же: 4–9 августа 1922 г.³⁰ Описание предметов 18 июля 1923 г.³¹ В 1923 г. — многие перевозки в Эрмитаж³². Особое внимание следует уделить вывозу из Митрополичьих покоев. Попытки бороться с созданием в них музея и столовой³³. В 1923 г. из них

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 379а. Л. 67, 86, 148, 161, 228.

²³ Там же. Д. 379 г. Л. 27.

²⁴ Там же. Д. 397а. Л. 86, 199, 207, 245, 250, 254, 306.

²⁵ Там же. Д. 397а. Л. 279, 321.

²⁶ Там же. Д. 35. Л. 53.

²⁷ Там же. Д. 261. Л. 4.

²⁸ Там же. Д. 124. Л. 89.

²⁹ Там же. Д. 125. Л. 36.

³⁰ Там же. Д. 125. Л. 33, 38.

³¹ Там же. Д. 379а. Л. 28.

³² Там же. Д. 160. Л. 13.

³³ Там же. Д. 35. Л. 6.

изъяты 93 книги³⁴. 15 декабря 1923 г. составление описи вывезенного имущества из 316 номеров³⁵. В 1924 г. вывоз шесть предметов³⁶, в 1926 г. 124³⁷. В 1924 г. из Ризницы изъяли 169 предметов³⁸, в 1925 г. — 529, в 1927 г. — 33³⁹.

Владимирский собор иконы Божией Матери — собор с колокольней (Владимирский пр., 20). 15 апреля 1924 г. сотрудниками Отдела была произведена проверка имущества и взято на учет 72 предмета, 15 мая 1924 г. 41 предмет⁴⁰. В 1926 г. изъяты 16 предметов⁴¹.

Исаакиевский собор (Галерная ул., 6) — единственное религиозное учреждение, в котором властями в 1918 г. было разрешено отопление. В 1922 г. из него было произведено изъятие изделий из драгоценных металлов для Помгола⁴². Среди крупнейших драгоценных камней, изъятых в 1925 г. в Гохран, выделялся бриллиант весом в 35 карат⁴³. Был осуществлен вывоз из архива документов и планов строительства собора⁴⁴. Многие предметы изъяты в 1938 г. для организации антирелигиозных выставок⁴⁵.

Казанский собор (Казанская пл., 2). В ночь с 22 на 23 июня 1921 г. был совершен вооруженный налет с кражей украшений 12 икон, после чего руководство Отдела просило милицию дать охрану⁴⁶. В 1924 г. составлена опись имущества и взят на учет 171 предмет⁴⁷. В 1926 г. изъято 205 предметов, в 1927 г. — четыре, в 1927 г. — восемь⁴⁸.

Князь-Владимирский собор (ул. Блохина, 6). Сотрудниками Отдела 15 мая 1924 г. было произведено обследование имущества. Взят на учет по актам без описи 41 предмет⁴⁹.

Никольский морской собор (Никольская пл., 1/3). Первый вывоз имущества относится к 9 октября 1923 г.⁵⁰ Затем производились описи имущества:

³⁴ Там же. Д. 397а. Л. 84.

³⁵ Там же. Д. 379а. Л. 63.

³⁶ Там же. Д. 379а. Л. 254.

³⁷ Там же. Д. 397а. Л. 280.

³⁸ Там же. Д. 379а. Л. 253.

³⁹ Там же. Д. 397а. Л. 298.

⁴⁰ Там же. Д. 379а. Л. 179, 221.

⁴¹ Там же. Д. 397а. Л. 245.

⁴² Там же. Д. 92. Л. 226.

⁴³ Там же. Д. 368. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Д. 160. Л. 40.

⁴⁵ Там же. Д. 26. Л. 10.

⁴⁶ Там же. Д. 103. Л. 46.

⁴⁷ Там же. Д. 379а. Л. 148.

⁴⁸ Там же. Д. 397а. Л. 245, 259, 280.

⁴⁹ Там же. Д. 379а. Л. 135, 221.

⁵⁰ Там же. Д. 160. Л. 67.

в 1923 г. с принятием на учет 32 предметов, в 1924 г. — 20. 17 и 20 января 1924 г. осуществлена перевозка на склад Отдела многих предметов⁵¹. 15 февраля изъято 12 предметов. Затем были новые описи имущества. Последний раз осмотрен 16 июня 1924 г. со взятием на учет 316 предметов без составления описи⁵².

Охтинский собор Св. Духа на Митрофаниевском кладбище (Большая Охта). В 1922 г. вывезено 32 предмета: 22 серебряных оклада, 7 икон в серебряных окладах, один серебряный крест и одна дарохранительница из собственно собора и из приписанных к нему церквей⁵³. Составление новой описи имущества осуществлено 1 февраля 1924 г.⁵⁴

Петропавловский собор (Заячий остров). В сентябре 1917 г. по распоряжению Временного правительства ввиду опасности захвата Петрограда немецкими войсками все иконы, лампы, венки были сняты, уложены в ящики и отправлены в Москву. Часть потом вернулась. Но это уже другая история. При советской власти происходили изъятия оставшихся ценностей собора, о чём его настоятель 14 октября 1918 г. писал руководству Отдела в подробной справке⁵⁵. В декабре 1918 г. Совет Отдела просил НКП утвердить проект постановления о его отоплении, в чём власти отказали⁵⁶. 2 мая 1919 г. сотрудниками Отдела произведено опечатывание его имущества⁵⁷. Вывоз ковров происходил 10 ноября 1923 г., другой вывоз имущества состоялся 30 ноября 1923 г.⁵⁸ 1 февраля 1924 г. осуществлено новое его обследование. Выделение музейных ценностей продолжалось и позднее⁵⁹. 11 июня 1924 г. было взято на учет 82 предмета. Новый вывоз имущества произошел в апреле 1924 г.⁶⁰ Состоялся он и 1 мая этого года — 12 предметов⁶¹. В их числе был тяжелый груз (видимо, колокол), так как подчеркивалась необходимость привлечения дополнительных рабочих. Вывозили имущество 20 мая и 3 июня 1924 г.⁶² В отчетности за 1924 г. было указано, что из собора изъяты все ковры и перевезены на склад⁶³. Пилоны и стены собора «освобождены» от металлических полос, к которым были прикреплены венки, вывезенные в 1917 г., и направлены в пе-

⁵¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 203. Л. 2.

⁵² Там же. Д. 379а. Л. 70, 84, 85, 148, 178, 241.

⁵³ Там же. Д. 125. Л. 72; Д. 233. Л. 220; Д. 363а. Л. 480.

⁵⁴ Там же. Д. 397а. Л. 280.

⁵⁵ Там же. Д. 5. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Д. 37. Л. 5.

⁵⁷ Там же. Д. 379. Л. 11.

⁵⁸ Там же. Д. 160. Л. 76, 77.

⁵⁹ Там же. Д. 379а. Л. 63, 67, 114, 157, 220.

⁶⁰ Там же. Д. 203. Л. 20.

⁶¹ Там же. Д. 379а. Л. 179.

⁶² Там же. Д. 203. Л. 20, 22.

⁶³ Там же. Д. 170. Л. 83.

реплавку⁶⁴. 21 апреля 1922 г. было произведено изъятие остатков ценностей для помощи голодающим.

Спасо-Преображенский собор (Преображенская пл., 1). В декабре 1918 г. вторично осмотрен⁶⁵. В октябре 1923 г. вывезено 583 предмета⁶⁶. 4 марта 1924 г. взято на учет 565 предметов, изъяли 13, из которых четыре направили в Эрмитаж, остальные на склад⁶⁷.

В Отделе в 1919 г. были получены сведения о том, что история решетки из турецких пушек, окружающих собор, взятых русскими войсками под Варной в 1828 г., начинается с того, что они были подарены русским царем вначале Варшаве для памятника польскому королю Владиславу Варненчику (1424–1444). Но после подавления польского восстания в 1830–1831 гг. в наказание за стремление к свободе были отобраны у поляков и переданы этому собору⁶⁸. Эту историческую деталь потом забывали или не хотели упоминать в его описаниях.

Сергиевский всей артиллерии собор (Литейный пр., 6а). В 1927 вывезено два предмета, остальные позднее⁶⁹. Собор в 1932 г. закрыт, затем разобран. Стены частично использованы при строительстве здания для ОГПУ-НКВД на этом месте.

Смольный собор Воскресенья Христова (пл. Растрелли, 3/1). В декабре 1918 г. власти отказали в отоплении собора⁷⁰. Опись имущества произведена 3 мая 1919 г.⁷¹, 10 марта 1924 г. проверка. Перевозка ценностей началась с 10 апреля 1924 г.⁷² 30 апреля 1924 г. вывезено 10 предметов⁷³, 30 июня вывезли 538 книг, 24 икон и утвари. 1 июля 1924 г. осмотр библиотеки (5250 томов), изъято 538 томов исторического содержания⁷⁴. 15 июля 1924 г. вывезена 21 икона⁷⁵, образ работы Васнецова, два предмета и 588 книг⁷⁶. Изъятия происходили 27 июня 1924 г. и в дальнейшем⁷⁷.

Спасо-Успенский собор. В 1925 г. изъято семь предметов, в октябре 1926 г. еще восемь⁷⁸.

⁶⁴ Там же. Д. 397а. Л. 158.

⁶⁵ Там же. Д. 397. Л. 15.

⁶⁶ Там же. Д. 397а. Л. 95.

⁶⁷ Там же. Д. 379а. Л. 114.

⁶⁸ Там же. Д. 92. Л. 203.

⁶⁹ Там же. Д. 397а. Л. 319.

⁷⁰ Там же. Д. 37. Л. 5.

⁷¹ Там же. Д. 379. Л. 11.

⁷² Там же. Д. 203. Л. 15.

⁷³ Там же. Д. 397а. Л. 133, 178.

⁷⁴ Там же. Д. 379а. Л. 148, 236, 241.

⁷⁵ Там же. Д. 379а. Л. 244.

⁷⁶ Там же. Д. 397а. Л. 148, 280.

⁷⁷ Там же. Д. 203. Л. 2, 20; Д. 397а. Л. 158.

⁷⁸ Там же. Д. 397а. Л. 229, 250.

Смольный монастырь (пл. Растрелли, 1–3). В 1922 г. проведен осмотр вещей в памятной комнате⁷⁹. В июле 1923 г. произведен вывоз основной части имущества⁸⁰, в 1925 г. изъятие 140 предметов⁸¹.

Монастырь Зверина подворья (ул. Маяковского, 9/16). Подворье Новгородского Зверина Покровского женского монастыря. Вывоз имущества производился 3 июля 1924 г.⁸²

2.2. Приходские церкви и часовни

Церковь Александровская Смольного монастыря (пл. Растрелли, 1–3). Осмотр был произведен в январе 1922 г. После этого из нее было вывезено: несколько икон, 10 портретов, 28 фотографий и 55 книг⁸³. 26 августа 1922 г. вывезены 26 номеров по описи, состоящей из 93 предметов⁸⁴.

Церковь Благовещения пресвятой Богородицы (8-я линия, 67). 30 апреля 1924 г. вывезено два предмета, в октябре 1926 г. — 15 предметов⁸⁵.

Церковь Благовещенской Божьей Матери (Очаковская ул., 9). 1 февраля 1924 г. произведен осмотр церкви и составлена опись вещей⁸⁶. В октябре 1928 г. вывезено 55 предметов⁸⁷.

Церковь Бориса и Глеба на Калашниковской набережной (Синопская наб., 7). В октябре 1928 г. обследовано ранее описанное имущество и вывезен один предмет⁸⁸.

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы на Петербургской стороне (Введенская ул., 9). В 1925 г. изъято пять предметов⁸⁹.

Церковь во имя Михаила Архангела (Садовая ул., 2). 15 мая 1924 г. взято на учет по актам без описи 24 предмета⁹⁰.

Церковь во имя Святителя Митрофания (Большая Охта). В 1927 г. изъято пять предметов, затем еще восемь⁹¹.

Церковь Вознесения (Вознесенский пр., 34а). 15 апреля 1924 г. произведено обследование имущества, взято на учет 10 предметов. В 1925 г. изъято семь из них⁹².

⁷⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 125. Л. 43.

⁸⁰ Там же. Д. 160. Л. 48.

⁸¹ Там же. Д. 397а. Л. 250.

⁸² Там же. Д. 203. Л. 24.

⁸³ Там же. Д. 233. Л. 292; Д. 293. Л. 290; Д. 379. Л. 98.

⁸⁴ Там же. Д. 363а. Л. 549.

⁸⁵ Там же. Д. 379а. Л. 178; Д. 397а. Л. 229.

⁸⁶ Там же. Д. 379а. Л. 84.

⁸⁷ Там же. Д. 397а. Л. 319.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. Д. 397а. Л. 250.

⁹⁰ Там же. Д. 379а. Л. 135, 221.

⁹¹ Там же. Д. 397а. Л. 259.

⁹² Там же. Д. 379а. Л. 177, 187.

Церковь Единоверческая Николая Чудотворца (Шпалерная ул., 18). Осмотрена 10 марта 1924 г. 15 марта 1924 г. взято на учет 28 предметов⁹³.

Церковь Знаменская церковь (на пл. Восстания). 10 марта 1924 г. произведен осмотр имущества. Зарегистрированы восемь церковных предметов, принятых на учет. В 1926 г. изъято шесть предметов, в 1927 г. — один предмет⁹⁴.

Церковь иконы Божией Матери (Шпалерная ул., 35а). 1 февраля 1922 г. составлена опись имущества⁹⁵. В 1926 г. произведен вывоз шести предметов, в 1927 г. — еще пяти⁹⁶.

Церковь Исидора Юрьевского и Николая Чудотворца (пр. Римского-Корсакова, 24). Осмотрена 15 апреля 1924 г., взято на учет 30 предметов. 25 апреля 1924 г. вновь осмотрена, взято на учет шесть предметов⁹⁷.

Церковь Крестовоздвиженская (Лиговский пр., 128). В 1923 г. произведен вывоз большей части имущества⁹⁸. В 1925 г. изъято два предмета⁹⁹.

Церковь Николая Чудотворца при Путиловском заводе. Осмотрена 15 июля 1924 г. с «составлением описи предметов культа»¹⁰⁰.

Церковь Николая Чудотворца (ул. Академика Лебедева). В октябре 1928 г. вывезен один предмет¹⁰¹.

Церковь Николо-Успенская. 30 апреля 1924 г. произведена проверка наличия имущества и взято на учет четыре предмета¹⁰².

Церковь Покрова в Коломне (Покровская пл.). В мае 1924 г. осмотрена, взяты на учет 73 предмета¹⁰³. Вновь осмотрена 11 июня 1924 г.¹⁰⁴.

Церковь Почтамтская (Почтамтский пер., 4). Изъяты в 1923 г. 30 предметов и 215 книг¹⁰⁵, 1 января 1924 г. 19 предметов, 19 января 1924 г. 242. Вывозы предметов 15 февраля 1924 г.¹⁰⁶, в Троицкий собор 26 марта 1924 г.¹⁰⁷ Вывоз стенных часов 5 апреля 1924 г.¹⁰⁸

⁹³ Там же. Л. 157.

⁹⁴ Там же. Д. 397а. Л. 112, 245, 259.

⁹⁵ Там же. Д. 379а. Л. 84.

⁹⁶ Там же. Д. 397а. Л. 229, 245, 259.

⁹⁷ Там же. Д. 379а. Л. 144, 176.

⁹⁸ Там же. Д. 37. Л. 15; Д. 397. Л. 15.

⁹⁹ Там же. Д. 397а. Л. 250.

¹⁰⁰ Там же. Д. 379а. Л. 252.

¹⁰¹ Там же. Д. 397а. Л. 319.

¹⁰² Там же. Д. 379а. Л. 178.

¹⁰³ Там же. Д. 397а. Л. 135.

¹⁰⁴ Там же. Д. 379а. Л. 220.

¹⁰⁵ Там же. Д. 397а. Л. 84.

¹⁰⁶ Там же. Д. 379а. Л. 64, 115, 135.

¹⁰⁷ Там же. Д. 203. Л. 13.

¹⁰⁸ Там же. Д. 379а. Л. 158.

Церковь Преображенья при Фарфоровом заводе (пр. Обуховской обороны. «Напротив дома 151»). В 1927 г. из нее был изъят 21 предмет¹⁰⁹.

Церковь Преподобномученика Андрея Критского (Рижский пр., 9). В начале 1924 г. вывезено шесть церковных предметов, 30 июня — один¹¹⁰.

Церковь при Храме — памятнике морякам, погибшим в русско-японскую войну (Английская наб., 76). Назывался также Храмом во имя Честных Древ Креста Господня и святителя Николая «Спас на водах». При нем Церковь Христа Спасителя в память Гефсиманского борения и святителя Николая Чудотворца. На заседании Совета Отдела 12 июня 1919 г. обсуждался вопрос об охране имущества церкви от расхищения¹¹¹. В июле 1919 г. говорилось о необходимости охраны ценностей церкви сторожами¹¹², к чему вернулись 5 января 1920 г.¹¹³ В декабре 1923 г. было изъято 29 предметов¹¹⁴. 4 марта 1924 г. осматривалось имущество и выделялись вещи для вывоза. 5 марта 1924 г. вывезено 29 предметов. 10 марта 1924 г. вновь осматривались вещи для вывоза¹¹⁵. Перевозка вещей из церкви 23 марта 1924 г. производилась на ручных санях, что упоминается дважды¹¹⁶. В мае 1924 г. вывезено три предмета¹¹⁷, столько же 10 июня 1924 г.¹¹⁸, 15 июня — 10 предметов. Последняя перевозка церковных предметов состоялась осенью 1924 г.¹¹⁹

Церковь Рождества Христова на Песках (6-я Советская ул.). После произведенного обследования 20 января 1924 г. осуществлена перевозка церковных предметов в Эрмитаж¹²⁰.

Церковь Св. Екатерины деревянная (Московско-Нарвский район). 20 апреля 1924 г. произведена проверка имущества и взят на учет один предмет.

Церковь Св. Марии Магдалины (Сергиевская ул., 52). В 1922 г. вывезены две иконы и одна памятная доска с иконой в бронзе¹²¹.

Церковь Св. Николая (Моховая ул., 31). После обследования в 1922 г. осуществлен вывоз четырех предметов¹²².

¹⁰⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 280.

¹¹⁰ Там же. Л. 136; Д. 379а. Л. 231.

¹¹¹ Там же. Д. 35. Л. 50.

¹¹² Там же. Д. 37. Л. 57.

¹¹³ Там же. Д. 65. Л. 1.

¹¹⁴ Там же. Д. 397а. Л. 95.

¹¹⁵ Там же. Д. 379а. Л. 114, 157.

¹¹⁶ Там же. Д. 203. Л. 11.

¹¹⁷ Там же. Д. 379а. Л. 241.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. Д. 397а. Л. 70.

¹²⁰ Там же. Д. 203. Л. 20.

¹²¹ Там же. Д. 233. Л. 330.

¹²² Там же. Л. 335.

Церковь Целителя Св. Пантелеймона (Соляной пер., 17). 25 апреля 1924 г. произведена проверка имущества и взято на учет 43 предмета¹²³. В апреле 1924 г. изъяты предметы вывезены в Эрмитаж. В 1925 г. изъято 11 предметов¹²⁴.

Церковь Св. Преподобного Алексия, человека Божия (Геслеровский пер., 5). В 1927 г. изъято два предмета¹²⁵.

Церковь Св. Преподобного Сергия (Фурштатская ул., 19). В 1922 г. произведено обследование имущества. Осуществлен вывоз двух икон¹²⁶. Вывезены иконы 20 февраля 1923 г.¹²⁷

Церковь Св. Троицы (Стремянная ул., 21/5). В июне 1924 г. взято на учет 52 церковных предмета и изъято три. Позднее изъято 49 книг религиозного содержания¹²⁸.

Церковь Симеона и Анны (Моховая ул., 48). В декабре 1923 г. было изъято 53 предмета¹²⁹. 1 января 1924 г. произведен осмотр церкви и взято на учет 53 предмета. Дополнительный осмотр произведен 4 марта 1924 г. с вывозом двух предметов. 15 июня 1924 г. взято на учет по актам без описи два предмета¹³⁰. В уже закрытой церкви в 1938 г. внутри иконостаса обнаружили деревянную фигуру ягненка с крестом, которую передали в Эрмитаж¹³¹.

Церковь Спаса-на-Крови (наб. кан. Грибоедова, 2). Произведен в марте 1924 г. вывоз в НБО 22 предметов¹³².

Церковь Спаса-на-Сенной (Сенная пл.). В 1924 г. было решено разобрать ее архив, взять на учет книги с брачными записями¹³³. 30 апреля 1924 г. после проверки имущества взято на учет 55 предметов. В июне 1924 г. взяты на учет и затем преданы в Центрархив 43 книги XVIII в. с брачными записями¹³⁴. В отчете за 1926/1927 г. было указано, что из церкви изъяты 46 предметов¹³⁵.

Церковь Спаса Нерукотворного образа (Конюшенная пл.). 5 июня 1919 г. рассматривался вопрос об охране ее имущества¹³⁶. В связи с нерешенностью вопрос рассматривался вторично¹³⁷.

¹²³ Там же. Д. 379а. Л. 179.

¹²⁴ Там же. Д. 203. Л. 20; Д. 397а. Л. 229.

¹²⁵ Там же. Д. 397. Л. 15; Д. 37. Л. 60.

¹²⁶ Там же. Д. 233. Л. 336.

¹²⁷ Там же. Д. 363а. Л. 510.

¹²⁸ Там же. Д. 397а. Л. 148, 161.

¹²⁹ Там же. Л. 95.

¹³⁰ Там же. Д. 379а. Л. 114, 115, 135, 221.

¹³¹ Там же. Д. 26. Л. 13.

¹³² Там же. Д. 379а. Л. 114.

¹³³ Там же. Д. 397а. Л. 161.

¹³⁴ Там же. Д. 379а. Л. 178, 254.

¹³⁵ Там же. Д. 397а. Л. 280.

¹³⁶ Там же. Д. 35. Л. 48.

¹³⁷ Там же. Д. 37. Л. 52.

Церковь Спиридона Тримифунтского при Елизаветинском женском институте (Большой пр. ВО, 36). Вывоз имущества осуществлялся в течение 25 и 26 декабря 1922 г.¹³⁸

Церковь Таврического дворца (Шпалерная ул., 47). 14 июня 1924 г. вывезено 18 предметов¹³⁹.

Церковь Троицкая Кулича и Пасхи (пр. Обуховской обороны, 235). Осмотрена в 1922 г., взято на учет 67 предметов¹⁴⁰. 15 мая 1924 г. осмотрена вновь, взято на учет без описи 86 предметов¹⁴¹.

Часовня Спасителя в домике Петра I (Петровская наб., 6). 1 марта 1924 г. вывезены шесть предметов¹⁴², 10 и 20 марта — неустановленное количество¹⁴³. Изъятие семи церковных вещей 23 сентября 1924 г.¹⁴⁴

Часовня Спасителя на Выборгской стороне (пл. Мужества). Деревянная, была одной из самых старых построек в Лесном районе. В сентябре 1922 г. писали о вывозе ее имущества¹⁴⁵. В мае 1929 г. часовня закрыта и позднее разобрана.

2.3. Домовые религиозные учреждения

2.3.1. Жилые здания

Церковь Зимнего дворца, Ризница. В 1925 г. изъято 16 предметов¹⁴⁶.

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы при Мраморном дворце (Миллионная ул., 5/1). Осмотр 25 августа 1918 г.¹⁴⁷, вторичный — 1 января 1924 г. 4 марта 1924 г. изъяты предметы¹⁴⁸. В 1925 г. из ризницы изъято 45 предметов¹⁴⁹.

Церковь особняка Юсупова (наб. р. Мойки, 94). Последняя опись имущества 14 марта 1924 г. С 1 октября 1925 г. вывезено 238 предметов¹⁵⁰.

Церковь Св. Марии Магдалины (ул. Чайковского, 46/48). Вывоз в 1922 г. 19 предметов¹⁵¹.

Церковь в особняке графа П. С. Строганова (ул. Чайковского, 16/2). В 1919 г. указано, что иконы увезены¹⁵².

¹³⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 125. Л. 61.

¹³⁹ Там же. Д. 379а. Л. 241.

¹⁴⁰ Там же. Д. 397а. Л. 135.

¹⁴¹ Там же. Д. 379а. Л. 221.

¹⁴² Там же. Л. 157.

¹⁴³ Там же. Д. 203. Л. 11; Д. 397а. Л. 117.

¹⁴⁴ Там же. Д. 379а. Л. 112, 254.

¹⁴⁵ Там же. Д. 92. Л. 260.

¹⁴⁶ Там же. Д. 397а. Л. 250.

¹⁴⁷ Там же. Д. 269. Л. 8.

¹⁴⁸ Там же. Д. 379а. Л. 114, 115.

¹⁴⁹ Там же. Д. 397а. Л. 50.

¹⁵⁰ Там же. Д. 464. Л. 1; Д. 397а. Л. 229.

¹⁵¹ Там же. Д. 233. Л. 338.

¹⁵² Там же. Д. 269. Л. 6.

Церковь Воскресения Христова в доме М. И. Мятлевой (Почтамтская ул., 2/9). 9, 17, 20 января 1924 г. вывоз части имущества¹⁵³. 1 февраля 1924 г. вывезено 8 предметов в Эрмитаж, в 1926 г. — 55 предметов¹⁵⁴.

Церковь в особняке Воронцова-Дашкова (Английская наб., 10). В 1925 г. изъята одна картина. В октябре 1926 г. вывоз 86 предметов¹⁵⁵.

Церковь в доме Кочневой (наб. р. Фонтанки, 41). Вывезены 15 июля 1924 г. три иконы¹⁵⁶.

Церковь в Мраморном дворце (Миллионная ул., 5/1). В феврале 1924 г. на склад поступило из нее 78 облачений и мелких предметов религиозного культа¹⁵⁷.

Церковь в Русском музее (Инженерная ул., 4). Осмотр 25 августа 1918 г. Вывоз осуществлен позднее¹⁵⁸.

Церковь во Дворце труда (пл. Труда, 4). В октябре 1926 г. вывезены три предмета¹⁵⁹.

Церковь в особняке О. А. Куликовской (Сергиевская ул., 46/48). 2 февраля 1923 г. вывезено 18 предметов¹⁶⁰.

2.3.2. Государственные учреждения

Церковь кн. Александра Невского при Правительствующем Сенате (пл. Декабристов 1, 3). Осмотр церкви 25 августа 1918 г. 2 января 1924 г. вывезены 6 предметов, затем вывозы 4 и 5 февраля 1924 г., дважды в апреле 1924 г.¹⁶¹

Церковь Николая Чудотворца в Мариинском дворце (Исаакиевская пл., 6). В октябре 1928 г. вывезен один предмет¹⁶².

Церковь св. князя Александра Невского при МИДе (Дворцовая пл., 6/8). Осмотр 25 августа 1918 г. 15 сентября 1922 г. вывоз 311 предметов¹⁶³. 17 октября 1922 г. 22 метрических книг¹⁶⁴.

Церковь при МНП (пл. Ломоносова, 1–2). Осмотр 25 августа 1918 г.¹⁶⁵ В 1923 г. изъято 18 предметов. В декабре 1923 г. осмотрено и принято на учет 6 предметов¹⁶⁶.

¹⁵³ Там же. Д. 397а. Л. 92.

¹⁵⁴ Там же. Д. 379а. Л. 84; Д. 397а. Л. 229.

¹⁵⁵ Там же. Д. 397а. Л. 229.

¹⁵⁶ Там же. Д. 379а. Л. 244.

¹⁵⁷ Там же. Л. 100.

¹⁵⁸ Там же. Д. 269. Л. 8.

¹⁵⁹ Там же. Д. 397а. Л. 229.

¹⁶⁰ Там же. Д. 363а. Л. 488.

¹⁶¹ Там же. Д. 397а. Л. 105; Д. 203. Л. 20, 24.

¹⁶² Там же. Д. 397а. Л. 105; Д. 203. Л. 20, 24.

¹⁶³ Там же. Д. 233. Л. 332; Д. 363а. Л. 546.

¹⁶⁴ Там же. Д. 233. Л. 332; Д. 363а. Л. 546.

¹⁶⁵ Там же. Д. 269. Л. 8.

¹⁶⁶ Там же. Д. 269. Л. 8; Д. 397а. Л. 70, 84.

Церковь при МВД (наб. р. Фонтанки, 16, 67). Осмотр 25 августа 1918 г. и последующий вывоз ценностей¹⁶⁷.

Церковь Министерства земледелия (Исаакиевская пл., 4). В декабре 1918 г. вторично осмотрена с составлением описи имущества¹⁶⁸.

Церковь во имя Пресвятой Троицы Министерства Императорского двора (наб. р. Фонтанки, 20). В октября 1924 г. вывезено 11 предметов, в 1927 г. — 64¹⁶⁹.

Церковь Главного штаба (Дворцовая пл., 6–8). Осмотр 25 августа 1918 г.¹⁷⁰ Вывоз ценностей 4 февраля 1923 г. 15 июня 1924 г. вывезено 13 предметов¹⁷¹.

Часовня при Василеостровском отделении Петроградской портовой таможни. 14 декабря 1921 г. вывоз ценной иконы «с отделкой серебром» в НБО. В июле 1924 г. новое обследование¹⁷².

Церковь Таврического дворца (Шпалерная ул., 37). Передача в 1922 г. двух ценных икон в Русский музей. В октябре 1923 г. осмотр и принятие на учет 46 предметов. Вывоз ценностей в 1924 г.¹⁷³

Церковь при Петроградском градоначальстве (Гороховая ул., 2). 6 ноября 1918 г. вывоз образа¹⁷⁴.

Церковь Спаса Нерукотворного Образа при Придворно-конюшенной части (Конюшенная пл., 1). В декабре 1923 г. осмотрена, приняты на учет 17 предметов. В 1924 г. перевозка имущества¹⁷⁵.

Церковь Св. Спиридония Тримифунтского при Адмиралтействе (Адмиралтейский проезд, 1). Вывоз имущества в августе 1922 г. По требованию морского начальства вывоз в ускоренном порядке 21–27 сентября 1922 г. 24 и 25 октября 1922 г. вывезено 24 предмета¹⁷⁶. 1 января 1924 г. — 18. Последняя перевозка — 15 февраля 1924 г.¹⁷⁷

Церкви Инженерного замка (Садовая ул., 2). В декабре 1918 г. осмотрены с составлением описи имущества¹⁷⁸.

Церковь Литовского тюремного замка (пер. Матвеева). В феврале 1917 г. сожжена. В 1919 г. искали иконы и утварь, находившиеся ранее в ней¹⁷⁹.

¹⁶⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 269. Л. 84.

¹⁶⁸ Там же. Д. 397. Л. 15.

¹⁶⁹ Там же. Д. 397а. Л. 280, 319.

¹⁷⁰ Там же. Д. 269. Л. 8.

¹⁷¹ Там же. Д. 160. Л. 10; Д. 379а. Л. 241.

¹⁷² Там же. Д. 233. Л. 345; Д. 379а. Л. 252.

¹⁷³ Там же. Д. 397а. Л. 70, 86; Д. 168. Л. 1.

¹⁷⁴ Там же. Д. 233. Л. 285.

¹⁷⁵ Там же. Д. 397а. Л. 70; Д. 203. Л. 24.

¹⁷⁶ Там же. Д. 233. Л. 329; Д. 125. Л. 53, 61.

¹⁷⁷ Там же. Д. 363а. Л. 554; Д. 379а. Л. 115, 135.

¹⁷⁸ Там же. Д. 397. Л. 15.

¹⁷⁹ Там же. Д. 363а. Л. 323.

2.3.3. Научные и учебные заведения

Церковь Академии наук (Университетская наб., 5). Взята под охрану Отдела в середине 1918 г. В декабре 1918 г. вторично осмотрена его уполномоченными. В период после 1 октября 1927 г. из нее вывезено 59 предметов¹⁸⁰.

Церковь св. великомученицы Екатерины при Училище ордена Св. Екатерины (наб. р. Фонтанки, 36). Осмотр и составление описи имущества на основе решения Совета Отдела от 15 мая 1919 г.¹⁸¹

Церковь Училища правоведения (наб. р. Фонтанки, 6). В декабре 1918 г. была вторично осмотрена уполномоченными Отдела. 15 апреля 1919 г. из нее вывезен 31 предмет¹⁸².

Церковь Мариинского института (Кирочная ул., 54). Ликвидирована 12 июня 1922 г. При этом вывезены семь предметов: три иконы, вышитые шелком, и четыре иконы живописи¹⁸³.

Церковь Пажеского корпуса (Садовая ул., 26). 26 июня 1919 г. на заседании Совета Отдела рассматривался вопрос об охране ее имущества в связи с попытками грабежа, выделения для этого специального сторожа. В 1920 г. вывезен 21 предмет. В период с 1 октября по 1 декабря 1923 г. было принято на учет 266 предметов¹⁸⁴. Вывозы имущества 11 февраля, 23 марта, 8 и 10 апреля 1924 г.¹⁸⁵

Церковь при Коммерческом училище (наб. р. Фонтанки, 62). Осмотр с выявлением художественно ценных предметов с 20 по 25 августа 1918 г.¹⁸⁶

Церковь при Ксенинском институте (пл. Труда, 4). Осмотр с выявлением художественно ценных предметов с 20 по 25 августа 1918 г.¹⁸⁷

Церковь Св. Иоанна Богослова при Петербургской духовной семинарии (наб. Обводного кан., 17). В 1919 г. на заседании Отдела решили: «Церковь как не представляющая художественного и исторического интереса охраняться не будет»¹⁸⁸.

Церковь Св. Александра Невского при Институте инженеров путей сообщения (Московский пр., 9). 19 декабря 1922 г. вывезен 31 предмет, в том числе 15 икон и 16 изделий из серебра. 15 февраля 1923 г. вывезен 31 предмет¹⁸⁹.

Церковь Во имя святых и праведных Захария и Елисаветы Патриотического института В. П. Петрова (10-я линия ВО, 3) при Женском патриотическом

¹⁸⁰ Там же. Д. 397. Л. 15; Д. 397а. Л. 319.

¹⁸¹ Там же. Д. 35. Л. 43, 49.

¹⁸² Там же. Д. 397. Л. 15; Д. 379а. Л. 176.

¹⁸³ Там же. Д. 233. Л. 182; Д. 363а. Л. 5.

¹⁸⁴ Там же. Д. 35. Л. 56; Д. 233. Л. 315; Д. 397а. Л. 70.

¹⁸⁵ Там же. Д. 397а. Л. 70; Д. 203. Л. 5, 11, 12, 15.

¹⁸⁶ Там же. Д. 269. Л. 8.

¹⁸⁷ Там же. Д. 269. Л. 8.

¹⁸⁸ Там же. Д. 41. Л. 36.

¹⁸⁹ Там же. Д. 233. Л. 332; Д. 363а. Л. 548.

обществе. Обсуждение на заседании Совета Отдела в конце 1918 г. вопросов ее охраны. В декабре 1918 г. вторично осмотрена¹⁹⁰. Вывоз неизвестного числа предметов в ноябре–декабре 1922 г. Перерегистрация в 1924 г. церковных предметов, принимаемых на учет. Вывоз 20 марта 1924 г. 18 предметов: икон и картин — 7, облачений — 5, богослужебных книг в серебре — 2, серебряной дарохранительницы, бронзового подсвечника, распятия черного дерева¹⁹¹. Вывозы 2 апреля 1924 г. 11 предметов, 30 апреля 1924 г. в Эрмитаж одного предмета, состоящего из 14 частей (видимо, киот)¹⁹².

Церковь Иверской Божьей Матери при Женском педагогическом институте (М. Посадская ул., 26). В декабре 1918 г. была осмотрена уполномоченными Отдела, и ей было выдано охранное свидетельство. Вывезли в 1922 г. царские ворота с резным деревом и два медных подсвечника¹⁹³. 4 апреля 1923 г. поступило ходатайство от Крестовоздвиженской церкви (Б. Посадская, 10а) о выдаче ей этих предметов. Разрешили с условием согласия Академического центра и перевозки предметов своими силами. «Во исполнение сего вещи были выданы диакону Маслову под соответствующую расписку»¹⁹⁴.

Церковь Макария Великого (Египетского) при Горном институте (21-я линия ВО, 2). На основании декрета об отделении «Церкви от государства и школы от церкви» в августе 1918 г. закрыта. Вывоз церковных предметов производился 29 ноября и 10 декабря 1922 г.¹⁹⁵

Церковь Петра и Павла при Императорском университете (Университетская наб., 7–9). В декабре 1918 г. была вторично осмотрена уполномоченными Отдела. Вывоз церковных предметов 29 ноября и в декабре 1922 г.¹⁹⁶

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы при Сиротском институте Императора Николая I (наб. р. Мойки, 48/50). Обсуждение на Совете Отдела вопроса о необходимости ее охраны. В декабре 1918 г. вторично осмотрена уполномоченными Отдела¹⁹⁷.

Церковь 3-й гимназии (Соляной пер., 12). В декабре 1918 г. была вторично осмотрена уполномоченными Отдела. Решением его руководства взята под охрану. В декабре 1923 г. снова осмотрена; принято на учет 35 предметов¹⁹⁸.

Церковь Александровской гимназии (Гороховая ул., 20). В декабре 1918 г. была вторично осмотрена уполномоченными Отдела¹⁹⁹.

¹⁹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 35. Л. 46; Д. 397. Л. 15.

¹⁹¹ Там же. Д. 125. Л. 69; Д. 397а. Л. 112.

¹⁹² Там же. Д. 233. Л. 328; Д. 379а. Л. 178.

¹⁹³ Там же. Д. 397. Л. 15; Д. 233. Л. 326.

¹⁹⁴ Там же. Д. 160. Л. 280; Д. 363а. Л. 560.

¹⁹⁵ Там же. Д. 125. Л. 69.

¹⁹⁶ Там же. Д. 397. Л. 15; Д. 125. Л. 69.

¹⁹⁷ Там же. Д. 37. Л. 15; Д. 397. Л. 15.

¹⁹⁸ Там же. Д. 397. Л. 15; Д. 397а. Л. 70.

¹⁹⁹ Там же. Д. 397. Л. 15.

Церковь Реального училища принца Ольденбургского (12-я Красноармейская ул., 36–38). В декабре 1918 г. после обследования сотрудниками Отдела ее имущество было взято под охрану путем выдачи охранного свидетельства²⁰⁰.

2.3.4. Лечебные учреждения

Церковь Клинического военного госпиталя (Клиническая ул., 4). 8 декабря 1922 г. при ее ликвидации вывезено девять образов, имеющих музейное значение²⁰¹.

Церковь Андрея Блаженного при больнице-богадельне Тименкова и Фролова (ул. Комсомола, 4). 12 декабря 1922 г. изъята одна икона, 22 декабря один образ²⁰².

Церковь Св. Первоверховных ап. Петра и Павла при Петропавловской больнице (ул. Льва Толстого, 4). Из нее 4 и 5 августа 1922 г. осуществлялись перевозки имущества. В декабре 1923 г. она осмотрена и приняты на учет 12 предметов²⁰³. 15 декабря 1923 г. производилась проверка имущества и подготовка к вывозу. 1 февраля 1924 г. вывезено 8 предметов в Эрмитаж²⁰⁴.

Церковь больницы св. Равноапостольной Марии Магдалины (2-я линия ВО, 47). Вывоз части имущества в 1922 г.²⁰⁵

Церковь Св. Равноапостольной Марии Магдалины и бл. княгини Ольги при Санкт-Петербургской общине сестер милосердия во имя Христа Спасителя (ул. Чайковского, 52 и 73). Вывоз части имущества 3 января 1923 г., 2 февраля — двух икон и памятной доски с иконой²⁰⁶. В декабре 1923 г. дополнительно осмотрена, принято на учет три предмета²⁰⁷.

Церковь Свято-Троицкой общины сестер милосердия (2-я Советская ул., 16). Вывоз церковных ценностей 4 января 1923 г. Осмотр и проверка наличия имущества 19 января 1923 г.²⁰⁸

Церковь при больнице пр. Ольденбургского (Лиговский пр., 8). Вывоз церковных ценностей 4 января 1923 г. Дополнительный осмотр и составление описи имущества 19 января 1923 г.²⁰⁹

Церковь Петра и Павла при Обуховской женской больнице (наб. р. Фонтанки, 106). В конце октября 1925 г. вывоз двух предметов²¹⁰.

²⁰⁰ Там же. Д. 397. Л. 15.

²⁰¹ Там же. Д. 233. Л. 327; Д. 363а. Л. 558.

²⁰² Там же. Д. 233. Л. 325; Д. 363а. Л. 561.

²⁰³ Там же. Д. 125. Л. 40; 397а. Л. 70.

²⁰⁴ Там же. Д. 379а. Л. 63, 84.

²⁰⁵ Там же. Д. 125. Л. 69.

²⁰⁶ Там же. Д. 160. Л. 6; Д. 363а. Л. 553.

²⁰⁷ Там же. Д. 397а. Л. 70.

²⁰⁸ Там же. Д. 160. Л. 4; Д. 397а. Л. 19; Д. 397а. Л. 70.

²⁰⁹ Там же. Д. 160. Л. 4; Д. 397а. Л. 19.

²¹⁰ Там же. Д. 397а. Л. 229.

Церковь при больнице сумасшедших (пр. Стачек, 140). Вывоз предметов в апреле, а также 17 сентября 1924 г.²¹¹

Церковь равноапостольных Константина и Елены при Еленинской бесплатной больнице А. Г. и Е. И. Елисеевых (Политехническая ул., 32). В октябре–декабре 1923 г. осмотрена, принято на учет 80 предметов²¹².

Церковь Николая Чудотворца при Глазной лечебнице (Моховая ул., 38). 25 декабря 1921 г. вывезены четыре предмета²¹³.

2.3.5. Религиозные, благотворительные учреждения и общества

Церковь Святейшего Синода (пл. Декабристов, 1–3). В 1918 г. сотрудника Отдела изъято 110 предметов²¹⁴.

Церковь Палестинского общества Николо-Александровская (угол пр. Бакунина и 2-й Советской ул.). В 1921 г. изъятие религиозных предметов²¹⁵, включая старинные иконы и утварь, собранные знатоком древнерусского искусства кн. А. А. Шириным-Шихматовым.

Церковь Св. Троицы Чесменской богадельни (ул. Гастелло, 15). Руководством Отдела 2 мая 1919 г. велись переговоры с правительственным уполномоченным о перевозке на склад ее имущества. Вывезено пять церковных предметов и серебряная медаль. Имелось ходатайство Русского музея о передаче ему одного плата из нее, «представляющего выдающийся музейный интерес»²¹⁶. В 1920 г. решено изъять его. Отмечалось, что по описи богадельни он значился походным иконостасом царя Федора Алексеевича²¹⁷.

Церковь Рождества Иоанна Крестителя при Чесменском инвалидном доме (Московское шоссе, 74). В декабре 1923 г. осмотрена сотрудниками Отдела; принято на учет два предмета²¹⁸.

Церковь Св. Иоанна Богослова при Санкт-Петербургской духовной семинарии (Обводный кан., 17). Архитектурная секция Отдела 1 февраля 1919 г. вынесла решение: «Церковь как не представляющая интереса охране не подлежит»²¹⁹. Закрыта в 1918 г. с полной утратой внутреннего убранства.

Церковь во имя иконы Божьей матери «Утоли моя печали» при Приюте принца Ольденбургского (Морской пер., 3). Обсуждение на заседании Совета

²¹¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 203. Л. 24, 32.

²¹² Там же. Д. 397а. Л. 70.

²¹³ Там же. Д. 363а. Л. 526.

²¹⁴ Там же. Д. 397. Л. 140.

²¹⁵ Там же. Д. 128. Л. 25.

²¹⁶ Там же. Д. 379. Л. 11; Д. 363а. Л. 539.

²¹⁷ Там же. Д. 379а. Л. 84; Д. 125. Л. 23.

²¹⁸ Там же. Д. 397а. Л. 70.

²¹⁹ Там же. Д. 41. Л. 30.

Отдела 12 июня 1919 г. вопроса о необходимости ее охраны. Но тогда же ее закрыли, имущество вывезли²²⁰.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы при Сиротском институте имп. Николая I (Казанская ул., 3). Обсуждение на Совете Отдела вопроса о ее охране. С 27 июля по 3 августа 1922 г. вывоз имущества, в том числе крупногабаритного²²¹.

Церковь св. Николая при Детскосельском приюте (Садовая ул., 86). В конце 1922 г. вывезены: одна икона в серебряном окладе и один портрет в серебряном футляре. 10 января 1923 г. вывоз 10 предметов²²².

Церковь Евгеньевской общины (Старорусская ул., 3). В 1924 г. произведен вывоз имущества²²³.

Церковь Братства во имя Царицы Небесной при Детском приюте (ул. Воскова, 1). Вывезены в 1921 г. религиозные предметы²²⁴.

2.3.6. Военные учреждения

Церковь Михайловского артиллерийского училища (Арсенальная наб., 17). В декабре 1918 г. была вторично осмотрена уполномоченными Отдела, и ей было выдано охранное свидетельство. 15 мая 1919 г. рассматривалось требование руководства вновь организованных Артиллерийских командных курсов «об очищении помещения бывшей церкви Михайловской артиллерийской академии». Считали, что надо сохранить помещение этой церкви как имеющее большое художественное значение хотя бы до вывоза ценностей²²⁵. Вновь этот вопрос обсуждался 19 июня 1919 г. Но имущество церкви было вывезено, помещение в прежнем виде сохранено не было²²⁶.

Церковь Константиновского артиллерийского училища (Московский пр., 17). В декабре 1918 г. ее имущество было вторично осмотрено уполномоченными Отдела с целью подготовки последующего вывоза²²⁷.

Церковь Первого Кадетского корпуса (Съездовская линия ВО, 1). В середине 1918 г. взята под охрану Отделом. В декабре 1918 г. вторично осмотрена его уполномоченными. Обсуждение в 1919 г. на Совете «Отдела» вопроса об угрозе расхищения церковных ценностей в связи с отсутствием охраны²²⁸. Позднее принято решение об ее охране ввиду наличия в ней значительного числа

²²⁰ Там же. Д. 41. Л. 30.

²²¹ Там же. Д. 35. Л. 6; Д. 125. Л. 38.

²²² Там же. Д. 233. Л. 334; Д. 363а. Л. 532.

²²³ Там же. Д. 160. Л. 17.

²²⁴ Там же. Д. 337. Л. 99.

²²⁵ Там же. Д. 397. Л. 15; Д. 37. Л. 60.

²²⁶ Там же. Д. 464. Л. 13; Д. 35. Л. 6, 53.

²²⁷ Там же. Д. 397. Л. 15.

²²⁸ Там же. Д. 397. Л. 15; Д. 37. Л. 15.

«художественно ценных предметов». Отклонено ходатайство А. А. Крутицкого об открытии этой церкви «для совершения богослужения в праздник Пасхи». 15 мая 1924 г. вывезено четыре предмета²²⁹.

Второго кадетского корпуса имп. Петра Великого церковь Св. благоверного Великого князя Александра Невского (Ждановская наб., 13). В начале 1922 г. изъято шесть предметов из металла, один портрет, три аналая. Вывоз в 1922 г. семи предметов: пяти икон, одного изделия из перламутра, стола. 21 февраля 1923 г. вывезены 10 предметов²³⁰. 15 апреля 1924 г. произведена проверка имущества и взяты на учет три оставшихся художественно ценных предмета²³¹.

Финляндского лейб-гвардии полка церковь Св. Спиридония Тримифунтского (Большой пр. ВО, 65). Рассмотрение в Отделе в середине 1918 г. вопроса о ее охране. В декабре 1918 г. вторично осмотрена, помещение и имущество взяты под охрану²³². После нового осмотра 14 ноября 1922 г. вывезено семь предметов. 28 ноября 1922 г. производились перевозки имущества на склады²³³.

Павловского лейб-гвардии гренадерского полка церковь Св. кн. Александра Невского (Марсово поле, 1). Перевозка имущества 2 мая 1919 г. после ее ликвидации²³⁴.

Московского лейб-гвардии полка церковь Михаила Архангела (Б. Сампсониевский пр., 61). В 1922 г. сотрудниками Отдела произведен вывоз 24 предметов: 17 образов, трех украшений к киотам, двух пар брачных венцов, одного киота с грамотами, одной походной церкви²³⁵. 3 декабря 1922 г. при ликвидации церкви составлена опись имущества. 14 января 1922 г. вывезено 24 предмета. 1 февраля 1924 г. осмотр оставшихся вещей, отбор ценных для музеев предметов²³⁶.

Церковь в казарме лейб-гвардии Преображенского полка (Кирочная ул., 37). В 1919 г. ее помещение было занято конторой Военно-инженерной дистанции по решению районных властей, чему со стороны Отдела возражений не поступало. Вывоз имущества длительное время не производился из-за отсутствия транспорта. В связи с этим в конце 1919 г. руководство Дистанции договорилась с Советом собора Спаса Преображения о перевозке в него имущества этой церкви: 88 предметов по описи, а также колоколов и двух образов²³⁷.

²²⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 81. Л. 18; Д. 379а. Л. 135, 221.

²³⁰ Там же. Д. 233. Л. 324, 337; Д. 363а. Л. 562.

²³¹ Там же. Д. 379а. Л. 179.

²³² Там же. Д. 35. Л. 46; Д. 397. Л. 15.

²³³ Там же. Д. 363а. Л. 501; Д. 125. Л. 66.

²³⁴ Там же. Д. 379. Л. 11.

²³⁵ Там же. Д. 233. Л. 343.

²³⁶ Там же. Д. 363а. Л. 559; Д. 379а. Л. 84.

²³⁷ Там же. Д. 363а. Л. 533.

Церковь во имя праведных Захария и Елизаветы при Кавалергардском полку (Захарьевская ул., 22). Вторично осмотрена в декабре 1918 г.²³⁸ Новый осмотр произведен 1 марта 1924 г., 5 марта 1924 г. составлена опись имущества. 15 марта 1924 г. взято на учет 79 предметов. Вывезено и сдано на склад 23 предмета. 8 апреля 1924 г. изъят один предмет, состоящий из 14 частей — иконостас, который перевезли в Эрмитаж²³⁹.

Церковь Св. Павла Исповедника при Морском корпусе (наб. Лейтенанта Шмидта, 17). Вторично осмотрена в декабре 1918 г. Вывоз имущества произведен 13 и 14 июля 1922 г.²⁴⁰

Собор Пресвятой Троицы лейб-гвардии Измайловского полка (Измайловский пр., 7а), главная гарнизонная церковь Санкт-Петербурга. В Исаакиевский собор 1 июня 1938 г. поступило его имущество: семь настенных икон Христа, Божией Матери, Исаакия Далматского и др. Отдельно принята икона Николая Чудотворца, написанная на меди. Возможно, оттуда поступила и акварель художника Е. Б. Дункеля «Сожжение Джордано Бруно»²⁴¹.

Церковь на учебном судне «Океан». Управление Петроградского военного порта писало 15 января 1921 г. в Отдел, что на складах порта хранится разная церковная утварь, изъятая из судовых и береговых церквей. Она не имеет никакого применения, и потому Управление просит освободить от него складские помещения. Из Отдела ответили, что будет послан сотрудник для отбора из этой утвари предметов, представляющих музейную ценность. Об остальной утвари рекомендовали сообщить в правление Общеприходского совещания. В 1921 г. было получено разрешение на осмотр находившихся там церковных предметов. После проведенного обследования сообщено, что на кораблях и в порту среди церковных предметов художественно ценные отсутствуют²⁴².

2.3.7. Другие учреждения

Церковь при Фондовой бирже (Биржевая пл., 4). 21 февраля 1919 г. были вывезены на склад 15 предметов, в 1920 г. — 21²⁴³.

Церковь при Купеческой богадельне (Расстанная ул., 20). Перевозка церковных ценностей в январе 1923 г.²⁴⁴

Церковь при Английском посольстве (Английская наб., 56). Вывоз церковных предметов в 1924 г.²⁴⁵

²³⁸ Там же. Д. 397. Л. 15.

²³⁹ Там же. Д. 397а. Л. 135; Д. 379а. Л. 112, 157; Д. 203. Л. 14, 16.

²⁴⁰ Там же. Д. 397. Л. 15; Д. 125. Л. 34.

²⁴¹ Там же. Д. 363а. Л. 559; Д. 26. Л. 7.

²⁴² Там же. Д. 357. Л. 8; Д. 357. Л. 1, 2, 4, 7, 9.

²⁴³ Там же. Д. 363а. Л. 104.

²⁴⁴ Там же. Д. 160. Л. 11.

²⁴⁵ Там же. Д. 397а. Л. 136.

Церковь Английского клуба. Перевозки имущества в мае 1924 г.²⁴⁶

Церковь в Филармонии (Михайловская ул., 2). В апреле 1924 г. произведен осмотр имущества и вывоз 30 предметов: мебель — 3, прикладное искусство — 6, серебряные предметы — 10, вышивка — 11²⁴⁷.

Церковь в Убежище для престарелых актеров — музей М. Г. Савиновой (Петровский пр., 13). В 1926 г. произведен вывоз одного предмета²⁴⁸.

Фундаментальная богословская библиотека духовной семинарии (наб. Обводного кан., 17). О тяжелом положении этой библиотеки было сообщено в Отдел. В 1919 г. сотруднику А. А. Войтову было поручено осмотреть ее «на предмет исторической ценности». В результате сообщено, что в ней около 50 тыс. томов, разделенных на два отдела: фундаментальный и ученический. В первом богословские отделы: иностранный (в основном на греческом и латинском языках) — 4 тыс., русский — 13. Помещение занято красноармейской частью, и оно «до известной степени пострадало». Из ученической библиотеки вывезена часть изданий русских классиков. Здание за выездом военных предполагается использовать для сыпнотифозных больных²⁴⁹.

Синодальная типография (ул. Правды, 15). Посланный для ее осмотра уполномоченный Отдела не усмотрел там ничего художественно ценного. Поэтому охранять ее отказались, как и библиотеку В. А. Тарнавцева религиозно-философского содержания, находившуюся на чердаке типографии²⁵⁰.

Домовые церкви были в особняках и на квартирах многих лиц. Однако сегодня нет возможности перечислить даже наиболее известные из них.

3. Старообрядческие храмы и единоверческие церкви

3.1. Старообрядческие

Церковь во имя Божией Матери «Знамение» Поморского согласия (Тверская ул., 8, литер А). 15 мая 1924 г. взята на учет и описано 98 предметов. 7 августа 1924 г. произошла кража ценностей. В 1924 г. проведена перерегистрация имущества. В 1927 г. изъято пять предметов²⁵¹. В 1936 г. церковь закрыта, церковная утварь передана в Русский музей.

Домовая церковь (Малодетскосельский пр., 12/15). Вывезены в 1922 г. 42 иконы и одна старинная рукопись на склад Отдела, откуда направлены в Русский музей. Позднее туда были переданы еще 43 иконы²⁵².

²⁴⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 133.

²⁴⁷ Там же. Д. 379а. Л. 190.

²⁴⁸ Там же. Д. 397а. Л. 229.

²⁴⁹ Там же. Д. 41. Л. 30, 34, 36.

²⁵⁰ Там же. Д. 23. Л. 19, 20.

²⁵¹ Там же. Д. 379а. Л. 221, 267; Д. 397а. Л. 112, 259.

²⁵² Там же. Д. 233. Л. 333; Д. 125. Л. 160.

Молеельня (Коломенская ул., 10а). В 1919 г. взяты на учет 134 предмета. В 1922 г. разрешена выдача в Русский музей икон из нее²⁵³, видимо, разрешена и позднее²⁵⁴.

Старообрядческая молеельня на Волковом кладбище. 1 апреля 1922 г. изъяты 42 иконы и одна старинная рукопись, переданные в Русский музей. Произведен осмотр в 1924 г. В 1927 г. изъято шесть предметов²⁵⁵.

3.2. Единоверческие

Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Волковом кладбище. В 1925 г. изъято 15 предметов, в 1927 г. — еще 12²⁵⁶.

Церковь Николо-Миловская единоверческая — православных староверцев (Захарьевская ул., 18). В 1924 г. произведена перерегистрация церковных предметов. Из них на учет принято 28. В 1927 г. изъято 11 предметов²⁵⁷.

Церковь Никольская единоверческая (ул. Марата, 24а). Осмотр и вывоз имущества произведен 1 февраля и в июле 1922 г.²⁵⁸

Церковь Св. Алексея Человека Божия при Анастасиевской богадельне Тарасовых на Единоверческом кладбище (Партизанская ул., 13). В 1919 г. произведено обследование и составлена опись имущества. Вывоз имущества осуществлен 17 января 1923 г.²⁵⁹

4. Католические, лютеранские, англиканские и армяно-апостольские религиозные учреждения

4.1. Католические

Церковь Св. Екатерины (Невский пр., 32/34). Вывезено в 1924 г. по три предмета в мае, 12 июня и 14 июня²⁶⁰. В 1927 г. изъято 11 предметов. В 1919 г. обратились в ЧК с целью допущения к обследованию представителей Отдела²⁶¹. Сотруднику С. Е. Лурье было выдано удостоверение на осмотр квартиры архиепископа Я. Цепляка и других духовных лиц (наб. р. Фонтанки, 118), «оставленных ими в настоящее время, на предмет нахождения художественных ценностей». В отчете указано, что представители католического духовенства выехали, и никаких художественных ценностей там не имеется²⁶².

²⁵³ Там же. Д. 397а. Л. 135; Д. 123. Л. 7.

²⁵⁴ Там же. Д. 125. Л. 12.

²⁵⁵ Там же. Д. 363а. Л. 536; Д. 379а. Л. 254; Д. 397а. Л. 245.

²⁵⁶ Там же. Д. 397а. Л. 250, 259.

²⁵⁷ Там же. Д. 397а. Л. 112, 280.

²⁵⁸ Там же. Д. 379а. Л. 84.

²⁵⁹ Там же. Д. 397а. Л. 19; Д. 160. Л. 30.

²⁶⁰ Там же. Д. 397а. Л. 135; Д. 379а. Л. 221, 241.

²⁶¹ Там же. Д. 397а. Л. 280; Д. 35. Л. 560.

²⁶² Там же. Д. 161. Л. 36, 350.

Мальтийская капелла — Церковь Св. Иоанна Иерусалимского при Пажеском корпусе (Садовая ул., 26) — церковь ордена мальтийских рыцарей. 5 января 1920 г. на заседании Совета Отдела обсуждался вопрос о сохранности находящегося в ней ценного имущества, которое не успели вывезти. Вместе с тем решили, что специальный сторож не нужен, так как он уже имеется при православной церкви в этом здании²⁶³.

Римско-католическая академия (1-я линия ВО, 52). На заседании Совета Отдела летом 1918 г. обсуждались вопросы наложения печатей на помещения академии с целью сохранения ее имущества, о том, что делать с находящимися в ней ящиками вещей, опечатанных голландским Красным крестом и польской организацией. Был заслушан доклад сотрудника Отдела М.Я. Ария о наложении им печатей на помещение академии еще до того, как были наложены указанные печати иностранных организаций²⁶⁴. В 1920 г. на заседании Совета Отдела говорилось о происходящих грабежах имущества этой академии. Тогда же были осуществлены перевозки в нее церковного имущества из католического духовного центра на наб. р. Фонтанки, 118²⁶⁵.

4.2. Лютеранские (протестантские)

Церковь Петра и Павла (Невский пр., 22/24). Первое описание имущества сотрудниками Отдела было произведено в 1919 г. 15 апреля 1924 г. состоялась новая опись, когда было взято на учет 69 предметов, из которых 15 мая 1924 г. изъято 13²⁶⁶. В конце мая 1924 г. имущество церкви вновь осмотрено и взято на учет 82 предмета. 11 июня 1924 г. произведено описание взятых на учет 78 предметов²⁶⁷. В отчете Отдела за 1926/1927 г. указано, что из церкви было изъято 23 предмета. С 1 октября 1927 по 1 октября 1928 г. вывезено 35 «вещей религиозного культа»²⁶⁸.

Церковь Св. Доротеи (Павловск. Госпитальная ул., 22). В период с 1 октября 1917 по 1 октября 1928 г. вывезено 8 предметов²⁶⁹.

4.3. Англиканские

Церковь Иисуса Христа (Английская наб., 56). В 1919 г. уполномоченному Отдела было поручено произвести учет ее имущества «на предмет выявления наиболее ценного и вывоза его на склад». Поручено также произвести осмотр имущества в квартире пастора церкви Ламберта (Галерная ул., 57). В отчете

²⁶³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

²⁶⁴ Там же. Д. 54. Л. 53; Д. 36. Л. 13.

²⁶⁵ Там же. Д. 66. Л. 46; Д. 81. Л. 69 об.

²⁶⁶ Там же. Д. 379а. Л. 179; Д. 379а. Л. 221.

²⁶⁷ Там же. Д. 397а. Л. 135; Д. 379а. Л. 220.

²⁶⁸ Там же. Д. 397а. Л. 280, 319.

²⁶⁹ Там же. Л. 319.

уполномоченного сказано, что в церкви к художественным ценностям относятся только две чаши. В квартире пастора имеются лишь вещи не музейного значения. Из старинных, но не музейного значения вещей отмечаются только одна маленькая картина и одна миниатюра²⁷⁰. Мер к охране имущества принято не было. Вывоз религиозных предметов происходил 25 и 27 марта 1924 г.²⁷¹

4.4. Армяно-апостольские

Церковь Св. Екатерины (Невский пр., 40). В отчете Отдела за 1926/1927 г. указано, что из нее было изъято 23 предмета²⁷².

5. Буддизм

Буддийский храм (Приморский пр., 21). Имеются сведения об участии сотрудников Отдела в осмотре имущества храма в 1919 г. Вывоз имущества произведен 26 июня 1923 г.: в Русский музей направлено 36 «предметов культа буддизма». Туда же поступили 66 предметов «буддийского культа» 20 ноября 1923 г. и 464 предметов — 12 декабря²⁷³. На заседании Совета Отдела в 1919 г. было указано, что храм был взят под его охрану, а охранная грамота выдана проф. Щербатскому. Несмотря на это в него вселили красноармейскую часть, служба прекратилась. Предметы, связанные с буддизмом, находились у ряда лиц, по преимуществу всемирно известных ученых. Среди вывезенных ими вещей числилась 21 «мелкая буддийская фигурка». В 1920 г. Отделом выдано удостоверение Войтову для поездки в Павловск с целью обеспечения охраны книг и рукописей профессора Розенберга (ул. Васенко, 3), который ушел с войсками генерала Юденича при их отступлении в 1919 г. Оказалось, что его дом подвергся полному разгрому, никаких художественно-исторических ценностей в нем нет²⁷⁴.

References

Čerepnina N. Ů., Škarovskij M. V. Spravočnik po istorii pravoslavnyh monastyrej i soborov S.-Peterburga. 1917–1945. M.–SPb., 1996.

Pravoslavnye hramy Sankt-Peterburga. 1917–1945: Spravočnik. SPb., 1999.

Список литературы

Православные храмы Санкт-Петербурга. 1917–1945. Справочник. СПб., 1999.

Черепина Н.Ю., Шкаровский М.В. Справочник по истории православных монастырей и соборов С.-Петербурга. 1917–1945. М.–СПб., 1996.

²⁷⁰ Там же. Д. 393. Л. 106.

²⁷¹ Там же. Д. 363а. Л. 123; Д. 203. Л. 13.

²⁷² Там же. Д. 397а. Л. 280.

²⁷³ Там же. Д. 81. Л. 48; Д. 379а. Л. 2, 55.

²⁷⁴ Там же. Д. 81. Л. 48; Д. 65. Л. 43; Д. 41. Л. 102, 159, 160.

Е. М. Балашов

Методы борьбы с преступностью несовершеннолетних в Петербурге-Петрограде в начале XX в.

Эту статью следует начать со слов известного юриста С. В. Познышева, которые выражают наиболее существенную задачу борьбы с детской преступностью. Он писал: «Самое верное средство сильно сократить в обществе профессиональную преступность, это — помешать детям развиваться в преступников, своевременными мерами удаляя их с преступного пути. Пока характер человека еще не сложился, пока образующиеся у него склонности и привычки еще, так сказать, не затвердели, он, разумеется, в общем и среднем более способен к исправлению. И, очевидно, неразумно сначала дать человеку возможность сделаться закоренелым специалистом преступления, а потом уже пытаться вернуть его с преступного пути, на котором он успел прочно утвердиться. Надо, прежде всего и во что бы то ни стало, спасать от преступления детей»¹. В XX в. по мере роста детской преступности проблема становилась всё более актуальной. Однако конкретные способы этого «спасения от преступления детей» на разных этапах российской истории были различны.

До революции 1917 г. наиболее употребительными мерами воздействия на малолетних преступников в общих судах различных типов и уровней были приговоры к заключению в «особые помещения» при тюрьме или арестном

¹ *Познышев С. В.* Детская преступность и меры борьбы с ней (Из публичных лекций весеннего семинара 1910 г. Московского общества борьбы с детской смертностью). М., 1911. Кн. 5. С. 1.

доме², а также передача под ответственный надзор родителям или другим так называемым «благонадежным лицам». Подобные приговоры заметно преобладали в числе наказаний, назначаемых судьями. Однако все эти меры были в очень малой степени эффективны. С. В. Познышев отмечал, что «особые помещения при тюрьмах или домах для арестуемых по приговорам мировых судей представляют собой совершенно своеобразную меру, нечто среднее между воспитательно-исправительным заведением и тюрьмой, но по духу закона более близкую к первому, чем ко второй». Он особо подчеркивал, что «в своей внутренней жизни они должны быть совершенно изолированы от тюрем и должны находиться вне тюремной ограды»³. Из всех мест заключения в России «особые помещения» или отделения существовали лишь при двух столичных тюрьмах: Царскосельской — в окрестностях Петербурга и Московской исправительной — в Сокольниках. Однако и они были рассчитаны на очень ограниченное число мест. В Царскосельском отделении на январь 1913 г. находилось 37 несовершеннолетних, подсудимых и срочных (со сроком заключения, назначенным по приговору суда), а в отделении Московской исправительной тюрьмы — 291 человек, из которых срочных было только 79⁴. В большинстве же случаев особое помещение при тюрьме заменяла отдельная камера для несовершеннолетних в общем коридоре, что не мешало им общаться с взрослыми заключенными.

Не более действенна, чем тюремное заключение, была передача несовершеннолетних под надзор родителей и других «благонадежных лиц». Криминалист Н. В. Терзиев заметил по этому поводу: «Подобных благонадежных лиц, изъявивших согласие... на практике доселе не находилось; приходилось отдавать несовершеннолетних родителям, независимо от репутации последних... то есть возвращать несовершеннолетних в ту самую среду, которая своим влиянием способствовала пробуждению у детей дурных наклонностей»⁵. Значительную часть малолетних подсудимых судьи вынуждены были передавать под надзор родителей или родственников из-за недостатка мест в детских воспитательно-исправительных заведениях, не желая губить их тюремными приговорами. «Многие из судей, — писал судья петербургского детского суда Н. А. Окунев, — не видят иного средства покончить дело с малолетними, иначе как оправдать их, или отдать под надзор родителей: кто эти родители, захотят ли и смогут ли они проявить свой надзор, всё равно никогда не удастся выяснить;

² Арестный дом — специальное помещение для подвергаемых аресту по приговорам городских мировых судей, содержался за счет городской казны. В Санкт-Петербурге здание для арестного дома было выстроено Городской думой в 1881 г., оно имело как общие, так и одиночные камеры.

³ Познышев С. В. К вопросу о несовершеннолетних преступниках // Вопросы права. 1910. Кн. 1. С. 52, 54.

⁴ Терзиев Н. Детские суды // Тюремный вестник. 1915. № 2. С. 412–413.

⁵ Там же. С. 413.

судья отпускает малолетнего, понимая, что, приговорив его в тюрьму, он губит его окончательно. И чем губить наверняка, лучше уже предоставить его будущее своему свободному течению: может быть, как-нибудь, хотя бы случайно, и перестанет воровать»⁶. В 1912 г. в Петербурге судами было передано родным 160 человек, в Москве — 200⁷.

По официальным данным Министерства юстиции за 1911 г., приговоры несовершеннолетним в возрасте 10–17 лет, вынесенные общими судами, представляли собой следующую картину (табл. 1)⁸.

Таблица 1

Приговоры общих судебных установлений	Несовершеннолетних			
	Мальчиков, чел.	Девочек, чел.	всего	
			чел.	%
Заключение в тюрьму с лишением прав по ст. 139 ¹ Уложения о наказаниях	116	4	120	6,3
Заключение в особые помещения при тюрьме или арестном доме	915	40	955	50,4
Передача в исправительный приют или колонию	133	6	139	7,3
для исправления в монастырь	9	6	15	0,8
под ответственный надзор родным или другим лицам	456	35	491	25,9
Арест, денежное взыскание или внушение	147	30	177	9,3
Итого	1776	121	1897	100,0

Тюремное заключение наравне с взрослыми применялось лишь в отношении неисправимых подростков старшего возраста, совершивших тяжкие преступления; по закону тюремный приговор был применим лишь к малолетним в возрасте 14–17 лет. Более 50% приговоров — заключение в особые помещения при тюрьме или арестном доме, более четвертой части — передача детей под надзор родным или «другим лицам». Приговоры к помещению в исправительные приюты чуть превышали 7%.

На протяжении первой половины 10-х гг. характер приговоров не изменялся. За 1915 г. окружными судами России в отношении преступивших закон несовершеннолетних в возрасте 11–17 лет были применены следующие виды наказаний (в зависимости от возраста) (табл. 2)⁹.

⁶ Особый суд по делам о малолетних. Отчет Санкт-Петербургского столичного мирового судьи Н. А. Окунева за 1910 год. СПб., 1911. С. 4–5.

⁷ *Бельский П.* Об изменении процесса по делам малолетних в окружных судах и во время производства предварительного следствия // Вестник права. 1916. № 25. С. 599.

⁸ *Терзиев Н.* Детские суды. С. 412.

⁹ *Люблинский П. И.* Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923. С. 42.

Таблица 2

Возраст, лет	Наказания, чел.							
	тюрьма	арестный дом	надзор родителей	исправит. заведение	каторга	монастырь	прочие наказания	итого
11–13	13	1	30	20	–	1	–	65
14–15	211	21	213	47	–	1	10	503
16	433	35	62	34	–	2	16	582
17	1143	62	–	1	84	1	–	1291
Всего	1800	119	305	102	84	5	26	2441

Итак, в 1915 г. почти 74% всех наказаний в общих судах представляли собой тюремные приговоры – т.е. заключение в «особые помещения» (правда, более 82% от общего числа этих приговоров выносились подросткам старшего возраста, т.е. 16–17 лет). Передавались под надзор родителей 12,5%, около 5% заключались в арестный дом и лишь 4% содержались в специальных исправительных заведениях для детей.

Однако наибольшее количество несовершеннолетних, содержащихся в тюрьмах и арестных домах, составляли подростки, находившиеся под следствием (55%). Приговоренных к тюремному заключению было только около 40%, и наконец, около 5% содержались в общих местах заключения из-за отсутствия свободных мест в воспитательно-исправительных заведениях для малолетних. Потребность в этих заведениях была очень велика: так, из общего числа 8062 несовершеннолетних, осужденных в 1913 г., всего лишь 26% смогли принять воспитательно-исправительные приюты, остальные же должны были отбывать наказание в тюрьмах¹⁰.

По отчетам Главного тюремного управления, за 1910–1915 гг. в России через общие места заключения прошло следующее число несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет (табл. 3)¹¹.

Таблица 3

Годы	Содержалось несовершеннолетних заключенных, чел.		
	в тюрьмах	в арестных домах	всего
1910	4457	9345	13802
1911	6392	8486	14873
1912	7412	8440	15882

¹⁰ Бельский П. Преступность и дети. Рост детской преступности и борьба с нею // Психология и дети. 1917. № 1. С. 43.

¹¹ Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г. Приложение к журналу: Тюремный вестник. 1917. № 1. С. 93; Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. С. 48.

Окончание табл. 3

1913	7800	9100	16900
1914	7456	7346	14800
1915	5535	5251	10786

Таким образом, ежегодно через тюрьмы пропускалось в среднем около 6500 малолетних и через арестные дома — около 8 тыс., в то же время через воспитательно-исправительные заведения проходило ежегодно в среднем около 4300 человек. Не говоря уже о том, что нахождение в местах общего заключения само по себе было губительно для несовершеннолетних, они к тому же нередко содержались в общих камерах вместе со взрослыми преступниками. Причем с каждым годом, по мере роста детской преступности, их количество увеличивалось. В 1905–1908 гг. в общих камерах со взрослыми содержалось такое число детей и подростков (табл. 4)¹².

Таблица 4

Возраст несовершеннолетних, лет	Годы			
	1905	1906	1907	1908
10–14	11	40	25	93
14–17	445	795	905	1313

Сводные данные за пятилетие 1911–1915 гг. показывают, что из общего числа 34 595 несовершеннолетних заключенных содержались в тюрьме в одиночных камерах 2789 (8%), в общих камерах с несовершеннолетними того же возраста — 16 828 (49%), в общих камерах с взрослыми и несовершеннолетними — 14 978 (43%). Из всех несовершеннолетних до 17 лет, прошедших через тюрьмы за этот период, не получали никакого школьного обучения в течение всего времени заключения 26 332 (77%), а обучались только 8 263 (23%). Всего четвертая часть малолетних тюремных заключенных была занята физическим трудом, а три четверти проводили время в полной праздности. Это отчасти объясняется очень краткими сроками заключения: от одного до трех месяцев или немногим более. В арестных домах положение с обучением и трудом обстоит еще хуже, здесь получали знания или занимались работой менее 3% арестованных детей¹³.

В отличие от общих мест заключения, в воспитательно-исправительных заведениях для малолетних трудовые занятия, как и учебная работа, были обычным делом. В приютах (действовавших в городах) и колониях (в сельских местностях) велось обучение грамоте, арифметике, Закону Божьему. Воспи-

¹² Куфаев В. И. Юные правонарушители. Изд. 2-е. М., 1925. С. 44.

¹³ Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. С. 46–47.

танники регулярно обучались различным ремесленным профессиям. Наиболее популярны среди несовершеннолетних были специальности сапожника, столяра и портного. Затем следовали занятия другими ремеслами: кузнечно-слесарным, токарным, плотничным, корзиночным, ткацким, переплетным, футлярным, малярным и тележным. Кроме того, в летний период почти все питомцы этих заведений занимались работами в разных отраслях сельского хозяйства: полеводством, огородничеством, садоводством и пчеловодством. Большинство выпускавшихся воспитанников отправлялось на родину или к родителям, другие определялись в мастерские и на заводы, направлялись в сельское хозяйство, в домашнюю прислугу и т. д.¹⁴

Государственных воспитательно-исправительных заведений в России не существовало. Все они содержались на частные и общественные благотворительные средства, получая из государственной казны лишь небольшие дотации. К 1896 г. на территории Российской империи действовало всего 26 воспитательно-исправительных заведений для малолетних преступников¹⁵. На 1 января 1905 и 1906 г. их количество увеличилось до 49. В них содержалось 1824 воспитанника, т.е. на одно заведение в среднем приходилось чуть более 37 человек. Более подробные сведения на 1905–1906 гг. приведем только по трем из этих заведений, находившимся в Санкт-Петербурге и Москве (табл. 5)¹⁶.

Таблица 5

Названия заведений	Количество воспитанников, чел.								
	всего на 1 января		в том числе на 1 января 1906 г. по возрастам, лет						неизвестно
	1905 г.	1906 г.	10–12	13–14	15–16	17	18 и более		
Петербургские колонии: для мальчиков	183	177	13	57	71	35	1	–	
девочек	29	25	2	6	11	6	–	–	
Москва: Рукавишниковский приют	129	119	5	13	38	22	35	6	

Приют и колонии двух столиц были из числа наиболее крупных, так что, как видим, малолетний контингент этих заведений был малочислен и совершенно недостаточен для того, чтобы обеспечить потребности пенитенциарной системы.

¹⁴ Воспитательно-исправительные заведения в 1914 г. // Трудовая помощь. 1916. № 2. С. 195–196.

¹⁵ Рябых С.Б. Развитие режима содержания в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних в середине XIX – начале XX в. // Вестник Воронежского института ФСИН. 2013. № 1. С. 181.

¹⁶ Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних, приюты для арестантских детей и общества патроната. Приложение к отчету Главного тюремного управления за 1905 г. СПб., 1907. С. 18–19.

Ситуация изменилась в лучшую сторону после издания Положения о воспитательно-исправительных учреждениях от 17 апреля 1909 г. и увеличения пособия из государственной казны на организацию и содержание детских исправительных учреждений. В результате почти все заведения для малолетних увеличили количество своих воспитанников, а кроме того, был создан ряд новых учреждений, хотя и сравнительно небольшой. К 1914 г. количество воспитательно-исправительных учреждений в России увеличилось до 60, из них 52 было предназначено для мальчиков и 8 — для девочек, в тех приютах и колониях, по которым имелись сведения (всего таких было 41), содержалось 4317 чел.¹⁷ В 1915 г. в системе Главного тюремного управления действовало 62 учреждения, из них в 42 приютах и колониях, давших сведения, имелось 4288 детей (мальчиков и девочек)¹⁸.

Создание в Петербурге 21 января 1910 г. первого в России суда по делам о малолетних открыло новую страницу в инновации воспитательно-исправительных методов в отношении несовершеннолетних преступников и совершенствовании применения традиционных методов. В основу деятельности этого суда, ведению которого подлежали дети и подростки 10–17 лет, были положены принципы, радикально отличавшие его от обычного суда для взрослых. Рассмотрим главные из них.

Присущая судам для взрослых гласность полностью исключалась в судах для несовершеннолетних, чтобы избежать позерства или, наоборот, стыдливости подростка перед публикой и товарищами; присутствие посторонних лиц не допускалось. Помещение, где судья беседовал с подростком, должно было иметь не официальный, а простой и уютный вид. Судье предписывалось стараться придать беседе с несовершеннолетним искренний и душевный тон.

Упрощалась формальная сторона судопроизводства: вместо обращений по фамилии, соблюдения официальных процедур судья называл подростка по имени, излагая суть какого-либо требования простыми словами.

Вводился не предусмотренный законом¹⁹ институт попечителей при суде. Попечители присутствовали при разборе дела и принимали самое деятельное участие в первоначальном расследовании. Каждое дело, прежде чем попасть к судье, находилось в руках соответствующего попечителя, который обязан был собрать по нему сведения. Он посещал несовершеннолетнего, знакомился с обстоятельствами его жизни, условиями, приведшими его к проступку, с людьми, которые могли бы способствовать его исправлению. Затем он присутствовал на заседаниях суда и знакомил судью с собранными сведениями, облегчая ход расследования и выбор оптимальных мер по отношению к несовершеннолетнему.

¹⁷ Воспитательно-исправительные заведения в 1914 г. С. 194–195.

¹⁸ Отчет по Главному тюремному управлению за 1915 г. С. 97.

¹⁹ По закону (ст. 11 Устава о наказаниях), мировой судья мог передать малолетних под надзор попечителей только в качестве «благонадежных лиц».

Обычно дела несовершеннолетних расследовались довольно значительное время, чтобы за этот срок дать возможность попечителям изучить характер подростка и установить возможность исправления его без лишения свободы.

При назначении той или иной меры в отношении подростка, признанного виновным, судья должен был отдавать предпочтение воспитательным мерам перед мерами чисто карательными; в ряду воспитательных мер — мерам исправления несовершеннолетнего с оставлением на свободе перед помещением его в воспитательно-исправительные заведения.

Особые меры должны были приниматься при задержании несовершеннолетнего. Полиция в этих случаях должна была действовать таким образом, чтобы он не имел никакого общения с взрослыми задержанными. Затем, немедленно после предварительного сбора сведений, она должна была препроводить несовершеннолетнего к его родителям, тем людям, на чьем попечении он состоял, или же в приют для несовершеннолетних, подвергаемых предварительному заключению.

Помимо этих основных принципов существовал еще ряд необходимых правил работы особого суда по делам о несовершеннолетних. В том числе: обязательное присутствие родителей ребенка на суде, заслушивание судом их объяснений и изложения попечителями всех расследованных ими обстоятельств дела, максимальное устранение формальной стороны судопроизводства и, наконец, рассмотрение дел по категориям проступков (кражи, нищенство, нарушение правил торговли и т.д.)²⁰.

Учреждение Особого суда по делам о несовершеннолетних в Петербурге имело огромное значение не только для дальнейшего утверждения воспитательного принципа в отношении несовершеннолетних правонарушителей, он стал тем органом, который располагал конкретными средствами для проведения этого принципа в жизнь. Несмотря на то что деятельность суда продолжалась очень недолго и отчасти пришлось на самые тяжелые годы мировой войны и революции, он оставил заметный след в истории борьбы с детской преступностью в России. В 1912 г. детский суд начал действовать в Москве, а затем в ряде других городов империи.

В компетенцию петербургского детского мирового судьи, которым был назначен Н. А. Окунев, первоначально входили только уголовные дела о преступлениях несовершеннолетних, а также дела взрослых, выступавших подстрекателями подростков. В 1913 г. в рассмотрение суда для несовершеннолетних были включены дела о беспризорных до 17 лет, что определенным образом расширило сферу его гражданского и опекунского судопроизводства²¹. В воспитательно-исправительные учреждения начали направляться и беспризорные дети в количестве до 7–9% всех вновь прибывавших. Так, в 1914 г. в них

²⁰ Люблинский П. И. Суды по делам о несовершеннолетних в России. СПб., 1910. С. 12–15.

²¹ Автономов А. С. Ювенальная юстиция. М., 2009. С. 61.

было направлено по причине беспризорности (бродяжничества) 157 человек, в 1915 г. — 121²².

Методы деятельности детского суда коренным образом отличались от порядка судопроизводства в обычных судах. При этом производство по незначительным проступкам (торговля без патента, нарушение полицейских распоряжений и уличный беспорядок, нарушение паспортного устава и т.п.) проводилось в детском суде так же, как и в обычном мировом, рассматривавшем подобные мелкие дела. Однако оно велось исключительно при закрытых дверях: судья, беседуя с виновным наедине, старался вызвать в нём чувство признания вины и раскаяния. Главное отличие детского суда состояло в разборе серьезных дел, которые могли свидетельствовать о моральной испорченности подсудимого, таких как кража, обман, присвоение, растрата, проституция. По этим делам суд передавал малолетних под присмотр попечителей, занимавший обычно длительное время — полгода, год и даже более, в течение которого они собирали необходимые для судьи сведения о подсудимом: его семье, товарищах, образе жизни. Присмотр попечителя заключался прежде всего в посещениях подопечного в домашних условиях. Главной задачей были меры воспитательного воздействия: защита детей от возможных соблазнов и неблагоприятного воздействия среды, забота о том, чтобы условия жизни подопечного были благоприятны в моральном и материальном отношении. Он получал помощь в овладении ремеслом или определении в начальную школу. В ходе встреч и бесед малолетним оказывалась психологическая поддержка. Беседы велись в непринужденной, откровенной форме, были лишены всякой сентиментальности. Дети получали практические советы, а не выговоры или наставления. При этом перед попечителем ставилась сложная задача: «Уметь отрешиться от формализма, кодекса, заменить им отца и мать, внести в их жизнь теплую струю заботы, согреть их, чтобы делом показать им, что они не совсем заброшенные дети»²³.

В случае если в течение присмотра подсудимый вел себя хорошо, дело назначалось к слушанию и обычно заканчивалось наиболее мягкой формой наказания: малолетний передавался под ответственный надзор родителей или кого-либо из близких, проявивших за время присмотра попечителей свое благоприятное влияние на ребенка. Одновременно сохранялся надзор попечителей. Если же за период присмотра малолетний обнаруживал отрицательное поведение, то он помещался в особый «подследственный приют» (дом предварительного заключения), состоявший при камере детского суда для предварительного содержания мальчиков, доставленных из полицейских участков города. С юридической точки зрения это считалось изменением меры пресечения,

²² Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. С. 46.

²³ Цит. по: *Белянкова Е. И.* Система педагогической работы попечителей судов для малолетних в Российской империи в начале XX в. // Альманах современной науки и образования [Тамбов]. 2009. № 7. Ч. 2. С. 16.

в приюте подросток мог оставаться неопределенное время: обычно неделю или две, иногда два-три месяца, там его продолжал навещать попечитель. Как правило, недолгое пребывание в подследственном приюте оказывало положительное влияние на ребенка, если же этого не происходило, судье приходилось приговаривать малолетнего к помещению в воспитательно-исправительное заведение. Однако в большинстве случаев из-за отсутствия мест в этих заведениях, особенно для мальчиков старшего возраста, этот приговор мог означать заключение в особое отделение при Царскосельской тюрьме²⁴.

Подследственный приют был открыт в Петербурге за Нарвской заставой на средства благотворителей в декабре 1910 г. Сюда по возможности незамедлительно переводились задержанные дети из полицейских частей. Сначала он был рассчитан всего на 25 мальчиков, затем к 1912 г. прием расширили до 100 человек. Условия содержания в приюте были ориентированы на то, чтобы, приняв меры, предупреждающие побег, исключить внешние атрибуты тюремной обстановки (решетки на окнах и т.п.) и создать в нём атмосферу воспитательного учреждения. Режим содержания в приюте предполагал ношение форменной одежды, учебные занятия в классе, ручной труд, беседы законоучителя и т.д., т.е. всё то, что могло бы ассоциироваться у воспитанников с обычной школой-интернатом²⁵. Кроме того, в мае 1910 г. Петербургское общество патроната открыло в помещении самого детского суда небольшое общежитие для мальчиков (сначала на 10 кроватей, позднее расширенное до 30), а затем осенью 1911 г. Дамский благотворительный тюремный комитет — общежитие для девочек (на 5 кроватей)²⁶. В них попечители временно размещали подследственных из числа сирот и детей бедных родителей.

В деятельности вновь образованного суда для малолетних были и внутренние организационные трудности. Уже к концу 1911 г. обнаружилось, что ведение всей обширной работы одним судьей Н. А. Окуневым является непосильной задачей. Поэтому с 1912 г. мировой съезд Петербурга в помощь ему временно назначил еще пятерых мировых судей: В. К. Троцыну, Ф. Е. Шеляговского, М. А. Захарова, Н. П. Сакмина и А. А. Дружинина, которые по необходимости поочередно его заменяли по определенным дням недели²⁷. Однако эта мера оказалась неприемлемой, поскольку было важно, чтобы с каждым малолетним имел дело всегда один и тот же судья, изучивший его индивидуальные

²⁴ Труды Первого съезда деятелей по вопросам суда для малолетних. С.-Петербург, [28–30] декабря 1913 г. Пг., 1915. С. 16–17.

²⁵ *Тарасова Е. Л.* Детский суд за границей и в России. М., 1912. С. 83; *Лучинский Н. Ф.* Участие полиции в борьбе с детской преступностью // Вестник полиции. 1916. № 29. С. 765; Романовский комитет и Общество правовой охраны малолетних в деле помощи беспризорным детям // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 1. С. 59–60.

²⁶ *Окунев Н.* Второй год работы особого суда для малолетних в Санкт-Петербурге // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 10. С. 220–221.

²⁷ Особый суд по делам о малолетних. Отчет Санкт-Петербургского столичного мирового судьи Н. А. Окунева за 1912 год. СПб., 1913. С. 1.

особенности. Поэтому весной 1914 г. мировым съездом был назначен постоянно действующий второй детский судья Н. К. Милоков²⁸.

В первые два года после открытия в Петербурге детского суда при нём состояло всего пять штатных (оплачиваемых) попечителей: четверо мужчин (В. П. Семенов, Н. Ф. Цикин, В. В. Кименталь, А. П. Удрис) и одна женщина (Е. И. Чичагова, для работы в основном с девочками)²⁹. Каждый из них был педагогом со специальным образованием. Они вели работу в определенных районах города и старались распределять число детей между собой по возможности равномерно. Очень скоро выяснилось, что такого количества попечителей, несмотря на помощь добровольцев, совершенно недостаточно из-за быстрого роста общей численности правонарушителей и удлинения сроков присмотра. Об этом свидетельствуют ежегодные данные о количестве малолетних, состоявших под присмотром попечителей в Петербургском суде в течение шести лет его деятельности (табл. 6)³⁰.

Таблица 6

Под присмотром попечителей состояло по годам, чел.						
1910	1911	1912	1913	1914	1915	Всего
1155	1465	1659	1739	2063	2096	10177

В первый год деятельности суда общее количество несовершеннолетних, проходивших через присмотр попечителей, увеличилось незначительно. К началу второго года положение ухудшилось: на 1 января 1911 г. под присмотром одновременно находилось 560 чел., а на 1 января 1912 г. их было уже 984, т.е. прирост достиг 75% (при этом количество детей на одного штатного попечителя соответственно выросло со 109 до 189 чел. — на 73%). В результате Городской думе в апреле 1912 г. пришлось увеличить число платных попечителей до семи человек³¹. Однако это не решило проблемы. Присмотр в среднем продолжался около года, ежегодно росло число мальчиков, находящихся под присмотром, с 1912 г. резко увеличилось количество девочек, нуждавшихся в присмотре в связи с усилившейся борьбой с детской проституцией. Поэтому уже в 1913 г. в среднем ежемесячно под присмотром каждого попечителя состояло около 140 мальчиков и 18 девочек³², несмотря на то что максимальным

²⁸ *Окунев Н.* Особый суд по делам о малолетних // Петроградский мировой суд за пятьдесят лет, 1866–1916. Пг., 1916. Т. 1. С. 778–779.

²⁹ Там же. С. 782.

³⁰ Там же. С. 802.

³¹ *Окунев Н.* Второй год работы особого суда для малолетних в Санкт-Петербурге. С. 218–220.

³² Труды Первого съезда деятелей по вопросам суда для малолетних. С. 17.

считалось число малолетних на одного штатного попечителя не более 100 чел. Быстрый рост детской преступности после начала мировой войны вынудил Городскую думу с 1 января 1915 г. увеличить штат попечителей до 12 человек, но и эта мера принесла лишь кратковременное облегчение. Число малолетних в суде росло так быстро, что если в начале 1916 г. на одного попечителя приходилось 150 поднадзорных³³, то к концу года их было уже более 200 чел. Для нового увеличения числа попечителей Городская дума в условиях войны не располагала достаточными средствами, поэтому в декабре 1916 г. требующую на расширение штата попечителей до 24 человек сумму выделил благотворительный Романовский комитет³⁴. Это расширение не осуществилось в связи с начавшейся революцией.

При Петербургском детском суде имелись и добровольные (бесплатные) попечители, которых на первых порах в 1910 г. насчитывалось около 50 чел.³⁵, затем их количество резко сократилось: к 1912 г. до 11 чел.³⁶ Очень скоро практика показала, что волонтеры не могут эффективно выполнять обязанности по надзору и уделять им достаточно внимания, поскольку большую часть времени они посвящают своей основной деятельности. Поэтому число поднадзорных детей у каждого из них обычно не превышало 2–3 чел. К тому же для эффективной работы необходима была специальная теоретическая и практическая подготовка, которой далеко не все добровольцы обладали. После начала мировой войны число добровольных попечителей сократилось еще сильнее³⁷.

За шесть лет деятельности Петербургского суда по делам о малолетних было оправдано, обвинено или освобождено от ответственности следующее количество несовершеннолетних из числа привлеченных к суду (табл. 7)³⁸.

Таблица 7

Характер решений суда	По годам, чел.						
	1910	1911	1912	1913	1914	1915	Всего
Осуждено	1238	2419	2445	2827	2339	3442	14710
Оправдано	2301	671	620	890	839	966	6287
Освобождено от суда	247	469	693	2587	452	417	4865
Всего подсудимых	3786	3559	3758	6304	3630	4825	25862

³³ Лучинский Н. Ф. Участие полиции в борьбе с детской преступностью // Вестник полиции. 1916. № 30. С. 785–786.

³⁴ Романовский комитет и Общество правовой охраны малолетних в деле помощи беспризорным детям. Стб 58–68.

³⁵ Люблинский П. И. Суды по делам несовершеннолетних в России. С. 21–22.

³⁶ Особый суд по делам о малолетних. Отчет Санкт-Петербургского столичного мирового судьи Н. А. Окунева за 1912 год. С. 3.

³⁷ Терзиев Н. Детские суды. С. 449–452.

³⁸ Окунев Н. Особый суд по делам о малолетних. С. 801.

Рассмотрим меры, принятые Петербургским детским судом в отношении наиболее трудных категорий подсудимых несовершеннолетних, состоявших под присмотром попечителей, за шесть лет, с 1910 по 1915 г. (табл. 8)³⁹.

Таблица 8

Меры воздействия	Меры приняты относительно			
	мальчиков		девочек	
	чел.	%	чел.	%
Замечание	27	0,6	4	0,7
Арест	24	0,5	7	1,2
Надзор попечителя	3292	75,2	331	56,8
Воспитательно-исправительное заведение	476	10,9	225	38,6
Тюрьма	561	12,8	16	2,7
Всего	4380	100,0	583	100,0

Сравним эти данные со статистикой наказаний, применявшихся в отношении несовершеннолетних окружными судами в 1911 и 1915 гг. (см. табл. 1–2). Сравнение дает возможность сделать следующие выводы. Во-первых, в суде для малолетних, в противоположность окружным судам, арест достиг минимальных значений в общем числе карательных мер. Во-вторых, у мальчиков число тюремных приговоров резко снизилось и почти сравнялось с числом мер принудительного воспитания в закрытых заведениях для детей, а у девочек перешло в категорию редко применяемых наказаний. В-третьих, вместо надзора родителей, который, как показывал опыт, почти никак не способствовал исправлению ребенка, детский суд ввел в практику совершенно новую форму воспитательно-исправительных мер — надзор попечителя при суде, сразу занявший ведущее место по количеству случаев применения в отношении как мальчиков, так и девочек.

Теперь рассмотрим то, как распределялись обвинительные приговоры по видам наказаний по годам работы детского суда (табл. 9)⁴⁰.

Таблица 9

Виды наказаний	1910		1911		1912		1913		1914		1915	
	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.	м.	д.
Замечание	–	–	–	–	6	–	7	2	–	–	14	2
Арест	3	1	4	–	1	1	3	2	8	1	–	2
Надзор попечителя	243	23	390	32	622	63	679	51	718	90	640	72
Исправительное заведение	38	15	23	18	100	35	148	73	70	44	97	40
Тюрьма	89	1	88	8	90	1	88	2	132	3	74	1
Всего	373	40	505	58	819	100	925	130	928	138	825	117

³⁹ Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. С. 48.

⁴⁰ Окунев Н. Особый суд по делам о малолетних. С. 803.

Из года в год росло число приговоров о передаче обвиняемых под ответственный надзор попечителей — это было следствием их продолжительного предварительного присмотра, после которого становилось ясно, что надзор может дать положительный результат и обвиняемый имеет стремление к исправлению. Однако часть мальчиков передавалась под надзор попечителей вопреки тому, что было бы целесообразнее поместить их в воспитательно-исправительное заведение. Это была вынужденная мера при постоянном и усиливающемся недостатке мест в мужских приютах и колониях. Число мест для девочек почти всегда отвечало потребности; из числа обвиненных девочек было помещено в воспитательно-исправительные заведения 38,6%, отдано под ответственный надзор — 56,8%, наказано тюрьмой — 2,7.

За то же время мальчиков было помещено в воспитательно-исправительные заведения всего 10,9%, отдано под ответственный надзор — 75,2% (на 18,4% больше чем девочек) и наказано тюрьмой — 12,8% (больше чем девочек на 10,1%). Эта часть мальчиков, отданных под надзор из-за неимения мест в воспитательно-исправительных заведениях, имела более всего шансов стать рецидивистами. Рецидив в эти годы составил у мальчиков 13,6%, у девочек — 2,7%⁴¹. Заметное повышение числа мальчиков, приговоренных к помещению в исправительное заведение в 1912 г., объясняется единовременными соглашениями с Черниговской и Костромской земледельческими колониями о помещении в них петербургских детей. Это позволило увеличить их общее количество до 100 человек (12,2%)⁴².

Когда суд по делам о малолетних начал свою деятельность в Петербурге, в городе не существовало воспитательно-исправительного заведения для мальчиков старшего возраста (14–17 лет), подобного, например, Фидлеровской колонии, открытой в 1904 г. в Москве. Основанная еще в 1871 г. земледельческая колония для мальчиков на Пороховых, которая вмещала около 200 человек, принимала детей не старше 13 лет. Лишь в декабре 1910 г. удалось открыть 1-й воспитательно-исправительный приют за Нарвской заставой на Петергофской улице, рассчитанный на 85–100 мальчиков 10–17 лет. (Для управления приютом в 1914 г. было организовано Общество воспитательно-исправительных приютов во главе с Н. А. Окуневым.) В конце 1912 г. Петербургский мужской благотворительный тюремный комитет открыл Лисинскую земледельческую колонию недалеко от Павловска для 75–100 подростков 14–17 лет⁴³. Этим вплоть до 1917 г. и ограничивалось число заведений для мальчиков.

Лучше обстояло дело с воспитательно-исправительными заведениями для девочек, при том что численность девочек в суде была намного меньше, чем

⁴¹ Особый суд по делам о малолетних. Отчет Санкт-Петербургского столичного мирового судьи Н. А. Окунева за 1912 год. С. 9.

⁴² Там же. С. 10.

⁴³ Окунев Н. Второй год работы особого суда для малолетних в Санкт-Петербурге. С. 218; Люблинский П. И. Суды по делам несовершеннолетних в России. С. 19.

мальчиков. В городе существовало несколько исправительных учреждений для них. При одном из старейших благотворительных учреждений, «Доме милосердия», основанном в 1863 г. и ставившем целью борьбу с проституцией, действовало два небольших приюта: на Пороховых и в Лесном⁴⁴. В 1895 г. в Петербурге открылся исправительный приют для девочек 10–14 лет имени Императора Александра III (на 125 мест), в котором воспитанницы обучались Закону Божьему, чтению, письму, арифметике, истории, географии, пению и различным ремеслам: вязанью, вышиванью, шитью, кулинарии и ведению хозяйства⁴⁵. Кроме того, для трудноисправимых девочек действовало отделение этого приюта в Коломягах, а также убежище на Мещанской улице⁴⁶.

В 1912–1915 гг. общая потребность детского суда в воспитательно-исправительных заведениях составляла около 1200 мест. Однако для мальчиков суд располагал всего 290 местами: в Петербургской (Петроградской) земледельческой колонии — 200 мест, в Лисинской колонии — 75 мест, в 1-м Петроградском воспитательно-исправительном приюте для мальчиков 14–15 лет — 15 мест. Для девочек суд мог использовать 190 мест: в приюте имени Императора Александра III — 125 мест и в приютах Дома милосердия — 75 мест. За пять лет работы петроградского суда (1911–1915 гг.) удалось поместить в воспитательно-исправительные заведения около 40 % девочек и только 13,7 % мальчиков⁴⁷.

Чрезвычайные сложности с проведением эффективных мер по снижению преступности несовершеннолетних, вызванные недостатком воспитательно-исправительных заведений, были наиболее острой проблемой в деятельности суда для малолетних. Эффективность этих заведений в деле исправления подростков отмечал впоследствии Н. А. Окунев. «По прежним законам, — писал он в 1918 г., — судья мог оправдать несовершеннолетнего, отдать под надзор родителей, поместить в воспитательно-исправительное учреждение, поместить в тюрьму. Все меры, кроме помещения в воспитательно-исправительное учреждение, не давали положительного эффекта и лишь способствовали росту подростковой преступности»⁴⁸.

В связи с ростом детской преступности в годы войны к 1916 г. положение с нехваткой воспитательно-исправительных заведений становится поистине катастрофическим. Попечительница петроградского детского суда В. Н. Огрович в конце 1915 г. писала: «В колониях мест нет... Они вмещают такую минимальную цифру детей, что являются слабым помощником в нашей работе.

⁴⁴ Труды Первого съезда деятелей по вопросам суда для малолетних. С. 51–52.

⁴⁵ К XX-летию приюта для девочек имени Императора Александра III // Тюремный вестник. 1915. № 4. С. 963.

⁴⁶ Окунев Н. Особый суд по делам о малолетних. С. 794–795.

⁴⁷ Труды Первого съезда деятелей по вопросам суда для малолетних. С. 19; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 162. Д. 116. Л. 58.

⁴⁸ Цит. по: Проблема инокультурной ювенальной юстиции в современной России. М., 2012. С. 63.

Воспитательно-исправительный приют на 85 мальчиков переполнен, на Рождество было 120 мальчиков, спят по двое, на полу; принимают до последней возможности, чтобы только не оставить ребенка 12–14 лет в участке или на улице. Общежитие на 30 мальчиков тоже переполнено и сейчас вмещает 54 человека, и эти переполнения сами по себе вредны: мальчики ведут себя хуже, учащаются побеги. Остается участок или тюрьма. И растут тюремные приговоры, и дети целыми массами наполняют участки, где заканчивается их воспитание»⁴⁹. При почти двукратном увеличении к концу 1916 г. количества детей, поступающих в суд, вместительность судебного приюта оказалась совершенно ничтожной. Приходилось большую часть мальчиков отправлять в полицейскую часть: за первые 10 месяцев 1916 г. через приют прошло 548 подсудимых, а через Спасскую часть — 783⁵⁰. Петроградское общество воспитательно-исправительных приютов еще в 1915 г. направило в Городскую думу ходатайство об организации нового приюта на 100 человек. Несмотря на то что ходатайство было удовлетворено, рост численности дел в суде происходил так быстро, что уже к концу 1916 г. требовалось, даже по минимальным расчетам, в два раза больше приютских мест. Поэтому общество вынуждено было обратиться в Романовский комитет с просьбой о дополнительном финансировании. Комитет выделил необходимые средства на 1917 г.⁵¹

Однако начавшаяся вскоре революция разрушила все планы. По крайней мере, никаких сведений об организации нового приюта обнаружить не удалось, да и само помещение детского суда в доме № 4 по Екатерингофскому проспекту 1–2 марта 1917 г. подверглось полному разгрому «революционной» толпой. Судебные дела были выброшены на улицу и сожжены, одновременно происходил разгром камеры суда и расхищение вещей. Судья Н. К. Милюков 3 марта осмотрел помещение и сообщил Петроградскому мировому съезду, что уничтожены практически все дела, настольные реестры и статистические карточки. Пострадало имущество камеры: взломаны денежные ящики, а находившиеся в них деньги и вещественные доказательства похищены. Уничтожены или унесены канцелярские принадлежности. Срезано сукно со столов, а сами они взломаны, причем всё их содержимое похищено, стулья и кресла выкинуты на улицу, где были сожжены или украдены, испорчено электрическое освещение (порваны провода, разбиты лампочки)⁵². Через некоторое время Н. А. Окуневу и Н. К. Милюкову удалось восстановить работу детского суда, но добиться возобновления регулярных заседаний они так и не смогли.

⁴⁹ *Огронович В. Н.* Положение беспризорных детей в Петрограде в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 1–2. Стб 65–66.

⁵⁰ Романовский комитет и Общество правовой охраны малолетних в деле помощи беспризорным детям. Стб 60.

⁵¹ Там же. Стб 60–68.

⁵² *Николаев А. Б.* К вопросу о разгроме камер мировых судей в Петрограде в дни Февральской революции // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. СПб., 2009. С. 26.

Подводя итог деятельности суда по делам о малолетних, процитируем М. Н. Гернета, который дал этим судам следующую краткую, но весьма точную характеристику: «Возникшие перед мировую войною в очень немногих городах России детские суды были положительным явлением, поскольку, впрочем, они не были “судами”, а были защитниками бесправного ребенка-правонарушителя и поскольку они отказались от принципа награждения этого ребенка “по заслугам” (то есть по степени его “виновности”) тюрьмою»⁵³. Вновь созданная ювенальная юстиция оказала влияние на уголовную политику государства в отношении несовершеннолетних. Ранее, несмотря на отдельные охранительные нормы, касающиеся детей и подростков, в целом уголовная политика применительно к «ранней преступности» была карательной и осуществлялась с помощью наказания. Смягчение ее произошло именно под флагом ювенальной юстиции⁵⁴. Несмотря на очень краткий период существования, детские суды имели большое значение для совершенствования способов борьбы с детской преступностью в России, они впервые применили на практике новые, гуманные формы и методы этой борьбы, заменив для большинства несовершеннолетних принцип «виновности» и «наказания» принципом их опеки и исправления.

References

- Antonov A.S.* Juvenal`naia iustitciia. M., 2009.
- Bel'skii P.* Ob izmenenii protcessa po delam maloletnykh v okruzhny`kh sudakh i vo vremia proizvodstva predvaritel`nogo sledstviia // Vestnyk prava. 1916. № 25.
- Bel'skii P.* Prestupnost` i deti. Rost detskoj prestupnosti i bor`ba s neiu // Psihologiiia i deti. 1917. № 1.
- Beliankova E.I.* Sistema pedagogicheskoi raboty popechitelei sudov dlia maloletnykh v Rossii`skoi imperii v nachale XX v. // Al`manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia. 2009. № 7. Ch. 2.
- Gernet M.N.* Prestupnost` i samoubii`stva vo vremia voi`ny i posle neyo. M., 1927.
- К XX-letiiu priiuta dlia devochek imeni Imperatora Alexandra III // Tiuremny`i vestnyk. 1915. № 4.
- Kufaeov V.I.* Iuny`e pravonarushiteli. Izd. 2-e. M., 1925.
- Liublinskii P.I.* Bor`ba s prestupnost`iu v detskom i iunosheskom vozraste (sotcial`no-pravovy`e ocherki). M., 1923.
- Liublinskii P.I.* Sudy po delam o nesovershennoletnykh v Rossii. SPb., 1910.
- Luchinskii N.F.* Uchastie politcii v bor`be s detskoj prestupnost`iu // Vestnyk politcii. 1916. № 29–30.
- Nicolaev A.B.* K voprosu o razgrome kamer mirovy`kh sudei v Petrograde v dni Fevral`skoi revoliutcii // Revoliutciia 1917 goda v Rossii: Novy`e podhody i vzgliady. SPb., 2009.
- Ogronovich V.N.* Polozhenie besprizorny`kh detei v Petrograde v sviazi s voi`noi // Prizrenie i blagotvoritel`nost` v Rossii. 1916. № 1–2.
- Okunev N.* Osoby`i sud po delam o maloletnykh // Petrogradskii mirovoi sud za piat`desiat let, 1866–1916. Pg., 1916. T. 1.
- Okunev N.* Vtoroi god raboty osobogo suda dlia maloletnykh v Sankt-Peterburge // Zhurnal Ministerstva iustitcii. 1912. № 10.
- Osoby`i sud po delam o maloletnykh. Otchyot Sankt-Peterburgskogo stolichnogo mirovogo sud`i N.A. Okuneva za 1912 god. SPb., 1913.
- Pozny`shev S.V.* Detskaia prestupnost` i mery bor`by s nei (Iz publichny`kh lektcii vesennego seminaru 1910 g. Moskovskogo obshchestva bor`by s detskoj smertnost`iu). M., 1911. Kn. 5.
- Pozny`shev S.V.* K voprosu o nesovershennoletnykh prestupnikakh // Voprosy prava. 1910. Kn. 1. S. 52–54.

⁵³ *Гернет М. Н.* Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927. С. 115.

⁵⁴ *Васищева Л. М.* Исторический путь ювенальной юстиции // Вестник МГТУ. 2006. Т. 9. № 4. С. 544.

Problema inokul'turnoi iuvenal'noi iustitsii v sovremennoi Rossii. M., 2012.

Riaby'kh S.B. Razvitie rezhima sodержaniia v penitentsiarny'kh uchrezhdeniakh dlia nesovershennoletneykh v seredine XIX — nachale XX v. // Vestnyk Voronezhskogo instituta FSIN. 2013. № 1.

Romanovskii komitet i Obshchestvo pravovoi okhrany maloletneykh v dele pomoshchi besprizorny'm detiam // Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii. 1917. № 1.

Tarasova E.L. Detskii sud za granitsei i v Rossii. M., 1912.

Terziev N. Detskie sudy // Tiuernny' vestnyk. 1915. № 2.

Trudy Pervogo s'ezda deiatelei po voprosam suda dlia maloletneykh. S.-Peterburg, [28–30] dekabria 1913 g. Pg., 1915.

Vasintseva L.M. Istoricheskii put' iuvenal'noi iustitsii // Vestnyk MGTU. 2006. T. 9.

Список литературы

Автономов А.С. Ювенальная юстиция. М., 2009.

Бельский П. Об изменении процесса по делам малолетних в окружных судах и во время производства предварительного следствия // Вестник права. 1916. № 25.

Бельский П. Преступность и дети. Рост детской преступности и борьба с нею // Психология и дети. 1917. № 1.

Белянкова Е.И. Система педагогической работы попечителей судов для малолетних в Российской империи в начале XX в. // Альманах современной науки и образования [Тамбов]. 2009. № 7. Ч. 2.

Васинцева Л.М. Исторический путь ювенальной юстиции // Вестник МГТУ. 2006. Т. 9. № 4.

Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927.

Куфаев В.И. Юные правонарушители. Изд. 2-е. М., 1925.

Лучинский Н.Ф. Участие полиции в борьбе с детской преступностью // Вестник полиции. 1916. № 29–30.

Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). М., 1923.

Люблинский П.И. Суды по делам о несовершеннолетних в России. СПб., 1910.

Николаев А.Б. К вопросу о разгроме камер мировых судей в Петрограде в дни Февральской революции // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды. СПб., 2009.

Огронович В.Н. Положение беспризорных детей в Петрограде в связи с войной // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 1–2.

Окунев Н. Второй год работы особого суда для малолетних в Санкт-Петербурге // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 10.

Окунев Н. Особый суд по делам о малолетних // Петроградский мировой суд за пятьдесят лет, 1866–1916. Пг., 1916. Т. 1.

Особый суд по делам о малолетних. Отчет Санкт-Петербургского столичного мирового судьи Н.А. Окунева за 1912 год. СПб., 1913.

Познышев С.В. Детская преступность и меры борьбы с ней (Из публичных лекций весеннего семинара 1910 г. Московского общества борьбы с детской смертностью). М., 1911. Кн. 5.

Познышев С.В. К вопросу о несовершеннолетних преступниках // Вопросы права. 1910. Кн. 1. С. 52–54.

Проблема инокультурной ювенальной юстиции в современной России. М., 2012.

Романовский комитет и Общество правовой охраны малолетних в деле помощи беспризорным детям // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 1.

Рябых С.Б. Развитие режима содержания в пенитенциарных учреждениях для несовершеннолетних в середине XIX — начале XX в. // Вестник Воронежского института ФСИН. 2013. № 1.

Тарасова Е.Л. Детский суд за границей и в России. М., 1912.

Терзиев Н. Детские суды // Тюремный вестник. 1915. № 2.

Е. Ф. Синельникова

Финансовый аспект взаимоотношений власти и научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1917–1920-х гг.

Октябрьская революция коренным образом изменила жизнь в стране. По вполне объективному мнению современного отечественного исследователя А. А. Курепина, «положение науки при новой власти, в условиях Гражданской войны характеризовалось разрушением ее материальных основ, огромными человеческими утратами в результате политических потрясений и экономического коллапса, неприятием большинства деятелей науки режима пролетарской диктатуры, свертыванием международных связей»¹. Всё это, безусловно, повлияло и на жизнеспособность научных обществ.

Несмотря на то что после Октябрьской революции советское правительство не запретило деятельность многочисленных обществ и союзов², тяжелое положение в стране послужило поводом к самороспуску Юридического общества при Петроградском университете, Российского общества ревнителей истории и некоторых других научных обществ. Временно свою работу приостановили Философское и Антропологическое общества при Петроградском университете, Петроградские одонтологическое и отоларингологическое общества и др. В целом, на 1 января 1918 г. в Петрограде насчитывалось 55 научных обществ³, это были как городские, так и всероссийские общества. Продолжали функцио-

¹ Курепин А. А. Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб., 2003. С. 9.

² Коржихина Т. П. Общественные организации СССР. М., 1981. С. 3.

³ См.: Наука в России. Справочник-ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Вып. 1. Пг., 1920.

нирывать Русское техническое общество, Общество естествоиспытателей при Петроградском университете, Русское общество любителей мироведения и ряд других. В это же время создавались новые научные общества: Общество радиоинженеров (1918 г.), Научное общество марксистов (1919), Научное общество материнства и младенчества (1920) и др.

Практически все научные общества Петрограда до революции обладали собственными средствами. Однако в связи с национализацией банковской системы⁴ денежные средства у них были изъяты. Так, Русское техническое общество потеряло свои капиталы, хранившиеся в Государственном и частью в Волго-Камском банке⁵, а Русское общество любителей мироведения — в Государственной сберегательной кассе и Обществе взаимного кредита Петроградского уездного земства⁶ и т.п. Научные общества, лишившись своих капиталов, стали обращаться за субсидиями к властным органам. До создания в Петрограде местных административно-научных органов, все научные общества города вели переписку и взаимодействовали с Научным отделом Народного комиссариата просвещения, который унаследовал функции бывшего Министерства народного просвещения, в том числе и те, которые были связаны с работой состоявших при нём научных учреждений⁷. Научные общества Петрограда отправляли отчеты о своей деятельности за 1914–1918 гг. в Научный отдел Наркомпроса, обращались по финансовым вопросам — запрашивали субсидии, направляли сметы.

28 октября 1918 г. Научный отдел Наркомпроса циркулярно уведомил все подведомственные ему учреждения и общества в Петрограде, что «впредь устанавливается совершенно определенный и единый порядок рассмотрения всех вопросов о сметах, сверхсметных ассигнованиях, субсидиях, а также об изменении штатов, образовании новых учреждений, отделов и т.д.». Далее в циркуляре сообщалось, что со всеми вопросами эти учреждения могут обращаться «только через Научный отдел Народного комиссариата по просвещению в Петрограде»⁸, созданный 1 октября того же года.

С этого момента субсидии стали выдаваться в соответствии с составленными обществами сметами после их рассмотрения и утверждения их местным Научным отделом. В конце ноября 1918 г. все научные учреждения, подведомственные Наркомпросу, в том числе и «частные, получающие субсидию от казны», должны были представить проекты смет на первое полугодие 1919 г. с приложением объяснительных записок (все документы в 4-х экземплярах) не позднее

⁴ Декрет о национализации банков был принят 14 (27) декабря 1917 г.

⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб.). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 134.

⁶ Там же. Д. 59. Л. 13.

⁷ *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1919–1922). М., 1973. С. 123.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

1 декабря 1918 г.⁹ Причем следующую смету (на второе полугодие 1919 г.) необходимо было представить в 4-х экземплярах не позднее 20 мая 1919 г. вместе с отчетами о фактически полученных и израсходованных средствах за истекший период (за вторую половину 1918 — первую половину 1919 г.)¹⁰. Тем обществам, которые не уложатся в срок, обещали выделить субсидию в прежнем объеме («без увеличения»). Эти объяснительные записки к сметам можно рассматривать как план деятельности обществ. Начиная с 1919 г. они стали непременным требованием власти, так как позволяли одновременно контролировать и работу, и расходы научных обществ. Получение субсидий было достаточно длительным и сложным процессом. Во время ожидания поступления средств научные общества Петрограда иногда обращались за помощью к некоторым чиновникам Наркомпроса, что нередко являлось единственным выходом. Например, «когда Научный отдел, наконец, получил возможность субсидировать [Русское техническое] общество, последнее через З.Г. Гринберга¹¹ уже получило небольшие суммы для насущных расходов и начало существовать»¹².

Необходимо отметить, что советская власть подходила к финансированию научных обществ очень избирательно: после революции субсидировались только те научные общества, в деятельности которых власть была заинтересована, — не в последнюю очередь это зависело от области научных занятий того или иного общества.

Большевики, захватившие власть в 1917 г., были воодушевлены идеей создания современного, промышленного развитого государства¹³, при этом на первом плане стояли технические и естественные науки, значение которых для социалистической реорганизации народного хозяйства и обороны страны было особенно велико¹⁴. В связи с этим в «Сводном заключении Отдела ученых учреждений и высших учебных заведений по субсидиям, предложенном ученым обществам и изданиям на первое полугодие 1919 г.» отмечалось, что «общая схема расходов [Русского технического] общества и соответствующий план его деятельности не вызывают возражений со стороны отдела, и субсидирование общества представляется целесообразным». Однако вместо испрашиваемых 461 878 руб. 40 коп. обществу было ассигновано только 290 100 руб.

Далее в «Сводном заключении» сообщалось, что «[Русское географическое] общество, несомненно, заслуживает субсидирования и притом в крупных размерах»¹⁵. Тем не менее общество получило не запрашиваемую сумму

⁹ Северная коммуна. 1918. 26 ноября.

¹⁰ Северная коммуна. 1919. 6 мая.

¹¹ Товарищ народного комиссара по просвещению.

¹² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 134.

¹³ Грэхэм Л. Р. Очерки истории российской и советской науки. М., 1998. С. 197.

¹⁴ Оснос Ю. А. Из истории советской науки (1917–1920-е гг.) // Исторический журнал. 1943. № 5–6. С. 21.

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 58.

в 1581987 руб. 24 коп., а вдвое меньше. Несмотря на урезание сметы, для общества «ценна была и та поддержка, которая оказывалась в это время руководителями Наркомпроса и Главнауки»¹⁶.

Смета Общества естествоиспытателей при Петроградском университете на первое полугодие 1919 г. также была урезана с более чем 160 тыс. до 75 тыс. рублей, так как были сокращены в полтора раза средства на издательство и полностью вычеркнуты расходы на содержание Мурманской биологической станции «как находящейся в оккупированной местности»¹⁷. Однако там продолжали находиться сотрудники, а «биологическая станция не переставала считать себя российским учреждением и неоднократно обращалась к российской власти, а не к английской»¹⁸. Во второй половине 1919 г. смета этого общества уже не вызвала «никаких возражений со стороны Научного отдела»¹⁹. Однако запрет на финансирование Мурманской биологической станции общества «вследствие нахождения <...> [ее] в руках империалистов»²⁰ во время иностранной интервенции сохранился. Относительно сметы Русского общества любителей мироведения в «Сводном заключении» сообщалось, что она «составлена скромно и обоснованно», а «деятельность общества идет энергично и носит вполне демократичный характер»²¹, поэтому средства, просимые обществом (45 тыс. руб.), были ассигнованы в полном объеме.

В ноябре 1918 г. Научный отдел докладывал в Наркомпрос относительно ассигнований на первое полугодие 1919 г., что «представленные обществом мотивы представляются, по мнению отдела, основательными и потому отдел просит выдать Палеонтологическому обществу испрашиваемые 3 000 р[ублей]»²².

Наравне с техническими и естественнонаучными обществами не вызывало у власти сомнений финансирование медицинских научных обществ. Например, 28 октября 1918 г. Научный отдел, считая ходатайство о субсидии Общества русских физиологов им. И. М. Сеченова «заслуживающим удовлетворения», просил Наркомпрос открыть обществу кредит²³.

Гуманитарным обществам приходилось сложнее других, ведь им приходилось доказывать, что они заслуживают субсидий. Так, Русское историческое общество, получив отказ в финансировании, в конце января 1919 г. писало в Научный отдел, что «цели, которые преследует общество, остались по-прежнему

¹⁶ Соколовский Г. Н. Русское географическое общество за последнее десятилетие // Научный работник. М.–Л., 1927. С. 37.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 63. Л. 19. Британская интервенция началась весной 1918 г., а закончилась летом 1919.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Там же. Д. 59. Л. 58.

²² Там же. Д. 64. Л. 3.

²³ Там же. Д. 66. Л. 4.

строго научными, значительно расширены», что «из бывшего ранее замкнутого кружка определенных лиц оно стало общественным учреждением, доступным для всех желающих», и что «выборы в члены общества основаны на <...> принципе демократизации, выражающемся в упрощенном способе баллотировки членов и во введении не существовавших до сего времени членских взносов»²⁴. Ответ отдела последовал достаточно прямолинейный: «Оставить в силе прежнее постановление отдела об отклонении субсидий, т[ак] к[ак] сообщенные данные не дают пока оснований заключать о фактической демократизации состава и изменении характера деятельности общества»²⁵.

Однако не все было так однозначно во взаимоотношениях власти и гуманитарных научных обществ Петрограда. В октябре 1918 г. Научный отдел, одобряя в целом смету Общества любителей древней письменности, отмечал, что «возникает лишь вопрос о целесообразности дальнейшего существования Общества в качестве самостоятельного учреждения; однако вопрос этот может быть разрешен не в сметном, а в организационном порядке к будущему 1919 г.»²⁶ Напротив, в октябре 1920 г. эmissар Подотдела ученых учреждений и высших учебных заведений Л. Л. Мищенко в отношении Еврейского историко-этнографического общества писал, что оно «заслуживает всякого поощрения и поддержки»²⁷. Возможно, благосклонность власти в отношении обществ гуманитарного профиля зависела, в частности, от специализации последних.

Переписка по вопросам финансирования составляла большую часть документооборота между научными обществами Петрограда и властными органами. Интересен тон этих посланий. Научные общества осознавали, что в изменившихся условиях они находятся в финансовой зависимости от власти и ее расположения, поэтому все бумаги, направляемые ими, были составлены подчеркнуто уважительно. Пожалуй, единственное исключение представлял отчет о деятельности Русского технического общества за 1916/1917 г., выражающий негативное отношение к власти, которая задерживает ассигнования, выдает их в недостаточном объеме. В этом отчете секретарь общества требовал от Научного отдела создать «условия, благоприятные для деятельности», которыми, по его мнению, являлись: 1) своевременная выдача денег и не только на оплату служащих, но и на текущую деятельность общества, для чего необходимо, чтобы у общества всегда имелись в распоряжении 100 тыс. руб.; 2) предоставление обществу права и возможности оплачивать деятельность сотрудников, чтобы этот заработок не был ниже, чем в других отраслях труда; 3) право и возможность для общества печатать свои оповещения в периодической печати; 4) восстановление возможности для общества занять вновь все помещения, которыми оно

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 65. Л. 45.

²⁵ Там же. Л. 51.

²⁶ Там же. Д. 60. Л. 36.

²⁷ Там же. Д. 259. Л. 37.

фактически распоряжалось до 1918 г. в Соляном городке²⁸. Более того, вместе с этим отчетом в Наркомпрос было отправлено требование о выдаче обществу «немедленно впредь до рассмотрения сметы <...> аванса в размере пятидесяти тысяч»²⁹. Ровно через месяц, 23 августа 1918 г., эти средства в Народном банке получил исполняющий обязанности председателя общества С. П. Максимов, который практически сразу после этого подвергся нападению и был ограблен на набережной Фонтанки, причем он даже получил ранение³⁰. На следующий день Русское техническое общество обратилось к Наркомпросу с просьбой о восстановлении «аванса в 50 000 рублей полностью в возможно скором времени»³¹. К сожалению, неизвестно, был ли выдан аванс вновь. Однако есть основания полагать, что власть была настолько заинтересована в функционировании этого общества, что могла изыскать для него дополнительные средства.

Таким образом, невзирая на тяжелейшее экономическое положение в стране в годы Гражданской войны и проводимую политику «военного коммунизма», советское правительство находило финансовые возможности материально поддерживать деятельность научных обществ.

Разразившийся финансово-экономический кризис поставил под вопрос их государственное субсидирование. Ситуация оставалась неопределенной, несмотря на смену экономического курса, о которой было объявлено на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. Нэп, предполагавший допущение рыночных отношений и частичную реставрацию некоторых других принципов капитализма (разрешение частных промышленных и торговых предприятий, иностранных инвестиций в экономику по средствам концессий и т.п.), страшил научные общества перспективой возвращения к дореволюционным принципам формирования их бюджета. Большинство научных обществ до революции никаких регулярных субсидий от государства не получало, а их средства складывались из членских взносов, доходов от продажи изданий, пожертвований частных лиц и т.п., но в новых экономических условиях этого было недостаточно для их функционирования. В связи с этим в декабре 1921 г. Русское общество любителей мироведения писало, обращаясь в Государственный ученый совет³² и Петроградское управление научными и научно-художественными учреждениями Академического центра Наркомпроса (ПУНУ): «Переживаемый ныне республикой тяжелый момент в связи с новой экономической политикой правительства <...>

²⁸ Там же. 58. Л. 134 об.

²⁹ Там же. Л. 5.

³⁰ Там же. Д. 58. Л. 16.

³¹ Там же. Л. 15 — 15 об.

³² Государственный ученый совет — руководящий научно-методический центр Наркомпроса в 1919–1932 гг. В 1922 г. Государственному совету было поручено общеметодическое и идеологическое руководство научными учреждениями (*Бастракова М. С.* Предисловие // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сб. док-тов. Л., 1968. С. 6).

поставил на очередь вопрос о снятии с государственного снабжения научных обществ. Вполне признавая, что тяжелые обстоятельства переживаемого момента с необходимостью диктуют правительству эту меру, надо надеяться временную <...> мера эта, приводимая к тому же по отношению не ко всем обществам, никоим образом не должна коснуться Русского общества любителей мироведения ввиду исключительной его роли в общественной научной жизни страны. <...> Совет общества надеется, что Государственным ученым советом будут приняты все возможные меры для оставления Русского общества любителей мироведения наряду с некоторыми другими на государственном снабжении»³³.

Русское общество любителей мироведения, в августе 1921 г. получившее удостоверение, что оно «состоит в числе учреждений, подведомственных и субсидируемых Управлением научных учреждений»³⁴, в начале 1922 г. было «снято с государственного снабжения». Общество оказалось в сложном финансовом положении, так как ему нечем было оплачивать счета типографии. Было ясно, что «одно увеличение членских взносов, с которыми нужно тоже было быть очень осторожным, не даст выхода из положения, что перспективы <...> не получают осуществления, ввиду того же угрожающего нэпа»³⁵.

С августа 1922 г. Русскому обществу любителей мироведения была возвращена государственная субсидия, «выдаваемая ежемесячно <...> благодаря которой общество могло оплачивать труд 2–3 лиц, ведущих текущую работу по канцелярии и обслуживающих помещения общества»³⁶. После получения субсидии Русское общество любителей мироведения подчеркивало, как оно ценит такую поддержку со стороны государства: «Вообще общество, задавшееся целью вести главным образом научную работу, всемерно старается свести до минимума количество работы канцелярской, не расходуя на это сил и средств и не считая себя вправе обременять такими расходами государство, давшее субсидию»³⁷.

Конечно, потеря государственного финансирования означала не только потерю средств, но и привилегий (например заседания субсидируемых обществ не подлежали «обложению сборами, взимаемыми со всякого рода платных зрелищ и общественных собраний»³⁸, освобождались Губфинотделом от уплаты гербового сбора³⁹ и пр.), что существенно удорожало деятельность обществ.

Общество естествоиспытателей при Петроградском университете с начала 1922 г. было, так же как и многие другие, «снято с государственного снабжения

³³ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 54 об. Стиль документа сохранен.

³⁴ Там же. Д. 545. Л. 4.

³⁵ Там же. Л. 23а — 23а об.

³⁶ Там же. Д. 595. Л. 129.

³⁷ Там же. Д. 355. Л. 8 об.

³⁸ Там же. Д. 545. Л. 20.

³⁹ Там же. Д. 1104. Л. 29.

и никаких средств не имело»⁴⁰. Оказавшись в тяжелом финансовом положении, оно попыталось вернуть собственные капиталы, которыми обладало до революции, «однако ходатайство К. Дерюгина в Москву о возвращении капиталов общества пока не встретило сочувствия»⁴¹. Всё же в конце 1922 г. это научное общество в силу его «серьезного государственного значения» было принято «Наркомпросом, в виде исключения, на снабжение»⁴².

Подобно другим, всю первую половину 1922 г. Русское энтомологическое общество было «совершенно лишено правительственной субсидии»⁴³, и только с июля оно было включено в «разряд субсидируемых и стало получать субсидию от Наркомпроса для оплаты 5 должностных лиц»⁴⁴.

Русское астрономическое общество также в самом начале 1922 г. потеряло финансовую поддержку государства, однако уже в феврале того же года власть посчитала, что общество «зарекомендовало себя научными трудами и имеет все данные для включения в список субсидируемых обществ, но только при одном обязательном условии: пересмотра и изменения своего устава в духе завоеваний пролетарской революции»⁴⁵.

Эти и другие подобные архивные данные показывают, что большинство научных обществ, лишенных государственного финансирования в первой половине 1922 г., стали получать регулярную субсидию в середине того же года, когда экономика страны несколько стабилизировалась. Но были и счастливые исключения; так, на государственном снабжении в течение всего 1922 г. находилось Русское физико-химическое общество⁴⁶, а также Русское географическое общество⁴⁷.

В целом, с 1 июля 1922 г. 10 научных обществ города (Русское археологическое, Русское ботаническое, Общество испытателей при Петроградском университете, Общество любителей древней письменности, Русское общество любителей мироведения, Научное общество марксистов, Российское минералогическое общество, Русское палеонтологическое общество, Общество физиологов им. И. М. Сеченова, Русское энтомологическое общество) полностью финансировались государством⁴⁸. Примечательно, что в этом списке не оказалось Русского технического общества, которое в годы Гражданской войны пользовалось безоговорочной поддержкой власти. Однако оно всё же получало

⁴⁰ Там же. Д. 357. Л. 6.

⁴¹ Там же. Д. 546. Л. 5. К. М. Дерюгин — ученый секретарь Общества естествоиспытателей.

⁴² Там же. Д. 357. Л. 13.

⁴³ Там же. Д. 595. Л. 40.

⁴⁴ Там же. Л. 42.

⁴⁵ Там же. Д. 914. Л. 3.

⁴⁶ Там же. Д. 541. Л. 10 об.

⁴⁷ Там же. Д. 542. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Д. 418. Л. 39.

частичное финансирование, а в следующем году было включено в 12 научных обществ, полностью субсидируемых государством⁴⁹, которые, по выражению заведующего Петроградским отделением Главнауки М. П. Кристи, имели «общепризнанное значение»⁵⁰. Это стало следствием большей заинтересованности власти в их деятельности по сравнению с другими обществами. Нельзя, по видимому, исключить и влияние личных связей руководителей и активистов обществ с представителями государственных и партийных органов, хотя прямого свидетельства этого мы не обнаружили.

С новыми трудностями пришлось столкнуться научным обществам города после обследования работы Главнауки, проведенного летом и осенью 1923 г. комиссией ЦК РКИ. В выводах комиссии указывалось, что «в отношении подведомственных Главнауке научных обществ [необходим] пересмотр по существу деятельности этих обществ в целях оказания преимущественно поддержки тем из них, которые ведут работу по разрешению проблем, связанных с развитием производительных сил страны и осуществлением задач нового строительства, а также пересмотр существующих уставов научных обществ с точки зрения их соответствия интересам РСФСР и утверждение постоянных уставов для обществ, ныне работающих на основании правил и уставов»⁵¹. Подобные выводы во многом были обусловлены разразившимся в 1923 г. первым кризисом нэпа. В результате многие научные общества оказались под угрозой исключения из сети учреждений, подведомственных Наркомпросу, что означало лишение их всяческой помощи и субсидий государства.

За научные общества бывшей столицы заступилось Петроградское отделение Главнауки, посчитав, что изъятие их «из числа учреждений, хотя бы частично финансируемых или субсидируемых государством, ставит научные общества в безвыходное положение, грозя полным срывом их большей частью многолетней, серьезной и весьма полезной работы, так как огромное большинство обществ лишилось принадлежавшего им имущества и средств, членские же взносы далеко недостаточны для покрытия самых неотложных расходов»⁵². «Принимая во внимание заслуги многих петроградских обществ в области как научно-исследовательской работы, так и промышленно-экономической, а также реальную полезность их деятельности в настоящее время»⁵³, местными административно-научными органами было возбуждено ходатайство перед Главнаукой. Общества удалось отстоять, и они были оставлены в числе учреждений, подведомственных Главнауке Наркомпроса.

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 667. Л. 41.

⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 355. Л. 93.

⁵¹ Выводы комиссии ЦК РКИ, обследовавшей работу Главнауки, об улучшении ее деятельности // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1968. С. 44.

⁵² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 417. Л. 418.

⁵³ Там же.

Это не означало, что они были переведены на полное государственное финансирование, так как и прежде большинство научных обществ города субсидировались только частично, причем одной из постоянных форм такого финансирования являлась оплата труда нескольких штатных сотрудников. Как и в первые послереволюционные годы, многие из них отказывались от этих денег в пользу общества, расходовавшего их на различные «научные и текущие нужды»⁵⁴. Русское общество любителей мироведения имело двух платных служащих в 1921 г.: библиотекаря и правителя дел, все остальные должностные лица работали бесплатно⁵⁵, в 1922 г. платных сотрудников у общества было уже 5. Необходимо отметить, что лица, состоящие в штате, «получали государственное снабжение (обычный паек Компроса), кроме получающих академический паек, пользовались льготными трамвайными билетами, талонами на электрическое освещение и другими правами советских служащих»⁵⁶.

Русское географическое общество постоянно обращалось во властные органы с просьбой расширить список его научных сотрудников⁵⁷. ПУНУ в начале 1922 г. объясняло, что «ввиду производящегося всеобщего сокращения штатов, оно не может разрешить увеличение таковых для географического общества»⁵⁸. Однако к концу года ПУНУ кардинальным образом поменяло свое решение: «Несмотря на необходимость дальнейшего сокращения штатов по всем учреждениям, [ПУНУ] находит возможным увеличить с ноября с[его] г[ода] предоставленное обществу количество платных единиц на три единицы, причем использование и распоряжение таковых предоставляется непосредственно Совету общества». Таким образом, у Географического общества было уже 15 оплачиваемых сотрудников. Сообщая об этом, ПУНУ уточняло, что «дальнейшее увеличение субсидий со стороны Управления представляется, безусловно, невозможным»⁵⁹.

В 1923 г. у Общества естествоиспытателей оплачиваемых сотрудников было 6: ученый секретарь, помощник ученого секретаря, казначей, редактор, заведующий складом ученых изданий, лабораторный служащий⁶⁰. Тем не менее общество всё равно сетовало, что «даже устройство научных собраний общества осуществляется почти исключительно на отчисления с содержания служащих общества». Это положение для общества казалось «ненормальным», ведь до революции оно имело кроме регулярной субсидии от правительства еще проценты от своих капиталов, которые были конфискованы советской властью⁶¹.

⁵⁴ Там же. Д. 595. Л. 42; Д. 539. Л. 94.

⁵⁵ Там же. Д. 355. Л. 8.

⁵⁶ Там же. Д. 595. Л. 231 об.

⁵⁷ Там же. Д. 358. Л. 41; Д. 542. Л. 19.

⁵⁸ Там же. Д. 542. Л. 18.

⁵⁹ Там же. Л. 42 об.

⁶⁰ Там же. Д. 627. Л. 22.

⁶¹ Там же. Л. 36.

Некоторым обществам всё же удавалось доказать свою значимость и добиться от властей перевода с частичного финансирования на полное. Так, Общество древней письменности и в 1922 г. сообщало в Академический центр Наркомпроса, что получало деньги «при посредстве» ПУНУ только на содержание личного состава (секретаря, хранителя музея и одного научного сотрудника), «на другие же расходы (на издания и хозяйственные нужды) ничего не отпускалось»⁶². В связи с этим общество ходатайствовало о его включении в число научных обществ, которые полностью финансируются государством⁶³. Эта просьба была выполнена, и в четвертом квартале 1924 г. размер субсидий составлял 50 руб. в месяц⁶⁴. Для сравнения ежемесячная государственная субсидия Русского минералогического общества в 1924 г. составляла 30 руб.⁶⁵, а Русское палеонтологическое и энтомологическое общества в том же году получали по 15 руб. в месяц каждое⁶⁶.

В дальнейшем Общество древней письменности и искусства продолжало пользоваться благосклонностью власти. Ведь когда его не оказалось в ведомости на распределение субсидий на первый квартал 1925 г., (что, по мнению Ленинградского отделения Главнауки (ЛОГ), произошло «по очевидному недоразумению»⁶⁷), ЛОГ предлагало Главнауке всё же включить его «в список обществ, получающих гос[ударственную] субсидию», так как считало, что «внезапное лишение общества поддержки государства, которой оно пользовалось непрерывно до сих пор, представляется Отделению нецелесообразным и могущим в корне подорвать налаженную работу общества»⁶⁸.

Еще одной формой частичного финансирования научных обществ города было получение средств на определенные «предприятия», которое могло идти и вне сметных ассигнований, но ПУНУ в 1923 г. подчеркивало, что «прежде чем приступить к каким-либо работам, учреждения и научные общества должны заблаговременно испрашивать соответственные для этих целей кредиты, без предварительного получения таковых оплата счетов по производимым расходам невозможна»⁶⁹.

Научное общество марксистов находилось в приоритете у власти, но и у него возникали некоторые трудности с финансированием отдельных начинаний. 29 ав-

⁶² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 538. Л. 4.

⁶³ Там же. Д. 538. Л. 4 об.

⁶⁴ Там же. Д. 718. Л. 18.

⁶⁵ Там же. Д. 722. Л. 16.

⁶⁶ Там же. Д. 719. Л. 13; Д. 727. Л. 7. Незначительность сумм ежемесячных субсидий в сравнении с тем, какие суммы выдавались научным обществам в годы Гражданской войны, объясняется проведенной в 1923 г. денежной реформой, в результате которой были выпущены новые денежные знаки образца 1923 г., и 1 руб. в этих новых знаках приравнивался к 100 руб. денежных знаков образца 1922 г.

⁶⁷ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 718. Л. 36.

⁶⁸ Там же. Л. 36 об.

⁶⁹ Там же. Д. 625. Л. 32.

густа 1923 г. председатель общества обращался лично к М. П. Кристи: «Вы были так любезны, что обещали на несколько ближайших месяцев отпустить обществу субсидию на организацию читального зала и кабинета им. К. Маркса. Между тем до сих пор мы получили упомянутую субсидию только за июнь и обработали ее по назначению, хотя формально израсходовали, как между нами было условлено, как бы на жалование членам Президиума. Полагая, что здесь вышло недоразумение, позволяю себе беспокоить Вас настоящим письмом и покорнейшей просьбой сделать распоряжение об отпуске субсидий по ведомостям на июль и август»⁷⁰.

В целом ежемесячная государственная субсидия для определенного числа научных обществ Петрограда-Ленинграда состояла из денег на оплату штатных должностей и ассигнований на текущие расходы. Однако суммы, отпускаемые обществам, были неодинаковыми, так же как и процентное соотношение государственных субсидий и поступлений из других источников в их бюджетах. Так, например, у Русского общества любителей мироведения в 1923 г. государственная субсидия составляла 75 % общего бюджета общества, членские взносы — 12 %, доход от продажи изданий — 10 %, остальные 3 % — пожертвования частных лиц⁷¹.

Научные общества, получающие от государства значительные субсидии, в середине 1920-х гг. нередко отмечали в своих отчетах «окрепшее финансовое положение»⁷², «несомненное оживление <...> работы»⁷³, «всё улучшающееся [положение] как условий самой научной работы, так и условий печатания»⁷⁴. Другие же общества, коих было большинство, получали лишь частичное финансирование, причем субсидии составляли незначительную часть их бюджета, поэтому они лишь сетовали на недостаточность средств для нормального функционирования.

Между тем дифференцированное отношение советской власти к научным обществам привело к закреплению на законодательном уровне государственного финансирования определенных научных обществ. 17 февраля 1925 г. декретом СНК РСФСР был утвержден «Список научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного Управления научных и научно-художественных учреждений Народного Комиссариата Просвещения РСФСР и состоящих на государственном бюджете»⁷⁵, в котором было 9 ленинградских и 6 московских научных обществ, а также 12 провинциальных отделений Русского географического общества. Из 9 ленинградских научных обществ 6 теперь имели в своем названии слово

⁷⁰ Там же. Д. 629. Л. 11.

⁷¹ Там же. Д. 720. Л. 41, 67 об.

⁷² Там же. Д. 1000. Л. 4.

⁷³ Там же. Д. 999. Л. 17.

⁷⁴ Там же. Д. 791. Л. 26 об.

⁷⁵ Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного Управления научных и научно-художественных учреждений Народного Комиссариата Просвещения РСФСР // СУ РСФСР. 1925. № 14. Ст. 95. С. 165–176.

«государственные». Тем самым власть дополнительно подчеркивала их значимость для страны. Примечательно, что к ним были отнесены старейшие научные общества: Русское физико-химическое общество, Российское минералогическое общество, Русское палеонтологическое общество, Русское ботаническое общество, Русское энтомологическое общество, Русское географическое общество. Помимо них находились под идеологическим и административным контролем Главнауки и полностью финансировались государством Ленинградское общество естествоиспытателей, Русское общество любителей мироведения, Научное общество марксистов. Кроме последнего все общества были естественнонаучными. Это свидетельствовало об особой заинтересованности советской власти в определенных отраслях науки. Более того, названные общества находились на полном государственном финансировании вплоть до конца 1920-х гг.

Интересен тот факт, что многие из научных обществ, ставших «государственными» в 1925 г., до революции носили титул императорских. Статус организаций, имевших такой титул, не был официально регламентирован, но на практике он означал возможность обращения к императору, солидные субсидии, различные привилегии (присвоение должностным лицам прав государственной службы, награждение орденами членов обществ, право бесплатной пересылки почты и др.), и наконец, почтительное отношение администрации⁷⁶. Таким образом, можно констатировать преемственность некоторых царских и советских административных практик.

Успешность функционирования даже тех научных обществ, которых не оказалось в списке «государственных», зависела «в значительной мере от денежных средств, которые общество смеет получать по гос[ударственному] бюджету»⁷⁷. Например, «усилению деятельности Русского астрономического общества не могла не содействовать полученная от Главнауки субсидия» в 1926 г.⁷⁸ Важно, что объем субсидий продолжал возрастать. Так, Русское энтомологическое общество в годовом отчете за 1926 г. подчеркивало, что «финансовое положение общества за отчетный период определилось в достаточной мере ясно»⁷⁹. Ведь за ним была закреплена ежемесячная правительственная субсидия по Главнауке в размере 20 руб. на нужды общества и на зарплату пяти штатным сотрудникам по 215 руб. 10 коп.⁸⁰, т.е. в год общество получало от государства 13 146 руб. Почти в 10 раз меньше получали от Наркомпроса в том же году Общество древней письменности и искусства, годовая субсидия которого составляла 1500 руб.⁸¹, и Физико-математическое общество, получавшее такую же сумму⁸².

⁷⁶ Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980. С. 20.

⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1004. Л. 15.

⁷⁸ Там же. Д. 1091. Л. 25.

⁷⁹ Там же. Д. 1004. Л. 4.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Д. 1109. Л. 9.

⁸² Там же. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 11. Л. 6.

Российское минералогическое общество отмечало в 1927 г. «продолжающийся рост ассигнований на нужды общества со стороны Главного управления научными учреждениями, выразившийся не только в оплате труда двух сотрудников общества по всё повышающимся ставкам, но и в увеличении ежемесячной субсидии с 30 руб. до 45 руб.»⁸³ Русское ботаническое общество в 1928 г. получило от государства 600 руб., которые были израсходованы на приобретение новых книг, переплет старых и подписку на рассылку изданий⁸⁴. В 1928 г. Русское палестинское общество, по его собственному определению, было «крайне стеснено в средствах», получая «незначительное пособие из казны» в размере 83 руб. в месяц, т.е. 1000 руб. в год⁸⁵. Напомним, что годом-двумя ранее суммы ежемесячных субсидий научных обществ не превышали 50 рублей.

Симптоматично, что все научные общества, вне зависимости от того, получали они полное или частичное государственное финансирование, считали отпускаемую им субсидию недостаточной и говорили о том, что зачастую им удается справиться со своей научной работой благодаря взносам и пожертвованиям членов⁸⁶. Многие общества сталкивались с проблемой оттока членов, которые не могли уплачивать взносы. Так, в 1926 г. правление Русского общества любителей мироведения отмечало, что «в этом году имело место некоторое сокращение количества действительных членов в связи с обременительностью для многих трехрублевого членского взноса, но не в ущерб числу активных работников»⁸⁷.

Научные общества не упускали возможности ходатайствовать и об ассигновании денег на конкретные цели. Так, правление Русского палеонтологического общества считало, что ему «совершенно необходимо» получать от государства некоторые суммы на «текущие расходы по канцелярии, почтовым расходам и транспорту»⁸⁸.

Помимо этого научные общества пытались изыскивать всевозможные льготы для сокращения неизбежных расходов. Так, Русское географическое общество хлопотало о предоставлении ему льготных условий рассылки повесток на собрания, узнав об этом, Русское общество любителей мироведения потребовало этого и для себя⁸⁹. Особую важность для научных обществ представляло финансирование их изданий. Русское палеонтологическое общество высказывалось за «закрепление за ним права на определенную, ежегодно ассигнуемую сумму», что поставило бы издательство общества на «более прочную базу»⁹⁰. Однако, несмотря на подобные заявления отдельных научных обществ,

⁸³ Там же. Д. 7. Л. 2.

⁸⁴ Там же. Д. 50. Л. 8.

⁸⁵ Там же. Д. 73. Л. 2 об.

⁸⁶ Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1087. Л. 9 – 9 об.

⁸⁷ Там же. Д. 1081. Л. 38.

⁸⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1087. Л. 9 об.

⁸⁹ Там же. Д. 1081. Л. 75.

⁹⁰ Там же. Д. 1087. Л. 9 об.

порядок финансирования их изданий оставался прежним, т.е. включался в общую смету и мог произвольно урезаться властными органами. Русское палеонтологическое общество 18 сентября 1928 г. писало в Москву, обращаясь лично к помощнику начальника Главнауки М. П. Кристи, что кредит общества, отпущенный ему для печатания периодического органа, был уменьшен, и оно ходатайствовало о выделении этих ассигнований в полном объеме⁹¹.

Объем печатных листов также определялся без согласования с научными обществами. В связи с этим Русское географическое общество пыталось добиться отмены «ограничительного постановления и предоставления “Метеорологическому вестнику”, по крайней мере, 20–25 листов в год»⁹². Российское минералогическое общество в 1927 г., благодаря соглашению Главнауки с Государственным издательством, продолжало публиковать свои «Записки» на 20 печатных листах⁹³. Общество российских физиологов им. И. М. Сеченова в 1929 г. издавало свой журнал объемом 30 печатных листов в год и «Бюллетень» в 6–8 печатных листов в год⁹⁴.

Издание трудов членов обществ было тем «предприятием», на которое следовало добиваться специальных средств. 16 мая 1928 г. Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей просило об ассигновании ему 500 руб. для напечатания работы члена-сотрудника А. М. Линевского о петроглифах⁹⁵.

В 1928 г. произошла очередная смена экономического курса, был объявлен переход к плановой модели экономики, причем перераспределение ресурсов шло в пользу индустриализации. В связи с этим тревогу среди научных обществ Ленинграда посеяло предложение центральной власти «о снятии научных обществ с госбюджета», и тотчас Русское общество любителей мироведения ходатайствовало об оставлении его на государственном снабжении⁹⁶. В результате просто были сокращены кредиты научным обществам, хотя некоторые из них всё же лишились субсидий, как, например, Общество древней письменности⁹⁷. Напротив, деятельность Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей в 1928 г. базировалась на «постоянной субсидии от Наркомпроса и на бесплатном труде членов, прибегая также к займам у членов и к кредиту в типографии»⁹⁸. «Неожиданное сокращение Главнаукой кредита на 200 рублей»⁹⁹ было отмечено в отчете Физико-Химического общес-

⁹¹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 45. Л. 7 – 7 об.

⁹² Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1080. Л. 39 об.

⁹³ Там же. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 7. Л. 2 об.

⁹⁴ Там же. Д. 58. Л. 1.

⁹⁵ Там же. Д. 29. Л. 13.

⁹⁶ Там же. Д. 53. Л. 9.

⁹⁷ Там же. Д. 52. Л. 5.

⁹⁸ Там же. Д. 54. Л. 6 об. Стиль документа сохранен.

⁹⁹ Там же. Д. 60. Л. 10.

тва за 1928 г. Ленинградское общество натуралистов не получало государственной поддержки ни в 1928, ни в 1929 г.¹⁰⁰, несмотря на то что оно частично финансировалось государством в предшествующие годы.

Существенные изменения произошли в порядке финансирования научных обществ: с 1 октября 1929 г. вместо статей сметы Наркомпросом им предлагалась общая субсидия на год, без детализации на отдельные статьи расходов, но с предоставлением свободы в ее расходовании¹⁰¹. Такая мера была, по-видимому, вызвана серьезным сокращением объемов финансирования, так как составление предварительных смет в таких условиях было бы проблематично для научных обществ. Отчетность научных обществ Петрограда-Ленинграда по всем получаемым от государства средствам, как и в предшествующие годы, направлялась в Финансово-контрольное управление облфинотдела¹⁰².

По новой схеме финансирования Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей в 1929 г. получило от Наркомпроса субсидию в размере 700 руб., кроме того еще специально 300 руб. на экспедицию¹⁰³. Средства Общества российских физиологов им. И. М. Сеченова в 1929 г. слагались из субсидий от Главнауки в 125 руб. и членских взносов в размере 114 руб. (по 3 руб. с человека в год)¹⁰⁴. Некоторые другие общества лишились какого-либо государственного финансирования: «ввиду недостатка кредитов» отказ в выдаче субсидии от Главнауки поступил в Русское палестинское общество¹⁰⁵; Ленинградское общество натуралистов также с 1929 г. не получало никакой государственной субсидии¹⁰⁶.

На протяжении 1920-х гг. научные общества функционировали на основе типовых уставов, в которых было закреплено, что их средства складывались помимо прочего и из правительственных субсидий¹⁰⁷. В 1930 г. были приняты новые типовые уставы, из которых положение о возможности государственного финансирования было исключено¹⁰⁸. Таким образом, на законодательном уровне была закреплена практика рубежа 1920–1930-х гг.

¹⁰⁰ Там же. Д. 55. Л. 49 об., 63.

¹⁰¹ Там же. Д. 92. Л. 169.

¹⁰² Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 358. Л. 44; Д. 723. Л. 25.

¹⁰³ Там же. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 92. Л. 9 об.

¹⁰⁴ Там же. Д. 58. Л. 1.

¹⁰⁵ Там же. Д. 73. Л. 4, 5 об. — 6.

¹⁰⁶ Там же. Д. 92. Л. 19.

¹⁰⁷ Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркомпроса // Бюллетень НКВД. 1923. № 12. Ст. 158. С. 88; Типовой устав научных, литературно-художественных, научно-технических и т.п. обществ, имеющих филиальные отделения // Бюллетень НКВД. 1928. № 27. Ст. 247. С. 537; Типовой устав научных, литературно-художественных, научно-технических и т.п. обществ, не имеющих отделений (местного характера) // Бюллетень НКВД. 1928. № 27. Ст. 247. С. 544.

¹⁰⁸ Типовой устав добровольных обществ, имеющих отделения // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 13; Типовой устав добровольных обществ, не имеющих отделений (местного характера) // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 20.

Итак, финансовые взаимоотношения власти и научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1917–1920-е гг. прошли несколько этапов и в целом совпадали с динамикой экономического развития страны. В годы Гражданской войны власть была заинтересована в сохранении прежних форм организации науки, будучи еще не в состоянии создавать новые, «советские», поэтому оказывала научным обществам финансовую поддержку, хотя и дифференцированную. Переход к нэпу сначала выразился в отмене государственных субсидий, но в дальнейшем они были восстановлены, причем четко фиксированное количество научных обществ полностью стало финансироваться государством. В 1928 г., с началом реализации первого пятилетнего плана, размеры государственного субсидирования начали сокращаться, а в 1930 г., с введением новых типовых уставов, были окончательно упразднены.

Таким образом, на протяжении 1917–1920-х гг. вопросы финансирования имели ключевое значение для функционирования научных обществ, успешность которого напрямую зависела от объемов государственных субсидий. Власть, в свою очередь, оказывала финансовую поддержку исходя из собственных представлений о целесообразности, обусловленных политическими, экономико-социальными условиями и идеологическими соображениями.

References

Bastrakova M.S. Predislovie // Organizatsiia nauki v pervye gody Sovetskoy vlasti (1917–1925 gg.): Sb. dok-tov. L., 1968. S. 3–18.

Bastrakova M.S. Stanovlenie sovetskoy sistemy organizatsii nauki (1919–1922). M., 1973.

Grekhem L.R. Ocherki istorii rossiyskoy i sovetskoy nauki. M., 1998.

Korzikhina T.P. Obshchestvennyye organizatsii SSSR. M., 1981.

Kurepin A.A. Nauka i vlast` v Leningrade. 1917–1937 gg. SPb., 2003.

Osnos Yu.A. Iz istorii sovetskoy nauki (1917–1920-e gg.) // Istoricheskii zhurnal. M., 1943. № 5–6. S. 18–25.

Stepanskiy A.D. Samoderzhavie i obshchestvennyye organizatsii Rossii na rubezhe XIX–XX v. M., 1980.

Список литературы

Бастракова М.С. Предисловие // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сб. док-тов. Л., 1968. С. 3–18.

Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1919–1922). М., 1973.

Грэхэм Л.Р. Очерки истории российской и советской науки. М., 1998.

Коржихина Т.П. Общественные организации СССР. М., 1981.

Курепин А.А. Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб., 2003.

Оснос Ю.А. Из истории советской науки (1917–1920-е гг.) // Исторический журнал. М., 1943. № 5–6. С. 18–25.

Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980.

К. А. Тарасов

Дискуссия о «Декларации прав солдата» в Петроградском гарнизоне в 1917 г.

История Революции 1917 г. в России знает множество социальных экспериментов. Одним из уникальных нововведений стало установление выборного начала в армии. Эта практика не имела примеров в прошлом, а потому дискуссиям вокруг нее стоит уделить специальное внимание. В частности, важным этапом полемики было издание военным и морским министром А. Ф. Керенским 11 мая 1917 г. «Приказа о введении положений об основных правах военнослужащих», более известном как «Декларация прав солдата». Декларация являлась важной составляющей «демократизации» армии. В ней провозглашалось предоставление солдатам всех гражданских прав: свободы совести, политических, религиозных, социальных взглядов, недопустимость телесных и оскорбительных наказаний и др.

Подробная история создания документа, его различных редакций и степень участия солдатской секции Совета, комиссии Поливанова и самого военного министра уже была исследована Б. Д. Гальпериной¹. В связи с этим не нужно уделять специальное место изучению генеалогии документа. Однако практически не получила рассмотрения реакция, которую вызвал приказ в армии². В этой статье будет сделана попытка восполнить этот пробел,

¹ Историю создания документа см.: *Гальперина Б. Д.* Февральская революция и права солдат // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 66–69.

² Исключение составляет обсуждение проекта главнокомандующими всех фронтов 4 мая 1917 г., отчет о котором приводит генерал А. И. Деникин в своих воспоминаниях (*Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. Минск, 2002. Т. 1. С. 245–262).

для того чтобы понять, какую роль «Декларация прав солдата» сыграла в Революции 1917 г.

9 мая 1917 г. о подписании новым военным министром А. Ф. Керенским «Декларации прав солдата» сообщил полковник Г. А. Якубович во внеочередном заявлении на заседании солдатской секции Совета рабочих и солдатских депутатов. Согласно отчету «Известий», он «просил солдат правильно и сознательно истолковать те пункты декларации, которые могут быть малосознательными элементами перетолкованы неправильно»³. Однако под такими пунктами помощник военного министра имел в виду лишь отмену обязательного отдания чести, которое отныне становилось взаимным приветствием солдат и офицеров. Учтя просьбу полковника Г. А. Якубовича, Исполнительный комитет Совета выпустил специальное воззвание с разъяснениями этого пункта⁴.

Подписание «Декларации» было восторженно встречено во многих социалистических газетах⁵. Провозглашение гражданских прав военнослужащих воспринималось как большая победа демократии в стране.

В числе первых в комплиментарном тоне отреагировала на издание документа и Военная организация большевиков, которая на протяжении апреля 1917 г. высказывалась против любого действия правительства, подразумевая, что оно действует не в интересах народа. Ее печатный орган «Солдатская правда» 12 мая опубликовал статью члена Совета рабочих и солдатских депутатов большевика А. И. Жилина, в которой он высоко оценил «Декларацию»: «Это огромная наша победа, это победа революции»⁶. Однако позже А. И. Жилин извинялся перед читателями и утверждал, что его радость была преждевременной, поскольку в текст документа без согласования с Советом были внесены некоторые исправления и дополнения⁷.

Следующее сообщение о «Декларации» появилось в газете только 17 мая, а за день до этого — в «Правде», центральном органе большевиков. Его можно считать официальным заявлением оппозиционной партии, поскольку это была статья члена Центрального комитета партии большевиков Г. Е. Зиновьева. Признав ряд пунктов «очень важным улучшением участи наших солдат»,

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. 27 февраля — 25 октября 1917 года. М., 2002. Т. 3. С. 28.

⁴ Воззвание Петроградского совета по поводу декларации прав солдата // Известия. 1917. 14 мая.

⁵ Солдат-гражданин // Солдатская мысль. 1917. 11 мая; По пути демократизации армии // Русский инвалид. 1917. 14 мая; Права солдата // Рабочая газета. 1917. 14 мая.

⁶ Жилин А. О декларации прав солдата // Солдатская правда. 1917. 12 мая.

⁷ Солдатская правда. 1917. 20 мая. Скрупулезный анализ Б. Д. Гальпериной текста проекта декларации и варианта, подписанного А. Ф. Керенским, говорит в пользу мнения А. И. Жилина (*Гальперина Б. Д.* Февральская революция и права солдат // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 66–69).

он тем не менее называл приказ военного и морского министра «декларацией бесправия» и подробно рассмотрел некоторые его пункты: 3-й (право военнослужащего во внеслужебное время открыто высказывать свои взгляды), 10-й (замена денщиков вестовыми), 14-й (право применения офицерами оружия против солдат в боевой обстановке), 15-й (отмена наказаний, оскорбляющих честь и достоинство). Особое внимание Г. Е. Зиновьев уделил пункту 18. Он потребовал пересмотреть вопрос о том, чтобы назначение на военные должности происходило вышестоящим начальством, а не на основе выборов его подчиненными. У Зиновьева было полное право это утверждать, поскольку со времени публикации Приказа № 1⁸ практика избрания солдатами своих офицеров, вплоть до командиров запасных батальонов, неоднократно применялась в Петрограде. В конце статьи лидер большевиков призвал солдат самостоятельно обсудить каждый пункт «Декларации».

18 мая в «Солдатской правде» вышла статья «Кто полевел и кто поправел», снова посвященная разбору пункта 18, где доказывалось, что у солдат отнято право выборов своих начальников⁹.

Статья Г. Е. Зиновьева спровоцировала обсуждение «Декларации» в социалистических газетах. Первым на нее отреагировал известный публицист и деятель социал-демократического движения Д. И. Заславский двумя статьями в газете «День». Критиковал он, однако, лишь изложение Зиновьевым пункта о замене денщиков вестовыми, обвиняя лидера большевиков в сознательном замалчивании некоторых частей приказа¹⁰. Заславский отметил тот печальный факт, что статья Зиновьева не получила реакции в печати: «Молчание социалистической печати и авторитетных органов это попустительское той нечестной работе, которую ведет Г. Зиновьев». Между тем, по его мнению, «после этой статьи уже слышались на митингах речи о “кровопийце Керенском”»¹¹.

Если «День» парировал только один аргумент большевиков против «Декларации», то меньшевистская «Рабочая газета» вовсе не оспаривала доводы большевиков по существу, а лишь указала на противоречия между статьями А. И. Жилина и Г. Е. Зиновьева, вышедшими в «Солдатской правде» с разницей почти в неделю¹².

⁸ Приказ № 1 не содержал пункта о выборности начальства, но в этом духе был воспринят солдатами Петроградского гарнизона. О причине подобного явления см. статьи В. И. Миллера и Ю. С. Токарева (*Миллер В. И.* История приказа № 1 Петроградского Совета // Военно-исторический журнал. 1966. № 5. С. 109–113; *Токарев Ю. С.* Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. Т. VII. С. 49–60).

⁹ Кто полевел и кто поправел // Солдатская правда. 1917. 18 мая.

¹⁰ *Заславский Д.* 1) Подлог // День. 1917. 18 мая; 2) Нечестный человек // День. 1917. 21 мая.

¹¹ *Заславский Д.* Подлог // День. 1917. 18 мая.

¹² Кто верить? // Рабочая газета. 1917. 25 мая.

Более обстоятельной была статья эсера, прапорщика В. Л. Утгофа, который, будучи членом Совета рабочих и солдатских депутатов, активно участвовал в выработке документов по «демократизации» армии. Его статья в «Деле народа», газете Петроградского комитета эсеров, подробно рассказала о происхождении «Декларации». Утгоф доказывал, что военный министр А. Ф. Керенский лишь подписал документ, созданный при участии Совета рабочих и солдатских депутатов. Отвечая Г. Е. Зиновьеву, он разобрал пункты 10, 13, 14 и 15. Все они, по его мнению, выполняли волю Совета и не допускали разночтений. Подробно он остановился на пункте 18, указав, что право мотивированного отвода у комитетов не было отнято, а следовательно, приказ военного министра «точно охватывал новое устройство армии»¹³. Утгоф считал, что «вокруг имени т. Керенского в связи с этим приказом поднята шумиха, истинная причина которой лежит вовсе не в самом т. Керенском и не в декларации, а в стремлении путем самых беззастенчивых толкований декларации доказать, что министры-социалисты уже успели заговорить языком буржуазии, что они уже тоскуют по твердой власти»¹⁴.

В газете «Солдатское слово», лояльной правительству, появилась карикатура «Нож в спину». На ней человек, одетый в длинное пальто, в кармане которого виднелась газета «Правда» и в шляпе, скрывающей половину лица, заносил кинжал с надписью «клевета» над Керенским, сосредоточенно работающим над бумагами, среди которых имелась и «Декларация прав». Под рисунком видна надпись «Ведь безопаснее всего нападать сзади»¹⁵. В данном случае также видно, что, по мнению художника, агитация «Правды», не стеснявшейся использовать нечестные методы, была направлена против А. Ф. Керенского. Возможно, в этом рисунке читатели могли видеть и указание на то, что большевики действуют в интересах Германии.

За «Декларацию прав солдата» вступилась и редакция газеты солдатской секции Совета рабочих и солдатских депутатов «Голос солдата». Она опубликовала 19 мая статью В. Мирова, в которой автор доказывал, что Керенский лишь выпустил приказ, который был создан в ходе длительного обсуждения в Совете рабочих и солдатских депутатов¹⁶. На следующий день на первой полосе той же газеты была размещена статья, являвшаяся реакцией на статью «Солдатской правды» «Кто полевел и кто поправел». Ее автор повторил аргументы В. Мирова¹⁷.

24 мая «Правда» опубликовала новую статью Г. Е. Зиновьева. Лидер большевиков прежде всего обратил внимание на тот важный факт, что «газеты социалистов-«оборонцев» большей частью смущенно молчат по поводу декла-

¹³ Утгоф В. Декларация прав солдата // Дело народа. 1917. 21 мая.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Солдатское слово. 1917. 27 мая.

¹⁶ Миров В. Еще о «Декларации прав» // Голос солдата. 1917. 19 мая.

¹⁷ Давайте рассудим // Голос солдата. 1917. 20 мая.

рации прав солдата». Статья, по сути, была ответом только статье В. Л. Утгофа. Зиновьев указал, что между законопроектом, составленным Советом, и документом, подписанным Керенским, возможны серьезные различия ввиду предшествующей «стилистической и юридической обработки» комиссии Поливанова. Политик еще раз вернулся к 18-му пункту «Декларации». По его мнению, выборность начальников «это просто азбука социализма и демократии», которая не может быть заменена правом мотивированного отвода. В конце статьи Зиновьев призвал солдат продолжать обсуждение «Декларации»¹⁸.

Ответ Утгофа последовал в «Голосе солдата». Он доказывал, что в феврале–марте 1917 г. практика выборов командного состава не пошла дальше внутренних перестановок внутри полка с удалением нежелательных офицеров. В. Л. Утгоф также утверждал, что «у полков было достаточно сознательности, чтобы на старшие должности выбирать старших возрастом и чином»¹⁹. Однако нужно заметить, что далеко не во всех случаях действовала подобная практика. Г. Л. Соболев в своей книге перечислил ряд выборных командиров воинских частей Петроградского гарнизона, которые до революции по чину не могли возглавить полк²⁰.

«Голос солдата» подвел итоги дискуссии в специальной статье. В ней очередной раз подчеркивалась первостепенная роль Совета в составлении «Декларации». Также редакция обращала внимание, что агитация большевиков превратила приказ военного министра в «сплошной обвинительный акт против Керенского»²¹.

Газетная дискуссия, как видно, была важна для всех ее участников. Тем не менее необходимо согласиться с указанием некоторых авторов на то, что полемика затронула лишь несколько газет и вызвана была именно статьей Г. Е. Зиновьева. Специальной агитации в поддержку приказа военного министра выявлено не было даже в газете «Русский инвалид», официальном органе военного министерства, где печатались как основные приказы по ведомству, так и общественно-политические статьи. Не обнаружены и указания на специальные разъяснения Совета рабочих и солдатских депутатов, за исключением указанного воззвания и статей.

Важно также отметить, что сама по себе идея выборности командного состава была популярна не только среди большевиков. Так, тот же самый В. Л. Утгоф признавал, что на лекциях и заседаниях Совета всегда отстаивал идею выборности, но подчеркивал, что осуществление этого принципа возможно только после окончания войны²². Лидер фракции эсеров в солдатской секции Совета Е. И. Огурцовский на одном из заседаний, оспаривая выборы командира

¹⁸ Зиновьев Г. Еще о декларации прав солдата // Правда. 1917. 24 мая.

¹⁹ Утгоф [В. Л.] Декларация прав солдата // Голос солдата. 1917. 26 мая.

²⁰ Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 90.

²¹ По поводу «Декларации прав солдата» // Голос солдата. 1917. 25 мая.

²² Утгоф [В. Л.] Декларация прав солдата // Голос солдата. 1917. 26 мая.

1-го пулеметного полка, признавал себя, однако, сторонником выборности начальства как такового²³.

Реакцию солдат на опубликованную «Декларацию» проследить непросто. В нашем распоряжении имеется лишь ряд резолюций, которые были приняты комитетами запасных воинских частей либо их общими собраниями.

Самая ранняя выявленная резолюция была вынесена 17 мая комитетом запасного батальона Измайловского полка. Он признал, ссылаясь на предыдущие приказы по военному ведомству, что комитет пользуется прерогативой внутреннего самоуправления в полку, а также указывал на право солдат и офицеров назначать на должности и временно отстранять начальников всех степеней. Вопрос на заседании комитета был поднят представителем 4-й роты, членом Военной организации большевиков С. К. Гаркушей²⁴. В тот же день был переизбран командир батальона, хотя, судя по протоколу заседания комитета, это решение не было связано с протестом против «Декларации»²⁵.

Ряд других резолюций также связан с агитацией сторонников большевиков. Общее собрание 1-го пехотного запасного полка, проходившее 18 мая под руководством «левого» эсера Г. О. Осипова и большевика И. А. Осипова, приняло резолюцию: «Революция продолжается, и мы заявляем, что мы, стоя на революционной почве, отказываемся признать отмену выборного начала в армии». В ней объявлялось, что правом назначения на должность и смещения командного состава должны пользоваться только войсковые комитеты²⁶.

Собрание автомастерских бронедивизиона 19 мая, которое могло быть инспирировано крупной большевистской ячейкой этого подразделения, постановило, что «солдаты по-прежнему отдаются во власть командного офицерского состава и лишены права устранения начальства». Без выборного начала «сверху донизу» приказ военного министра лишил «все завоевания революции в армии их фактической силы»²⁷.

Таким образом если не саму негативную реакцию на «Декларацию», то по крайней мере появление солдатских резолюций можно связать с деятельностью большевиков. Обсуждение приказа военного министра было выявлено только для запасных воинских частей Петрограда, которые находились под влиянием большевиков. Во многих других воинских частях вопрос не поднимался ни на заседаниях комитетов, ни на общих собраниях.

В связи с этим встает вопрос о сущности устной агитации большевиков, которая имела место помимо печатной. 21 мая на митинге в запасных батальонах Пет-

²³ Петроградский Совет... Т. 3. С.293.

²⁴ Большевизация Петроградского гарнизона. Л., 1932. С. 94–96.

²⁵ Протокол заседания комитета запасного батальона Измайловского полка // РГВИА. Ф. 7734. Оп. 1. Д. 1. Л. 103.

²⁶ Большевизация Петроградского гарнизона. С. 98–99.

²⁷ Резолюция собрания автомобильных мастерских запасного бронедивизиона 19 мая // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 149. Л. 1.

роградского и Измайловского полков лидеры Военной организации большевиков В. И. Невский и Н. И. Подвойский доказывали, что «декларацией у солдата отнято право солдата влиять на назначение командного состава». Власть, изъятая из рук рабочих и крестьян, лишала, по их мнению, народ «полной свободы»²⁸.

В «Солдатской правде» была опубликована речь В. И. Невского, произнесенная на митинге в запасном батальоне Егерского полка. В ней отмечалось, что приказ А. Ф. Керенского являлся доказательством пассивной роли социалистов в правительстве, поскольку «Декларация» «написана под диктовку капиталистов», а пункты 14 и 18 «отдают солдата на произвол начальства»²⁹.

Остается открытым вопрос, по чьей инициативе были организованы эти митинги — по приглашению солдат или по предложению Военной организации. Так же неясно, сколько человек участвовало в митинге и какое было принято на нем решение. Если верить выступлению Н. И. Подвойского на VI съезде большевиков, в этот период Военная организация провела серию митингов по приглашению сочувствующих партии солдат: «После издания декларации у солдат появляется определенное стремление выйти на улицу. К нам предъявляются постоянные требования устройства митингов для выяснения смысла декларации, которая является превосходным агитационным материалом»³⁰. Лидер «Военки» мог подразумевать то, что у агитаторов появился конкретный пример того, что правительство не считается с мнением солдат. У большевиков открылась возможность высказаться по актуальному для всех солдат вопросу, который вызывал обсуждение в гарнизоне.

На фоне этой активной агитации большевиков против 18 пункта произошло отстранение командира 1-го пулеметного запасного полка и выборы на его место большевика прапорщика А. Я. Семашко. Человек активный, красноречивый, он приобрел большую популярность у той части полка, которая располагалась в столичных казармах. 27 мая прапорщик был арестован как дезертир и отправлен в комендантское управление³¹. На следующий же день демонстрация матросов из Кронштадта и солдат 1-го пулеметного полка потребовала освобождения А. Я. Семашко. Под давлением вооруженной толпы он был отпущен³².

Еще через день на общем собрании был поднят вопрос об избрании прапорщика командиром 1-го пулеметного полка³³. Группа эсеров из писарской команды и офицеры полка опротестовали решение общего собрания в Совете³⁴. Однако солдатская секция Совета лишь высказала пожелание полку

²⁸ Солдатская правда. 1917. 25 мая.

²⁹ Там же.

³⁰ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958. С. 61.

³¹ Красное знамя [Ораниенбаум]. 1917. 3 июня.

³² Освобождение пулеметчика Семашко // Новая жизнь. 1917. 30 мая.

³³ Протокол заседания команды писарей 1-го пулеметного полка 14 июня // ЦГИА СПб. Ф. 934. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.

³⁴ Заявление команды писарей // Там же. Л. 222–229.

отказаться от перевыборов³⁵. Тогда группой активных солдат и офицеров вопрос об окончательном выборе командира на общем собрании был сорван и перенесен на ротные собрания³⁶. В итоге им удалось склонить на свою сторону 6-ю и 10-ю роты, а также караульную команду, и таким образом кандидатура прапорщика А. Я. Семашко не была принята³⁷. Тем не менее для части пулеметчиков он оставался неформальным лидером.

Может сложиться впечатление, что большевики были не просто инициаторами обсуждения «Декларации прав солдата», но сами резолюции выносились под их давлением. Однако если обратиться к внутривнутрипартийной документации, то станет очевидно, что имела место иная ситуация.

Член ЦК большевиков Я. М. Свердлов отметил в неопубликованной статье, относящейся к июлю 1917 г.: «Начиная с 10–15 мая в Центральный комитет стали обращаться представители солдатского клуба “Правда”³⁸, представители Военной организации при ЦК, представители отдельных войсковых частей с предложением организовать демонстрацию солдат и рабочих. Все указанные представители заявляли, что настроение солдат в связи с декларацией прав солдата крайне приподнятое, могущее вылиться в стихийное выступление»³⁹.

Обсуждению настроения гарнизона, вызванного опубликованием «Декларации», посвящен один из немногих сохранившихся протоколов Военной организации большевиков, датированный 23 мая 1917 г. Член солдатского клуба «Правда» доложил о том, что «в клубе выяснилось настроение устроить демонстрацию по поводу декларации, нападок на нашу прессу». Более того, он заявил, что солдаты «готовы сами выступить, если не будет принято решение из центра». Представители ячеек в запасных батальонах Измайловского и Павловского полков, а также 180-го пехотного полка сообщили о том, что приказ А. Ф. Керенского вызвал недовольство среди военнослужащих. Солдат-павловец заявил, что «декларация в § 14 и 18 вызвала сильное недовольство, но протест не решен, хотя в полку сильное волнение и увеличение симпатии к газете “Правда”». Солдат 180-го пехотного полка докладывал, что «декларация там вызвала хотя отрицательное отношение, но кадетское засилье в полковом комитете парализует движение». Секретарь Военной организации, по-видимому, С. Н. Сулимов, предложил произвести учет сил, устроив митинги с предложением

³⁵ Петроградский Совет... Т. 3. С. 294.

³⁶ Показания подпоручика В. Д. Попова // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 11. Л. 152 об. — 153.

³⁷ Красное знамя [Ораниенбаум]. 1917. 11 июня.

³⁸ Клуб располагался в штаб-квартире партии во дворце Кшесинской. Он выполнял культурно-просветительную функцию, но кроме того служил для привлечения отдельных солдат в партию. Однако, как указывал В. И. Невский на II общегородской конференции большевиков, клуб не мог «считаться строго партийной организацией» (Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. М., 1977. С. 210). Иными словами, члены клуба демонстрировали симпатию партии большевиков, но в нее не вступали.

³⁹ Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1959. Т. 2. С. 26.

нием выйти на демонстрацию. При этом он подчеркнул, что «желание демонстрации начинается с низов»⁴⁰. Обсуждению «Декларации прав солдата» были посвящены и общие собрания членов Военной организации 25 и 27 мая 1917 г.⁴¹

На прошедших в следующие дни митингах большевики выдвигали свои лозунги, критиковали решения правительства и Совета⁴². Например, в резолюции запасного батальона Павловского полка специально было отмечено, что Керенский «отнимает у солдат право, а это право предоставляет начальникам»⁴³. «Солдатская правда» публиковала резолюции, о которых нельзя с уверенностью говорить, что они были предложены членами Военной организации. Возможно, они были созданы беспартийными активистами или исходили от комитетов⁴⁴.

По-видимому, большевикам удалось раскалить и без того напряженную атмосферу. 6 июня на собрании представителей ЦК, ПК и Военной организации В. И. Невский еще раз заявил, что недовольство, вызванное «Декларацией прав солдата», «настолько сильно требует выхода, что если Военная организация не возьмет инициативу демонстрации в свои руки, демонстрация произойдет стихийно»⁴⁵. Под действием этих настроений руководством партии было принято решение об организации массовой демонстрации протеста под лозунгами большевиков. Так началась история переломного периода июня–июля 1917 г., который закончился стихийным вооруженным выступлением 3–5 июля, правительственным кризисом и началом следственного дела против лидеров большевистской партии⁴⁶.

Обсуждение «Декларации прав солдата» было спровоцировано большевиками, однако сама идея выборности была популярна, по крайней мере среди большого числа политически активных солдат Петроградского гарнизона. Этот факт объясняет успех агитации большевиков, связанный с критикой этого пункта приказа военного министра. Более того, он оставался одним из основных требований по «демократизации» армии вплоть до Октябрьского переворота. Приказом Народного комиссариата по военным делам и декретом Совета народных комиссаров 16 декабря 1917 г. выборность начальников вводилась во всей армии. Однако эта практика действовала недолго. Когда военное ведомство возглавил Л. Д. Троцкий, радикально изменивший курс строительства

⁴⁰ Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы. М., 1959. С. 483–484.

⁴¹ Правда. 1917. 25, 27 мая.

⁴² Солдатская правда. 1917. 25, 28 мая; Прокол экстренного общего собрания всех комитетов и офицеров 180-го пехотного полка 24 мая // ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 126. Л. 123; [Жизнь 50-й дивизии]. 1917. 3 июня.

⁴³ Солдаты Павловского полка против декларации // Солдатская правда. 1917. 25 мая.

⁴⁴ См.: Большевизация Петроградского гарнизона... С. 98–99.

⁴⁵ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. СПб., 2003. С. 262.

⁴⁶ Подробнее эти события см.: Рабинович А. Кровавые дни. М., 1992.

Красной армии, 26 марта 1918 г. Высший военный совет издал приказ об отмене выборного начала в армии. По-видимому, причиной этой меры стало поведение «демократизированных» воинских частей Петрограда в период немецкого наступления в феврале 1918 г. Некоторые полки Петроградского гарнизона попросту отказались выступить против неприятеля. Практика показала, что выборность командного состава была необходима для политических целей, однако она не оправдала себя в деле управления армией в период военных действий.

References

- Bol'shevizaciâ Petrogradskogo garnizona. L., 1932.
 Bor'ba partii bol'shevikov za armiû v socialističeskoj revolûcii. M., 1977.
Denikin A. I. Očerki russkoj smuty. Krušenie vlasti i armii. Fevral' – sentâbr` 1917 g. Minsk, 2002. T. 1.
Gal'perina B. D. Fevral'skaâ revolûciâ i prava soldat // Voprosy istorii. 2000. № 10. S. 66–69.
Miller V. I. Istorîâ prikaza № 1 Petrogradskogo Soveta // Voенno-istoričeskij žurnal. 1966. № 5. S. 109–113.
 Petrogradskij Sovet rabočih i soldatskih deputatov v 1917 godu. Protokoly, stenogrammy i otčety, rezolûcii, postanovleniâ obših sobranij, sobranij sekcij, zasedanij Iсполnitel'nogo komiteta i frakcij. 27 fevralâ – 25 oktâbrâ 1917 goda. M., 2002. T. 3.
Rabinovič A. Krovavye dni. M., 1992.
 Revolûcionnoe dviženie v Rossii v mae–iûne 1917 g. Iûn'skaâ demonstraciâ. Dokumenty i materialy. M., 1959.
 Šestoj s'ezd RSDRP (bol'shevikov). Avgust 1917 goda: Protokoly. M., 1958.
Sverdlov Â. M. Izbrannye proizvedeniâ. M., 1959. T. 2.
Tokarev Ū. S. Prikaz № 1 Petrogradskogo Soveta rabočih i soldatskih deputatov // Vспomogatel'nye istoričeskie discipliny. T. VII. L., 1973. S. 49–60.

Список литературы

- Гальперина Б. Д.* Февральская революция и права солдат // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 66–69.
Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. Минск, 2002. Т. 1.
 Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. 27 февраля – 25 октября 1917 года. М., 2002. Т. 3.
Миллер В. И. История приказа № 1 Петроградского Совета // Военно-исторический журнал. 1966. № 5. С. 109–113.
Токарев Ю. С. Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. Т. VII. С. 49–60.
 Большевизация Петроградского гарнизона. Л., 1932.
 Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. М., 1977.
 Шестой съезд РСДРП (большевики). Август 1917 года: Протоколы. М., 1958.
Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1959. Т. 2.
 Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы. М., 1959.
Рабинович А. Кровавые дни. М., 1992.

В. А. Мосунов

Красноборская операция. Февраль 1943 г.

После завершения первого этапа операция «Искра» и прорыва блокады Ленинграда войска Ленинградского и Волховского фронтов продолжили наступление. Вплоть до конца января 1943 г. 67-я армия Ленинградского фронта и 2-я Ударная армия Волховского фронта вели крайне тяжелые бои южнее Ладожского озера. Фронтальное наступление на Мгинско-Синявинском направлении превратилось в прогрызание немецкой обороны с минимальным продвижением и очень большими потерями в людях. Обе армии так и не смогли добиться каких-либо существенных успехов. В этих условиях Ставка ВГК 1 февраля издала директиву № 30034, в которой говорилось, что силы Ленинградского и Волховского фронтов должны, не прекращая фронтального наступления, нанести удары по флангам противника с целью уничтожения группировки противника в районе Мги¹.

Одной из намечавшихся к проведению операций на флангах противника было наступление 55-й армии на участке от берега Невы до поселка Красный Бор. Вплоть до нашего времени эта операция остается одной из самых малоизученных. Среди работ, где упоминание о ней не сводится к нескольким абзацам, следует вспомнить совместную работу участников войны и статью В. И. Демидова «Неудача после победы»².

¹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н. В. Волковского. М., 2008. С. 135–136; Битва за Ленинград. М., 1964. С. 276.

² *Василенко В. Е., Свиридов В. П., Якутович В. П.* Битва за Ленинград. Л., 1962. С. 338–344; *Демидов В. И.* Неудача после победы. Красноборская операция // Ленинградская битва. 1941–1944. СПб., 1995. С. 155–165.

В издании «Битва за Ленинград» приводится версия, что идея Красноборской операции появилась еще в ходе заседания Военного совета ЛФ³. Более того, совещание Военных советов Ленинградского и Волховского фронтов действительно состоялось незадолго до директивы Ставки от 1 февраля. Однако в ходе этого совещания было решено сосредоточиться на ударах по Синявинской группировке противника силами 67-й и 2-й Ударной армий⁴.

В итоге, согласно полученной директиве, задачу по нанесению флангового удара возложили на 55-ю армию генерала В. П. Свиридова. Первоначально армия должна была перейти в наступление 8 февраля, но потом наступление перенесли на 10 число. Задача армии В. П. Свиридова состояла в ударе в тыл Мгинской группировки противника. Рубежом, на который силы двух фронтов должны были выйти после удачного наступления, был Ульяновка–Тосно–Любань.

С 1 февраля штаб 55-й армии начал планировать операцию. Сама армия не вела активных наступательных действий с сентября 1942 г. Войскам армии приходилось действовать в этом районе между р. Ижорой и Невой с осени 1941 г. Участок действий армии представлял собой равнину с торфяными болотами. При этом левый берег р. Тосны был ниже правого, и там находилась заболоченная равнина. Противник занимал возвышенные участки. Немцы просматривали большую часть местности, откуда предстояло наступать бойцам 55-й армии. Спрятаться от огня противника было негде. Перед Красным Бором находился участок местности, изрезанный траншеями, здесь находились и два противотанковых рва, выкопанных еще в 1941 г. К югу и востоку от Красного Бора местность в основном была покрыта лесами. Немецкая оборона строилась на использовании деревоземляных сооружений и на продуманной системе огня всех видов оружия, а также на умелом использовании жилых зданий и других сооружений.

По оценкам штабных работников 55-й армии, противник не создал достаточно мощной обороны. Глубина ее составляла максимум 4–5 км. В составе ударной группировки армии было семь стрелковых дивизий. В первом эшелоне должны были наступать 72-я стрелковая дивизия без одного полка, 63-я и 45-я гвардейские стрелковые дивизии, 43-я стрелковая дивизия. Действия стрелковых дивизий поддерживали отдельные танковые полки и 222-я отдельная танковая бригада.

После прорыва обороны противника в бой предполагалось ввести подвижную группу из 35-й отдельной лыжной бригады и 1-й краснознаменной танковой бригады А. С. Бородина. Подвижной группой командовал заместитель командующего 55-й армией генерал-майор И. М. Любозцев. Штаб его подвижной группы, согласно указаниям штаба Ленинградского фронта, сформировали только за сутки до начала операции. Этого было явно недостаточно для сплочения органа управления таким тонким инструментом войны, как подвижная группа.

³ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 337–338.

⁴ Там же. С. 136.

На участке, где 55-я армия должна была наносить главный удар, оборону занимала 250-я пехотная дивизия 50-го армейского корпуса из состава 18-й армии Группы армий «Север». Это была дивизия, сформированная из испанцев. Под Ленинград ее перебросили летом 1942 г. Она должна была участвовать в несостоявшемся наступлении на город. Немецкое командование оценивало боеспособность испанцев относительно высоко; так, дивизия имела по немецкой системе оценок статус «умеренно готовой к наступлению». Это была довольно высокая оценка для дивизии. Достаточно сказать, что из всех двадцати трех дивизий 18-й армии только шесть еще имели такой же статус. Правда, один батальон испанцев к этому времени уже был разбит в январских боях восточнее Синявино. Всего в составе дивизии было три пехотных и один артиллерийский полк. В испанской дивизии ощущалась нехватка противотанковых средств.

Немецкое командование внимательно следило за развитием обстановки у Синявино. Как выясняется, буквально только почуяв первые возможные признаки еще одного будущего наступления, в штабе Группы армий «Север» определили те возможные участки, откуда оно начнется. Об этом свидетельствует донесение штаба 18-й армии в штаб Группы армий «Север» от 1 февраля 1943 г. Как говорилось в этом донесении, после неудачи в наступлении на Мгу с севера противник попытается фланговыми ударами отрезать группу Хильперта (это объединение было создано на основе управления 54-го армейского корпуса 18-й армии, и его задача была в координации действий немецких войск южнее Ладоги). Предполагалось, что удары советских войск будут наноситься из районов южнее Погостья и плацдарма на р. Тосно (или из Колпино)⁵.

В ночь на 6 февраля в штаб Группы армий «Север» доложили о возможном отводе танковых соединений из 67-й армии к Ленинграду. Также было сказано, что оживленные передвижения и показания перебежчиков указывают на возможное наступление между коленом Невы и Красным Бором.

Утром того же дня Филипп Клеффель, командир 50-го корпуса, на фронте которого и ожидалось наступление, оценил позиции своих войск как очень слабые. Силы, выделенные ему, он сам оценивал как крайне недостаточные, поэтому любое мощное наступление после сильной артподготовки приведет к прорыву обороны его корпуса⁶. Резервов у корпуса не хватало. Командующий Группой армий «Север» Кюхлер считал, что наступление произойдет на участке 250-й испанской дивизии.

Участок дивизии вдоль р. Тосно усилили частями одного из гренадерских полков 215-й пехотной дивизии. На правый фланг испанцев перебросили выведенную из-под Синявино полицейскую дивизию СС. 50-й корпус усиливался средствами борьбы с танками. В их качестве выступали самоходные истребители танков и танки «Тигр» 502-го танкового батальона.

⁵ National Archives and Records Administration (NARA). T. 311. R. 56. Fr. 7069430.

⁶ NARA. T. 311. R. 56. Fr. 7069455.

55-я армия готовилась к наступлению. В ночь с 9 на 10 февраля в передние траншеи были выдвинуты станковые пулеметы, орудия прямой наводки. Стрелковые части заняли исходные рубежи. После 2-часовой артподготовки в 10 ч 40 мин части армии перешли в наступление.

На флангах ударной группировки особых успехов 55-я армия не добилась. 72-я стрелковая дивизия захватила Старую Мызу и очистила от противника часть восточного берега р. Ижора. 43-я стрелковая дивизия в основном выполнила ближайшую задачу на левом фланге гвардейцев Симоняка.

Наиболее успешно действовала 63-я гвардейская стрелковая дивизия. Гвардейцы смогли проскочить открытую равнину без больших потерь. Дружной атакой ее пехоты совместно с танками 31-го гвардейского и 46-го танковых полков дивизия уже к 12 ч дня овладела передовой траншеей противника. К 17 ч после ожесточенного боя и разгрома испанцев в Красном Бору дивизия Симоняка вышла на южную окраину поселка, где и стала закрепляться. Дивизия свою задачу выполнила. Трофеями дивизии стали 59 орудий, 26 минометов, 18 станковых и 30 ручных пулеметов, 35 автоматов, 922 винтовки. В плен попало 307 солдат и офицеров противника.

Испанцы еще во время артподготовки понесли большие потери. На удивление точно, особенно если сопоставить с имеющимися документами, описывает события этого дня бывший командир 250-й пехотной дивизии Эмилио Эстебан-Инфантес⁷. Командир дивизии упрекает немцев, что они не помогли испанцам. Однако этот упрек несправедлив. Весь резерв 50-го корпуса на этом участке состоял из одного гренадерского полка. И его бросили в бой, как только ситуация прояснилась. Более того, в журнале боевых действий 50-го корпуса есть запись о том, что испанцы побежали⁸. О бегстве испанцев без оружия стало известно даже в штабе ГА «Север». Притом паническое бегство испанских солдат началось буквально через час после начала советского наступления. Конечно, сам командир испанской дивизии никаких подобных данных в своей книге не приводит. Более того, Эстебан Инфантес расписывает героизм своих подчиненных. В действительности разгром части его дивизии едва не имел роковых последствий для противника. Поэтому уже к вечеру 10 февраля немцы передали управление боем в руки собственных командиров. Штаб немецкой 212-й пехотной дивизии принял участок обороны южнее Красного Бора под свою ответственность.

Из изучения самих документов противника следует сделать вывод, что утверждение о том, что именно испанцы спасли немцев от разгрома, не выдерживает никакой критики. Часть опорных пунктов, которые они удерживали у западной части Красного Бора, никакого серьезного влияния на ход операции не оказали. 250-я испанская дивизия понесла в бою 10 февраля самые высокие

⁷ *Esteban-Infantes E.* «Blaue Division»: Spaniens Freiwillige an der Ostfront. Leoni am Starnberger See, 1958. S. 82–87.

⁸ NARA T. 314. R. 1235. Fr. 631.

потери среди всех дивизий Группы армий «Север» за 1943 г. Только убитыми она потеряла более одной тысячи человек. За весь 1943 г. ни одна дивизия 18-й армии не несла таких высоких суточных потерь.

Решающими для хода операции оказались совсем другие события. О них в отечественной исследовательской литературе говорить было не принято. Ведь именно 10 февраля описание Красноборской операции почти во всех известных исследованиях обычно заканчивается. Далее начинаются рассказы про неожиданную оттепель, которая спутала все планы⁹. И неудачные действия подвижной группы авторы книги «Битва за Ленинград» связывают именно с этим. Однако имеющийся в нашем распоряжении отчет штаба 55-й армии и другие документы несколько корректируют это утверждение. Всё решилось восточнее Красного Бора, когда в бой ринулись части подвижной группы 55-й армии И. М. Любовцева. Из материалов отчета штаба 55-й армии об операции мы знаем, что задачи для его подвижной группы были следующими. Ей предстояло, после того как 63-я гвардейская стрелковая дивизия займет Красный Бор, войти в прорыв и повернуть в направлении Степановка–Феклистова–Чернышево–Мишкино. Далее она должна была овладеть Никольским и удерживать его до подхода 45-й гвардейской стрелковой дивизии. Иными словами, подвижной группе предстояло ударить в стык испанской дивизии и полицейской дивизии СС и смять фланг эсэсовцев.

Как выглядела ситуация на флангах двух дивизий с немецкой точки зрения? Удар соседней 43-й стрелковой дивизии и успех дивизии Симоняка обратили испанцев в бегство¹⁰. Для эсэсовцев сложилась критическая ситуация. Пока на их оголенном левом фланге спешно создавали оборону, части Любовцева только начали свое выдвижение. Действия подвижной группы происходили следующим образом. К 10 ч 10 февраля лыжная бригада из района Понтонного вышла и сосредоточилась в Колпино. При передвижении в Колпино бригада понесла большие потери. Немецкая артиллерия была не подавлена и вела огонь по тылам 55-й армии. Из-за оттепели бригада вынуждена была оставить лыжи и действовать как стрелковая часть. В 14 ч бригада двинулась в Красный Бор, потеряв 60 человек из-за ударов авиации во время марша. Только к 19 ч 20 мин части бригады вошли в Красный Бор. К этому времени подвижную группу уже развернули в направлении Степановка–Феклистова–Чернышево (восточнее Красного Бора). Лыжники подошли к Степановке и через нее пошли к Феклистова, там они были задержаны автоматным огнем.

Пока лыжники совершали свой марш, 1-я танковая бригада подполковника А. С. Бородин в 15 ч 30 мин выступила из Колпино. Выйдя в район Степановки и встретив там сопротивление противника, бригада, развернувшись в боевые порядки и без взаимодействия с артиллерией и пехотой, атаковала

⁹ См. например: *Крюковских А. П.* Как развивалась операция «Искра» // Ленинградская битва. СПб., 1995. С. 151; *Василенко В. Е., Свиридов В. П., Якутович В. П.* Указ. соч. С. 342–343.

¹⁰ *Husemann F.* Die guten Glaubens waren. Osnabrueck, 1973. Bd. 2. S. 130.

противника. Танки без пехоты атаковали с рубежа Степановка на Феклисто-во и Чернышево. Танкистам удалось занять эти деревни с большими потерями в технике и живой силе. Приказ атаковать отдал командир бригады подполковник Бородин, который «вступил в неумное единоборство с артиллерией противника». В отчете самой бригады сказано, что Чернышево было занято незначительными силами противника¹¹.

В итоге роль подвижной группы свелась к действию передового отряда, никакого взаимодействия между ее частями не было. Таким образом, роковыми обстоятельствами, повлекшими за собой неудачу, оказались не оттепель и раскисшие дороги, а крайне неумелое управление.

Самое неприятное заключалось в том, что все шансы на успех были. Наше наступление пробило брешь в обороне противника. Судя по всему, фланг полицейской дивизии СС спасло от полного разгрома только то, что командир 2-го дивизиона ее артиллерийского полка все-таки успел к середине дня собрать боевую группу. Именно она оказалась на пути наших танкистов. Притом, танкисты 1-й краснознаменной танковой бригады должны были встретиться с очень небольшим количеством противотанковых средств. Противник успел подтянуть туда только один взвод истребительно-противотанкового дивизиона и огневой взвод артполка дивизии СС. Более серьезные силы, части 374-го полка, горные стрелки 85-го полка из 5-й горнострелковой дивизии и части 3-го и 1-го полков СС подошли туда только вечером. К сожалению, на этом неудачи для 55-й армии не закончились.

Авторы труда «Битва за Ленинград» рассказывают, что противник встретил подвижную группу сильным артиллерийско-минометным огнем и частыми контратаками. Первое утверждение верно. Весь участок, где наступала 55-я армия, активно обстреливался немецкой артиллерией. Второе утверждение не соответствует действительности. Контратаковать там со стороны противника было просто нечем.

На следующий день произошло еще одно событие. Главными действующими лицами здесь оказались подчиненные Героя Советского Союза А. А. Краснова, командира 45-й гвардейской стрелковой дивизии, и он сам. Так как к утру 11 февраля почти весь Красный Бор был отбит у противника, 45-я гвардейская стрелковая дивизия должна была вводиться в бой вслед за частями Симоняка. Однако она вошла в Красный Бор только поздним вечером 10 февраля, движение ее полков было плохо организованным и медленным. Артиллерия отстала. Движение войск к Красному Бору и обратно было крайне затруднено. КП дивизии, перейдя на новое место, не установил связи с полками, комдива на рекогносцировке с ними не было, командиры полков были в тылу, вследствие чего в районы исходных позиций батальонов пришли с опозданием на 1,5–2 часа. Времени на организацию взаимодействия с артиллерией не было. Утром

¹¹ Центральный архив Министерства Обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 3311. Оп. 1. Д. 14. Л. 14 об.

11 февраля дивизия вступила в бой без артиллерийской поддержки. Полки 45-й гвардейской дивизии действовали вслепую, без разведки, неуверенно и медленно, неся большие потери от артогня противника. Подавлять артогонь было некому. Более того, штаб дивизии не знал о том, как действуют ее части. Отправленное штабом дивизии донесение было лживым¹². В итоге Краснов провалил выполнение боевой задачи. Заявление о захвате дивизией деревни Мишкино, приведенное в уже неоднократно упоминавшемся труде, не соответствует действительности. О том, кто и как брал Мишкино, речь пойдет ниже. Не добилась успеха в бою и соседняя 43-я стрелковая дивизия.

Подвижная группа в течение 11 февраля действовала следующим образом. К 3 ч ночи батальоны лыжной бригады вышли на восточную окраину Феклистова, а затем ворвались и в Чернышево. Там было захвачено 15 пленных, которые были тут же расстреляны.

К 5 часам утра в Чернышево переместился штаб бригады. В 7 ч одна 3-я рота 3-го стрелкового батальона атаковала Поркузи по приказу генерала Любовцева, но, встретив сильный огонь и понеся потери, успеха не имела; она окопалась в снегу, продолжая вести бой. Артиллерия атаки не поддерживала.

В 8 ч утра 1-й батальон лыжников без танков и артиллерии атаковал Мишкино, но, понеся потери, успеха не добился. После этого Любовцев приказал организовать оборону на рубеже Феклистова–Степановка–Чернышево, фронтом на юг и выслать разведку на Поркузи и Мишкино. Действия группа характеризовались полным отсутствием внимания к разведке со стороны обоих комбригов. Контакт между ними не было, они выясняли отношения, кто кому подчинен, поэтому атака Мишкино прошла без поддержки танков. Сама танковая бригада атаковала Мишкино в 12 ч 30 мин без пехоты. 3 КВ и 3 Т-26, ворвавшиеся в Мишкино, были встречены огнем артиллерии. Хотя танковой бригаде было придано три артиллерийских полка, они стреляли по Никольскому и в ходе боя 10–11 февраля вели «слабый огонь»¹³.

В 13 ч Любовцев приказал 2-му батальону лыжников сняться с участка обороны и совместно с танками атаковать Мишкино. Его сосредоточение заняло 2 с половиной часа. За это опоздание был расстрелян его командир¹⁴. Танки снова атаковали без поддержки пехоты. В итоге 7 танков ворвались в Мишкино, а 2-й батальон пошел в атаку только в 17 ч и с большими потерями достиг северной окраины деревни. Он должен был соединиться с танками там. Но уже вечером бойцы бригады были выбиты, из семи танков пять было сожжено, и две машины вернулись в Чернышево¹⁵. После таких боев в 1-й краснознаменной танковой бригаде осталось всего лишь три танка КВ и один Т-26.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 3311. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 411. Оп. 10189. Д. 609. Л. 9.

¹⁵ Там же.

Неудача подвижной группы имела роковые последствия. Неумелый ввод в бой 45-й гвардейской дивизии также сказался крайне негативно на общей ситуации. И 11 февраля судьба операции была решена. Наши войска понесли большие потери, окончательно утратили момент внезапности. Противник уплотнил свою оборону за счет сформированных боевых групп, его артиллерия не была подавлена, артиллерия 55-й армии оказалась неспособна вести контр-батареиную борьбу.

Штаб 55-й армии сделал по итогам боев вывод, что сводная немецкая боевая группа, собранная из разных частей, вплоть до обозов, усиленная противотанковой ротой и зенитным дивизионом, сумела сдержать наступление тринадцати наших батальонов и танковой бригады, усиленных 4 артполками. Это получилось благодаря отсутствию разведки, невежеству отдельных командиров, плохой организации взаимодействия, неподготовленности дорог, слабой маневренности стрелковых частей и артиллерии, отсутствия согласованных действий между родами войск, отсутствия твердого и непрерывного управления войсками.

По итогам двух дней боев И. М. Любовцеву был объявлен выговор, командир танковой бригады Бородин предупрежден о неполном служебном соответствии. А. А. Краснова сняли с должности, а командиры 129-го и 134-го гвардейских стрелковых полков были преданы суду военного трибунала. К сожалению, это был еще не конец.

В течение 12–14 февраля 55-я армия проводила перегруппировку. 72-я стрелковая дивизия сдавала свои позиции 110-му отдельному пулеметно-артиллерийскому батальону. 63-я гвардейская стрелковая дивизия была выведена из боя. Вместо нее позиции в Красном Бору заняла 250-я отдельная стрелковая бригада. 45-я гвардейская дивизия пыталась в течение 12–14 февраля наступать, но немцы отбили все ее атаки. К вечеру 14 февраля дивизия должна была перейти к обороне. Неудачными в эти дни были действия и 43-й стрелковой дивизии. Вместо нее штаб армии решил ввести в бой 268-ю стрелковую дивизию полковника С. Н. Борщева. Ее наступление было назначено на 14 февраля. Всё время, пока дивизия Борщева готовилась к наступлению, она находилась под огнем противника. Командиры скученно держали полки дивизии на исходных позициях, в результате они понесли большие потери (более 50% личного состава) и наступление захлебнулось¹⁶. Было выведено из строя большинство командиров рот. Разведка не представила данных о противнике, наши части наступали, не зная даже начертания переднего края. В результате уже 14 февраля стало ясно, что у дивизии не осталось сил для выполнения задачи.

Итогом такого наступления стало решение Военного совета 55-й армии. К 15 февраля Военный совет армии, понимая, что наступление на поселок Ульяновка уже не является целесообразным и просто непосильно для армии, решает с помощью 56-й и 72-й стрелковых дивизий, 14-го укрепленного района

¹⁶ Медвинский Д. Ю. Неизвестные бои под Ленинградом // Забвению не подлежит. СПб., 2008. Вып. 7. С. 20.

и 250-й отдельной стрелковой бригады оборонять правый фланг армии на прежних рубежах. Военный совет решил силами ударной группировки армии в составе трех дивизий нанести удар в направлении Никольское–Захожье–Отрадное.

Для этого наступления решили снова использовать 63-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Она получила пополнение в 1731 чел. и в ночь на 17 февраля заняла исходные позиции для атаки. Ей были приданы танки 46-го гвардейского танкового полка. Наступление началось после 65-минутной артподготовки в 9 ч 35 мин утра 17 февраля. Дивизия атаковала противника в деревне Поркузи. Гвардейская дивизия встретила организованное сопротивление, части, неся большие потери, залегли. 46-й танковый полк опоздал с выходом на передовые позиции и самостоятельно атаковал передний край противника в направлении Поркузи. Полк потерял 6 машин в этой бессмысленной атаке. В 14 ч были отбиты две контратаки, было решено под покровом ночи произвести перегруппировку частей и ударом правым флангом уничтожить противника в Поркузи, в дальнейшем наступать на Никольское. В бой для этого вводился резервный 296-й стрелковый полк. Вследствие задержек атака была перенесена с 10 ч 10 мин 18 февраля на 12 ч 10 мин. После 40-минутной артподготовки дивизия перешла в наступление. Дивизия встретила сильное огневое сопротивление противника. Резервный 269-й стрелковый полк всеми силами старался выполнить задачу, применив две ночных атаки, но всё было безуспешно. Полк понес большие потери, к исходу 18 февраля в нем осталось всего 127 активных штыков.

Неудачи дивизии Симоняка на этом не кончились. 19 февраля ее подразделения были атакованы противником. Немцы решили вернуть себе потерянную ранее деревню Чернышево. Контратака велась силами подошедшей сюда относительно свежей 24-й пехотной дивизии.

В момент немецкой атаки на своих местах не оказалось большинства командиров дивизии, которые возвращались уже в ходе боя. Штаб 270-го стрелкового полка был окружен немцами в Чернышево, но несмотря на это смог продержаться до подхода помощи. Спасли окруженных командиров подошедшие советские тяжелые танки, которым немецкая пехота не смогла ничего противопоставить. Героизированное описание боя окруженного штаба 270-го стрелкового полка было приведено в истории Ленинградского военного округа¹⁷. В приведенном там описании основная роль в спасении окруженных отводится замполиту полка, который вызвал огонь артиллерии на себя. Это позволило продержаться до подхода танков. В конце концов прочно закрепить за собой Чернышево дивизия не смогла, и немцы отбили его.

После этих боев штаб 55-й армии создал новую ударную группировку в составе двух дивизий и одной бригады для взлома оборонительного рубежа на участке Песчанка–Ивановское. замысел операции заключался в том, чтобы форсировать р. Тосно, овладеть селами Рождествено и Покровское. Основной удар наносили 43-я и 46-я стрелковые дивизии. Вспомогательный удар наносила

¹⁷ Ордена Ленина Ленинградский военный округ: Исторический очерк. Л., 1968. С. 335.

56-я стрелковая бригада полковника М. Д. Папченко. Она должна была форсировать Неву по льду. Двумя своими стрелковыми батальонами Папченко должен был выйти восточнее деревни Ивановское, у так называемого мачтопропиточного завода. Об этой операции вплоть до последнего времени было известно только из воспоминаний Б. В. Бычевского¹⁸. Однако благодаря работе краеведов поселка Отрадное удалось установить, как в реальности проходил бой бригады¹⁹.

23 февраля после 75-минутной артиллерийской подготовки в 10 ч 15 мин началось новое наступление. Ни 46-я, ни 43-я дивизии не смогли выполнить своих задач. 56-я стрелковая бригада также перешла в наступление. Ее 1-й и 2-й батальоны успешно преодолели р. Неву и ворвались в переднюю траншею противника на левом берегу р. Невы. Далее они встретили сильное огневое сопротивление, и вышли на рубеж на 300 м севернее железной дороги на дворец Пелла. Дальше они продвинуться не смогли. Фланги батальонов были не прикрыты. Огневые точки немцев вели огонь по льду Невы, препятствуя переброске подкреплений.

По немецким данным, удар бригады Папченко пришелся на стык дивизии СС и 5-й горнострелковой дивизии. На фланге дивизии СС немцы не удержали своих позиций вдоль берега Невы. Горные стрелки в ходе дневного боя не дали бойцам Папченко развить успех, после того как его стрелки ворвались в их траншеи.

Рывок по льду Невы и захват плацдарма на фланге дивизии СС крайне обеспокоили противника. Однако подтянуть резерв и ликвидировать возникший плацдарм немцы смогли только в ночь с 23 на 24 февраля. В итоге в двух батальонах бригады Папченко были выведены из строя до 70–90 % личного состава. Всего было убито до 800 человек из состава бригады. Для сравнения потери дивизии СС и 5-й горнострелковой дивизии за эти два дня боев составили до 100 человек убитыми и более 300 ранеными. Притом эти потери относились не только к действиям против бригады Папченко. Дивизия СС отбивала атаки с Ивановского «пяточка» и вдоль р. Тосно.

Надо сказать, что неуспех этого удара был предопределен заранее. Не была заранее продумана артиллерийская поддержка и сопровождение атаки через Неву. Переброска артиллерии на этом участке была крайне затруднена, так как втащить ее наверх было очень сложно из-за высокого и обрывистого берега р. Невы. Как перебрасывать занявшим плацдарм бойцам подкрепление — также не продумали. Значительная доля вины за этот крайне дорогой неуспех должна лечь и на самого М. Д. Папченко.

Цена неудачи в Красноборской операции была велика. Только 268-я стрелковая дивизия за время своего участия в операции потеряла 3052 чел. из имевшихся накануне наступления 3586 бойцов и командиров²⁰. Всего потери

¹⁸ *Бычевский Б. В.* Город-фронт. Л., 1967. С. 245–250.

¹⁹ Ивановский порог: Хронология подвига (30 августа 1941 г. — 22 января 1944 г.) / Автор-сост. Ю. И. Егоров. СПб., 2015. С. 219–220.

²⁰ *Медвинский Д. Ю.* Указ. соч.

55-й армии по подсчетам автора на основе боевых донесений Ленинградского фронта могут составлять до 27 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. За время операции было потеряно 87 танков.

Для сравнения, потери 50-го армейского корпуса 18-й армии по данным ежедневных донесений в отдел личного состава штаба 18-й армии составили до 6 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Судьба участников этой операции сложилась по-разному. А. А. Краснов был отправлен на учебу и более на Ленинградском фронте не воевал. И. М. Любовцев был также отправлен на учебу, после которой командовал стрелковыми корпусами. В ходе Яско-Кишиневской операции он был ранен и попал в плен. Был освобожден из плена в 1945 г. Яркая судьба была уготована командиру лучшей стрелковой дивизии Ленинградского фронта Н. П. Симоняку, который был и командиром 30-го гвардейского стрелкового корпуса, и командующим 3-й Ударной армией.

Одной из самых поразительных является судьба командующего 55-й армией В. П. Свиридова. Несмотря на все нарекания в его адрес со стороны Л. А. Говорова и то, что его армия ни разу не смогла добиться успеха в ходе наступательных действий зимы 1943 г., он так и оставался на своем посту вплоть до того момента, когда его 55-я армия была переформирована в 67-ю армию второго формирования. И здесь его действия нельзя было назвать образцовыми. Его армия упустила немцев из-под Мги. С марта 1944 г. Свиридов командовал 42-й армией Ленинградского фронта. Под его командованием армия участвовала в крайне неудачной попытке прорвать оборону противника на линии «Пантера». Несмотря на всё это он регулярно получал полководческие награды. Так, Свиридов был награжден орденами Суворова и Кутузова. В целом неудачные действия его армий не сказались на дальнейшей карьере генерала.

В чём же была причина таких неудач и настолько больших потерь? Несмотря на значительный опыт контрбатарейной борьбы, артиллерия Ленинградского фронта и приданная для проведения операции флотская артиллерия не смогли подавить артиллерию противника. Вдобавок немцы очень умело управляли своей относительно немногочисленной артиллерийской группировкой. Крайне негативную роль в развитии операции сыграли ошибки командного состава 55-й армии.

Версия о том, что именно испанцы спасли немцев от полного разгрома, несостоятельна. Скорее, это самих испанцев надо было спасать, чем немцы в итоге и занялись. Возможность нанести противнику поражение была упущена из-за крайне неудачных действий подвижной группы И. М. Любовцева. Следует признать неудачный итог ее действий заранее предрешенным. Слишком мало времени было отведено для наладки работы ее органов управления. А ведь успех ее действий зависел именно от его четкости действий и отработанности всех звеньев управления. К сожалению, многие ошибки, которые допускались при проведении этой операции, многократно повторялись не только на протяжении 1943 г., но и в более позднее время.

References

- Blokada Leningrada v documentach rassekrechennykh archivov / Pod red. N. V. Volkovskogo. M., 2005.
Bychevskiy B. V. Gorod-front. L., 1967.
Demidov V. I. Neudacha posle pobedy. Krasnoborskaya operazia // Leningradskaya bitva. SPb., 1995.
Esteban-Infantes. E. «Blaue Division»: Spaniens Freiwillige an der Ostfront. Leoni am Starnberger See, 1958.
Kryukovskiykh A. P. Kar razvivalas operazia «Iskra» // Leningradskaya bitva. SPb., 1995.
Ivanovsky porog: Chronologia podviga (30 avgusta — 22 yanvary 1944 g.) / Avtor-sost. Yu. I. Egorov. SPb., 2015.
Husemann F. Die guten Glaubens waren. Osnabrueck, 1973. Bd. 2.
Medvinsky D. Yu. Neizvestnye boi pod Leningradom // Zabveniye ne podlezhit. SPb., 2008. Вып. 7.
Ordена Lenina Leningradskiy voennyi okrug: Istorycheskiy ocherk. L., 1968.
Vasilenko V. E., Sviridov V. P., Yakutovich V. P. Bitva za Leningrad. L., 1962.

Список литературы

- Esteban-Infantes. E.* «Blaue Division»: Spaniens Freiwillige an der Ostfront. Leoni am Starnberger See, 1958.
Husemann F. Die guten Glaubens waren. Osnabrueck, 1973. Bd. 2.
Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н. В. Волковского. М.: АСТ. 2005.
Бычевский Б. В. Город-фронт. Л., 1967.
Василенко В. Е., Свиридов В. П., Якутович В. П. Битва за Ленинград. Л., 1962.
Демидов В. И. Неудача после победы. Красноборская операция // Ленинградская битва. 1941–1944. СПб., 1995.
Ивановский порог: Хронология подвига (30 августа 1941 г.— 22 января 1944 г.) / Автор-сост. Ю. И. Егоров. СПб., 2015.
Крюковских А. П. Как развивалась операция «Искра» // Ленинградская битва. СПб., 1995.
Медвинский Д. Ю. Неизвестные бои под Ленинградом // Забвению не подлежит. СПб., 2008. Вып. 7.
Ордена Ленина Ленинградский военный округ: Исторический очерк. Л., 1968.

A. Friedlander

St. Gildas and the anointing of kings

An axiom, lexicographers inform us, is a statement universally accepted as true. Medievalists have cultivated various axioms. Thus one such statement reads: the anointing of King Pepin in 751 was a cardinal event; it had one precedent in European (non-biblical) history, namely, the anointing of certain Visigothic kings a century earlier.

A fact, philosophers inform us, meaning a declarative proposition, is either true or false. That conclusion is apodictic, for the past as for the present. (Whether logical determinists may apply it to facts of the future remains debatable.) Historians will hardly dissent from that reasoning, except to add one word: maybe. Certainly the facts we proclaim are either true or false. But we add the caveat because our sources arrive incomplete, fragmented, the product of unlimited human deceit. One may be tempted to agree with «post-modern» historiographers. History is opinion; leave it at that. Still, some opinions are better than others. Some opinions may even approach the truth. On a concrete level, therefore, historians insist, a fact must be acceptable; that is, it should be demonstrably or verifiably true or verifiably false. If the former condition prevails it rises to an axiom. If the latter prevails it falls to earth. Many historical facts, alas, reside in the grey regions. They float between axiom and earth, incompletely verifiable, demonstrably likely perhaps, or unlikely. The stages in a given fact's rise proceed through five levels, from dubiety to possibility to plausibility to probability to acceptance; thence an axiom. The axiom proposed here has passed along this continuum to the final stage. Does it deserve its exalted station?¹

¹ Learned dissertations, to be sure, have challenged consensus. They have failed to pierce its adamant armor. The verdict is enshrined where it counts most: in the world of educational textbooks. There the axiom reigns. A few examples, consistent for more than half a century: Joseph Strayer, *Western Europe in the Middle Ages: A Short History* (New York, 1955), at p. 47;

The opening clause cannot be disputed. Pepin's anointing was a seminal event. The clause to the semi-colon's right — the primacy, that is, of the Visigothic precedent — is not so certain. Other plantings may have preceded the sowing of that seed. Nearly a century ago, nevertheless, Marc Bloch pronounced the verdict: «L'institution nouvelle prit forme d'abord dans le royaume visigothique d'Espagne... Puis ce fut dans l'Etat franc»². That verdict remains. Doubters have questioned it. It has shrugged them off. The shrug, however, is a mute gesture. It consists of silence. We hear of no regal anointing, verifiably, before the Visigoths' «institution nouvelle» and then its Carolingian recapitulation. If someone had practiced the practice previously someone would have recorded it. In fact it is recorded, or at least suggested. Some have put in a claim for an Irish origin in the 6th century, relying on a phrase in Adamnan's Life of St. Columba³. The axiom has shrugged them off. Others have noted a positive crack, a voice that breaks the wall of silence. The axiom, under its Teflon coat, has repelled that too. But, it may be, that voice deserves a hearing. One may prefer to dismiss it. One must show the reason why. Our voice is a lonely one. Its message, though not unsubstantial, is unsubstantiated. Unverifiable, it has fallen far on the axiomatic scale. Why has it fallen? It is not impossible. It is not implausible. It is not perhaps improbable. It is not farfetched. It is dismissed.

The voice belongs to Gildas. His statement, in the *De Excidio Britanniae*, cap. 21, is brief but formal. After the dissolution of Roman authority, Britons early in the 5th century chose new leaders. They consecrated them by anointing: *Ungebantur reges non per deum sed qui ceteris crudeliores exstarent, et paulo post ab unctoribus non pro veri examinatione trucidabantur, aliis electis trucioribus*⁴. Britons, saith Gildas, elevated fifth-century kings with anointment. His words have not been ignored. Detractors have dismissed them, axiomatically. Admirers have accepted them⁵. Most

Norman Cantor, *Medieval History: The Life and Death of a Civilization* (New York, 1964), pp. 217–218, and also the «Completely Revised and Expanded Edition», 1994, at pp. 175–176; R.H.C. Davis, *A History of Medieval Europe from Constantine to Saint Louis* (London, 1988), p. 125; Rosamond McKitterick, *The Early Middle Ages: Europe 400–1000* (Oxford, 2001), at p. 55; Jean-François Lemarignier, *La France médiévale, institutions et société* (Paris, 1970), p. 62; Giovanni Vitolo, *Medioevo. I caratteri originali di un'età di transizione* (Milan, 2000), p. 128; Peter Hilsch, *Das Mittelalter — die Epoche* (Konstanz, 2006), at p. 37.

² Marc Bloch, *Les rois thaumaturges. Etude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre* (Paris, 1983), p. 68.

³ Michael J. Enright, *Iona, Tara and Soissons: The Origin of the Royal Anointing Ritual* (Berlin and New York, 1985); Raymond Kottje, *Studien zum Einfluss des Alten Testaments auf Recht und Liturgie des frühen Mittelalters (6.–8. Jahrhundert)* (Bonn, 1964): 98–105.

⁴ Cap. 21:4: «Kings were anointed not in God's name, but as being crueller than the rest; before long they would be killed, with no enquiry into the truth, by those who had anointed them, and others still crueller chosen to replace them». Text and translation in Michael Winterbottom, *Gildas: The Ruin of Britain and Other Works* (Chichester, 1978), whose edition we use throughout.

⁵ Among the detractors: Marc Bloch, *Les rois thaumaturges*: 467–469; Michel Zimmermann, «Les sacres des rois wisigoths», in Michel Rouche, ed., *Clovis: histoire et mémoire, 2, le baptême de Clovis, son écho à travers l'histoire* (Paris, 1997): 10; Gerald Ellard, *Ordination Anointings*

admirers, however, as well as detractors, with some exceptions⁶, suggest no more than an intuitive preference. Intuition left other observers dissatisfied. Some chose to confront the problem by overlooking it, rather than grope dishearteningly in the void⁷. Some decided not to decide⁸. The erudite Ernst Kantorowicz left the question open⁹. More than one authority, reflecting upon the impenetrability of the matter, ended the discussion with an interrogative. Thus the conclusion of Christopher Snyder: «Did the British church formally anoint native kings in the absence of legitimate Roman rulers?»¹⁰ He does not answer. Nor can we, in the end, erase his question mark. Let the interrogative remain. We can examine it. We can consider its probabilities. We can think it over.

***

Why, to begin with, should we disbelieve Gildas' straightforward statement? The anointing of kings was hardly a wild idea. It had not currently been practiced. But its biblical precedents readily came to mind. It was floating about in the thought of theologians. It was picked up by Visigoths in the 7th century. Why should it not have occurred to Britons of the 5th? Why assume that Gildas was wrong in citing

---

in the Western Church before 1000 A. D. (Cambridge, Mass., 1933): 9–13; Eva Müller, «Die Anfänge der Königssalbung im Mittelalter und ihre historisch-politischen Auswirkungen», *Historisches Jahrbuch*, 58 (1938): 322–327; Jan Prelog, «Sind die Weihe salbungen insularen Ursprungs?» *Frühmittelalterliche Studien*, 13 (1979): 325–334; Abilio Barbero de Aguilera, «El pensamiento político visigodo y las primeras unciones en la España medieval», *España. Revista española de historia*, 30 (1970): 304–309. Among admirers: William Maskell, *Monumenta Ritualia Ecclesiae Anglicanae: The Occasional Offices of the Church of England according to the Old Use of Salisbury the Prymer in English and other Prayers and Forms, with Dissertations and Notes*, vol. 2 (Oxford, 1882): x–xi; C. E. Stevens, «Gildas Sapiens», *English Historical Review*, 56 (1941): 361; E. A. Thompson, «Gildas and the History of Britain», *Britannia*, 10 (1979): 216, 225; David Petts, «Christianity and the End of Roman Britain», in Patricia Baker et al., eds., *Theoretical Roman Archaeology Conference. Proceedings of the 8th Annual TRAC, University of Leicester, April, 1998* (Oxford, 1999): 91.

⁶ Prelog, following Müller's arguments, offers the most thoughtful case among the detractors.

⁷ Arnold Angenendt, «Rex et Sacerdos. Zur Genese der Königssalbung», in N. Kamp and J. Wolash, eds., *Tradition als historische Kraft* (Berlin, 1982): 100–118; Claudio Sánchez-Albornoz, «La 'ordinatio principis' en la España goda y postvisigoda», *Cuadernos de la Historia de España*, (1962): 12–13.

⁸ E.g. Reinhard Elze, «Le consacrazioni regie», *Segni e riti nella chiesa altomedievale occidentale, 11–17 aprile 1985. Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi Sull'Alto Medioevo*, 33 (1987): 49: «A chi e da dove era venuto l'idea di questo atto? Qual'era il modello? L'Antico Testamento? L'unzione di alcuni re visigoti in Spagna o di altri re celti nelle isole britanniche?»

⁹ Ernst Kantorowicz, *Laudes Regiae. A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship* (Berkeley, 1958): 54n.

¹⁰ Christopher A. Snyder, *An Age of Tyrants: Britain and the Britons, AD 400–600* (University Park, 1998): 299. Likewise Ellard, *Ordination Anointings*, 13: «Shall one read a physical anointing of the king into Gildas' lines?» Also Cornelius Adrianus Bouman, *Sacring and Crowning. The Development of the Latin Ritual for the Anointing of Kings and the Coronation of an Emperor before the Eleventh Century* (Gröningen, 1957): xi.

this detail? The answer opens upon another question: why assume the historicity of anything Gildas reports? The enigmatic author, whose chronicle, or rather diatribe, brings us such shadowy figures as the proto-Arthur Ambrosius Aurelianus, has sown deep mistrust among scientific historians; he sheds darkness on a dark period. We accept his stories only with caution. The perspicacious Ferdinand Lot formally declared Gildas' oeuvre void, a meaningless mishmash, «bavardage ou imaginations insipides»¹¹. Scholars nevertheless recognize some reliable nuggets of fact in the gossip. Why not this nugget? Skeptics point to two areas of doubt: a fault of knowledge; or a case of creative vocabulary.

As to the latter, vocabulary, it is possible Gildas used his words imprecisely. He intended not to indicate an actual anointment but simply and generally an investiture of power¹². The Bible, some have proposed, is to blame. Gildas understood the meaning of his word but did not mean it meaningfully, as it amounts to no more than the casual reflection of a biblical turn-of-phrase that crossed his mind: «Une réminiscence purement verbale d'une tournure biblique»¹³. Still, nagging objections arise. His word, used not once but twice in one sentence, is a peculiarly precise word to use imprecisely, twice, in two different constructions — *ungebantur; unctoribus* — in two different turns-of-phrase. The second phrase, one must note, conveys no biblical reminiscence; nowhere will we find the Bible to remark that anointers slaughtered their anointed (*ab unctoribus trucidabantur*). Biblical imagery turns un-biblically sour. But, we are told, there is an explanation. Metaphor comes to the rescue. Metaphor preserves the biblical allusion, though it perverts the meaning of the words.

The term, *ungebantur*, in this assumption, is not a nonchalant reminiscence. It is metaphor: «Eine metaphorische Auffassung dieses Ausdrucks akzeptiert»¹⁴. With metaphor as refuge, one avoids the inconvenience of accepting a literally inconvenient phrase. Anointing can mean anything but anointing¹⁵. One may conceive it in any way that suits the fancy. Once again, however, do we presume to ask: why? Gildas certainly was not averse to the use of metaphor when it had a point. This particular verbal obliquity, however, so confoundedly obscure, misleading at the very least, becomes the height of pointlessness. Gildas, moreover, authorities agree, was a peculiarly precise writer. He composed in proper Latin, of which his education had made him master. His prose, as François Kerlouégan and Michael Lapidge attest, is formal: «Well-constructed Latin which bears comparison with that of the finest

¹¹ Ferdinand Lot, «De la valeur historique du De Excidio de Gildas», in *Medieval Studies in Memory of Gertrude S. Loomis* (Paris — New York, 1927): 263.

¹² Müller, «Die Anfänge der Königssalbung», 324.

¹³ Bloch, *Les rois thaumaturges*: 468.

¹⁴ Prelog, «Sind die Weihesalbungen insularen Ursprungs?» 333; also Kottje, *Studien zum Einfluss des Alten Testaments*, 98: «Es ist umstritten ob eine wirkliche, d. H. physische Salbung gemeint ist, oder ob die Worte von der Salbung bildlich zu deuten sind».

¹⁵ Barbero de Aguilera, «El pensamiento visigodo», 309: «Que Gildas hablaba en sentido metafórico y que no se puede dar a sus palabras un valor literal».

authors preceding him»¹⁶. His word choice marks a clear knowledge of terms. His writing demonstrates the training of a school, the instruction of a *grammaticus* and possibly a *rhetor*¹⁷. We congratulate him on his «highly polished and sophisticated» style¹⁸, his «impeccable grammar and syntax»¹⁹, his felicity of expression. Then we dismiss his expression when it does not suit our assumption.

Dismissed it is, nevertheless, axiomatically. Gildas' process is «allusive», so we are told. He trolls the Bible for metaphor with which to decorate current events, thereby distorting those events. Unwary readers tread a landscape honeycombed allusively with illusion. In fact, say the metaphorists, we need not confine ourselves to metaphor. «Irony» or «downright sarcasm», it has been suggested, are appropriate, if one chooses to discover them in the text²⁰. Here the historian walks with the wariest of footfalls. Irony is a fine literary device, when used aright. Is there the slightest call for irony in Gildas' words? Cruel kings arose, were slaughtered, crueler kings followed, an age of chaos, a war of all against all. Just the place for a touch of irony (the last words to be read in an ironical tone of voice). Once we commence to find irony in our sources, to read their meaning backwards, our sources become playthings of creative imagination.

Sarcasm? Possibly. But it becomes a hazardous proceeding when historians insert stage directions into lines of text at their own will and discretion. If we apply inflection to one word we can apply it to any. If we read *unctores* sarcastically we may, with quite as much justification, read *reges* likewise. «Kings' (sarcasm) arose in fifth-century Britain» — meaning there were no kings in fifth-century Britain, only contemptuous derision. We enter a wonderland of interpretative freedom. Possibilities lie endless before us.

Metaphor, plain and simple, has a stronger case to make. It has been strongly advanced. Gildas' method, as noted, «trolls the Bible». He seeks out biblical texts and exempla for historical application. These he relates didactically to upbraid, to chastise the waywardness of the Britons. The proper biblical example for this didactic parallel, corresponding to kings raised up then rejected, leads one to Samuel, Saul and the royal David. Samuel established monarchs by anointing. Hence the metaphorical use of that term in Gildas' vocabulary. Seeing the word, anoint, the reader's mind refers

¹⁶ François Kerlouégan, «Le latin du De Excidio Britanniae de Gildas», in M.W. Barley and R. P.C. Hanson, eds., *Christianity in Britain, 300–700. Papers Presented to the Conference on Christianity in Roman and Sub-Roman Britain held at the University of Nottingham, 17–20 April, 1967* (Leicester, 1968): 152; also, *Le «De Excidio Britanniae» de Gildas: les destinées de la culture latine dans l'île de Bretagne au VIe siècle* (Paris, 1987): 581.

¹⁷ Michael Lapidge, «Gildas' Education and the Latin Culture of Sub-Roman Britain», in Michael Lapidge and David Dumville, eds., *Gildas: New Approaches* (Woodbridge, 1984): 33–47; Kerlouégan, «Le latin de Gildas», 159–160, 172–173.

¹⁸ Lapidge, *ibid*, 50.

¹⁹ Snyder, *An Age of Tyrants*: 46.

²⁰ This suggestion we have not found in print. It is suggested, however, by anonymous readers who have commented on the proposed publication of this paper.

necessarily to Samuel, of course, and the rest follows. Gildas' phrase thus «becomes much more biting», it is suggested. «Fifth-century equivalents of Samuel rejected their kings not because they have disobeyed God, but because there are to hand men who are even more cruel than those originally anointed». They were *not*, however, anointed. The word serves only to introduce the metaphor. The metaphor serves only to deliver a sly, subtle reproach to Britain's kings, or rather its kingmakers²¹.

Such is the most thoughtful case for metaphor (and a touch of sarcasm) we have encountered. The so-called «anointers», who did not anoint, are perversions of the holy Samuel, who did. The cruel kings are reversions of the worthless Saul. The crueller kings are inversions of the god-fearing David. The word «anointed» is purely a matter of convenience. It has to be there to allude to all the rest. In fact, it is the only thing in the allusion that alludes to the allusion. Without it we would never know that Gildas intends us to conjure up in imagination the struggles of King Saul, Samuel, and King David. The subtlety is surpassing. Not a *tam* nor a *quam*; Gildas does us no courtesy to light our way. But it is possible²².

If this is correct, one must say, it is not only an exceedingly subtle construction but also clumsy. *Ungebantur* does not mean anointed but «chosen» in some manner or another. Once we have digested that and understand it to imply — despite our conjuration of Samuel — nothing of a spiritual nature, we are faced with *non per Deum*, implying a spiritual nature. This too consequently means not what it means. It is simply a round-about way of saying «badly chosen». Then, finally, we may appreciate the «biting» spiritual sarcasm of the phrase. All this obscurity and misdirection just to say one simple thing: the Britons chose bad kings.

Who then were the non-anointers who chose so badly? Either they were churchmen who abused their function, or they were non-churchmen who had no spiritual function. If the *unctores* were churchmen, we have as much as admitted that they did anoint, or consecrate, albeit unworthily. If they were not churchmen they could not possibly have acted *per Deum*, so why bother to point that out?

Let us construct another analogy. In modern times dictators have arisen — perhaps we may imagine ourselves in a small Latin American country — strongmen empowered by force. Let them stand in for Gildas' cruel and crueller kings. Our strongmen assume the presidency. Would one say (affecting, be it understood, a sarcastic, metaphorical or ironical tone) of such as these, hoisted up by the army, that they arose *non per populum*? We might say so on one condition; that is, if the tyrant claimed to hold his power *per populum* (as indeed many do, having arranged an «election» to

²¹ For this analysis once again we thank an anonymous reviewer, whose words we quote perforce anonymously.

²² Gildas did not shrink from the adverbial construction elsewhere, as for instance when describing Britons who rallied to the Arthur-esque warrior Ambrosius: *confugiunt... miserimi cives tam avide quam apes alveari procella imminente* (cap. 25). The passage provides a nice, literary touch. Or is it more? An invocation of metaphor? Bees appear in the Bible. Perhaps these bees connect Ambrosius to Samson (Judges, 14:8), or to the Messiah (Isaiah, 7:18). Or do they pre-announce ultimate military disaster (Deuteronomy, 1:44).

suit the purpose). In Gildas' age rulers of all types, emperors, pretenders, usurpers, Germanic chieftains, were hoisted up, by a late imperial army or by a tribal host. None of them claimed ruler-ship *per Deum*. Such is the verdict of historical science. The idea — so says the axiom — occurred to no one, no one before the Visigoths' innovation two centuries later. Why then, even granted an underlying obsession with biblical analogy, should Gildas hurl this insult here? Did he expect potential readers to nod in savage agreement at his condemnation of kings empowered *non per Deum* in an age when no king claimed empowerment *per Deum*?

Metaphor takes us on a tour of dizzying circularity. The verb, *ungebantur*, exists to sustain an allusion to Samuel and Saul. Samuel and Saul are not actually alluded to, except by the allusive verb. We know therefore that the verb is allusive; it alludes to Samuel and Saul. How do we know it alludes to Samuel and Saul? We know because we know it is allusive. The word does not emerge to fit a metaphor; a metaphor emerges serendipitously to explain the word as metaphor. The «anointers' may have been churchmen, but they didn't anoint. More likely they were not churchmen but armed thugs who could not conceivably have anointed. To complete the sarcasm, or irony, or mockery, Gildas specifies that the non-anointing was done in a non-godly manner, even though no ruler as yet claimed to rule by godly fiat. In fact — the only way out of the box — none of these words mean anything they seem to mean. Thus speaks metaphor. Will it not be simpler to take Gildas' words as they stand?²³

Gildas' entire thought describes a religious event. It describes a consecration. It was impiously done, he protests, truly not through God's power: *non per Deum*. It pretended nevertheless to that power, an act whose presumption required a disclaimer on behalf of the deity. It was not merely a sordid investiture of authority, *per hominem*. Let us put Gildas' passage in context. He precedes these phrases very precisely with a diatribe upon certain sins rampant in fifth-century Britain. A period of plague, he says, had passed. An age of wantonness commenced, an age of sin. Each sin was not just a perversion but an inversion of Christian conduct. Whatever should be done was done deformed, a flagitious facsimile of the faith.

«Alongside there grew luxury. It grew with a vigorous growth, so that to that time were fitly applied the words: "There are actually reports of such fornication as is not known even among the Gentiles" <...> the hatred of truth and its champions

²³ Metaphorical subtlety, in fact, has not pleased all historians. Rather than adopt the simple solution, however, they have proposed even wilder convolutions. One suggests that Gildas' *reges* — no allusion here to Saul or David — were pagan kings (Kottje, *Studien*, p. 98: «Dass es sich um heidnische Könige handelte»). Still more needlessly convoluted is the suggestion that Gildas' phrase, *non per deum*, is to be read simply as *non*, a negation of the word, *ungebantur*, immediately preceding it (Prelog, «Sind die Weihesalbungen», p. 333: «Die von Gott vollzogene Salbung ist eine Folge der Würdigkeit des Königs. So lag es für Gildas nahe, die Unwürdigkeit der Könige damit zu ausdrücken, dass er sie als nicht von Gott gesalbt bezeichnete»). Gildas will have employed his word precisely in order to sabotage it, thereby to arrive at a meaning opposite to his word. Anointed-not-by-God means not anointed. Caesar, one might say, was shot-not-with-an-arrow (meaning to say he was stabbed).

and the love of falsehood and its contrivers; the taking up of evil instead of good, the adoration of wickedness instead of kindness, the desire for darkness instead of sun, the welcoming of Satan as an angel of light. Kings were anointed not in God's name (*susceptio mali pro bono, veneratio nequitiae pro benignitate, cupido tenebrarum pro sole, exceptio Satanae pro angelo lucis. Ungebantur reges non per deum*)».

No amount of imprecision or arbitrary retreat into the land of metaphor can erase the fact that Gildas conceived his kings to have been established by some sort of spiritual sanction, however spurious it may have been. This act, to be sure, does not prove a case for anointing. It does reduce decisively the scope of interpretation we may permit ourselves to put upon Gildas' choice of words. It may even, for insisters upon biblical analogy, justify a case. Gildas may indeed welcome an allusion to Samuel. Samuel anointed kings *per Deum*. Fifth-century Samuels performed a perverted, looking-glass version of that act, *non per Deum*. Now, if one still insists upon it, sarcasm makes some sense. It assumes truly a biting, bitter, and also a meaningful tone.

Perhaps, however, one may take refuge in the skeptics' second argument, an *argumentum ex ignorantia*. Gildas was not metaphorical but misinformed. That we cannot tell, since Gildas alone informs us. He relied on sources of which we have no knowledge. We cannot impeach his sources, since we do not know them²⁴. Therefore we choose to impeach him. Among historians deep distrust of Gildas' work predominates, and not without reason. Much that he says is untrustworthy. Gildas, it is asserted, knew essentially nothing about the 5th century, albeit it was the century of his birth. Indeed he knew less than we know, sixteen centuries later. We know he knew nothing. Ferdinand Lot was right. His work is a gallimaufry of gossip. Close its covers. Transfer the book to the library's literature section and forbid historians to refer, other than mockingly, to its contents.

Skepticism is wise, especially for historians. It is wise to be wary when confronted with seemingly fantastic or fantastical facts. Is there anything fantastical about the idea that fifth-century Britons conceived of anointing to legitimize upstart rulers? Gildas reports numbers of improbable, legendary or folkloric items concerning a dark period of history. Does that mean he picked up no accurate items from that time, a time not very remote from his writing?²⁵ When we presume that a historical source's fact is fancy we must have some reason so to presume. Is there in this case a countervailing source of information? None appears.

Logic dictates that historians who choose to challenge the clear statement of an historical source bear the burden of proof. They must show the cause of their challenge. For this cause we look in vain. No source confirms Gildas' assertion. There

²⁴ See Thompson, «Gildas and the History of Britain», 208–211; Stevens, «Gildas Sapiens», 354–357.

²⁵ How ignorant was Gildas? Intensely, according to some: «Gildas wrote of a period of which he had very little knowledge» (Wendy Davis, *Wales in the Early Middle Ages* (Leicester, 1982): 122). Others suggest the opposite. His «historical memory» may certainly have extended to the century of his birth (Ken R. Dark, *Britain and the End of the Roman Empire* (Stroud, 2000): 229).

is only silence. Silence, so the argument goes, suffices. «Nothing proves it», one expert has concluded. «Despite two ambiguous passages in Gildas and in the Life of St. Columba, nothing proves that Celtic Christianity knew of royal unction»²⁶. That is hardly enough. Nothing proves it. Nothing disproves it. Nor is Gildas' passage in any way ambiguous (unless one translates his thought metaphorically). Another authority breezily dismisses historians who have presumed to take Gildas' words «uncritically» – without offering to supply the requisite criticism²⁷. Let us be critical. Why should we not consider literally a literal statement when no contrary evidence exists? *Non confirmatum* does not equal *non potest*.

Id potest, however, also requires a basis for belief. «This will strike any reflecting mind forcibly», Mark Twain declared when shown by tour-guides in Jerusalem the authentic spot where God took the earth to make Adam. «That Adam was formed of dirt procured in this very spot is amply proven by the fact that in six thousand years no man has ever been able to prove that the dirt was *not* procured here whereof he was made». We cannot procure dirt positively to prove Gildas' anointings. (Nor can one prove the contrary.) We can, however, consider their plausibility.

***

Reges habet Britannia, sed tyrannos. With those famous words, marking presumably the situation in the first decades of the 6th century, Gildas describes the politics of Britain in those parts of Britain yet unoccupied by Saxon encroachment. He proceeds to give a detailed critique of five currently unpleasant kings, whose demerits he freely ventilates: Maglocunus of Gwynedd, Constantine of Dumnonia, Aurelius Caninus, Cuneglasus, Vortipor. Here Gildas' observations arouse less mistrust. His «five tyrants» were living models. Those rulers, «squalid and bellicose kinglets», were the descendants in status if not in bloodline of their unnamed predecessors whose anointing Gildas had described²⁸. Conditions that applied to them may have applied to their forerunners. What can we say about the nature of their authority? They bore the title of king, as did their predecessors. They assumed the right to exercise power from tribal connection, birth and wealth, as their predecessors must variously have done. They derived their mandate, for so Gildas insists, from a Christian foundation – as had their predecessors. Did they, or their predecessors, fortify that foundation by an act of anointing? In reference to his own day Gildas gives no hint that the practice persisted. He gives no hint, conversely, that it did not persist. From that, of course, one may build another *argumentum ex silentio*. We can only take this for what it is worth: a significant silence, or a casual omission? Conditions a century earlier suggest a more likely scenario. Two factors point to the possibility.

²⁶ Zimmermann, «Les sacres des rois wisigoths», 10: «Quant aux chrétientés celtiques, rien ne prouve, malgré deux passages ambigus de Gildas et de la vie de saint Columba, qu'elles connaissent le rituel de l'onction royale».

²⁷ Enright, *Iona, Tara and Soissons*: 8n.

²⁸ Thompson, «Gildas and the History of Britain», 224–225.

Two factors, that is, distinguished Britannia at that time from all other parts of the ex-Roman world: the unique circumstances of its political transformation; and the presence of a unique religious force, the influence, or interference, of Pelagian ideas. Each or either of these factors can have encouraged a resort to anointing uniquely among the Britons.

Upon the disintegration of Roman authority in the empire's western provinces in the 5th century new governments arose. Those governments had to establish their claims to authority. In the continental districts claims were not hard to establish. Germanic peoples came equipped with prior organization. War-leaders became kings and inserted themselves into power, after disposing of Roman officialdom. On the island of Britain uniquely, after the events of 409–410, a vacuum enveloped the structure of government and obscured the right to govern. Invaders had not yet permanently invaded. But authority had devolved. «Fissiparous internal forces», to borrow one writer's felicitous phrase, fractured the political structure²⁹. Officialdom disappeared. Its replacement remained unformed. Emperor Honorius, if we accept Zosimus' account, could address his valedictory message to no one in authority, but only to impersonal entities, the *civitates* of the island. In the vacuum new men arose. They assumed archaic titles, *reges*. But they sought the sanction of a new force. To a significant extent, perhaps to a decisive extent, that force defined the nascent political order. It was the Faith. Having abandoned Romanitas, power leaned on Christianitas: «Britain looked to Christianity», one authority has affirmed, «and the Bible as alternative models for kingship and power»³⁰.

Novelty, it is assumed, motivated the first Carolingian to seek spiritual sanction for his coup d'état. A new line of rulers presumed to replace the old. It could not rest its claim on ancestral authority. It sought the authority of God. Instability, it is suggested, motivated seventh-century Visigothic monarchs. Uncertain lines of succession and an elective tradition that clashed with their interest in establishing hereditary rule stimulated the search for a higher sanction. The *detestabilis consuetudo*, as Gregory of Tours described it, (HF, 3:30) of Visigothic nobles, their penchant for replacing their rulers after a brief tenure and then replacing the replacements, incited Visigothic kings to find a firmer foundation. The same stimuli will have motivated the earliest kings among the Britons. Novelty was even more compelling, instability in the political landscape more malignant. These men, whose names are forgotten, were in an unprecedented position. They arose without predecessors. They were not emperors or imperial pretenders competing for power already established. They were not pre-existing tribal dynasts. They were kings *ex nihilo*³¹. They rose from

²⁹ David Dumville, «The Idea of Government in Sub-Roman Britain», in Giorgio Ausenda, ed., *After Empire: Towards and Ethnology of Europe's Barbarians* (Woodbridge, 1995): 181.

³⁰ Petts, «Christianity and the End of Roman Britain», 91.

³¹ Royal title in Britain, though reduced to honorific, was not wholly effaced by imperial rule. See Ken R. Dark, *Civitas to Kingdom: British Political Continuity, 300–800* (Leicester, 1993): 178–181. Royal power, nonetheless, submerged by imperial rule, required a restart, even among the Britons.

private station and arrogated to themselves royal rank. They were the first persons ever to inaugurate – not to be born or to succeed to – a title of kingship under the stamp of the Christian faith. In no other province of the Roman world did such individuals arise as were spawned on the island of Britain³². If any individuals needed the support of an innovating ceremony to validate innovative positions, such were the individuals.

Many factors, to be sure, contributed to give these men their claim to rule, to presume upon the loyalty of the people. Tribal identity remained alive. Roman occupation had not extinguished deference to the aristocracy of ancient clans³³. A still-lively respect for vanished imperial officialdom continued to operate. St. Germanus, we are told, when in Britain received the visit of a person who asserted his status with the eminently official-sounding title of *vir tribuniciae potestatis*. Ambrosius Aurelianus, whoever he may have been, Gildas says, came of a family still clinging to imperial nostalgia: *Romanae gentis <...> parentibus purpura nimirum indutis*. Such individuals, clothed in tribal reverence or benefiting from a faded Roman dignity, or simply possessed of landholding dominion and a hill-fort³⁴, could easily have presumed a right to govern once legitimate government fell away. There is no reason to believe they did not so presume. «A landed elite», Christopher Snyder characterizes them, «they seized control of their districts. They stepped out of the shadows to take the reins of government»³⁵.

Presumption, however, rested on tenuous ground. Roman Britain found itself outside the constitutive firmament of Roman authority, an authority even usurping pretenders hitherto had assumed. The penultimate member of that crew, according to Zosimus, the ephemeral usurper Gratian of 406, still presumed he could wear the panoply of empire. The fleeting *reguli* who followed him could rely no longer even on that consolation. They were in the position of the Carolingian mayors three centuries later. They possessed personal strengths, qualities no doubt that gave them king-ly potential. Landed gentry, power brokers in their regions, they were, one might say, *königsfähigen*, capable of being king. They lacked a capable constitutive authority to confirm their claim. They needed a superior power to spark royal potential into life. That power source, Gildas asserts, was the Church. They sought in some manner the imprimatur of spiritual authority, *per Deum*. It legitimized their presumption. Those who abused it lost their imprimatur.

³² One might cite as an exception Aegidius, *magister militum* stranded at Soissons, and his son Syagrius whom Gregory of Tours addresses as *rex*. It is doubtful Syagrius would have acknowledged any such title (on this see the remarks of Ian Wood in Ausenda, *After Empire*: 206). The chronicler Hydatius, who was his contemporary, recalls Aegidius simply as an agent of the empire: *regiones Romano nomini tuebatur* (Hydatius, *Chronicon*, cap. 228) .

³³ See Dark, *Civitas to Kingdom*: 94–96; also Dark, *Britain and the End of the Roman Empire* (Stroud, 2000): 70.

³⁴ Susan M. Pearce, *The Kingdom of Dumnonia* (Padstow, 1978): 59.

³⁵ Snyder, *An Age of Tyrants*: 16, also 226–232; Snyder, *The Britons* (Oxford, 2000): 71.

St. Gildas, to be sure, seems to have been a thoroughly fashionable, querulous and moralizing churchman. He, as did his fellow commentator Salvian, viewed the ruin of the people writ large in the sins of their rulers³⁶. What more commonplace, indeed unimaginative notion than to declare those rulers forfeit of their right to rule by virtue of God's displeasure? Perhaps, we may say, he imposed upon them an imprimatur they had not sought, the better to question their legitimacy for reasons they would not have imagined. And yet Gildas' point is surely more concrete. We know nothing of his fifth-century kings. But he clearly expected sixth-century rulers to understand. God punishes kings because He himself creates them.

On this point Gildas dwells with a persistency that never occurred to a celebrated continental contemporary. Gregory of Tours had much to say about kings, especially bad kings. Gregory, it is true, permits God to upbraid his rulers. God, Gregory prays, has given young King Childebert to the Franks for their preservation (8:4). But it is to the Franks, their men and women assembled, that he has King Guntram pray for Childebert's preservation (7:8). God, he warns King Chilperic, will revoke his reign should he persist in evildoing (5:18). But the legitimacy of that reign resides in the bloodline, the *stirps regia* of Merovech³⁷. God, when He wills, unmakes Gregory's kings. Men make them: «For Gregory we do not find precisely the idea that the king is instituted by God»³⁸. For Gildas precisely God institutes kings. «The King of All Kings has made you king», so he prefaces his remarks to Maglocunus (c. 33). God, he advises Constantine of Dumnonia, will give you «a royal ring» (c. 29)³⁹. «I [God] exalted you and made you prince», he reminds them one and all (c. 40).

Gildas' point is clear: the insular Church in post-Roman Britain presumed the right to sanction the lawful basis of kingship. «Why do you provoke the groans and sighs of the holy men who are present, in the flesh (*corporaliter*), at your side?» Gildas warns King Cuneglasus. «They are the teeth of an appalling lioness that will one day break your bones» (c. 32)⁴⁰. Gildas may have exaggerated the masticatory power of his sixth-century Church. He may have overstated its king-making ability. But he affirmed its king-making pretensions. One almost sympathizes with the petty, priest-ridden tyrants

³⁶ Thomas D. O'Sullivan, *The De Excidio of Gildas. Its Authenticity and Date* (Leiden, 1978): 29–30, 60–61.

³⁷ See Marc Reydellet, *La royauté dans la littérature latine de Sidoine Apollinaire à Isidore de Séville* (Rome, 1981): 353–355.

³⁸ Ibid, 391: «Pour Grégoire, les rois sont dans la main de Dieu qui les défait quand bon lui semble. Mais de cette attitude négative, nous n'avons pas chez lui la contrepartie positive, l'idée explicite que le roi est institué par Dieu».

³⁹ Again, an anonymous reviewer has suggested, Gildas' words do not mean what they say — yet another of the infinitely-metaphorical author's metaphors, the allusion now being to the Prodigal Son (who received a ring upon his homecoming). To this we can only respond that the operative word for our purposes is not «ring» but «royal».

⁴⁰ See Dumville, «The Idea of Government in Sub-Roman Britain», 194–195: «A Christian ideal of kingship <...> [it was] in the requirements of royal office that the Church had the most effect on the king's official behavior».

he torments in his diatribes. Nettlesome were churchmen to kinglets of the 6th century. Did they presume to validate those of the 5th? All the preconditions were met. Every factor that can have attracted adventurous *reguli* to seek out the imprimatur of the faith appears in the 5th century, more compelling than at any other time.

Britain's first aspiring royals did not spring upon the public, as Athena, fully armed and majestic. They stood on shaky legs. Their leases of power were short and terminated disagreeably. «The hatreds of all men and their spears», Gildas says, «were hurled together without respect» (c. 21:4)⁴¹. Thomas Hobbes lived in another age of political unrest. He understood the importance of legitimacy. Kings of ill-defined pedigree, he wrote, need to contrive an honorable support, «to save the people from the shame of receiving them. To have a known right to sovereign power is so popular a quality, as he that has it needs no more»⁴². Fifth-century pretenders, mired in a Hobbesian world, would have appreciated Hobbes' wisdom. Some, perhaps, as Napoleon, seized their crowns and fit them onto their heads with defiant hands. Others, as Pepin, thought it best to receive a handshake. They sought the sanction of the faith. Through what visible sign will Faith have extended its hand? The sign, Gildas reports, was unction. And thus we come to the core of uncertainty.

Gildas himself does nothing to resolve our doubts. We may, however, call to aid another source. Its author does not mention the making or unmaking of kings. There may yet have been no kings in Britain. He does describe the situation at the moment that kings, or proto-kings, of Britain took their first tottering steps toward kingship. Constantius of Lyon, the hagiographer of St. Germanus, wrote his account before the end of the 5th century. He may have had his information, his narratives of the saint's missions to Britain, from an eyewitness, perhaps Germanus' companion Lupus of Troyes. Historians have not universally expressed admiration of Constantius' product: «A farrago of folklore, legend and allegory», to cite one authority⁴³. His farrago nonetheless cannot be ignored, considering that precious little else exists to take its place⁴⁴. Constantius' stock, moreover, has risen. Michael Jones' analysis of his seemingly most folkloric story, the «Alleluia! Victory», has gone far to redeem the hagiographer's credibility⁴⁵. That most fabulous of tales deserves credence. We will be presumptuous to dismiss Constantius' more ordinary accounts⁴⁶.

However one may evaluate the details, three essential points emerge from Constantius' narrative. First, the insular Church, after a period of decline, entered a phase of renewed importance. Second, its influence appealed to persons who aspired to

⁴¹ *Omnium odia telaque sine respectu contorquebantur.*

⁴² Thomas Hobbes, *Leviathan*, Part 2, chapter 30.

⁴³ B. R. Rees, *Pelagius: A Reluctant Heretic* (Woodbridge, 1988): 114.

⁴⁴ David Dumville, introduction to E. A. Thompson, *St. Germanus of Auxerre and the End of Roman Britain* (Woodbridge, 1984): vii: «A fifth-century text about a fifth-century subject <...> is not to be lightly set aside.»

⁴⁵ Michael E. Jones, «The Historicity of the Alleluia Victory», *Albion*, 18 (1986): 363–373.

⁴⁶ We rely on the text edited by Wilhelm Levison in MGH, *Scriptores Rerum Merovingicarum*, VII.

authority. Finally, that Church faced competition. Pertinacious disciples of Pelagius exerted a force that required consideration. Constantius certainly will have had reason to emphasize, not to say overemphasize, these points. Caveats being granted, his impressions have weight.

Constantius relates two journeys of his hero to the island. The first of these, though by far the more exciting, need not detain our inquiry. Germanus arrived in Britain in 429 (c. 12–18). He found the island beset by Pelagians (*Pelagiana perversitas*). Perversity spread its venom widely (*late populos occupasse*). Germanus consequently progressed through town and village to a rendezvous arranged for a public disputation with the opposition spokesmen. These latter arrived arrayed in their finest attire (*conspicui divitiis, veste fulgentes*). Here we do not wish to overstate the case. How significant was the «Pelagianist» presence? Historians have had some doubt⁴⁷. Constantius may have allowed a forgivable exaggeration to color his account; if St. George, as the playwright quipped, had killed a dragonfly, would anyone have cared? Would leaders of the Church, on the other hand, have summoned a holy man to swat a gnat? Friends of unorthodoxy provoked serious enough concern to require a reaction, and also to influence the acts of their establishment rivals.

Therefore, Constantius continues, people flocked to witness the disputation. Among them appeared a leader, the *vir tribuniciae potestatis*. For his benefit the saint performed a miracle, which his opponents proved unwilling to reproduce. The scene, to be sure, bears all the marks of a set-piece of religious theater, inspired no doubt by Elijah's confounding of the prophets of Baal. Be the miracle as it may, the significance rests on the presence of the miracle's beneficiary, the tribunician man. Not only the people, we are told, but their leader sought to touch the power of the men of faith, to have that power reflect upon them. This notion Constantius pointedly reinforced in his account of the saint's second mission. On this first occasion one task remained for Germanus: consummation of the «Alleluia! Victory». Under his inspirational command, Britons repelled a force of Picts and Saxon marauders. That narrative too confirms an essential point: the rising influence of spiritual authority. Matters once left to government concern, the rallying of armies, became a concern of the faith. What the sanction of spiritual power could do to assist in the dispatch of military affairs it could do to assist in the creation and legitimization of government.

We come now to Germanus' second appearance (c. 25–27). The historicity of this visit has excited some skepticism. It is perhaps merely a doublet of the first, minus the alleluias and military adventure⁴⁸. Yet Constantius of Lyon recounts Germanus' second intervention in a way curiously unlike his relation of the first. The sequence of

⁴⁷ Georges de Plinval, *Pélagie, ses écrits, sa vie et sa réforme. Etude d'histoire littéraire et religieuse* (Lausanne, 1943): 382; see J.N.L. Myres, «Pelagius and the End of Roman Rule in Britain», *Journal of Roman Studies*, 50 (1960): 21–36; John Morris, «Pelagian Literature», *Journal of Theological Studies*, n.s. 16 (1965): 56–59. For a discussion of the evidence, see Rees, *Pelagius, a Reluctant Heretic*: 110–123; Ian Wood, «The End of Roman Britain: Continental Evidence and Parallels», in *Gildas: New Approaches*: 6–10.

⁴⁸ Dark, *Civitas to Kingdom*: 52–53.

events is similar. Yet it is distinct. That distinction cannot be ignored. In Constantius' first narrative the saint, once invited to the island, assumed the initiative. He provoked events. He led them as he desired. Here a Briton, the Britons' leading man, takes the initiative. He precipitates the action. He shapes the scene. He reaps the reward.

The occasion once more is the persistence of Pelagian agitation, *praevaricatio*. This time, says Constantius, the heretics' following is reduced (*paucis auctoribus*), logically a result of Germanus' success in his first endeavor. We hear of no disputation. The assembly is impromptu. The chastisement of the *praevaricatores* is summary. Everything seems to have been arranged for a different purpose. Certain parties act as if to find an excuse for a meeting with the holy man. Germanus and his companions are caught unprepared. They react with surprise when they face the forum of the people. They barely recognize a need to be there. No heretics appear. At last a few dissenters, skulking in the crowd, are dredged up: *intelligunt culpam esse paucorum*. They are hardly resplendent, as their earlier confrères had appeared⁴⁹. They are quickly disposed of: *inquirunt auctores inventosque condemnant*. All this seems rather a sideshow than the main act. That act, Constantius indicates, was conceived beforehand. Indeed it has been stage-managed. One man manipulates events, the only Briton to receive a name in Constantius' history: Elafus.

Constantius prefaces his narrative with otherworldly words. But he recounts a mundane event. During this time (*interea*), he recalls, speaking of the moment of Germanus' arrival, spiteful spirits (*sinistri spiritus*) drifted over the island. They revealed that Germanus had returned. Rumors, that is, circulated. A very important man had come back. Locals detected the news. They hastened to appear in the great man's presence. Some local persons particularly wanted to see, and be seen, at his side. They rushed to receive his blessing. Most eager among those notable persons was Elafus. Constantius accords him no title. We do not know the location of his bailiwick. He represents power nonetheless. He is the «first man» (*regionis illius primus*)⁵⁰. Elafus guides the events that follow. Germanus does not convoke him. He convokes himself. Having heard the whispered news of Germanus' arrival he puts himself in his way. He intercepts him deliberately, indeed obnoxiously. He appears without warning: *in occursum sanctorum, sine ulla manifesti nuntii relatione, properaverit*. Nor does he arrive alone. A concourse of people surrounds Elafus. They arrive en masse — not he following them, but they following him: *provincia tota subsequitur*. They follow though ignorant of the reason they have followed (*occurrit inscia multitudo*), obedient to the call of the primus of the province.

⁴⁹ One wonders just how *fulgentes* the earlier Pelagians truly were, given their official doctrine of disdain for worldly display. Thus the Pelagian author of the treatise *De Divitiis* advised: *confundimur in humilitate, in pauperie, in abiectioe vestium* (*De Divitiis*, 14:1. Text in Andreas Kessler *Reichtumskritik und Pelagianismus: Die pelagianische Diatribe «de divitiis»: Situierung, Lesetext, Übersetzung, Kommentar*, Freiburg, 1999). Either Pelagius' British disciples, to make a better public appearance, disregarded the master's guidelines or Constantius, to make a better story, misrepresented his hero's opponents' appearance.

⁵⁰ See Snyder, *An Age of Tyrants*: 114.

The holy men, Germanus and his traveling companions, confronted with this unexpected assemblage, halt their progress. They cannot do otherwise. A brief inquiry unmasks the Pelagian diehards, who are exiled unceremoniously. Ceremony centers rather on Elafus. He takes that center stage abruptly, launching himself at Germanus' feet: *subito Elafus pedibus advoicitur*. Germanus, willy-nilly, must acknowledge him, or trip over him. Raised up no doubt from his submissive posture, Elafus, *primus regionis*, receives the priestly endorsement. He receives an affirmation of his primacy: the merit of a miracle personal to him, and pointedly favoring the fortune of his house (the restoration by laying-on of hands of a paralytic son). Germanus returns to the continent. Elafus, after his *coup de théâtre*, returns to his base enhanced, elevated in the eyes of all the people, *provincia tota*, whom he had brought along to witness.

Dressed as a spiritual episode, Constantius describes for us a political event. Elafus has succeeded, as did few other fifth-century Britons, in making his name remembered. He has headlined himself, favored by God's representatives on earth. Indeed he appears as the perfect prototype of Gildas' *reges*, one of the ur-kings of the sub-Roman Britons⁵¹. Did Elafus take the final step? Did he confirm his power with a coronation? We do not know. Could he have taken that final step? Assuredly. He commanded the attention of a region. At his call the people came. He possessed attributes — *primus regionis*, perhaps the largest landholder of the area — that made him *königsfähig*⁵². He took the first step toward the realization of a crown. He sought the imprimatur of the Faith. His primacy was publicly anointed. Did he request a formal anointing? This much we can say. He points precisely to the path we should expect to see if Gildas' tale of the first kings is correct: powerful men grasping for the hand of the Church to uplift their power.

The deeds of St. Germanus take us no further. Another factor may carry us on. Germanus' adversaries also had a role to play in shaping the perceptions, actions and practices of Britons in this unsettled time. Orthodox churchmen placed sanctifying hands upon would-be kings. There is every cause to believe that their Pelagian counterparts will have done the same.

Pelagius' theology, his disputes with Augustine and Jerome, centered on matters of grace, free will, the genetic inheritability of Adam's sin. These controversies, dramatic as they were, need not concern us essentially. Beyond them, Pelagius preached practical advice. The conduct of life was his concern. He addressed his advice to ascetics, or aspiring ascetics, to virgins, or aspiring virgins. He did not address himself to kings, or aspiring kings. Aspiring kings, nonetheless, fit neatly into the scheme of Pelagius' advice. Any aspiring kings who approached his disciples in Britain will have found an act of unction suggested to their minds.

⁵¹ Thompson, *ibid*: 12; Stevens, «Gildas Sapiens», 365–366.

⁵² Was Elafus the «man of tribunician power», or his doppelganger? On the person of Elafus and the construction of his name, see Andrew Breeze, «Elafus the Briton, St. Germanus, and Bede», *Journal of Theological Studies*, n.s. 53 (2002): 554–557, who concludes he was in any case a Romanized gentleman and landowner.

Without wishing to review complex considerations of grace and free will, suffice it to say that few authorities dispute the centrality of one act to Pelagian thought and to its model of salvation. That act was baptism⁵³. Pelagius' thought, to be sure, drifted into inconsistencies on the subject of baptism, *in remissione peccatorum*, as he squirmed to avoid a tightening circle of ecclesiastical censure. Debate over infant and adult baptism occupied reams of theological controversy. Let that controversy remain to the side. For our purposes it is Pelagius' perception of baptism as such, that holds the key. Nothing indeed can be clearer in Pelagius' view. That willful act, a matter of intelligent choice, marked the central pivot of redemption. By a conscious decision each person must receive baptism. By a conscious decision he must bind himself to a virtuous life⁵⁴. «Baptism was a dramatic “fresh start”, the beginning of a heroic life of action»⁵⁵. That action could be done: «God commands nothing that is impossible»⁵⁶.

The idea permeates Pelagius' writings: first intelligent belief, the choice of virtue; next baptism, the renewal of innocence; then the absolute commitment to a sinless life⁵⁷. «They [the faithful] are called to believe through the preaching, and are justified through baptism when they believe», he noted in his commentary on Romans⁵⁸. *Filii dei sitis*, he urged in his exegesis of Galatians. *Omnia per baptismum peccata sunt remissa*⁵⁹. The faithful believe; baptism sanctifies their belief⁶⁰. *Unxit nos deus, spiritu sancto vel chrismate*⁶¹. Each person takes salvation into his own hands: *Nolite de praeteritis timere peccatis, tantum ne post baptismum delinquatis*⁶². Thus wrote the Pelagian author of the *Liber de Vita Christiana*⁶³.

⁵³ Peter Brown, «Pelagius and his Supporters: Aims and Environment», *Journal of Theological Studies*, n.s. 19 (1968): 103–105; see Robert F. Evans, *Pelagius, Inquiries and Reappraisals* (New York, 1968): 113–121; Rees, *Pelagius, A Reluctant Heretic*: 76–80; Kessler, *Reichtumskritik*: 170–172.

⁵⁴ «L'homme, créature intelligente et libre, auquel Dieu par un privilège unique a donné la conscience de ses actes, l'honneur exceptionnel d'être dans l'univers l'exécuteur libre de sa volonté ... la possibilité de mériter par lui-même le salut». de Plinval, *Pélagie*: 386.

⁵⁵ Peter Brown, *Augustine of Hippo: A Biography* (Berkeley, 1969): 368.

⁵⁶ de Plinval, *Pélagie*: 209.

⁵⁷ «Natürlich ist die Taufe gleichzeitig ein Eintritt in die engere Gemeinschaft der Kirche der *christiani*». Kessler, *Reichtumskritik*: 178.

⁵⁸ *Pelagius's Commentary on St. Paul's Epistle to the Romans*, ed. Theodore de Bruyn (Oxford, 1993): Romans 6:22 and 8:30, pp. 100, 113.

⁵⁹ 'Expositio in Galatas' 3:27; text, J. A. Robinson, ed., *Pelagius's Expositions of Thirteen Epistles of St. Paul* (Nedeln–Liechtenstein, 1967).

⁶⁰ 'Expositio in Ephesios' 1:1.

⁶¹ 'Expositio in II Corinthios' 1:22.

⁶² 'Expositio in I Corinthios' 6:11.

⁶³ On the authorship, perhaps by Pelagius himself, see B. R. Rees, *The Letters of Pelagius and his Followers* (Woodbridge, 1991): 105–106; de Plinval, *Pélagie*: 41. A contrary view: Morris, «Pelagian Literature», 28–35.

«The faith of all holds that sins are washed away by baptism; but if there is to be sinning thereafter, what does it profit us to have washed it away? Listen to what the Lord says to a man once he had been made well: See, you are well! Sin no more, that nothing worse befall you»⁶⁴.

The baptismal moment formed the hinge on which a Christian life turned. That moment was essential: a willful act of faith. But, as the *Vita Christiana* warned, another action of the will must follow: blamelessness. «This one word suffices», Pelagius wrote to the virgin Demetrias. «How deliberate is a life, how holy is a life which incurs no blame!»⁶⁵ «Blamelessness (*innocentia*) is what commends us to God; guilelessness (*simplicitas*) is what causes us to reign with Christ, as it is written in the psalms: «The blameless and upright have clung to me»⁶⁶. Through that innocence one becomes a Christian. *Christianus est <...> ut breviter multa concludam, qui post baptismi ablutionem alienus est a peccato*⁶⁷. Those who are cleansed must choose to walk blamelessly: *sumus in Christo renati, ut in bonis operibus ambulemus*⁶⁸. What was essential for a man, Pelagius perceived, was indispensable for a king.

Kings, it is true, being scarce before the fall of the Empire, do not occupy much of Pelagius' attention. He does, nevertheless, allude to them. And he refers to the sacrament of their authority: the act of anointing. Kings, prophets and priests, three categories of men uniquely, they rise to their exalted station through anointment: «Holy men and men sufficiently worthy of God have always been anointed», insisted the *Vita Christiana*. «Nor have they been other than prophets or priests or kings. And so great was the mystery of this anointing itself that not all but only a very few were deemed worthy to receive it». All Christians now are kings. «Not only some, as had previously been the case under the law, but all, are anointed among the prophets and priests and kings», so the *Vita Christiana* continued. Orthodox clergy would not have disagreed. *Omnes in Christo regeneratos*, wrote Leo the Great, *efficit reges*⁶⁹. Christians become as kings. Kings become Christian. From the ritual anointing that followed the baptismal ceremony there evolved, eventually, the anointing ritual of Christian kings⁷⁰.

⁶⁴ Rees, *ibid*: 122; PL, 50, col. 398.

⁶⁵ «To Demetrias». Rees, *ibid*: 54; PL, 30, col. 32: *sitis irreprehensibiles et simplices ad omnem morum perfectionum*.

⁶⁶ «On the Christian Life», Rees, *ibid*: 118; PL, 50, col. 394.

⁶⁷ Letter «Honorificentiae Tuae», in Carl Paul Caspari, *Briefe, Abhandlungen und Predigten aus dem zwei letzten Jahrhunderten des kirklichen Altertums und dem Anfang des Mittelalters* (Brussels, 1964): 5.

⁶⁸ «Expositio in Ephesios», 11:10.

⁶⁹ Janet Nelson, «National Synods, Kingship as Office and Royal Anointing: An Early Medieval Syndrome», *Studies in Church History*, 7 (1971): 52; see also Bernhard Welte, *Die postbaptismale Salbung, ihr symbolischer Gehalt und ihre sakramentale Zugehörigkeit nach den Zeugnissen der alten Kirche* (Freiburg im Breisgau, 1939): 11–13, 80.

⁷⁰ Elze, «Le consacrazioni regie», 50–51; Angenendt, «Rex et Sacerdos», 114, 117: «Stellte der postbaptismale Teil der Tauf liturgie einen Ritus dar, den man seiner Struktur nach auch zur

Pelagius, however, went further. One could not wear the regal crown lightly. Peculiarly serious consequences resulted: obligations of blamelessness. The *Vita Christiana* concluded its thought: «By the example of that anointing we are advised as to what sort of men we ought to be, so that in the case of those whose anointing is so holy their behavior may be no less holy»⁷¹. Kinglike Christians received anointment. They must live without blame. What then of authentic kings, anointed *ex officio*?

Pelagius, as noted, wrote no advice to an aspiring king. At the peak of his influence he did address himself to an aspiring individual. He composed his letter to Demetrias. She, daughter of the noblest family, had dedicated herself to virginity. An elaborate ceremony marked her consecration in 413. Jerome, also an epistolary advisor, described the occasion⁷². A royal spirit inhabited the proceedings. All Italy and Africa, said Jerome, rejoiced. The virgin became a regal person. A queenly presence arose: *Astitit regina a dextris Eius, in vestitu deaurata*. The initiate chanted from Solomon's Song: *Introduxit me rex in cubiculum suum*. A choir responded, singing the 44th Psalm, the one text above all associated with the anointing of kings. Demetrias ascended into a purer state of being: *secundus post baptismum gradus*. Such were Jerome's words. In Pelagius' words she rose higher. She assumed «a diadem of royal unguent».

«God has made his universal Church to be without spot or wrinkle, has purified her by washing her with the water of salvation and desires her to become more beautiful day by day, so that, once cleansed of vices and sins, she may be forever adorned with the splendor of virtues. If this is what he requires of his whole Church which contains both widows and brides, how much more, do you think, will he expect of a virgin who seems to have been picked out from all his Church's most brilliant array of decorations like a flower, as it were, of even greater honor. So you must put on all the adornment which will enable you to please Christ <...> and as a decoration for your head keep only what you acquired by the sacrament of unction, when a diadem of royal unguent was placed upon you as a token of the mystery of the kingdom of heaven (*quod acquisivisti Chrismatis sacramento, cum tibi in coelestis regni mysterium diadema quoddam regalis unctionis impositum est*)»⁷³.

Did Demetrias, in this fair facsimile of a royal consecration, renew an act of unction? Jerome does not record it. Pelagius does not state it explicitly⁷⁴. In any case

---

Salbung und Krönung von Königen verwenden konnte... Für die Königssalbung stellen wir fest, dass die postbaptismalen Salbungen in bester Weise geeignet waren, ein Modell zu liefern».

⁷¹ «On the Christian Life», Rees, *Letters of Pelagius*: 108; PL, 50, col. 384–385.

⁷² Jerome, «Ad Demetriadem», PL, 22, col. 1107–1124.

⁷³ Pelagius, «To Demetrias», Rees, *Letters of Pelagius*: 62–63; PL, 30, col. 40.

⁷⁴ His phrase is ambiguous. But it is possible Demetrias did «acquire» an unction specific to the occasion. The public ceremony consecrating virgins was a relatively new phenomenon, its forms still evolving. (See Nathalie Henry, «A New Insight into the Growth of Ascetic Society in the Fourth Century, AD: The Public Consecration of Virgins as a Means of Integration and Promotion of the Female Ascetic Movement», *Studia Patristica*, vol. 35 *Papers Presented at the Thirteenth International Conference on Patristic Studies held in Oxford 1999* (London, 2001):

Pelagius' perception is clear. Those who enter the highest estate are as kings: diademed, anointed. So Pelagius wrote to a quasi-queen, a virgin in queenly model. So he will have written to a factual king, one who wore of necessity the royal adornment, itself the vital, the central pivot of the Pelagian paradigm, the *diadema regalis unctionis*.

Britain, in all the world, provided the only ground where kings can have risen under the influence of a Pelagian paradigm, the pivotal requirement of unction and particularly its harsh imposition of blamelessness. Harsh events, Gildas reports, befell Britain's first, blameworthy kings. Higher commitment, Pelagius insisted, imposes higher obligations: «How much more will He expect!» With that comes a closer and swifter threshold of failure. A threshold, Gildas says, closed swiftly upon Britain's earliest royalty.

Perhaps the most curious, certainly the most disconcerting element of Gildas' account of the first kings lies in his insistence that those rulers were made, that is anointed, and then they were unmade, in fact destroyed, by the same persons who had anointed them: *ab unctoribus*. Two almost offhand words; they relate an astonishing idea. The kings were cruel, Gildas says. Therefore they were removed. Violence attended their downfall. Civil warfare raged afterwards. But they succumbed first to the repudiation of their creators. They were, Gildas says, stripped of their power by their spiritual support, invalidated and destroyed. One is hard pressed in the annals of kingship to find a like case. A similar event, one could say, occurred three centuries later: the repudiation of the Merovingian Childeric III and the elevation of Pepin. Even this does not meet Gildas' example. There the initiative rested with the secular power — Childeric upended by his mayor, a palace coup — the Church merely applying affirmation⁷⁵. Here, Gildas says, the initiative lies with the Church. Anointers anointed kings. The anointers found them unsatisfactory, and removed them for cause. Closer in spirit is Ambrose's chastisement of Emperor Theodosius for bloodletting upon his citizens. But even the Bishop of Milan stopped at excommunication. Gildas himself excoriated sixth-century tyrants and threatened them with God's wrath. He left the deed to God. Only one possibly parallel case comes to mind: the Visigothic King Swinthila, deposed for secular crimes, robbing of the poor, oppression of the nobles. His overthrow was pronounced in 633 by the Fourth Council of Toledo, which council, under the leadership of Isidore of Seville, saluted his replacement, the usurper Sisenand. Yet King Sisenand too had already made good his usurpation, a coup d'état aided by foreign intervention. Isidore and the council

---

102–107.) One significant text, dating from the early sixth century, does observe an act of unction incorporated into the ritual: *ibi probabitur judici a pudicitia vera et <...> pudicitia custodita, uncta vertice, introducatur [virgo] ad nuptias Christi*. René Metz, *La consécration des vierges dans l'Eglise romaine* (Paris, 1954): 109–110.

⁷⁵ Some collusion, it is possible, occurred, as the papacy assisted the prior withdrawal of Pepin's brother Karloman. No one will say, in any case, that the initiative came from the Church, a papal compulsion to destroy an ancient line of kings and inaugurate a new one.

gave their approval after the fact and under evident compulsion, «with a knife to their throats», as one authority has commented⁷⁶.

Gildas' kings are unique. They have committed no apparent sin against the Church. Yet they fall to the Church. Their crimes are like those alleged upon King Swinthila, cruelty and misrule. In Swinthila's case nevertheless the Church quite casually managed to overlook secular misdeeds, until his secular rivals acted. Isidore fawned over Swinthila's benevolence, while he was in power. He commemorated him, prince of the people and the father of the poor⁷⁷, until he needed an excuse to applaud his successor's coup. Gildas' anointers overlooked nothing. They waited for no excuse. Kings proved unsatisfactory: *crudeliores; truciores*. They liquidated them.

So forcefully has this idea struck some historians, a proceeding so improbable, incompatible with the act of spiritual men, that it has provoked disbelief: yet another manifestation of Gildas' inanity. Murderers cannot anoint. Anointers cannot murder⁷⁸. Gildas' words do not amount even to metaphor. They are simply nonsense. «Anointers» signifies bloodstained laymen. They «anointed» only in a sanguineous sense and then «unanointed» operating with a knife⁷⁹. Or shall we invoke a hobgoblin legion of creeping, regicidal, axe-wielding priests?⁸⁰ One historian has tried to square the circle. He invokes a hybrid: true anointing; false anointers. The anointing, he suggests, was real, not metaphorical. The anointers, however, were «not priests» but murderous laymen. Their anointing nevertheless produced «not tyrants» but kings. Lay anointers somehow created legitimate kings illegitimately through an anointing which they could not do⁸¹. And then they killed their kings. Nothing in Gildas' thought requires such desperate conjectures. Priestly *unctores* anointed. They delegated, subsequently, violent deeds (as, a millennium later the Church's Inquisitors did) to the suitably sanguinary hands of others. They, however, gave the green light. Pelagius would have nodded and understood.

In a Pelagian world those anointed had betrayed more than their people or their political enemies. They *did* commit crimes against the Church; against a Church, that is, conceived in the Pelagian model, a small pure body defined by its sinlessness

⁷⁶ «Le couteau sur la gorge, un couteau brandi par le roi usurpateur Sisenand». Reydellet, *La royauté dans la littérature latine*: 550.

⁷⁷ Barbero de Aguilera, «El pensamiento político visigodo», 268–269; Thompson, *The Goths in Spain*: 168–174; Reydellet, *La royauté dans la littérature latine*: 546–551.

⁷⁸ Müller, «Die Anfänge der Königssalbung», 323: «Danach kann es sich m. E. unmöglich um eine religiöse Weihe, eine von liturgischen Amtspersonen — die zu Mördern wurden — vollzogene rituelle Salbung handeln».

⁷⁹ «Deutet man aber 'unctores' als pauschale Bezeichnung für die politisch massgebliche Schicht, die auch — wohl sogar in erster Linie — aus Laien bestand». Prelog, «Sind die Weihesalbungen insularen Ursprungs?» 333.

⁸⁰ «Seria necessario acceptar que los reyes eran precisamente asesinados por los sacerdotes». Barbero de Aguilera, «El pensamiento político visigodo», 309.

⁸¹ Bernard Bachrach, «Gildas, Vortigen, and Constitutionality in Sub-Roman Britain», *Nottingham Medieval Studies*, 32 (1988): 134.

and righteous life, «an institution made up of perfect men»⁸². They transgressed the condition of their anointment. They failed in blamelessness. For that failure, quintessentially Pelagian⁸³, the power that made them broke them. Peter Brown has pointedly noted the unyielding character of Pelagian discipline, its «austere perfectionism» and iron ethic of accountability. «The Pelagians were Late Roman men, to a depressing extent», he concluded. «Reform meant only one thing: reform from the top; yet more laws, sanctioned by yet more horrific punishments. The Pelagians would have reformed the Catholic Church exactly as Vegetius proposed to reform the Roman army – by re-imposing the old discipline: «Corruption and its antidote, Terrorism»⁸⁴. Crooked kings were disciplined, Gildas says. They were terrorized. The antidote: *ab unctoribus trucidabantur*⁸⁵.

What discipline did Pelagius expect of kings? He addressed no letter to a budding king. There were in his vicinity none to address. A few remarks, nonetheless, in his commentaries provide an idea of his thought. Royalty, he indicates, God has instituted to suppress the unrighteous. «The ruler is established by God to judge in righteousness. Thus sinners have reason to fear, should they sin»⁸⁶. Kings sustain the environment, permitting people to pursue blamelessness. «Let kings have subject peoples», he counsels in his commentary on Paul's first letter to Timothy (*ut subiectas habeant gentes*), «for in the kings' peace resides our rest and tranquility; and if they be Christian kings, all care of persecution and distress will fall away from us»⁸⁷. Christian rulers must perform this vital task, without which Christianity itself will fail. If they do not perform it, they are neither Christians nor kings: «For what does it profit you to be called what you are not and to appropriate to yourself a name which belongs to others?»⁸⁸ Failure in this matter, as by being thuggish – *crudelis, truculentus* – makes forfeit the name of kingship. «Who is so vain», wrote the *Vita Christiana*, «and so wretched as to dare to declare himself to be an advocate, when he is illiterate <...> to declare himself to be a soldier, when he does not know how

⁸² Brown, *Augustine of Hippo*: 348.

⁸³ See Robert Evans, *Pelagius, Inquiries and Reappraisals*: 119; Myers, «Pelagius and the End of Roman Rule in Britain», 27–28.

⁸⁴ Peter Brown, «Pelagius and his Supporters», 111.

⁸⁵ Pelagius derived much favored wisdom from the popular aphorisms of the «Sentences of Sextus' Among other items of interest in that compilation of dicta, his disciples will have noticed some instructive recommendations concerning tyrants: *corporis quidem habet potestatem et leo similiter et tyrannus*; concerning oppressive tyrants: *grandis impietas in deum hominem affligere*; on the propriety of punishing oppressive tyrants or other unsatisfactory rulers: *iniustum si iniubeas agere iniuste, hoc est secundum deum punire*. Henry Chadwick, ed., *The Sentences of Sextus: A Contribution to the History of Early Christian Ethics* (Cambridge, 1959): nos. 63, 96, 363b. On Pelagius' fondness for these maxims, see Evans, *Pelagius, Inquiries and Reappraisals*: 48–65.

⁸⁶ Text: de Bruyn, *Pelagius's Commentary on St. Paul's Epistle to the Romans*, 13:1, p. 137.

⁸⁷ «Expositio in I Timotheum» 2:2. Text: Robinson, *Pelagius's Expositions of Thirteen Letters of St. Paul*, p. 479.

⁸⁸ «On the Christian Life» Rees, *Letters of Pelagius and his Followers*: 108.

to wield arms? No one is assigned to any name whatever without due cause; to be a cobbler it is necessary to produce shoes... There is no name without an act but every name comes from an act»⁸⁹. So much for false cobblers. What then of a false king, who proves himself by act unfit for the name? Logically, he ceases to be king, as a Christian unfit ceases to be Christian⁹⁰.

«Do you consider him a Christian in whom there is no Christian act, in whom there is not righteous conduct, but evil, ungodliness and crime? Do you consider him a Christian who oppresses the wretched, who burdens the poor <...> who feeds on others' tears?»⁹¹

Pelagius, assuredly, did not invent the idea that a king deserving of the name ought to act appropriately. The notion appears in Augustine, in Gregory the Great, and through him in Isidore of Seville: *Recte igitur faciendo regis nomen tenetur, peccando amittitur. Unde et apud veteres tale erat proverbium: Rex eris si recte facias, si non facias non eris*⁹². The sentiment is commonplace. It reads well. Isidore no doubt was pleased with its expression. Seldom, if ever, did churchmen non-Pelagian translate the proverbial dictum into act. Isidore himself recoiled from the removal of faulty kings. Cruel kings, he said, should rather be endured: «Kings, when they are good, it is of God's gift; when they are bad, it is of the people's sin»⁹³. In fifth-century Britain, if we accept Gildas' words, there was no exculpatory hesitation. Anointed kings were removed with unsettling rapidity, by their very anointers, because they had failed to justify their name by their act. Isidore's churchmen at Toledo invalidated King Swinthila «with a knife to their throats». Gildas' anointers handed a knife to eagerly-awaiting cut-throats. A peculiarly Pelagian fate engulfed Britain's earliest kings.

«Pelagianism» in fifth-century Britain remains a shadowy force. We wish in no way to exaggerate it. But it existed. It was a force. It was sufficient to be remarked upon at the time, and to send Germanus on at least one voyage across the water. Perhaps it was not sufficient to command the obeisance of would-be kings, or to set them kneeling in receipt of anointment. It sufficed to discommode the establishment. It caused orthodox churchmen anxiety. It may have made them anxious to purloin, if possible, to incorporate promising or popular Pelagian ideas. This particular idea, moreover, a spot of unction, will not have seemed unthinkable to the orthodox mind, if would-be kings approached in search of a blessing.

⁸⁹ Ibid, 112. Similarly «Honorificentiae Tuae»: *vehementer enim errat, quisque putat se rem aliquam iam obtinuisse si eius obtineat nomen, cum nomen rei, non res nomini, debeatur*. Caspari, *Briefe*: 5.

⁹⁰ See Kessler, *Reichtumskritik*: 172–173.

⁹¹ «On the Christian Life» Rees, *Letters of Pelagius and his Followers*: 119.

⁹² *Etymologiae*, 9:3.

⁹³ *Reges quando boni sunt muneris est Dei, quando mali sceleris est populi*. See Reydellet, *La royauté dans la littérature latine*: 577–579; Barbero de Aguilera, «El pensamiento político visigodo», 265–266.

Only a few decades after Gildas' report, Clovis submitted himself to the hands of the Church. Clovis, needless to say, was king before his baptism. Nor did the application of oil to Clovis' person, the customary post-baptismal unction, announce a royal consecration⁹⁴. The ceremony did announce spiritual validation of royal pretension. God's warrant rested upon the king. Avitus of Vienne pointed out the fact in his congratulatory letter addressed to Clovis, now «the most prosperous of kings» (*regum florentissimus*): «As you yourself believe, most prosperous of kings, the softness of that [baptismal] clothing will cause, it will cause, I say, from now on the hardness of your armor to be all the more effective; whatever good luck has offered you in the past, holiness will now provide»⁹⁵. Clovis, at the end of the 5th century, anticipated tangible benefits («as you yourself believe») from an ecclesiastical endorsement⁹⁶. What king earlier in that same unsettled time — perhaps only a generation before Clovis' act — a newly-minted royal, without pedigree, struggling in an upended political world, would not happily have supplemented his luck with an additional layer of armored plating?

Unique conditions confronted the first kings in Britain: a political vacuum; the need to shore up confused authority; religious controversy. One other factor contributed to the situation. Christianity also needed a helping hand. The Church, that is, required a handclasp, security and stability. Thus some authorities have interpreted the evidence. The late 4th century initiated a staggering period of decline: «Without the support of the Roman administration and the Roman army, Christianity withered and all but died on the vine»⁹⁷. Cities depopulated. Rustics remained rooted to traditional beliefs⁹⁸. Christianity's clientele in Britain found its institutional framework slipping away⁹⁹. We will be wary of adopting this picture unquestioningly. Other observers have perceived a situation less dire¹⁰⁰, or even improving¹⁰¹. Even upbeat assessments, nonetheless, leave Christianity in a delicate

⁹⁴ Victor Saxer, «Les rites du baptême de Clovis dans le cadre de la pratique paléochrétienne», in Michel Rouche, ed., *Clovis. Histoire et mémoire, I, Le baptême de Clovis, l'événement* (Paris, 1997): 229.

⁹⁵ Avitus of Vienne, MGH, AA, vol. VI: 75–76. *Faciet, sicut creditis, regum florentissime, faciet inquam indumentorum ista mollities, ut vobis deinceps plus valeat rigor armorum, et quicquid felicitas usque hic praestiterat addet hic sanctitas*. See Danuta Shanzer and Ian Wood, *Avitus of Vienne: Letters and Selected Prose* (Liverpool, 2002): 372. We have diverged somewhat from their translation.

⁹⁶ See Reydellet, *La royauté dans la littérature latine*: 98–99.

⁹⁷ Dorothy Watts, *Religion in Late Roman Britain. Forces of Change* (New York and London, 1998): 64; see also by the same author, *Christians and Pagans in Roman Britain* (London and New York, 1991): 209–227.

⁹⁸ Thompson, *St. Germanus and the End of Roman Britain*: 19; W.H.C. Frend, «Ecclesia Britannica: Prelude or Dead End?» *Journal of Ecclesiastical History*, 30 (1979): 131–141.

⁹⁹ Michael E. Jones, *The End of Roman Britain* (Ithaca, 1996): 176–185, finds a Church weakly implanted, unpopular and sapped by heresy.

¹⁰⁰ E. g., Charles Thomas, *Christianity in Roman Britain to AD 500* (Berkeley, 1981).

¹⁰¹ R.P.C. Hanson, «Summary and Prospect», in R. P. C. Hanson and M. W. Barley, eds., *Christianity in Britain 300–700. Papers Presented to the Conference on Christianity in Roman and*

condition¹⁰². One recalls the lament of Hydatius writing «from the world's edge» in Galicia in 469: «The shameful state of the ecclesiastical order, beset by disordered ordinations, the ruin of honorable freedom and practically the downfall of all religion and the discipline of the faith brought on by the fury of maddened peoples»¹⁰³. In such circumstances, leaders of a floundering faith will have felt keenly the desire to advance at the side of any promising political pretender who pledged safety and support. There emerged yet one more stimulus, one more motive to forge a symbiotic compact, a bonding of neophyte kings and a nurturing Church.

***

Ungebantur reges, says Gildas. A combination of circumstances in fifth-century Britain supports the accuracy of his saying. There was an unprecedented upwelling of an unprecedented crop of kings, kings ill-supplied with the credentials of kingship. They discovered a common interest with a Church hierarchy still clawing its way out of a wrenching period of depression. Pelagian influence, instinct with the idea of willful self-reformation directly dependent on an act of unction, the «diadem of royal unguent», percolated through the island. Orthodox opinion meditated upon the utility of royal anointing. The pieces were in place. Why should a practical demonstration not have occurred? A practical demonstration occurred to Visigoths two centuries later, without reported fanfare.

King Wamba offers the first undisputed record of a royal anointing, preserved for us in Julian of Toledo's panegyric *Historia Wambae Regis*, in 672. Wamba, Julian's protagonist, fits the model: a contested ruler with a wobbly title, lifted from among his peers, facing the certainty of rebellion. He emerges an indefatigable warrior sustained by the spirit of God: «A transformation of the man, brought about by the sacred power of unction»¹⁰⁴. From that moment Wamba's authority rests under a «banner of unction»: *sacrae unctionis vexilla*. He insists on a proper anointing, «so that it would not be thought that, moved by a frenzied desire to reign, he had usurped or stolen rather than obtained from God the sign of such great glory». As Bishop Quiricus of Toledo applied the unction onlookers observed smoke encircling the royal head and a bee ascending, «which was certainly an omen of some future prosperity»¹⁰⁵. Wamba consummated his victory over the rebels. The army

---

Sub-Roman Britain held at the University of Nottingham, 17–20 April, 1967 (Leicester, 1968): 209; Dark, *Britain and the End of the Roman Empire*: 18–20, 117–125.

¹⁰² Snyder, *Age of Tyrants*: 237. See also Philip Rahtz and Lorne Watts, «The End of Roman Temples in the West of Britain», in P.J. Casey, ed., *The End of Roman Britain. Papers Arising from a Conference, Durham, 1978* (Oxford, 1979): 183–184.

¹⁰³ Hydatius, *Chronicon*, Praefatio, 7: *Deformem ecclesiastici ordinis statum, creationibus indiscretis, honestae libertatis interitum et universae propemodum in divina disciplina religionis occasum*.

¹⁰⁴ Joaquin Martínez Pizarro, *The Story of Wamba. Julian of Toledo's Historia Wambae Regis* (Washington, 2005): 123.

¹⁰⁵ *Ibid.*, 182–184.

hailed him «God-chosen king». Wamba's rival, the usurper Paul, gathering his forces at Narbonne, deployed the same standard: *Flavius Paulus unctus rex orientis*. In the turbulent late Visigothic kingdom kings took shelter under the *vexilla unctionis*. Will it have been otherwise for Elafus or his anonymous brethren?

An axiom, logic insists, can survive only a minimum of uncertainty. Uncertainty reigns over events in fifth-century Britain. Over uncertain events, nevertheless, we may establish a certain measure of plausibility. John Morris, who understood the sources, their limitations and their potential, wrote: «We can distinguish the probable from the possible and the unlikely, isolate the extremes of the virtually certain and virtually impossible, and weigh the degrees of probability in between»¹⁰⁶. It appears not simply possible but plausible that the first experiments in royal anointing occurred in that transitional time. What time was it? No two chronologies of sub-Roman Britain agree on a sequence of events. One credible, though by no means sure, timetable has been drawn up by David Dumville¹⁰⁷. By its measure the day of anointing will have dawned in the years soon after 450. A final appeal for outside intervention, the «letter to Aëtius», produced no response. Barbarian incursions subsided. Islanders turned inward, and to their own leadership. Those leaders, invested with an authority of bastard pedigree, arranged for themselves a sign of legitimacy, as did the pretender Paul at Narbonne: *unctus rex*. Is that conclusion sure? Surely not. Does it deserve a nod in the direction of verisimilitude? Silence alone offers an objection.

History, Cervantes joked, is Truth; Truth is God: *La historia es como cosa sagrada; porque ha de ser verdadera, y donde está la verdad está Dios*¹⁰⁸. Gildas was not God. Nor was he the Devil. Metaphor, it may be, was his weakness. «Language is called the Garment of Thought: however, it should rather be, Language is the Flesh-Garment, the Body, of Thought», Thomas Carlyle wrote. «Imagination wove this Flesh-Garment: and does not she? Metaphors are her stuff»¹⁰⁹. How can we know when Gildas' flesh-garment has drifted into metaphor, drifting so softly we cannot even be sure we have entered metaphor's enchanted realm?

Our metaphor, presumably, rests on allusion to Samuel and Saul, notwithstanding Samuel and Saul are not mentioned in the metaphor. Samuel at least does appear in Gildas' thought. He introduces an undoubted allusion in cap. 38. «Behold!» he declaims, with absolutely no resort to subtlety. «Behold! There comes to our mind Samuel»: *En primus occurrit nobis Samuel*. He belabors the matter with a long, obsessive description of Samuel (*iussu dei legitimi regni stabilitor, deo antequam nasceretur dedicatus, a Dan usque Bersabee omni populo Israhel veridicus propheta, signis indubitanter admirandis notus, ex cuius ore spiritus sanctus cunctis mundi potestatibus*

¹⁰⁶ John R. Morris, «The Literary Evidence», in Hanson and Barley, *Christianity in Britain 300–700*: 55.

¹⁰⁷ David Dumville, «The Chronology of the *De Excidio Britanniae*, Book I», in Lapidge and Dumville, *Gildas: New Approaches* (Woodbridge, 1984): 83.

¹⁰⁸ Cervantes, *Don Quixote*: Part 2, Chapter 3.

¹⁰⁹ Thomas Carlyle, *Sartor Resartus*, Book First, Chapter XI.

intonuit) as if he were afraid readers might not recognize the reference. He slings the subject back to modern times (*Quid ergo simile huius temporis sceleribus?*) so there can be no misunderstanding. All this occurs well after he has already, without forewarning — so proponents of metaphor assure us — slipped in the same reference, ever so subtly, to the same idea. In one passage Gildas speaks with all the refinement of a sledgehammer. In the other he insinuates his allusion with diabolical delicacy, an imprint so guarded as to elude inattentive or literal-minded readers, and guaranteed to mislead the rest.

If not metaphor, perhaps ignorance was Gildas' weakness, ignorance coupled with a vivid imagination. He knew nothing about what he wrote but he enjoyed writing it anyway. Thomas Carlyle knew a thing or two about history, the futility of trying to uncover certainty in history, «the long burial-aisle of the Past, where only winds, and their low harsh moan, give inarticulate answer». Is Gildas' remark inarticulate, humbug in the wind? Because he fabricated some facts we assume he fabricated others, those, that is, we choose not to believe. Evidence for belief, say the skeptics, is lacking. Evidence, pardon us, needs to come from the skeptics. One cannot without proof prove a negative. Yet that is the verdict, *res judicata*:

«Over the past century scholars have rejected the historicity of Gildas' statement. It occurs amidst a florid rhetoric, and seems to be no more than a metaphorical image of Old Testament dictum. The evidentiary basis for a revision of that interpretation is not advanced»¹¹⁰.

«Most scholars» reject Gildas' words. Why? They do. His words «seem to be» a use of metaphor. Why? They seem so. «Evidentiary basis» for a new interpretation is not advanced. The old interpretation evidently needs no evidentiary basis. We do not, in any case, advance a new interpretation. We ask why the words require interpretation. Most scholars think they do. Most scholars may well be right. We make no claim of certainty. Most scholars owe at least a reason for theirs. Suppose, let us say, Julian of Toledo's work survived only in tatters. No shred preserved the story of King Wamba's anointing, bees buzzing, smoke rising, etc. But in one fortuitous fragment we read that an obscure usurper called himself *unctus rex*. Consensus would no doubt dismiss it: un-confirmable, sarcasm most likely, a casually-biblical reminiscence. Assumption based on no evidence dismisses the only evidence for lack of corroborating evidence.

References / Список литературы

Angenendt A. Rex et Sacerdos. Zur Genese der Königssalbung // N. Kamp, J. Wollash, eds. Tradition als historische Kraft. Berlin, 1982.

Bachrach B. Gildas, Vortigen, and Constitutionality in Sub-Roman Britain // Nottingham Medieval Studies. 1988. 32.

Bloch M. Les rois thaumaturges. Etude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Paris, 1983.

Bouman C.A. Sacring and Crowning. The Development of the Latin Ritual for the Anointing of Kings and the Coronation of an Emperor before the Eleventh Century. Gröningen, 1957.

¹¹⁰ These words we cite again from the comments of an anonymous reviewer.

- Breeze A.* Elafus the Briton, St. Germanus, and Bede // *Journal of Theological Studies*. n.s. 2002. 53.
- Brown P.* Augustine of Hippo: A Biography. Berkeley, 1969.
- Brown P.* Pelagius and his Supporters: Aims and Environment // *Journal of Theological Studies*. n.s. 1968. 19.
- Cantor N.* Medieval History: The Life and Death of a Civilization. New York, 1964.
- Caspari C. P.* Briefe, Abhandlungen und Predigten aus dem zwei letzten Jahrhunderten des kirklichen Altertums und dem Anfang des Mittelalters. Brussels, 1964.
- Chadwick H. (ed.)* The Sentences of Sextus: A Contribution to the History of Early Christian Ethics. Cambridge, 1959.
- Dark K. R.* Civitas to Kingdom: British Political Continuity, 300–800. Leicester, 1993.
- Davis R. H. C.* A History of Medieval Europe from Constantine to Saint Louis. London, 1988.
- Davis W.* Wales in the Early Middle Ages. Leicester, 1982.
- de Aguilera A. B.* El pensamiento político visigodo y las primeras unciones en la España medieval // *España. Revista española de historia*. 1970. 30. P. 304–309.
- Dumville D.* The Idea of Government in Sub-Roman Britain // G. Ausenda, ed. *After Empire: Towards and Ethnology of Europe's Barbarians*. Woodbridge, 1995.
- Ellard G.* Ordination Anointings in the Western Church before 1000 A. D. Cambridge, Mass., 1933.
- Enright M. J.* Iona, Tara and Soissons: The Origin of the Royal Anointing Ritual. Berlin; New York, 1985.
- Evans R. F.* Pelagius, Inquiries and Reappraisals. New York, 1968.
- Hilsch P.* Das Mittelalter — die Epoche. Konstanz, 2006.
- Jones M. E.* The Historicity of the Alleluja Victory // *Albion*. 1986. 18.
- Kantorowicz E.* *Laudes Regiae. A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship*. Berkeley, 1958.
- Kerlouégan F.* Le latin du De Excidio Britanniae de Gildas // M. W. Barley, R. P. C. Hanson, eds. *Christianity in Britain, 300–700. Papers Presented to the Conference on Christianity in Roman and Sub-Roman Britain held at the University of Nottingham, 17–20 April, 1967*. Leicester, 1968.
- Kessler A.* Reichtumskritik und Pelagianismus: Die pelagianische Diatribe «de divitiis»: Situierung, Lesetext, Übersetzung, Kommentar. Freiburg, 1999.
- Kottje R.* Studien zum Einfluss des Alten Testaments auf Recht und Liturgie des frühen Mittelalters (6.–8. Jahrhundert). Bonn, 1964.
- Lapidge M.* Gildas' Education and the Latin Culture of Sub-Roman Britain // M. Lapidge, D. Dumville, eds. *Gildas: New Approaches*. Woodbridge, 1984.
- Lemarignier J.-F.* La France médiévale, institutions et société. Paris, 1970.
- Lot F.* De la valeur historique du De Excidio de Gildas // *Medieval Studies in Memory of Gertrude S. Loomis*. Paris — New York, 1927.
- Maskell W.* *Monumenta Ritualia Ecclesiae Anglicanae: The Occasional Offices of the Church of England according to the Old Use of Salisbury the Prymer in English and other Prayers and Forms, with Dissertations and Notes*. Vol. 2. Oxford, 1882.
- McKittrick R.* The Early Middle Ages: Europe 400–1000. Oxford, 2001.
- Metz R.* La consécration des vierges dans l'Eglise romaine. Paris, 1954.
- Morris J.* Pelagian Literature // *Journal of Theological Studies*. n.s. 1965. 16.
- Müller E.* Die Anfänge der Königssalbung im Mittelalter und ihre historisch-politischen Auswirkungen // *Historisches Jahrbuch*. 1938. 58. S. 322–327.
- Myres J. N. L.* Pelagius and the End of Roman Rule in Britain // *Journal of Roman Studies*. 1960. 50.
- Petts D.* Christianity and the End of Roman Britain // P. Baker et al., eds. *Theoretical Roman Archaeology Conference. Proceedings of the 8th Annual TRAC, University of Leicester, April, 1998*. Oxford, 1999.
- Pizarro J. M.* The Story of Wamba. Julian of Toledo's Historia Wambae Regis. Washington, 2005.
- Plinval G. de.* Pélage, ses écrits, sa vie et sa réforme. Etude d'histoire littéraire et religieuse. Lausanne, 1943.
- Prelog J.* Sind die Weihesalbungen insularen Ursprungs? // *Frühmittelalterliche Studien*. 1979. 13. S. 325–334.
- Rahz Ph., Watts L.* The End of Roman Temples in the West of Britain // P. J. Casey, ed. *The End of Roman Britain. Papers Arising from a Conference, Durham, 1978*. Oxford, 1979.
- Reydellet M.* La royauté dans la littérature latine de Sidoine Apollinaire à Isidore de Séville. Rome, 1981.
- Sánchez-Albornoz C.* La «ordinatio principis» en la España goda y postvisigoda // *Cuadernos de la Historia de España*. 1962.
- Saxer V.* Les rites du baptême de Clovis dans le cadre de la pratique paléochrétienne // Michel Rouche, ed. *Clovis. Histoire et mémoire, I, Le baptême de Clovis, l'événement*. Paris, 1997.

- Snyder C.A.* An Age of Tyrants: Britain and the Britons, AD 400–600. University Park, 1998.
- Stevens C.E.* Gildas Sapiens // English Historical Review. 1941. 56.
- Strayer J.* Western Europe in the Middle Ages: A Short History. New York, 1955.
- Thompson E.A.* Gildas and the History of Britain // Britannia. 1979. 10.
- Vitolo G.* Medioevo. I caratteri originali di un'età di transizione. Milan, 2000
- Watts D.* Christians and Pagans in Roman Britain. London; New York, 1991.
- Watts D.* Religion in Late Roman Britain. Forces of Change. New York; London, 1998.
- Welte B.* Die postbaptismale Salbung, ihr symbolischer Gehalt und ihre sakramentale Zugehörigkeit nach den Zeugnissen der alten Kirche. Freiburg im Breisgau, 1939.
- Winterbottom M.* Gildas: The Ruin of Britain and Other Works. Chichester, 1978.
- Zimmermann M.* Les sacres des rois wisigoths // M. Rouche, ed. Clovis: histoire et mémoire, 2, le baptême de Clovis, son écho à travers l'histoire. Paris, 1997.

G. Schmoock

«...der Russe fügt sich leichter, wenn man ihn in seiner Sprache anredet».

Zur Bedeutung der russischen Wörterbücher und Dolmetscher im deutschsprachigen Raum 1813–1815

Mit nachfolgenden ausgewählten Erkenntnissen aus meinen bisherigen Untersuchungen zu russischen Wörterbüchern und Dolmetschern aus der Zeit der Napoleonischen Kriege (1799–1815) möchte ich die begonnene wissenschaftliche Diskussion zu dieser Thematik bereichern.

Die zeitliche und inhaltlichen Konzentration auf den Zeitraum 1813 bis 1815 sowie auf die Bedeutung dieser Sprachbücher als wichtige interkulturelle Zeugnisse der Alltagsgeschichte der deutschen Bevölkerung soll zugleich eine Würdigung des 200. Jahrestages des konkret-historischen Hintergrundes der russischen Verständigungshilfen ab 1813 sein: die Befreiungskriege in Deutschland und der Anteil russischer Armeeangehöriger am Sieg gegenüber Napoleon.

Ende Januar 1813, nachdem russische Truppen auf deutsches Gebiet vorstießen, verlagerten die russischen Dolmetscher und Sprachbücher ihre konzeptionelle Ausrichtung vom «Tornister- und Soldatenwörterbuch» auf die Bedürfnisse der von den Kriegsfolgen betroffenen Bevölkerung.

Mit dieser Zielstellung entstanden viele neue russische Dolmetscher. Aber auch bisherige erschienen weiter, entsprechend den neuen interkulturellen Bedürfnissen leicht verändert oder ergänzt. So wurde z.B. der «Russische Dolmet-

scher» von W.C. v. H., der 1812 ursprünglich «den nach Norden marschirenden Kaiserlich Königlich Französischen und verbündeten Armeen gewidmet»¹ war, natürlich ohne diesen Zusatz durch «...eine Nachricht über das russische Militär als Anweisung zur Behandlung desselben für Hauswirthe bei Einquartierungen» erweitert. Auch ein Hinweis auf die «französische Mundart» sowie der französischen Paralleltitel fehlte². Den Einsatz dieses Wörterbuches im Russlandfeldzug nutzte der Verlag werbemäßig, indem er darauf hinwies, «dass dieser Dollmetscher, <...> der brauchbarste und vollständigste ist, wie der längere Gebrauch schon in entfernteren Gegenden bewiesen hat»³.

Exakt dieses Sprachbuch von W. C. v. H. wurde Anfang 1813 in Berlin durch F.C. Amelang unter neuem Titel vermarktet: «Russischer Dolmetscher für den Bürger und Landmann, worin die nothwendigsten russischen Wörter, Gespräche und Zahlen enthalten sind, wie solche nach der deutschen Mundart ausgesprochen werden müssen»⁴.

Beide genannten russischen Verständigungshilfen gehörten damit zu den ersten, die im Januar 1813 in Berlin angepriesen wurden und auf den Vormarsch der Russen reagierten. Auch aus eigenen Dolmetschern früherer Koalitionskriege stellten manche Buchhändler, wie Dreyssig in Halle, aus jeweils aktuellem Anlass «neue» Verständigungshilfen zusammen. Deshalb konnte dieser wie bereits 1812 auch Anfang 1813 sehr schnell auf neue Anforderungen reagieren, genauso wie die Leipziger Buchhändler Klein und Cnobloch, denen Dreyssig diese Materialien zu deren Verwendung zu Verfügung stellte⁵.

Die deutschen Verlagsorte der russischen Sprachführer hatten bei allen Veröffentlichungen seit 1799 stets einen konkreten Bezug zum jeweiligen Kriegsverlauf; seit 1813 verschoben sie sich parallel mit den Hauptstoßrichtungen der russischen Truppen von Ost nach West. Das Phänomen der Dolmetscher war nicht nur auf das deutschsprachige Gebiet beschränkt: es begleitete die verbündeten Truppen

¹ Siehe Anzeige des Industrie-Comptoirs Leipzig in der Leipziger Zeitung No. 105 vom 1 Juni 1812, S. 1132: «Bey uns ist folgendes, für die jetzigen Zeitverhältnisse besonders zu empfehlende Werkchen erschienen: Russischer Dolmetscher, worin die nothwendigsten Russischen Worte, Gegenstände und Zahlen, wie solche nach der französischen und deutschen Mundart ausgesprochen werden müssen, enthalten sind; den nach Norden marschirenden Kaiserlich- Königlich Französischen und verbündeten Armeen gewidmet, von W.C.v.H., Taschenformat, Preis 4 gr. broschirt.» (zusätzliche Nennung des französischen Titels «Interprète Russien..., par W.C.de H.»)

² W.C.v.H., Russischer Dolmetscher, worin die nothwendigsten Russischen Worte, Gegenstände und Zahlen, wie solche nach der französischen und deutschen Mundart ausgesprochen werden müssen, enthalten sind. Nebst einer kurzen Nachricht über das russische Militair als Anweisung desselben für Hauswirthe bei Einquartierungen, Industrie-Comptoir. Leipzig, 1813.

³ Leipziger Zeitung No. 34. 17.02.1813. S. 342. Auf diesen inhaltlich-konzeptionellen Wechsel hat F. Otten in seinem Beitrag in «Bibliothek und Medien» Otten 2012. S. 6 anhand eines Annoncenvergleiches zu einem Dolmetschers im Wochenblatt Langensalza im Januar und Februar 1813 bereits hingewiesen.

⁴ Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen No..11. vom 26.01.1813.

⁵ Siehe Protokoll der Durchsuchung und Befragung des Buchhändlers Dreissig v. März 1813 – Archiv Geheimes Staatsarchiv Berlin.

letztendlich bis nach Paris; es gab russische Dolmetscher in den Niederlanden, in Belgien, sowie in der Schweiz⁶, durch die – deren Neutralität verletzend – die Armeen Richtung Paris zogen, und in Frankreich selbst. Wenn man bedenkt, dass dann auch deutsche Soldaten Seite an Seite mit den Russen und Österreichern in die jeweiligen Länder einzogen, ist die Herausgabe eines «Kleinen Flämisch-deutsch-russischen Wörterbuches» im belgischen Brügge Anfang 1814 sowie weiterer derartiger Verständigungshilfen nur folgerichtig⁷.

In Deutschland wurden die Dolmetscher bereits vor dem Eintreffen der russischen Armee durch Anzeigen in der lokalen Presse beworben und durch den örtlichen Buchhandel angeboten. Leipzig, das damals den Buchhandel und das Verlagswesen in Deutschland prägte, erwies sich neben Berlin und Halle als dominierender Verlagsort. Einige dieser Veröffentlichungen wurden auch direkt in Russland gedruckt und parallel in deutschen Verlagen herausgegeben. So wurde der in St. Petersburg 1813/1814 bei Pluchart verlegte «*Kleine(r) russische(r) Dollmetscher für die Deutschen; Enthaltend die nothwendigsten Wörter und Gespräche*» von N. C. Kreye, 1814 auch bei der Pluchart-Dependance in Braunschweig unter dem Titel «*Kleiner russischer Dollmetscher für die Deutschen. Dritte umgearbeitete Auflage mit dem russischen Originaltexte*» herausgebracht⁸.

Die russischen Dolmetscher und Sprachführer der Napoleonischen Kriege waren als in der Regel kleinformatige Broschüren (vor allem im Oktav-Format) drucktechnisch als Massenware angelegt und zu einem relativ günstigen Preis zu haben. Sie waren in der Regel zwei-, seltener auch dreisprachig. Die Transkription der russischen Wörter erfolgte nach Gutdünken der jeweiligen Autoren meist mit lateinischen Buchstaben, was man «für denjenigen, der sich dem Rußen nur durch Töne und Ausdrücke begreiflich machen will...» als ausreichend erachtete⁹. Die Bezeichnungen

⁶ Einer der in der Schweiz gedruckten russischen Wörterbücher jener Zeit ist: Dollmetscher 1814 (Basel).

⁷ *Croiset van de Koop*, 1913 – die Autorin nannte in ihrer Artikelfolge insgesamt 9 niederländisch-russische Dolmetscher und ein dreisprachiges Wörterbuch, das in Belgien herauskam und die deutsche Sprache einbezog: *Kleyn woorden-boeksen vlaemsch, dytsch en russisch, inhoudende de meest-gebruykte worden en kleyne spreek-wyzen, dienende om zig te vertaen met de Russen en Dytsche.*, Brugge, by E.-J. Terlinck, 8, 14 S.

Interessant ist, dass die in Holland und Belgien erschienenen Wörterbücher offensichtlich oberflächliche Übersetzungen in Deutschland erschienener Verständigungshilfen darstellten. Im Gegensatz zu diesen sind sie jedoch außerhalb Deutschlands stets einige Tage **nach dem Einmarsch** der verbündeten Armeen erschienen!

⁸ Auf Kreye oder einen anderen Autor, die ihren damaligen ständigen Aufenthaltsort im russischen Hoheitsgebiet hatten, weist die Tatsache hin, dass mancher Titel auch nach 1815 in Russland selbst weitere Auflagen erlebte, siehe Dollmetscher 1819 (St. Petersburg); Dollmetscher 1839 (St. Petersburg) und Dollmetscher 1864 (Moskau). Auch außerhalb Russlands hinterließ Kreyes Dollmetscher seine Spuren: John Christoph Frenckell veröffentlichte 1814 in Abo seinen Sprachführer «*Rysk Tolk för Swenskar... Abo, 1814*»; «...his parleur itself is a translation of the third edition of the *Russischer Dollmetscher für Deutsche* by N. C. Kreye (1813)». Siehe: *Janhunen*, 2008. S. 88, 94.

⁹ Rußland, 1813. S. 7.

«Nothelfer», «Not- und Hilfsbuch» (heute würde man sagen: Praktische Ratgeber) und vor allem «Dolmetscher» entsprachen der Erwartungshaltung der potenziellen Abnehmer. Wegen der großen Konkurrenz versuchte manch Autor oder Verleger sich durch werbewirksame Zusätze, wie «Neuer», «Ausführlicher» «Vollständiger», «Besserer» etc. von anderen abzugrenzen.

Bibliographisch erschwerend kommt hinzu, dass einige Dolmetscher sich aus mehreren Bestandteilen zusammensetzten, die auch als eigenständige Sprachbücher (manchmal zeitversetzt) einzeln verkauft wurden. Über die Jahre hinweg ist in manchen Bibliotheken und Bibliographien dieser Gesamtbezug dann verloren gegangen¹⁰.

So hatte beispielsweise der Leipziger Verlag E. Klein 1813 die drei Werke «*Erste Anfangsgründe zur Erlernung der russischen Sprache oder deutsch-russisches ABC-Buch*» (3 Groschen); «*Neuester russisch-deutscher Dolmetscher; 1. Heft*» (2 Gr.) und «*Neuester russisch-deutscher Dolmetscher; 2. Heft*» (2 Gr.) entweder einzeln oder aber unter dem Titel «*Neuester russisch-deutscher Dolmetscher; mit ABC-Buch, als großer Dolmetscher*» im Komplex verkauft. «*Diese 3 Hefte zusammen als großer Dolmetscher, 6 Gr.*»¹¹

Von Thomas Szumski 1813 in Posen herausgebrachtem Russischen Selbstlehrer, der sowohl eine Grammatik, als auch Redensarten und Gespräche sowie ein zweisprachiges «*Vokabulär*» umfasste, wurden sowohl die Redensarten als auch das Wörterverzeichnis auch einzeln vermarktet¹².

Der Schwerpunkt der Veröffentlichungen derartiger russischer Verständigungshilfen liegt eindeutig in den Jahren 1813–1814. Baumann nannte in seiner Habilitationsschrift 1969 für den gesamten Zeitabschnitt der Napoleonischen Kriege insgesamt 72 «deutschsprachige Lehrmittel des Russischen», wovon allein auf den Zeitraum 1813/1461 entfielen¹³. Nach meinen bisherigen Recherchen kann man durchaus von einer doppelten Anzahl der in beiden Zeitabschnitten herausgebrachten russischen Wörterbücher und Dolmetscher ausgehen!

Der Bedarf der Bevölkerung an diesen Sprachbüchern muss riesig gewesen sein. Bellermanns «*Kleine Sammlung der nothwendigsten Russischen Wörter und Redensarten nach ihrer Aussprache und deutsch erklärt*» wurde in den Berlinischen Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen am 11. Februar 1813 das erste Mal angezeigt;

¹⁰ *Kusnetzows* Dolmetscher – Kusnetzow 1813 – ist zeitversetzt in zwei Teilen (Abteilungen) erschienen und dabei gibt es besonders bei dem russischen Teil «*Samyj novyj rossijskij perevodčik...*», wenn er in Bibliotheken einzeln überliefert wurde, wie in Freiberg und Dresden Zuordnungsprobleme, die oftmals mit einer zeitlich unkorrekten Katalogserfassung einher gehen. Auch der Dolmetscher als Ganzes wird oft zeitlich später als 1813, wo er definitiv erschien, eingeordnet!

¹¹ Dieses Wörterbuch geht offensichtlich auf Johann Adolph Erdmann Schmidt als Verfasser zurück; siehe auch den entsprechenden Hinweis im Allgemeinen Anzeiger der Deutschen No. 230, Gotha vom 28. Sept. 1814, S. 2479.

¹² *Szumski*, 1813.

¹³ *Baumann*, 1969. In diese Kategorie fasste er «*Allgemeine Wörterbücher, Grammatiken, Lehrbücher, Lektüre, Sprachführer und Lehrtafeln*».

am 4. März 1813 wurde die zweite verbesserte Auflage mit der Bemerkung beworben: «So scheint auch das Publikum diese Schrift aufgenommen zu haben, da in kurzer Zeit die erste Auflage vergriffen ist». Die «Deutsch-Russische Haustafel» von Zeune, erstmals annonciert am 20.02.1813, erschien am 02.03 bereits in der zweiten und am 11.03.1813 in der dritten Auflage. Der «Deutsch-Russischen Dolmetscher für Jedermann», «zum Aufhängen im Zimmer eingerichtet», hatte innerhalb von ca. 3 Wochen 4 Auflagen!

Die hohe Nachfrage nach diesen Materialien hatte vor allem pragmatische Gründe:

a) Die Bevölkerung litt unter den fremden Truppen, unabhängig von ihrem militärischen Status als Verbündeter oder Feind, und versuchte sich mit den Gegebenheiten zu arrangieren: «Man wartet ab, man nimmt hin, man passt sich an»¹⁴.

Eine fremde Kultur und vor allem eine völlig unbekannte Sprache stellten die Einwohner vor hohe Herausforderungen und versetzte sie «...oft mit dem fremden Militär in unangenehme Verhältnisse...»¹⁵. Um dem vorzubeugen, wurden, wenn möglich, in Ortschaften Sprachkundige als Dolmetscher eingesetzt¹⁶. Die Familienoberhäupter («Hausväter») besorgten sich zur existentiellen Absicherung ihrer Familie und ihres Vermögens russische Wörterbücher und Dolmetscher.

«Viele bereiteten sich auf den fremden Besuch aus dem Norden vor, schafften sich russische Dolmetscher und Heiligenbilder an, und stellten sie im Zimmer auf, wie man sich zur Zeit der Franzosenkriege Grammatiken und Dolmetscher angeschafft hatte»¹⁷.

b) Zugleich war man daran interessiert, als Kaufmann, Handwerker oder Vertreter städtischer Behörden mit den Vertretern der russischen Armee in geordnete Geschäftsbeziehungen zu gelangen, wenn dies die Kriegsumstände überhaupt zuließen.

Mit der Bereitstellung von Sprachführern, die oftmals in Tradition zu den früheren russisch-deutschen Wörterbüchern zusätzlich zum Wörterverzeichnis die für den Handel mit den Russen relevanten Maß- und Geldeinheiten sowie Gewichte beinhalteten, wurde zugleich ein Beitrag für die Schaffung von Rahmenbedingungen für den Austausch von Informationen und Waren geleistet.

Informationsmaterialien zu den Handelsbedingungen mit der Russischen Armee wurden in allen Koalitionskriegen natürlich auch einzeln angeboten. In diese Gruppe von Sprachmaterialien ordnen sich die besonders 1813 in den Verkauf gebrachten «Wandanschläge» und «Sprachtafeln» ein. So erschien bei Joachim in Leipzig 1813 eine von Kusnetzow erstellte «Russische Sprachverständigungstafel» «zum Anschlagen und Aufhängen in Gasthöfen und anderen Orten, wo sich viele Russen befinden...»¹⁸. Dreyssig warb in einem Verzeichnis der bei ihm in Halle und Leipzig

¹⁴ Mann, 2004. S. 12.

¹⁵ Rittig, 1813, Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Taschenbuch. Vorrede S. III.

¹⁶ In der stadtgeschichtlichen Literatur wird für diesen Zeitabschnitt häufig auf die Rolle der Dolmetscher verwiesen, die den Städten «damals große Dienste leisteten». Peschek, 1837. S. 676.

¹⁷ Mann, 2004. S. 221.

¹⁸ In einer Anzeige innerhalb der Schrift «Über die russischen Soldaten...» konnte man lesen: «Kusnetzow's Sprach- und Verständigungstafel in großer Folio (zum Anschlagen und

erschienenen «*ganz neuen russischen Verlagsbücher*» unter anderem für einen «*Russisch-deutschen Wandanschlag für Gastwirthe, Kaffeehäuser, Billard- und Tanzsäle*»¹⁹.

Zur sprachlichen Unterstützung eines notwendigen Zusammenwirkens auf medizinischem Gebiet wurde in der Berlinischen Nachrichten von Staats- und gelehrte Sachen, No. 31 vom 13.03.1813 von einem «*Sachverständigen*» bei Dieterici in der Spandauer Straße 52 für 3 Groschen ein Wörterverzeichnis unter dem Titel «*Benennungen in Russischer Sprache der vorzüglichsten Arzneimittel, Krankheiten, Geräthschaften, Gewichte etc. Bequem und nützlich für Ärzte, Wundärzte und Apotheker*» angeboten.

c) Ende Januar/Anfang Februar 1813 erfolgte in Preußen und anderen Ländern eine Parteinahme für die Russen, in Sachsen und anderen Rheinbundstaaten eine Umorientierung vieler Bürger auf die neue Besatzungsmacht. «*Was von Osten kam, wurde verklärt durch den leidenschaftlichen Wunsch des Volkes. Niemand mehr als die Vortruppen des fremden Heeres, die Kosaken*»²⁰.

Nachweislich wurden die russischen Soldaten in den meisten deutschen Ortschaften freudig als Befreier begrüßt und bejubelt. «*Es schien damals, als ob wir von den Russen gar nicht wieder loskommen könnten oder loslassen wollten. Sie erschienen als unsere Befreier und waren überall willkommen; man jubelte ihnen entgegen und wünschte es ihnen sagen zu können, wie lieb man sie habe. Viele schafften sich daher russische Sprachlehren an und machten sich daran, Russisch zu lernen*»²¹.

d) Der deutsche Buchhandel, der durch die Napoleonischen Kriege in enorme wirtschaftliche Schwierigkeiten geriet, hatte ein existentielles Interesse an hohen Druckauflagen und Verkaufszahlen. Die Herausgeber stimulierten den Absatz mit großangelegten Anzeigenkampagnen in der örtlichen und überregionalen Presse sowie durch die Gewährleistung von Rabatten. Eine «*raffinierte Speculation fertigte russische Dollmetscher, um den Kosaken auf russisch ihre Freundschaft versichern zu können...*»²².

Sofort nach dem Abzug der Franzosen entstand zur Bewältigung des großen Ansturms der Käufer auf Proklamationen der verbündeten Armeen, Bulletins, Flugblätter, Karikaturen usw. in vielen Orten zusätzlich eine Art Buchhandel «*unter freiem Himmel*», der auch russische Sprachbücher mit einbezog. Auch dieser Handel mit «*literarisch kurzer Waare*»²³ wurde durch die professionellen Buchhändler mit einem

---

Aufhängen in Gasthöfen und anderen Örtern, wo sich viele Russen befinden, um sich denselben verständlich machen zu können). Mit Aussprache des (mit russischen Buchstaben) gedruckten Russischen, und einer Anweisung zum Gebrauch dieser Tafel in russischer und deutscher Sprache; Preis 3 gr.»

¹⁹ Verzeichniß von Friedrich Christoph Dreißigs ganz neuen russischen Verlagsbüchern. In: Dollmetscher 1813 (Leipzig).

²⁰ Freytag, 1867. S. 405.

²¹ Nagel, 1955. S. 167f.

²² Große, 1898. S. 473.

²³ Siehe Morgenblatt (Tübingen) Nr. 132. vom 03. Juni 1814, S. 526ff.: Beyträge zur Geschichte von Dresden im Jahre 1813. IV. Handel mit literarischer kurzer Waare.

speziellen Mengenrabatt gefördert; siehe die Anzeige zu C. G. H. Geißlers zweitem Dolmetscher in der Leipziger Zeitung No. 206 vom 27.10.1813: «*Wer mehr als ein Exemplar auf einmal kauft, oder sich mit dem Verkaufe derselben beschäftigen will, erhält einen bedeutenden Nachlaß*»²⁴.

Die Mehrzahl derartiger Veröffentlichungen ist anonym bzw. unter Pseudonym erschienen, die sprachliche Kompetenz hervorhebend meist unter slawischen Namen, z.B. Jasükowski, Kusnetzow, Andrey Dmitritsch bzw. darauf verweisend, der Autor sei ein «*geborener Russe*», ein «*wirklicher Russe*» oder ein «*Kenner der russischen Sprache*»²⁵.

Wie Baumann feststellte, halten manche dieser Behauptungen einer konkreten sprachlich-inhaltlichen Analyse der Wörterbücher nicht stand!²⁶ Wenn man nur alleine die Arbeiten von «*Andrej Dmitritsch aus Moskau*»²⁷ und des angeblich «*geborenen Russen*» im «*Kleinen Dolmetscher mit dem Kosaken, Frankfurt 1813*» betrachtet, kann dem nur zugestimmt werden²⁸.

Meine Recherchen ergaben, dass der bei Hexelschneider²⁹ aufgeführte Trubtschewsky tatsächlich ein «*wirklicher Russe*» ist. Es handelt sich offensichtlich um Nikolai (Nicolaus) Timofejewitsch Trubtschewskij (Trubcewskij), der als Kapellsänger zur ersten Generation des «*angemessen ausgebildeten Klerus*» gehörte, der zeitgleich mit der Tochter des russischen Zaren Maria Pawlowna, die 1804 mit dem Weimarer Thronfolger vermählt wurde, in Weimar eingetroffen ist und dort die Russisch-orthodoxe Gemeinde betreute. Er war 1808 Dolmetscher im Gefolge des Zaren und verrichtetet 1813–1815 beim Russischen Heer Dienst. Er ist zu den Russen in Goethes Umgang zu rechnen³⁰.

Namentlich sind deutschsprachige Autoren derartiger Dolmetscher festzustellen, die sich jahrelang in Russland aufhielten, ihre sprachliche und interkulturelle Kompetenz einbrachten und neben anderen Veröffentlichungen über Russland auch

²⁴ Ähnliche Anzeige bei Dreyssig: «*Daß sich jeder, der sich des Debits meiner Verlagsbücher gegen baare Zahlung anzunehmen Lust hat, Rabat gut rechne, ist bekannt*». Siehe Verlagsanzeige Dolmetscher 1813 (Leipzig).

²⁵ Jazükowski heißt übertragen soviel wie: «*Sprachkundiger*»; welcher deutsche Autor mit relativ guten Sprachkenntnissen wird sich wohl dahinter verbergen? Bei «*Kusnetzow*» (von Kusnetz – der *Schmied* abgeleitet) könnte es sich um Johann Adolph Erdmann *Schmidt* handeln. Erste Anzeichen sprechen dafür.

²⁶ *Baumann*. 1969. S. 77. Wörtlich schreibt B. unter anderem: «*So ist es wahrscheinlich, dass der sachverständige Kenner der russischen Sprache*», der den «*Kleinen russischen Dollmetscher*» Lübeck, 1813 (2. Auflage) besorgte, den im Titel erwähnten «*geborenen Russen*» nach Gehör transkribierte, ohne selbst viel mehr als die ersten Anfangsgründe des Russischen zu kennen».

²⁷ Dolmetscher, 1813 (Altona).

²⁸ Dolmetscher, 1813 (Frankfurt).

²⁹ *Hexelschneider*, 2000. S. 105. T. soll Autor des in Weimar 1813 erschienenen Wörterbuches sein: *Der Deutsch-Russe, oder: Neuester und wichtigster Dollmetscher der nothwendigsten Wörter und Redensarten, zur Aushülfe für die Deutschen, um sich Russen verständlich zu machen*. 6. Auflage.

³⁰ *Schröder*. S. 297. Vgl. auch: *Goethe Tagebücher* 2008. S. 606.

mit derartigen Sprachmaterialien ihrer Vermittlerrolle während der Befreiungskriege gerecht wurden, z.B.

Christian Gottfried Heinrich Geißler, Johann Joachim Bellermann, Johann Gottfried Richter.

Lorenz Heinrich Hessel.

Raubkopien und Plagiate schienen keine Seltenheit zu sein. Zudem stellten einige Herausgeber aus bereits vorhandenen Materialien anderer Autoren neue Bücher zusammen und verlegten sie unter neuem Titel.

Dies ist einer der Gründe, warum so viele russische Verständigungshilfen im relevanten Zeitraum, ungeachtet einiger Kürzungen und geringfügigen Veränderungen, fast völlig übereinstimmen. Bei der Übernahme entstanden eine Reihe neuer Fehler; die vorgefundenen wurden übernommen, auch von dem «geborenen Russen», der lt. Impressum den «*Kleinen Dolmetscher mit den Kosaken*» angeblich «verbessert» hatte³¹.

L. H. Hessels «*Der Russische Dolmetscher in Fragen und Antworten für den Bürger und Landmann, in Büreas für Reisende, im Handel, in Gasthöfen und für Militär*», Zeh'sche Buchhandlung, Nürnberg 1813 (24 S.) ist identisch mit dem «*Neuen deutsch-böhmisch-russischen Dolmetscher in Fragen und Antworten für den Bürger und Landmann, für Reisende, im Handel, in Gasthöfen, für Militär und in anderen nöthigen Fällen*», Aloys Kramer, Prag 1813 (23 S.), der F. Tomsa zugesprochen wird.

Selten bekannten sich die neuen Herausgeber oder «Autoren» zu diesem Vorgehen, wie der Österreichische Offizier Andreas Rittig v. Flammenstern, der die Vorrede zu seinem 1813 in Wien herausgegebenen «*Taschenbuch*» mit den Worten abschloss: «*Um keines Plagiats beschuldigt zu werden, finde ich es noch nöthig, zu erklären, dass ich bey Zusammenstellung dieses Taschenbuches alle bestehenden Russische Dolmetscher, wie ich mir schmeichle, mit zweckmäßiger Auswahl benutzt habe*»³².

Mit den Dolmetschern («*für Jedermann*», «*Für den Bürger und Landmann*») wollte man so viel wie möglich Käufer aller Schichten ansprechen.

Der direkte Zugang zur Bevölkerung wurde unter anderem durch die Einbettung in die damals übliche Ratgeber-, Hausvater- und Aufklärungsliteratur unterstützt. Deshalb die vielen Titelbezeichnungen, wie Not- und Hilfsbuch, «*Der sorgsame und erfahrene Hausvater bei Einquartierungen*» usw. Auch an die religiösen Traditionen der neutestamentarischen Haus- und Pflichtentafeln, die in der Wohnung anzubringen waren, wurde angeknüpft, wie die Beispiele der «*Deutsch-Russischen Haustafel*» von Zeune und des «*Deutsch-Russischen Dolmetscher(s) für Jedermann zum Aufhängen*» beweisen.

³¹ In mehreren Dolmetschern gibt es zum Beispiel die Redewendung: «Morgen (wieder) auf den Marsch». Bei W. C. v. H. – zitiert nach Dolmetscher 1814 (Heidelberg), S. 38 – wird dies übersetzt mit «Safftra opjat w pochod» / «Safftra w pochod»; ab dem Dolmetscher 1813 (Berlin) von Amelang (S. 36) wird daraus «Safftra of pagode». Der «geborene Russe» «verbesserte dann» im Dolmetscher 1813 (Frankfurt) diesen Ausspruch mit «Safftra uf pagodi» (S. 16).

³² Rittig, 1813. Vorrede. S. VI.

Bezüglich der Landbevölkerung richteten die Verlage ihre Vertriebsaktivitäten zusätzlich auf die Personen, die die gesellschaftlichen Einstellungen und das Verhalten einer Dorfgemeinschaft besonders prägten.

Geißlers Dolmetscher, der gleich nach der Völkerschlacht erschien³³, wurde in der Leipziger Zeitung No. 206 vom 27.10.1813 auf Seite 2159 damit beworben, dass er *«unter den bisher herausgekommenen der vollständigste (ist), und verdient, <...> in jeder Haushaltung angeschafft zu werden; vorzüglich sollten Landgeistliche und Dorfschullehrer sich denselben kommen lassen, weil, wie bekannt, die meisten Unannehmlichkeiten dadurch entstehen, dass man sich gegenseitig nicht versteht, und sich nicht verständlich machen kann»*. Es ist davon auszugehen, dass die angesprochenen «Multiplikatoren» sich tatsächlich hie und da vorsorglich derartige Sprachbücher angeschafft haben.

Aus der Geschichte der sächsischen Schulpolitik ist mir ein Beispiel bekannt, wo ein Dorfschullehrer noch lange nach den Kriegereignissen einen deutsch-russisch-französischen Dolmetscher, den er sich 1813 gekauft hatte, als Unterrichtsmaterial einsetzte:

«Wir mussten aber auch französisch und selbst russisch zählen lernen. G. hatte zur Zeit des Freiheitskrieges 1813 mit Hilfe eines gedruckten Dolmetschers einige französische und russische Wörter, Redensarten und die Zahlen gelernt, und das mussten wir nun auch lernen», erinnert sich ein ehemaliger Schüler, der in der Folge bis in das gereifte Erwachsenenalter die russischen Zahlen aufsagen konnte³⁴.

Nachweislich haben auch Vertreter des Bildungsbürgertums derartige Sprachbücher besessen, die sie sich vor der Ankunft der Russen vorsorglich zugelegt hatten!

Dies dürfte bibliophil äußerst wertvoll sein: im Bestand von deren Privatbibliotheken und Nachlässen war die Wahrscheinlichkeit der Erhaltung dieser Sprachbücher wohl am größten.

So konnten im Bibliotheksnachlass von Alexander von Humboldt³⁵ sowie von Varnhagen von Ense Jasükowskis *«Russische Gespräche...»* festgestellt werden³⁶. Der Philosoph Friedrich Heinrich Jacobi überlieferte das *«Handbuch der Russischen Wörter und Redensarten, die im gemeinen Leben am häufigsten vorkommen können...»* von J. A. E. Schmidt, Leo, Leipzig 1813³⁷.

Bestandteil der Bibliothek von Carl Friedrich Gauß war neben Heyms Russischer Sprachlehre für Deutsche aus dem Jahre 1804 auch der *«Russische Dolmetscher...»* von Kästner und Kralitzky, Leipzig 1813 [GAUSS BIBL 1224] sowie das *«Russisch-deutsche Handbuch»*, Lüneburg 1813 (Handbuch 1813) [GAUSS BIBL 413]³⁸.

³³ Geißler, 1813.

³⁴ Däbritz, 1904. S. 103.

³⁵ Schwarz, 1998. S. 282.

³⁶ Stern, 1911. Jasükowski's «Russische Gespräche» (Jasükowski 1813) sind unter der Signatur 2394 Bestandteil der Bibl. Varnhagen. Auf dem Titel des Wörterbuches hat Varnhagen handschriftlich seinen Namen gesetzt.

³⁷ Wiedemann, 1989. S. 866. Das «Handbuch» von J. A. E. Schmidt ist unter Nr. 3736 registriert.

³⁸ Lehfeld, 2011. S. 276–334.

In der Privatbibliothek des Freiburger Geologen Abraham Gottlob Werner befinden sich unter den Wörterbüchern der russischen Sprache, die zwischen 1731 und 1813 erschienen sind, allein sieben, die im relevanten Zeitraum herausgebracht wurden³⁹.

Der Stadtbibliothek Zschopau wurde 1883 aus dem Nachlass des ehemaligen Direktors der Bodemer Bleicherei und Baumwollspinnerei Imanuel Gottlieb Hesler (verstorben 1830) der «*Ausführliche Deutsch-Russische Dolmetscher*», Naumburg 1813 übergeben⁴⁰.

Der Berliner Künstler Johann Gottfried Schadow, der auf eigenen Wunsch Kalmlücken, Kosaken und Baschkiren bei sich beherbergte, damit er «*seiner Sammlung von National-Physiognomien nöthigen Zuwachs gab*»⁴¹, nutzte zur Verständigung mit ihnen mindestens ein russisches Wörterbuch. Dies erfährt man aus dem Vortrag zur Entstehungsgeschichte seiner Karikatur «Die Fechtstunde», den der Künstler am 16. April 1814 in der Gesellschaft der Freunde des Humanismus in Berlin gehalten hat. Auf dem Bild ist unter anderem ein Kosak dargestellt, der das Russische Reich repräsentieren soll und dem Schadow die Aussprüche in den Mund legte: «*Podass Swetschku; padi Spatt*».

In dem Vortrag erklärte er die Herkunft dieser Wörter: «*Die russischen Redensarten habe ich aus einem kleinen Wörterbuch*»⁴².

In den Jahren 1813 bis 1815 gehörten zu den Käufern der russischen Dolmetscher nach wie vor auch Militärangehörige. Der russisch-deutsche Teil in manchem Wörterbuch «*Für Deutsche und Russen*» war den russischen Armeeingehörigen vorbehalten. In der Leipziger Zeitung No. 211, vom 03.11.1813 auf S. 2329 wurde gar ein «*Kleiner russischer Dolmetscher für die Russen, welche sich den Deutschen*

³⁹ Schmidt, 1981. S. 697–711. Besten Dank an die Mitarbeiter (innen) der Universitätsbibliothek der TU Bergakademie Freiberg, die mir auf meine Anfrage hin im September 2009 weitere Wörterbuchtitel nannten, die bisher im Katalog als solche nicht erfasst waren. Insgesamt stammen aus dem Werner-Nachlass: *Geißler C. G. H.* Hand- und Hülfsbuch für Deutsche und Russen, um sich gegenseitig verständlich zu machen..., *Hinrichs*. Leipzig, 1813; *Kästner Ch. A., Kralitzky*, Russischer Dolmetscher...; Kleines russisches, deutsches und französisches Wörterbuch nach J. Heim, Dreissig, Halle, 1813; Russisch-deutsches Handwörterbuch zur nothdürftigen Verständigung zwischen Personen beider Völkerschaften... zweite vollständigere Auflage, Herold und Wahlstad, Lüneburg, 1813; *Schmidt J. A. E.* Handbuch der Russischen Wörter... Leipzig, 1813; Der Russisch-Deutsche und Deutsch-Russische Nothelfer für Bürger und Landmann... Leipzig: Vogel, 1813; *Kusnetzow*. Samyj novyj rossijskij perevodcik... Leipzig, 1813; Deutsch-Russisches Verzeichniß nach dem Alphabete, mit einigen Zusätzen, zum Gebrauche des neuen Hülfsmittels die Russische Sprache leichter zu verstehen. (Verzeichnis) — Hierbei handelt es sich nach meiner Erkenntnis um eine gesonderte Veröffentlichung des Wörterverzeichnisses aus Dobrovskýs «Hilfsmittel» 1799, die er nach Feststellung eines sofortigen Plagiates für nötig erachtete und die 1813 eventuell neu erschien.

⁴⁰ Schenkungsvermerk vom 28.09.1883 ist angebunden an den Dolmetscher 1813 (Naumburg), der mir in Kopie vorliegt. Die Übergabe des Buches erfolgte durch Herrn G. Bodemer.

⁴¹ Zitiert nach: *Keienburg*, 1974. S. 190.

⁴² *Kaiser*, 1955. Vortrag G. Schadows, gehalten am 16. April 1814 in der Gesellschaft der Freunde der Humanität, S. 33. Beachte: Buchstabenverwechslung bei podass — eigentlich pogass! Siehe auch: Scheffler, 1995. S. 290 ff.

verständlich machen wollen» beworben. Dabei handelt es sich um das bei Friedrich August Leo in Leipzig 1813 herausgebrachte «*Маленькій росіиско-немецькій словарь самыхъ нужныхъ в общежитіи словъ и изреченій, вместе съ произношеніемъ росіискими буквами выраженныхъ для росіянъ которые желаютъ извясняться немцамъ*», bei dem Titelblatt und Vorwort zweisprachig gestaltet waren.

In einer Annonce vom 30. Juni 1814 in russischer Sprache, gerichtet an alle russische Armeeingehörigen («Объявление ко всемъ росіискимъ войнамъ всякого чина»), wird auf die 4. Auflage des sechssprachigen «*Handbuches für Reisende zur Conversation...*» der Madam de Genlis (Hinrich, Leipzig 1814) aufmerksam gemacht⁴³.

Inwieweit die russischen Soldaten derartige Sprachbücher tatsächlich genutzt haben, ist nicht belegt; bei den unteren Dienstgraden wegen des dort anzutreffenden hohen Anteils an Analphabeten jedoch eher unwahrscheinlich⁴⁴. Andererseits kann davon ausgegangen werden, dass diese einfachen Soldaten sich im Laufe des Feldzuges auch ohne derartige schriftliche Hilfen einige deutsche Alltags-Grundwörter einprägten.

Der Publizist, Schriftsteller und Sozialpädagoge Johannes Daniel Falk erinnert sich später an die «*Baschkiren*», die er in Weimar «*zum ersten Mal mit verwundernten Augen sah*» und an «*die erste Frucht ihres glücklich in Deutschland genommenen Sprachunterrichts, <...> Mutter, koch Hirsenbrei*»⁴⁵.

Falk berichtet interessanter Weise auch von einem «*jungen Baschkiren*», der «*in Weimar während der Muße ihrer Winterquartiere zur Schule angehalten worden [ist]... und es bald in unserer Sprache zu bedeutendem Fortschritte [brachte]; so auch, dass er in kurzem... einen Dolmetscher abgeben konnte*»⁴⁶.

Da seit 1813 russische und vor allem preußische Verbände gemeinsam in den Kampf zogen, werden sich auch deutsche Soldaten russische sowie französische Verständigungshilfen privat zugelegt haben, die sie dann bis Paris im Tornister mit sich führten.

In der Literatur wird auch ein Beispiel einer organisierten Verteilung derartiger Verständigungshilfen auf preußische Kampfverbände genannt:

Im Korps von Dobschütz der Schlesischen Landwehr hat man im Juni 1813 den Einheiten eine «*Sammlung der nothwendigsten Wörter und Gespräche in russisch-deutscher, wie auch in deutsch-russischer Sprache*» zugeteilt⁴⁷.

⁴³ Beilage zum 91. Stück der Berlinischen Nachrichten für Staats- und gelehrte Sachen vom 30.06.1814.

⁴⁴ Например, в Александрійском гусарском полку «из 353 рекрутов грамотными были шесть человек» (Бегунова А. С. 58).

⁴⁵ Zitiert nach: Knebel H. Weimar in der Zeit der Befreiungskriege 1806–1814. Stadtmuseum Weimar, Schriften zur Stadtgeschichte Heft 1/19155. S.74.

⁴⁶ Ebenda. S. 75.

⁴⁷ Aus einem Parolebuch der Schlesischen Landwehr des Korps v. Dobschütz (3. Juni – 21. Nov. 1813). Mit Bemerkungen versehen und veröffentlicht von Metzke... in: Neue Militärische Blätter. 1885. S. 527f.

Wie Paye anhand der Akten der Westphälischen Polizei ermitteln konnte, haben sich im besagten Zeitraum auch französische Militärangehörige häufig russische Dolmetscher zugelegt⁴⁸.

Auf einige Dolmetscher griffen die Verlage über die gesamte Spanne der Koalitionskriege mit russischer Beteiligung 1799–1806/07–1813/14, ihren Titel beibehaltend, immer wieder zurück. So erschien das Lüneburger Handbuch 1806 auch im Jahr 1813⁴⁹.

J. Dobrovskýs 1799 in Prag erschienenes *«Neues Hülfsmittel, die russische Sprache leichter zu verstehen, vorzüglich für Böhmen, zum Theile auch für Deutsche...»*⁵⁰ ist auch *«Beim zweiten Durchmarsche der Russen 1813 <...> durchaus vermehrt erschienen»*⁵¹ und im Anhang durch eine von W. Hanka besorgte Beschreibung der *«Russischen Staats- und Kriegsmacht»* / *«Kratické vypořádaní Rusie a jejího vojska»* ergänzt worden⁵². Gleichzeitig mit der Neuauflage von Dobrovskýs *«Hülfsmittel»* erschien 1813 eine durch F. Tomsa besorgte eigenständige Veröffentlichung eines erweiterten Wörterverzeichnisses aus diesem Werk unter dem Titel: *«Verzeichnis der russischen Wörter und Redensarten, die im gemeinen Leben am häufigsten vorkommen, um sich Russen leichter verständlich zu machen. Prag 1813»*⁵³.

Dobrovský hatte Tomsa das Manuskript unentgeltlich zur Verfügung gestellt und diesen Schritt angeregt, weil er wegen eines bereits 1799 erschienenen Plagiats seines *«Hülfsmittels»* durch einen anonymen Autor ziemlich verärgert war: *«Hr. v. Schönfeld hatte die Güte, es in einem Auszuge unter dem Titel: Russischer Dollmetscher nachzudrucken. Dies macht es nothwendig, dass man zum Hülfsmittel noch ein Register drucken liess... H. Tomsa in der Normalschulbuchhandlung hat die Auflage besorgt»*⁵⁴.

Bei dem Plagiat könnte es sich um das bei Francev aufgeführte Werk handeln, das 1799 in Prag (bei Schönfeld?) erschienen ist: *«Der russische Dolmetscher, welcher den Deutschen dahin unterrichtet, dass er sich auf der Stelle jedem Russen verständlich machen, ebenso aber auch den Russen verstehen kann»*⁵⁵.

⁴⁸ Paye, 2013. S. 186.

⁴⁹ Handbuch 1806 und 1813. Es gibt auch eine Ausgabe 1813 aus Celle.

⁵⁰ Dobrovský J. Neues Hülfsmittel die Russische Sprache leichter zu verstehen, vorzüglich für Böhmen, zum Theile auch für Deutsche. Selbst für Russen, die sich den Böhmen verständlicher machen wollen. Ein zweckmäßiger Auszug aus Heyms Russischer Sprachlehre, k.k. Normalschul-Buchdruckerey. Prag 1799.

⁵¹ Palacký, 1833. S. 61. Lt. Mest`an, 1980. S. 174 kam «eine zweite, erweiterte Auflage... 1812 heraus».

⁵² Die Schrift Hankas scheint bereits 1812 anonym erschienen zu sein (siehe: Jirásek 1929. S. 216) und ist anlässlich des Rückmarsches der russischen Truppen 1815 im Prager Verlag «Ceské expedici» als Broschüre wiederum anonym erschienen. Es handelt sich um «ein Werkchen, welches <...> Hanka`s Sympathien zur nordischen Großmacht... bekundeten» (*Wurzbach*, 1861. S. 124).

⁵³ Kudelka, 1995. S. 254. Oftmals wird auch dieses Verzeichnis Dobrovský zugesprochen.

⁵⁴ Dobrovský, 1948. Brief v. 18.08.1799, XXVIII, S. 69. / Vgl. auch: Dobrovský, 1953. S. 12, Fußnote 24.

⁵⁵ Francev, 1935. S. 42.

Ich bin mir fast sicher, dass die meisten der russischen Sprachbücher, die ab 1813 erschienen, direkte und indirekte Vorläufer hatten sowie sich an einigen wenigen inhaltlich-konzeptionellen Grundmustern ausrichteten. Neben der teilweisen Fortführung der Tradition der Gesprächsbücher des 18. Jahrhunderts nahmen die russischen Dolmetscher im deutschsprachigen Raum vor allem das im Anhang zur Sprachlehre von J. Heym (Ausgaben Riga: 1789; 1804) aufgeführte Wörterverzeichnis mit anschließenden Redensarten sowie auch seine russischen Wörterbücher zum Vorbild.

Nur wenige dieser Autoren geben Heym als genutzte Hauptquelle an: Josef Dobrovský nannte sein 1799 erschienenenes «*Neues Hülfsmittel...*» einen «*zweckmäßiger Auszug aus Heyms Russischer Sprachlehre*».

Dreyssig gab seinem 1813 in Halle und Leipzig herausgebrachten «*Kleinem russischen, deutschen und französischem Wörterbuch*» den Zusatz «*geschöpft aus der Quelle von Johann Heim*».

Durch weiterführende Forschungen könnte meinen Vermutungen nachgegangen werden, dass J. Heyms Spracherbe über zwei Linien in die deutsche Dolmetscherliteratur gelangt sein könnte, die beide direkt über Dobrovský als Schaltstelle führen:

1. Die vom «Hilfsmittel» 1799 ausgehende direkte Linie Dobrovský (1813) – Tomsa (1813) usw.

2. Über die Folgeveröffentlichungen auf der Grundlage des Plagiats (1799).

Auf die sprachlichen und konzeptionellen Defizite sowie die hohe Fehlerquote der russischen Dolmetscher 1813 hatte bereits Otten hingewiesen⁵⁶.

Das linguistische Niveau war niedrig. Es gab jedoch auch Ausnahmen, z. B. die Sprachbücher von Kusnetzow, Kreye, Jasükowski, deren Autoren offensichtlich einen sprach-wissenschaftlichen Hintergrund hatten.

Bei der Bewertung dieser Verständigungshilfen darf nicht vergessen werden, dass zu den Veröffentlichungen 1812–1815 auch reine Sprachlehren und Grammatiken gehörten, die zum Beispiel von Heym, Vater, Tappe erneut aufgelegt wurden bzw. als reine Neuerscheinungen vor allem von J. A. E. Schmidt den Angebotsmarkt bereicherten. Ein abschließendes Urteil über die sprachliche Seite all dieser russischen Wörterbücher und Dolmetscher kann erst nach einer weiterführenden inhaltlichen Untersuchung im Rahmen einer Gesamtbibliographie erfolgen.

A. W. Tappe jedenfalls äußerte sich in seiner «*Neuen theoretisch-praktischen Russischen Sprachlehre*» zu den russischen Verständigungshilfen kritisch: «*Die in den Jahren 1813 und 1814 in Deutschland erschienenen Noth- und Hülfsbücher der russ. Spr. sind, so viel mir deren hier zu Gesichte kamen, voll von Fehlern aller Art, und außer jenem Nothbedarf, unbrauchbar*»⁵⁷.

In der Literatur gibt es aber auch Hinweise, dass die Dolmetscher der mit ihnen angestrebten Funktion als Verständigungshilfen durchaus gerecht wurden und wie bei dem Naturforscher J. M. Bechstein «*ein kleiner gedruckter russischer Dolmetscher zur Verständigung half*»⁵⁸.

⁵⁶ Otten, 2012. S. 4f.

⁵⁷ Tappe, 1835. S. 6.

⁵⁸ Bechstein, 1855. S. 308.

Carl Julius Weber erinnert sich, einige Jahre später Prag bereisend, an die Methodik seines Russischlernens im Jahre 1813: *«Ich lernte daher so viel böhmisch, als früher ungarisch oder 1813 russisch, d.h. einzelne Phrasen und die nöthigsten Wörter...»*⁵⁹.

Trotz mancher Unzulänglichkeiten müssen die mit Hilfe dieser Sprachbücher hervor gebrachten russischen Wörter auf die Adressaten einen großen psychologischen Eindruck hinterlassen haben, wie anerkennende Reaktionen russischer Zeitzeugen beweisen:

Michailowsky-Danilewsky berichtete, auf die Begegnung mit der deutschen Bevölkerung zurück blickend: *«Повсюду насъ принимали, какъ избавителей. <...> Некоторые изъ нихъ учились нашему языку, по книгамъ, изданнымъ для этого предмета сметливыми Немецкими книгопродавцами. Во многихъ домахъ находились ручные Русскіе словари, и наши миловидныя хозяйки просили объяснять имъ значенія Русскихъ словъ»*⁶⁰.

In den Berlinischen Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen, No. 31 vom 13. März 1813 bezog der *«Russisch-kaiserliche Kapitain Andreas Mollwo aus St. Petersburg»* in einer *«Literarischen Anzeige»* Stellung zu den *«sogenannten deutsch-russischen Dolmetscher(n)»*, die er *«in einem hiesigen Buchladen gefunden hat. Dergleichen kleine Schriften verdienen zwar Dank, nicht allein von den Deutschen, sondern auch von den Russen selbst, welche durch solche leichter verstanden werden können; aber bei den meisten ist nichts als der gute Wille zu loben. Ich habe unter der großen Menge russischer Dolmetscher nur zwei gesehen, die mir brauchbar erschienen»*⁶¹.

Ob nun tatsächlich ein dankbarer russischer Offizier hier das Wort nahm oder die besagte Buchhandlung vielleicht eine Absatz stimulierende Marketingidee umsetzte – in jedem Fall eine historisch interessante Fundstelle!

Wie oben bereits erwähnt, versuchten ab Ende Januar 1813 einige Dolmetscher, zusätzlich zur Funktion als sprachliche Verständigungshilfen, die Käufer mit der Bereitstellung von Informationen *«über das russische Militair»* sowie mit Ratschlägen *«zur Behandlung desselben für Hauswirthe bei Einquartierungen»*⁶² auf die Ankunft der russischen Truppen vorzubereiten.

Dabei wurden oftmals bereits vorhandene Broschüren und Flugschriften über die russischen Soldaten als Ergänzung des Sprachteils genutzt. Mit diesem Ansatz unterstreichen diese Materialien und die entsprechenden Dolmetscher ihre Nähe zur damaligen politischen Tagesliteratur.

Im *«Ausführlichen Deutsch-Russischen Dolmetscher...»*, von Karl August Wild, Naumburg 1813, begründet der Herausgeber im Vorwort die Notwendigkeit, seinem Dolmetscher *«eine kurze Übersicht der russischen Lebens- und Handlungsweise»*

⁵⁹ Weber, 1855. S. 49.

⁶⁰ Михайловский-Данилевский, 1836. С. 464–465.

⁶¹ Dabei meinte Mollno das Deutsch-Russische Taschenbuch, C. G. Schöne, Berlin 1813 sowie das Handbuch der Russischen Wörter und Redensarten die im Leben am häufigsten vorkommen können, als Hilfsmittel um sich Russen auch ohne nähere Kenntniß der Sprache leicht verständlich zu machen, Friedrich August Leo, Leipzig 1813, das J.A.E. Schmidt zugesprochen wird.

⁶² Vgl. Titelblatt zu: Dolmetscher, 1813 (Pirna /Dresden).

beizufügen, damit, dass «eine richtige und dieser Nation angemessene Behandlung und Verpflegung zum guten gegenseitigen Vernehmen vielleicht mehr beiträgt, als einige auswendig gelernte gedruckte Wörter»⁶³.

Mit dem Versuch einer objektiven Darstellung der russischen Militärangehörigen auch als Bestandteil von Russischen Dolmetschern wurde in einer Art Gegenpropaganda ein konkreter Beitrag im Kampf um die Hoheit über Informationen, Stimmungen und Interpretationen geleistet. Wladimir Sirotkin nannte diese Auseinandersetzung zwischen Napoleon und Alexander I. den «Krieg der Schreibfedern», «*vojna perj'ew*»⁶⁴.

Die Bereitstellung «eines neuen Bildes der russischen Krieger» wurde von den Autoren als wichtig erachtet, «um so mehr da die Begriffe, die man sich von ihnen macht zum Theil ganz falsch und unrichtig sind»⁶⁵. Auch C. G. H. Geißler, seit seinem Russlandaufenthalt mit der russischen Lebensweise gut vertraut, äußerte sich ähnlich: «Die Furcht vor den russischen Soldaten, und namentlich vor den Kosaken und Baschkiren, die man fast überall über alle Bewohner deutscher Staaten verbreitet findet, schreibt sich von nichts anderem, als von den lügenhaften Erzählungen unwissender oder besoldeter Zeitungsschreiber»⁶⁶.

In den meisten derartigen Veröffentlichungen über die russischen Soldaten wurden vor allem die Kosaken sehr ausführlich behandelt, die zugleich Absatz fördernd den Titel einiger Verständigungshilfen ergänzten, z.B. «Der kleine Dolmetscher mit dem Kosaken, worinn die nothwendigsten russischen Wörter, Gespräche und Zahlen, wie solche nach der deutschen Mundart ausgesprochen werden müssen, enthalten sind. Neue von einem geborenen Russen verbesserte Auflage, Frankfurt 1813»; «Der beste Dollmetscher für Russen und Kosaken, um sich mit ihnen verständlich zu machen. Nach dem Zeitbedürfniß eingerichtet. Leipzig 1813»⁶⁷.

Die russische historische Forschung würdigt derartige Veröffentlichungen aus deutscher Hand, die die russischen Soldaten objektiv und mit Sympathie beschreiben, als «памятник совместной борьбы двух народов против общего врага в 1813 г.»⁶⁸. Die Schrift «Über die russischen Soldaten und wie man es anzufangen hat, dass man mit ihnen gut auskommt, Joachim, Leipzig 1813» («О правильном общении с русскими солдатами, чтобы хорошо с ними ладить») auswertend, schätzt

⁶³ Dolmetscher, 1813 (Naumburg), Vorwort des Herausgebers.

⁶⁴ Sirotkin, 2000. S. 6. Ausstellungskatalog Hildesheim 2003 — Beitrag von Victor Besotosny, S. 32: «Im 'Krieg der Schreibfeder' und im Kampf um die öffentliche Meinung Europas war Alexander überlegen».

⁶⁵ Schilderung, 1813. S. 4.

⁶⁶ Geißler, 1813. S. 57: Beginn des Abschnittes «Einige Worte über die Behandlung der Russischen Soldaten».

⁶⁷ Dieser Dolmetscher wurde im Juni 2013 bei ebay versteigert. Er ist ein Beleg dafür, dass es auch Verständigungshilfen gab, die nicht über Zeitungsannoncen beworben und auch auf andere Weise bibliophil nicht erfasst wurden.

⁶⁸ Искюль, 2005. С. 1.

C. Н. Искюль den historischen Wert derartiger Veröffentlichungen als sehr bedeutend ein. «Некоторые неточности в терминах, особенно военных, и отдельные противоречивые и наивные суждения нисколько не снижают общего благоприятного впечатления об этом оригинальном сочинении немецкого автора»⁶⁹.

Manch Russischer Dolmetscher trug dem Bedürfnis ihrer potenziellen Abnehmer Rechnung, die Zielpersonen ihrer zukünftigen Sprachbemühungen auch anschaulich betrachten zu können. Deshalb fügten einige Herausgeber ihrem Sprachmaterial Graphiken von Russischen Militärangehörigen, Porträts des russischen Zaren usw. an.

Der «wichtigen Rolle... die den Kosaken in der populären Druckgraphik zuteil wurde»⁷⁰ entsprechend standen diese auch hier im Mittelpunkt der künstlerischen Darstellung. Ich besitze die Kopien zweier Dolmetscher, auf deren Titelseiten jeweils eine Soldatenfigur aus Geißlers Werk «*Schilderung und Abbildung der merkwürdigsten Russischen Völkerschaften, welche in dem jetzigen Kriege gegen Frankreich kämpfen*», das er gemeinsam mit J. A. Bergk 1807 im Leipziger Industrie-Comptoir herausgab, abgebildet wurde⁷¹.

Im «*Deutsch-russischen Dolmetscher*», den F. C. Dreyssig 1813 in Leipzig herausbrachte, zierte die Umrisssradierung eines «*Krimmschen Tataren*» das Titelblatt, auf dem «*Neuen Dollmetscher für Deutsche, um mit Russen zu sprechen, Dietlein, Halle 1813*», die eines «*Nogaischen Tataren*». Beide Tataren wurden im Original auf Tafel II, S. 8 von Geißler als illuminierte Gruppe dargestellt.

Die 4. vermehrte Auflage des obigen Dolmetschers von Dreyssig erschien in Leipzig zusätzlich zur Umschlagsillustration mit einem Porträt von Alexander I.⁷²

Die Haltung der französischen Herrschafts- und Überwachungsorgane zu den russischen Dolmetschern wechselte innerhalb verschiedener Zeitabschnitte während der Napoleonischen Kriege von der Förderung als Soldaten-Wörterbuch, über deren argwöhnisch beobachteten Duldung bis hin zu Verfolgung und Unterdrückung.

Diese letzte Etappe setzte spätestens im Moment der Annäherung und des Überschreitens der jeweiligen Landesgrenzen durch Truppen der verbündeten Armeen, insbesondere von russischen Verbänden ein. Ab diesem Moment bekamen die russischen Dolmetscher analog den Flugschriften, Pamphleten, Karikaturen, Lieder etc. einen politischen Stellenwert, da sie «*eine Beziehung auf die neuesten politischen Ereignisse haben könnten*»⁷³ und sich «*zum politisieren*» eignen⁷⁴.

⁶⁹ Там же. С. 3.

⁷⁰ *Coupe*, 2007. S. 487.

⁷¹ *Bergk*, 1807. Es gab 1807 auch eine Ausgabe in Meißen; aus aktuellem Anlass erfolgte 1812/13 eine Neuauflage.

⁷² Im Leipziger Auktionshaus Wend wurde dieser Dolmetscher bei der Auktion 18 im Jahr 2009 bei 60,00 EUR Anfangsgebot für 260,00 EUR versteigert!

⁷³ Archiv – Geheimes Staatsarchiv Berlin. Siehe Protokoll der Durchsuchung und Befragung des Buchhändlers Gebauer v. 13.03.1813.

⁷⁴ Archiv – Geheimes Staatsarchiv Berlin. Siehe Protokoll der Durchsuchung und Befragung des Buchhändlers Schwetzsche v. 13.03.1813.

Diese «Wende in der Zensurpolitik» (formeller Anlass war die Illustrierung eines Dolmetschers mit einer antinapoleonischen Vignette), wird von Straube⁷⁵ und Paye bezüglich des Königreichs Westfalen anschaulich beschrieben (Affäre Dreyssig)⁷⁶.

Es gibt ähnliche Beispiele eines rigiden Vorgehens der örtlichen und der französischen Behörden in anderen Rheinbundstaaten gegen die Verleger und Buchhändler, die russische Dolmetscher auf den Markt brachten.

So wurde der Erfurter Buchhändler Friedrich Keyser im Januar und im Oktober 1813 verhaftet, «weil er ein russisches Wörterbuch gedruckt und verlegt hatte»⁷⁷.

In Solingen veranlasste man wegen des Nachdrucks eines russischen Wörterbuchs durch Siebel Zwangsmaßnahmen (Schließung einer Druckerei/Verbot einer Zeitung), zog diese später jedoch wieder zurück, nachdem Maire Grah in einem Bericht an den Unterpräfekten in Elberfeld «das deutsch-russische Wörterbuch für sehr nützlich» erklärt hatte⁷⁸.

In Sachsen ist mir keine direkte Verfolgung russischer Dolmetscher bekannt geworden. Selbst eine vorsorgliche Mitteilung des damaligen Oberbürgermeisters von Leipzig Siegmann vom 15.02.1813 an die Regierungsbehörden in Dresden blieb ohne Reaktion. «Siegmann hatte die große Zahl der inserierten russischen Wörterbücher moniert, die >auswärts< missgedeutet werden könnten»⁷⁹.

Diese ausgewählten Beispiele belegen, dass die Polizeimaßnahmen gegen die russischen Dolmetscher (im Unterschied zur Flugschriftenliteratur) keiner einheitlich vorgegebenen Richtlinie folgten und landesspezifische sowie regionale Besonderheiten aufwiesen. Die Schlussfolgerung, die Rüdiger Busch im Hinblick auf das Großherzogtum Berg machte, sind sicher für den Rheinbund als Ganzes anwendbar: «Hierbei handelte es sich nicht um nach gesetzlichen Vorschriften durchgeführte Zensurmaßnahmen-<...>, sondern um ohne jegliche Anordnung durchgeführte Akte der Verzweiflung»⁸⁰.

Die Buchhändler jedenfalls waren von dieser Wende in der Bewertung der Dolmetscherliteratur sichtlich überrascht und mussten sich auf die neue Situation durch entsprechende Gegenmaßnahmen einstellen.

Zusammenfassend kann festgestellt werden, dass die russischen Dolmetscher und Wörterbücher zur Napoleonzeit von vorneherein nicht auf nachhaltigen Spracher-

⁷⁵ *Straube*. S. 138. Straube wertete Materialien des Deutschen Zentralarchivs (DZA Merseburg, Westfalen, Rep. 2, I, Nr. 24.) aus.

⁷⁶ *Paye*, 2013. S. 180f. Die von Paye beschriebene Vignette habe ich in dem anonym bei Friedrich-Christoph Dreyßig in Halle und Leipzig 1813 erschienenen «Kleinen russischen, deutschen und französischen Wörterbuch, geschöpft aus der Quelle von Joachim Heim...» vorgefunden (Wörterbuch 1813). Ich bin mir aber ganz sicher, dass es weitere derartige Vignetten innerhalb von Dolmetschern gab.

⁷⁷ *Gutsche*, 1986. S. 208 und 211.

⁷⁸ *Rosenthal*, 1972. S. 254.

⁷⁹ *Buttgereit*, 2009. S. 165.

⁸⁰ *Busch*, 1970. S. 53.

werb gerichtet waren; sie maßten sich selbst keinerlei didaktische Funktion an. Darin ähneln sie den Reisewörterbüchern, die damals ebenfalls gern genutzt wurden; hier aber nicht abgehandelt werden konnten. Die russischen Dolmetscher waren für den Augenblick als reine Verständigungshilfen konzipiert, was alle Beteiligten wussten und akzeptierten. Sie stellten nach Croiset van de Koop «*producten van één`dag*»⁸¹ dar. Selbst die französische Polizei hat dies so eingeschätzt: «*ils ne sont redigés que pour un usage momentané*»⁸².

Deshalb wird den russischen Dolmetschern und Verständigungshilfen meines Erachtens ihre bisherige durchgängige Zuordnung zu den Lehr- und Lernmitteln der russischen Sprache nicht gerecht. Sie haben starke Bezüge zur damaligen politischen Tagesliteratur und wurden von den Verfolgungsbehörden auch in dieser Eigenschaft betrachtet und teilweise verfolgt.

Unbestritten jedoch sind diese Materialien, die heute bibliophile Kostbarkeiten darstellen, wertvolle Zeugnisse der Alltagsgeschichte der deutschen Bevölkerung während der Zeit der Befreiungskriege! In dem Moment, wo die flächendeckende Einquartierung als Hauptgrund für das massenhafte Auftreten dieser Sprachbücher wegfiel, verschwand auch das Interesse der örtlichen Bevölkerung an ihnen⁸³. Mit dem endgültigen Rückmarsch der russischen Armeeeinheiten in ihre Heimat 1815 war das Kapitel russische Dolmetscher und Verständigungshilfen in Deutschland beendet und das kurzzeitige Interesse der Bevölkerung an Russland und der russischen Sprache erloschen.

«*На все Русское была тогда мода; однако же, по своему обыкoveniю, эта своя нравная и непостоянная богиня нам изменила, и языкъ нашъ не сделалъ успеховвъ в Германiи*»⁸⁴.

References / Список литературы

Ausführlicher Deutsch-Russischer Dolmetscher welcher die im gemeinen Leben vorzüglich aber bei russischer Einquartierung nöthigsten Redensarten, um sich einander verständlich zu machen, enthält... nebst einem alphabetischen Wörterbuch von mehr als 1000 der nöthigsten Wörter und der Angabe des Namens und Werthes des russischen Geldes. Naumburg: Bei Karl August Wild, 1813.

Baumann H. Zur Geschichte der für Deutsche gedruckten Lehrmittel des Russischen 1731–1945. Universität Jena. Gesellschaftswissenschaftliche Fakultät. Habilitationsschrift. Jena, 1969. (Maschinenschrift).

Bechstein L. Johann Matthäus Bechstein und die Forstacademie Dreissigacker, 1855.

Begunova A. Povsednevnaâ žizn` russkogo gusara v carstvovanie Aleksandra I. M.: Molodaâ gvardiâ, 2000.

Bergk J. A., Geißler C. G. H. Schilderung und Abbildung der merkwürdigsten Russischen Völkerschaften, welche in dem jetzigen Kriege gegen Frankreich kämpfen. Oder die Kosaken, Tataren, Kirgisen und Baschkiren

⁸¹ *Croiset van de Koop*, 1912. S. 374.

⁸² *Paye*, 2013. Brief Mertens an de Bongars, S. 184 u. Fußnote 87.

⁸³ Als zum Beispiel in Leipzig ab 1814 alle russischen Soldaten innerhalb der Garnison in Kasernen untergebracht waren, war man zwar an einem sachlichen, freundschaftlichen Umgang mit ihnen interessiert, russische Sprachbücher und Verständigungshilfen waren aber nicht mehr notwendig. «Bei den wenigen Sprachkenntnissen und den meist mangelhaften Hilfsmitteln blieb die Anteilnahme der Bevölkerung auf militärische Schauspiele beschränkt...» *Orzschig*, 1934. S. 47.

⁸⁴ *Михайловский-Данилевский*, 1836. С. 465.

nach ihren Sitten, Gebräuchen und Waffen, ihrer Lebensart, ihren Beschäftigungen und ihrer Art Krieg zu führen. Leipzig, 1807.

Bergk J.A. Über die russischen Soldaten und wie man es anzufangen hat, dass man mit ihnen gut auskommt. Leipzig, 1813.

Berlinische Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen. Jahrgänge 1812, 1813, 1814.

Betsch M. Diskontinuität und Tradition im System der tschechischen Anredepronomen (1700–1850). München, 2000.

Busch R. Die Aufsicht über das Bücher- und Pressewesen in den Rheinbundstaaten Berg, Westfalen und Frankfurt. Karlsruhe, 1970.

Buttgereit H. Zensur und Öffentlichkeit in Leipzig 1806 bis 1813 // Kommunikationsgeschichte. Berlin, 2009. Bd. 28.

Ceskoslovenská rusistika; časopis pro jazyky a literatury slovanských národů SSR. Praha, 1957. Bd. 2.

Coupe W.A. Die deutsche Napoleonkarikatur und das Ausland // Karenel P., Reichardt R. Interkulturelle Kommunikation in der europäischen Druckgraphik im 18. und 19. Jahrhundert. Hildesheim, 2007.

Croiset van de Koop A.C., Evers G.A. Nederland-Rusland. Vergeten boekjes // Het boek, Tweede reeks van het tijdschrift voor boek- en bibliotheekwezen. Den Haag, 1913.

Däbritz H. Ein sächsischer Dorfschullehrer in der Mitte des 19. Jahrhunderts // Pädagogische Studien. Dresden, 1904. Bd. 25.

Der getreue russische Dolmetscher der nothwendigsten Wörter und Redensarten. Mit der Aussprache für Deutsche / Von Andrey Dmitritsch, aus Moskau. Altona: Friedrich Bechthold, 1813.

Der kleine Dollmetscher mit dem Kosaken, worinn die nothwendigsten russischen Wörter, Gespräche und Zahlen, wie solche nach der deutschen Mundart ausgesprochen werden müssen, enthalten sind. Neue von einem geborenen Russen verbesserte Auflage. Frankfurt, 1813.

Der neueste Dollmetscher zwischen dem Deutschen und Russen oder deutsch-russisches Handwörterbüchlein. Enthaltend eine Menge der vorzüglichsten Wörter und geläufigsten Redensarten. Nach der letzten Berliner Ausgabe in alphabetischer Ordnung bearbeitet. Basel: Bei Samuel Flick, [1814].

Der Russische Dolmetscher für Deutsche welcher all nöthigen Wörter und Redensarten enthält um sich den Russen verständlich zu machen. 1813.

Der Russische Dolmetscher für Deutsche, welcher die allernöthigsten Wörter und im gemeinen Leben vorkommenden Redensarten nach alphabetischer Ordnung enthält, wie sie nach Deutscher Mundart ausgesprochen werden müssen. Nebst Schilderung der Russischen Krieger in Hinsicht auf ihren Charakter, Lebensart, Religion und Gewohnheit. 3., verbesserte Auflage. Heidelberg: Bei Engelmann und Meder, 1814.

Deutsch-russischer Dolmetscher. 5. Auflage. Leipzig: Bei Friedrich Christoph Dreißig, 1813.

Deutsch-Russisches Verzeichniß nach dem Alphabete, mit einigen Zusätzen, zum bequemeren Gebrauche des neuen Hilfsmittels die Russische Sprache leichter zu verstehen. [1799/1813].

Deutsch-Russischer Dolmetscher worin die nothwendigsten russischen Wörter, Gespräche und Zahlen, wie solche nach der russischen und deutschen Mundart ausgesprochen werden müssen, enthalten sind, in alphabetischer Ordnung sowohl in deutscher als russischer Sprache. Nebst einer kurzen Nachricht über das russische Militair als Anweisung zur Behandlung desselben für Hauswirth, von W.C.v.H.; 5. verbesserte u. vermehrte Auflage. Coblenz: Bei Pauli u. Comp, 1814.

Dobrovský J. Dopisy Josefa Dobrovského s Janem Petrem Cerronim. Praha, 1948.

Dobrovský J. Spisy a projevy, ROSSICA, Nakl. Československé akademie ved. Praha, 1953.

Erste Anfangsgründe zur Erlernung der russischen Sprache; oder deutsch-russisches Abbuch. Für Erwachsene und junge Leute zum Selbstunterricht deutlich dargestellt. Mit einer in Kupfer gestochenen Schrifttabelle. Leipzig: Bei Ernst Klein, [1813].

Francev V.A. Ruská vojska v Cechách. Praha, 1935.

Freytag G. (Hrsg.). Bilder aus der deutschen Vergangenheit. 5. vermehrte Auflage. Vierter Band: Aus neuer Zeit (1700–1848). Leipzig, 1867.

Geißler C. G. H. Neuester und vollständigster Russischer Dollmetscher, enthaltend alle diejenigen Wörter und Ausdrücke, welche die Bewohner einer Stadt oder eines Dorfes wissen muß, wenn er die Russen verstehen, oder sich ihnen verständlich machen, und sich dadurch manche Unannehmlichkeiten vermeiden will. Nebst einer nach achtjährigen in Russland selbst gemachten Erfahrungen niedergeschriebenen Schilderung der russischen Nation, in Hinsicht ihrer Sitten, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung, Speisen, Gewohnheiten, etc.; desgleichen, mit einer Schilderung des russischen Militairs, sowohl der Linientruppen, als: der Kosaken, der Kalmücken, der Tartaren, und der Baschkiren; nebst Angabe der sämmtlichen russischen

Kriegsmacht, und mit einer Anweisung, wie Bequartirte das russische Militair zu behandeln haben. Leipzig: Bei Sommer, 1813.

Goethe J. W. Tagebücher: historisch-kritische Ausgabe im Auftrag der Klassiker Stiftung Weimar. Tagebücher 1809 bis 1812. Text und Register. Stuttgart; Weimar, 2008. Bd. IV.

Große K. Geschichte der Stadt Leipzig von der ältesten bis auf die neueste Zeit. Leipzig, 1898. Bd. 2.

Gutsche W. Geschichte der Stadt Erfurt. Weimar, 1986.

Hessel L. H. Der Russische Dolmetscher in Fragen und Antworten für den Bürger und Landmann, in Bureau, für Reisende, im Handel, in Gasthöfen und für Militär. 2 verbesserte Auflage. Nürnberg, 1813.

Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790–1849. Wien–Köln–Weimar, 2000.

Iskūl' S.N. Nemeckie brošūry 1813 g. O russkom soldate // Vostok. 2005. Vyp. 1/2 (25/26) .

Janhunen J. Introducing the Imperial Language: Early Russian Language Tolls for Use in Finland. Helsinki, 2008.

Jasükowski. Russische Gespräche enthaltend die nothwendigsten Redensarten um sich jedem Russen so gleich verständlich zu machen nebst beigetzter deutscher Aussprache auch als Lesebuch zur leichten Erlernung der russischen Sprache zu gebrauchen. Berlin; Leipzig, 1813.

Jirásek J. Rusko a my: studie vztahu ceskoslovensko-ruských od počátku 19. století do r. 1867. Prag, 1929.

Kaiser K. Gottfried Schadow als Karikaturist. Dresden, 1955.

Keienburg E., Lindner J. Johann Gottfried Schadows Weg zur Kunst. Biographische Erzählung. Berlin, 1974.

Kiesewetter J. G. Reise durch einen Theil Deutschlands, der Schweiz und des südlichen Frankreichs nach Paris. Erinnerungen aus den denkwürdigen Jahren 1813, 1814 und 1815. Berlin, 1816. 1. Theil.

Kleiner russischer Dolmetscher oder russisch-deutsches Wörterbuch der im gemeinen Leben nothwendigsten Wörter und Redensarten, nebst der Aussprache des Deutschen mit russischer Schrift, zum Gebrauch für Russen welche sich den Deutschen verständlich machen wollen. Leipzig 1813, bei Friedrich August Leo (RNB St. Petersburg; Sign. NLR 13.16.9.116) .

Kleines russisches, deutsches und französisches Wörterbuch, geschöpft aus der Quelle von Johann Heim, Russisch-Kaiserlichem Collegien-Assessor, Professor und Unterbibliothekar der Kaiserlich Moskowschen Universität. Halle und Leipzig 1813. Bei Friedrich Christoph Dreissig. (Universitätsbibliothek TU Bergakademie Freiberg; Signatur: XV 498).

Kreye N. C. Kleiner Russischer Dollmetscher für die Deutschen. Enthaltend die nothwendigsten Wörter und Gespräche. Dritte gänzlich umgearbeitete Auflage, mit dem russischen Original-Texte. SPb., 1813. Bei Pluchart und Comp. (Eigenbesitz).

Kudelka M. Simecek Z., Vecerka R. Ceská slavistika. Praha, 1995.

Kusnetzows neuester möglichst vollständiger russisch-deutscher und deutsch-russischer Dolmetscher oder kleines Sprach-Orakel für Russen und Deutsche. Ein zweckmäßiges Hilfsmittel zur Erleichterung des Umgangs und der gegenseitigen Unterhaltung beider Nationen. Russischer Paralleltitel. Leipzig, [1813].

Lehfeld W. Carl Friedrich Gauß und die russische Sprache // Studien zur Wissenschaft und zur Religionsgeschichte / Hrsg.: Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin, 2011.

Mann J. K. G. Chronik der Stadt Naumburg auf die Jahre 1800 bis 1814. Naumburg (Saale), 2004.

Mest' aN A. Dobrovskýs Reise nach Russland und die Anfänge der wissenschaftlichen Slawistik // Reisen und Reisebeschreibungen im 18. und 19. Jahrhundert als Quellen der Kulturbeziehungsforshung. Berlin, 1980.

Mihajlovskij-Danilevskij A. I. Zapiski o pohode 1813 goda. 2-e izd. SPb.: V tipografii Imperatorskoj Rosijskoj Akademii nauk, 1836.

Morgenblatt für gebildete Stände. Tübingen: Verlag Cotta, 1814.

Nagel F. G. Bilder aus der Heimath. Die denkwürdigen Jahre von 1806 bis 1815. Berlin, 1955.

Neue Militärische Blätter. Bd. 26 / Redigiert und herausgegeben von G. v. Glasenapp. Potsdam, 1885.

Neuer Dollmetscher für Deutsche, um mit Russen zu sprechen. Halle: Bei Dietlein, 1813.

Neuer Russischer Dollmetscher für Deutsche. Enthaltend die Grundregeln der russischen Grammatik und eine kurze Anleitung, die nothwendigsten russischen Wörter und Redensarten verstehen und sprechen zu lernen. 11. Auflage. M.: Bei Friedrich Severin, 1864.

Neuer Russischer Dollmetscher für Deutsche. Enthaltend eine kurze Anleitung, die nothwendigsten russischen Wörter und Redensarten verstehen und sprechen zu lernen. SPb.: Senats Buchdruckerei, 1819.

Neuer Russischer Dollmetscher für Deutsche. Enthaltend eine kurze Anleitung, die nothwendigsten russischen Wörter und Redensarten verstehen und sprechen zu lernen. 7., durchaus verbesserte und vermehrte Auflage. SPb., 1839 // Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.

Orzschig J. Das russische General-Gouvernement in Leipzig, Oktober 1813 – November 1814. Leipzig, 1934.

Otten F. Russisch-deutsche Verständigungshilfen (1799 und 1813) // Bibliothek und Medien. 2012. 32. Nr. 2. München, 2012.

Palacký F. Joseph Dobrovský's Leben und gelebtes Wirken // Abhandlungen der königlich-böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Prag, 1822. Bd. 3.

Paye C. Der französischen Sprache mächtig. Kommunikation im Spannungsfeld von Sprachen und Kulturen im Königsreich Westphalen (1807–1813). München, 2013.

Peschek M. C. A. Handbuch der Geschichte von Zittau. Zittau, 1837.

Rittig von Flammenster N. A. Deutsch-Russisches und Russisch-Deutsches Taschenbuch. Ein unentbehrliches Hülfsmittel zum mündlichen Verkehr beyder Nationen. Wien, 1813. Bei B. Ph. Bauer. (Universitätsbibliothek Salzburg; Signatur: 164099 I).

Rosenthal H. Solingen, Geschichte einer Stadt. Duisburg, 1972. Bd. 2: Von 1700 bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts.

Russisch-deutsches Handbuch zur nothwendigen Verständigung zwischen Personen beyder Völkerschaften: nebst Vergleichung der Russischen Hannöverischen Maaße, Gewichte und Münzen. Lüneburg: Bei Herold & Wahlstab, 1806.

Russisch-deutsches Handbuch zur nothwendigen Verständigung zwischen Personen beyder Völkerschaften: nebst Vergleichung der Russischen Hannöverischen Maaße, Gewichte und Münzen. Lüneburg: Bei Herold & Wahlstab, 1813.

Russischer Dollmetscher oder Auswahl der nöthigsten gebräuchlichsten Wörter dieser Sprache, mit deutscher Erklärung. Ein Noth- und Hülfbuch zunächst für Bürger und Landleute. Köln: Bei H. Rommerskirchen, 1814.

Russischer Dollmetscher worinn die nothwendigsten russischen Wörter, Gespräche und Zahlen, wie solche nach der deutschen Mundart ausgesprochen werden müssen, enthalten sind. Zur leichten Verständlichung in dringenden Fällen. 2. vermehrte Auflage. 1813.

Russischer Dolmetscher für den Bürger und Landmann worin die nothwendigsten russischen Wörter, Gespräche und Zahlen enthalten sind, wie solche nach der deutschen Mundart ausgesprochen werden müssen. Berlin: Bei C. F. Amelang, 1813.

Russischer Dolmetscher, worin die nothwendigsten russischen Wörter, Gespräche und Zahlen, wie solche nach der deutschen Mundart ausgesprochen werden müssen, enthalten sind. Nebst einer kurzen Nachricht über das russische Militair als Anweisung zur Behandlung desselben für Hauswirth bei Einquartierungen. Pirna; Dresden: Bei Diller und Schneider, 1813.

Russland und die russische Sprache, in einem Hülfswörterbucheio Hamburg, 1813. (Staats- und Universitätsbibliothek Hamburg; Signatur: A / 2440).

Scheffler S., Scheffler E. So zerstieben getraeumte Weltreiche. Napoleon I. in der deutschen Karikatur. Hannover; Stuttgart, 1995.

Schilderung der russischen Krieger sowohl der regulairen Truppen und Kosacken, als auch der übrigen unter russischem Scepter streitenden Völker, in Hinsicht auf ihren Charakter, Lebensweise, Religion und Gewohnheiten. Bremen, 1813.

Schmidt P., Dobberitz L. Über Sprachstudien Abraham Gottlob Werners (1749–1817) // Zeitschrift für Geologische Wissenschaften. Hf. 6. Berlin, 1981.

Schröder S. Religionstransfer. Russische Orthodoxie in Weimar ab 1804 // Jenaer Beiträge zur Geschichte. Bd. 9: Von Petersburg nach Weimar. Kulturelle Transfers von 1800 bis 1860. Frankfurt am Main; Berlin, 2005.

Schwarz S. Alexander von Humboldts persische und russische Wortsammlungen // Berichte und Abhandlungen. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1998. Bd. 6.

Strotkin V. Napoleon I. Aleksandr I. Diplomatiija i razvedka Napoleona I. Aleksandra I. v 1801–1812 gg. M., 2003.

Словарь — словарь, маленький російско-немецкій самыхъ нужныхъ в общежитіи словъ и изреченій, вместе съ произношеніемъ російскими буквами выраженнымъ для россиянь которые желають изъясняться немцамъ. Лейпциг: у Фридриха Августа Лео, 1813.

Snegirev I. Josif Daobrovskij. Ego zizn', uceno-literaturnye trudy i zazlugi dlja slavjanovedenija. Kazan, 1884.

Stern L. Die Varnhagen von Ensensche Sammlung in der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1911.

Straube F. Frühjahrsfeldzug 1813. Die Rolle der russischen Truppen bei der Befreiung Deutschlands vom Napoleonischen Joch, Rütten & Loenig. Berlin, 1963.

Szumski T. Russischer Selbstlehrer enthaltend eine kurz und deutlich abgefasste Russische Grammatik, allgemein nöthige Redensarten und Gespräche, ein deutsch-russisches und russisch-deutsches Vokabulär der allgemeinnöthigsten Wörter; worin alles mit deutschen, lateinischen, französischen und polnischen Buchstaben gedruckt ist, nebst einer in Kupfer gestochenen Tafel des russischen Alphabets. Posen 1813. Bei Decker & Comp. (Eutiner Landesbibliothek; Signatur: VI a 466).

Täppe A. W. Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche. 7. verbesserte und vermehrte Auflage. SPb.; Riga; Dorpat; Mitau; Dresden; Leipzig, 1835.

Weber C. J. Deutschland oder Briefe eines in Deutschland reisenden Deutschen. 3. Auflage. Stuttgart, 1855. Bd. 3.

Wiedemann K., Schneider P.-P. Die Bibliothek Friedrich Heinrich Jacobis: Ein Katalog. Stuttgart – Bad Cannstatt, 1998. Bd. 2.

Wurzbach C. von. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Wien, 1861.

Л. Кангаспуру

Уголовный кодекс Финляндии 1889 г. как законодательный источник европейской интеграции

Ни для кого не секрет, что на сегодняшний день в Финляндии одно из самых развитых и эффективных уголовных законодательств в Европе, а тюрьмы — одни из лучших в мире. Каким образом Финляндия достигла этого? Ее исторический опыт в создании уголовного законодательства и проведении эффективной уголовно-исправительной политики явно небесполезен для многих стран и на современном этапе. Будучи по образованию историком и юристом, я попытаюсь представить тему с междисциплинарной позиции.

Уголовное право Финляндии отличается рядом специфических черт, главной из которых является его исключительная стабильность. В отличие от Уголовных кодексов (далее — УК) скандинавских стран XIX в. УК Финляндии 1889 г. действует до сих пор.

Финляндия входила и входит в так называемую скандинавскую правовую семью. Всем известно, что после присоединения к Российской империи в Великом княжестве Финляндском в условиях автономии сохраняли силу ранее действовавшие шведские законы. Швеция давно стала мировым лидером в плане развития демократии, законности и политических свобод. Финны наравне со шведами приобщались к политической культуре и демократическим началам. Поэтому в 1809 г. в Финляндии уже существовали и политические партии, и выборная система, и охраняемые законом права личности. Кроме того, нужно помнить, что в Финляндии, как и в Швеции, никогда не было крепостного права, что, несомненно, явилось позитивным фактором в деле формирования

общественных традиций и нравов. Как выразился русский юрист и дипломат Б.Э. Нольде, «Великое княжество Финляндское строили согласно русскому плану, но при этом из шведского строительного материала»¹. История Финляндского государства в значительной степени объясняет особенности его правовой системы, сложившейся к настоящему времени.

Особого внимания заслуживает составление, принятие и введение в действие в конце XIX в. нового финляндского Уголовного кодекса. Значительный вклад в изучение истории его создания внес Р.Н. Дусаев². Проанализировав как формировавшуюся законодательную базу княжества, так и его политическую систему, он подробно изучил архивные и публицистические источники того времени.

Наибольшее освещение в отечественной историографии получило составление общей части указанного кодекса. Однако вторая часть финского Уголовного уложения 1889 г. содержала нормы, регулировавшие исполнение уголовных наказаний в автономии. Эта часть кодификации осталась в тени исследований. Однако, как считает финский исследователь Алпо Юнтунен, «предпосылкой обновления уголовного кодекса была <...> тюремная реформа»³, так как в середине XIX в. места лишения свободы в автономии, как и во всей Европе, находились в плачевном состоянии. Однако тюрьма постепенно реформировалась. Например, уже в 1848 г. была введена классификация арестантов по характеру и степени преступления, одиночное заключение для подсудимых и т. д.⁴

Однако в первые десятилетия становления автономии не было соответствующей законодательной базы, а тем более национальной уголовно-правовой школы, способной разработать новые нормы, касающиеся преступления и наказания, что было вполне закономерно для государственного развития автономии. Ситуация изменилась лишь в связи с бурным развитием капитализма в середине XIX в., с образованием национального рынка, ростом самосознания⁵, культуры, в том числе и правовой, с оживлением работы Сейма. Народ стал понимать и интересоваться общественными делами. Генерал-губернатор князь И.М. Оболенский писал: «Я уважаю финляндцев за их преданность своей Родине и внутреннему общественному порядку»⁶.

¹ Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911.

² См. напр.: Дусаев Р.Н. 1) Уголовное уложение Великого княжества Финляндского: история создания, основные институты. Л., 1988; 2) Уголовное уложение Великого Княжества Финляндского. История создания, основные институты. Л., 1988; 3) Кодификация уголовного законодательства Финляндии XIX в.: Автореферат дис. ... д.ю. н. СПб., 1992.

³ Юнтунен А. Ссылка финнов в Сибирь из автономного Великого Княжества Российской империи и ссылки в Сибири. Хельсинки, 1984. С. 6.

⁴ Гротенфельд А. Тюремное дело в Великом Княжестве Финляндском. Отчет, представленный финляндским Тюремным Управлением в апреле 1890. Гельсингфорс, 1890. С. 6.

⁵ Юссила О. и др. Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 45.

⁶ Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. 12 (с мая по ноябрь 1904). СПб., 1904. С. 129.

В середине XIX в. по инициативе правительства было впервые предпринято исследование тюремного дела в крае. С возникновением реальной возможности созыва земских чинов автономии появились надежды на осуществление многих важных законодательных реформ, в том числе на издание нового Уголовного уложения. Мнение о том, что уголовные законы устарели, разделяло всё финское общество. К этому времени следует отнести начало пенитенциарной реформы в Финляндии, так как изменения имели характер коренного преобразования тюремного дела в крае. Под руководством юриста и государственного деятеля Адольфа Гротенфельта в 1860-х гг. был разработан обширный план по обновлению тюрем по лучшим западноевропейским образцам.

Вскоре выяснилось, что к сессии Сейма 1863 г. проект нового Уголовного уложения подготовлен не будет. Поэтому финляндский Сенат постановил утвердить частичное обновление наиболее устаревших норм действовавшего тогда шведского Уложения 1734 г. Чтобы сократить сроки подготовки и избежать больших трудностей в проведении реформ, глава судебного департамента Сената Иоганн Бергбум рекомендовал перенять шведский опыт, где «Отделы о преступлениях и наказаниях» в указанном уложении уже были обновлены. Однако он настаивал на изучении принципов, а не на копировании правовых норм. Бергбум утверждал, что основным видом в системе наказаний должны стать не устрашающие членовредительские наказания, а обыкновенная рабочая тюрьма, где карательные функции сочетались бы с перевоспитанием преступников. Этот принцип был взят за основу. В специальную комиссию, возглавленную Бергбумом, вошли как теоретики: К. Г. Эрштрем (профессор уголовного права Хельсинкского университета), А. Гротенфельт (секретарь университета), так и юристы-практики: И. Д. Даль (ассессор надворного суда), К. Леопольд (геральдский судья, т.е. судья первой инстанции). Результатом ее работы стало принятие в 1866 г. «Постановления о исполнении наказаний лишением свободы»⁷. Оно было основано на современных принципах уголовно-исполнительного права того времени и определило только два вида наказания: денежные взыскания и лишение свободы. Постановление вступило в силу в 1870 г. и представляло собой переход от устаревшего шведского к новому финляндскому кодексу, проект которого уже составлялся. Комиссия Бергбума считала, что проверка эффективности этих нововведений на практике послужила бы гарантией целесообразности данного направления работ комиссии и являлась основной задачей своего рода переходного периода — от мелких новшеств к глобальным реформам. А также она полагала, что за сравнительно недолгий переходный период общественное мнение Великого княжества подготовится к восприятию многих новшеств: отмене смертной казни, высылки из страны и др.

⁷ Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1865–1866. Гельсингфорс, 1867. № 27. С. 9–18.

«Постановление о исполнении наказаний лишением свободы» от 26.11.1866 г.⁸, основанное на современных принципах уголовно-исполнительного права того времени, определило только два вида наказания: денежные взыскания и лишение свободы. Оно вступило в силу с 01.01.1870 г., восполнив давно ощущавшийся пробел в пенитенциарном законодательстве Финляндии. Таким образом, в Финляндии была введена новая по тем временам прогрессивно-поступательная ирландская система исправления преступников. Администрация мест лишения свободы совместно с судебными органами следила за степенью воспитательного воздействия наказания. Если оно воздействовало и исправляло преступника, то наказание постепенно смягчалось, он получал бонусы и в конечном итоге досрочно освобождался. Но основной целью переходной реформы являлось приведение мест заключения в соответствие с применением новых уголовных и пенитенциарных законов⁹. Что и было достигнуто за следующие три десятилетия¹⁰.

Первый проект кодекса, 1875 г., разрабатывался членами той же комиссии, которую возглавлял Бергбум. Проект включал в себя научные достижения формировавшейся в то время национальной финской школы уголовного права, лидером которой являлся проф. Эрштрем. Наказания в виде лишения свободы были признаны основными. Современниками было отмечено сильное влияние на проект иностранных источников: УК Швеции 1864 г., Дании 1866 г., Франции 1810 и Германии 1871 г. Некоторые участники создания кодекса учились в Германии. Это свидетельствует о параллельном историко-правовом развитии государств Западной Европы, в которых эволюция права происходила на основе теоретических позиций классической школы уголовного права. В 1880 г. из-за острой политической борьбы между шведоманским и финнофильским движением за приоритет в создании кодификации была создана новая комиссия. Окончательный вариант кодекса был передан на обсуждение земским чинам на Сейме 1888 г. и в главных чертах одобрен. В него вошло Постановление об исполнении наказаний. В 1889 г. новый финляндский Уголовный кодекс получил императорское утверждение, но затем его введение в действие (назначенное на 1 января 1891 г.) было приостановлено манифестом в 1890 г.

Этот исключительный в истории законодательства факт был вызван тем обстоятельством, что, по мнению российских законодателей, составители уложения определили Финляндию как самостоятельное государство, а Россию по отношению к ней как иностранную державу. Это не соответствовало официальной точке зрения Российской империи. Это стало не только делом законодательным, но и идеологическим, и политическим. Нужно отметить, что внутренняя полемика вокруг создания и принятия первой редакции финляндского Уголовного уложения велась на шведском языке. Лишь конечный

⁸ Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1865–1866. Гельсингфорс, 1867. № 27. С. 9–18.

⁹ Вопрос подробно изложен в работах Р. Н. Дусаева.

¹⁰ Вопрос подробно изложен в статьях Л. Кангаспуру (Л. В. Орфинской).

результат в виде самого уложения 1889 г. был переведен на русский язык для Высочайшего утверждения. И только после его опубликования развернулась «борьба» между финляндскими и российскими юристами и государственными деятелями, которая получила широкое освещение в различных русскоязычных периодических изданиях и прессе.

Резкий поворот в обсуждении в прессе нового УК происходит в 1890 г. Особенно выделяется своим негативным отношением к Финляндии основанный в том же году журнал «Юридическая летопись»¹¹ (правда, просуществовал он только до конца 1892 г.). Именно его издатель, известный российский юрист и государственный деятель, первый председатель окраинного общества Н. Д. Сергеевский¹² опубликовал известную статью Н. С. Таганцева о финляндском Уголовном уложении¹³. Придерживавшиеся имперской позиции авторы не ограничились статьями в периодических изданиях. Вопрос создал целую литературу, выделяясь главами в монографиях современников: «Одним из последних и самых выдающихся свидетельств того, что финляндские политики считают свою страну самостоятельным гос[ударст]вом... служит уголовное уложение В. Княжества 1890 г.»¹⁴

Этот вопрос привлек больше внимания российской прессы, чем когда-либо раньше¹⁵. К концу XIX в. княжество стало объектом всеобщего внимания общественности России. У одних это вызывало восхищение, у других — зависть, часть русских считало Финляндию передовой страной, другие же рассматривали ее как опасный пример для национальных меньшинств империи. Статьи на эту тему публиковались в таких популярных газетах и журналах, как «Новое время»¹⁶, «Свет»¹⁷, «Вестник Европы»¹⁸, «Право»¹⁹, «Журнал Министер-

¹¹ Законодательная хроника об уголовном уложении В. К. Финляндского // Юридическая летопись. 1891. Ч. 1. С. 130.

¹² *Сергеевский Н. Д.* 1) К вопросу о коренных законах в.к. Финляндского. СПб., 1899; 2) К вопросу о финляндской автономии и основных законах. СПб.: Гос. тип., 1902.

¹³ *Таганцев Н. С.* Великое Княжество Финляндское: Выдержка из лекций по русскому уголовному праву. Изд-е 2-е. [Б. м.], 1902. Т. II. С. 245–252. Переиздана отдельной книгой в 1910 г.

¹⁴ *Еленев Ф.* Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891. С. 158.

¹⁵ *Саблина М. А.* Восприятие Финляндии в России (конец XIX — начало XX в.) // Международные отношения и диалог культур: Сборник научных статей. 2012. № 1. СПб., 2013. С. 359.

¹⁶ Тюремная реформа. Корреспондент из Гельсингфорса // Новое время. 1898. № 7904. 28.02.

¹⁷ О пребывании в Финляндии членов тюремного конгресса // Свет. 1890. № 141. 22.06.

¹⁸ Финляндское уголовное уложение, в связи с общим финляндским вопросом // Вестник Европы. 1891. № 3. С. 452–464.

¹⁹ *Германсон Р.* Статья 2-я российских основных законов и финляндская конституция // Право. 1908. 20.04. № 16.

ства Юстиции»²⁰, «Журнал гражданского и уголовного права»²¹, «Юридическая летопись»²² и др. Неизвестный автор как нельзя лучше охарактеризовал общественное мнение по поводу так называемого финляндского вопроса: «Нападения на Финляндию и финляндские порядки всё больше и больше входят в обиход известных органов печати. В “Московских Ведомостях”, например, они сделались почти такой же еженедельной рубрикой, как метеорологический бюллетень или список театральные представлений. Чрезвычайно редкое явление составляет наоборот, газетная или журнальная статья, относящаяся к Финляндии дружелюбно или хотя бы беспристрастно»²³.

Появление второй редакции Уложения было вызвано не столько теоретическими просчетами авторов редакции 1889 г., сколько политической борьбой вокруг государственной автономии Великого княжества. В Петербурге были приняты все меры к тому, чтобы парализовать вступление Уложения в силу. В конце октября 1890 г. специально для разработки нового проекта Уголовного уложения Финляндии при Минюсте империи была образована совместная российско-финляндская комиссия под председательством известного русского юриста и государственного деятеля Н. С. Таганцева. Комиссия состояла из представителей Минюста, финляндского Сената и Статс-секретариата княжества²⁴. Поскольку в теоретико-правовом отношении финляндская уголовная кодификация 1889 г. была одной из самых передовых среди европейских стран того времени, то царскому правительству пришлось удовлетвориться лишь незначительными изменениями, которые основывались на поправках, разработанных членами этой комиссии.

Измененное Уложение получило утверждение и вступило в действие в 1894 г. Но было бы слишком смело утверждать, что оно было переработано коренным образом. Сам Таганцев утверждал, что этот пересмотр имел характер «штопанья, хотя и нового, но оказавшегося дырявым платьем, и притом штопанья наиболее бьющих в глаза прорех»²⁵. Поэтому не следует переоценивать

²⁰ *Случевский В.К.* Столкновение русских и финляндских законов // Журнал Министерства Юстиции. 1908. № 5. С. 105; Отчет о деятельности Высочайше утвержденного постоянного Бюро съездов состоящих под покровительством Государя Императора русских исправительных заведений за 1904 год // Журнал Министерства Юстиции. 1905. № 10. С. 250.

²¹ Новое уголовное уложение Финляндии // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 7. С. 57.

²² *Коркунов Н.М.* Финляндское Великое Княжество // Юридическая летопись. 1890. Апрель; Законодательная хроника об уголовном уложении В.К. Финляндского // Юридическая летопись. 1891. Ч. 1. СПб., 1891.

²³ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1890. № 5. С. 422.

²⁴ *Случевский В.К.* Столкновение русских и финляндских законов // Журнал Министерства Юстиции. 1908. № 5. С. 115.

²⁵ Законодательная хроника об уголовном уложении В.К. Финляндского // Юридическая летопись. 1891. Ч. 1. С. 130.

их значение, так как большинство норм осталось не затронуто изменениями, сохранив свой самобытный характер. Обращает на себя тот факт, что в Российской империи оно именовалось Уложением 1894 г., хотя в Финляндии продолжали его называть Уложением 1889 г. Что это было? Финны пытались не придавать существенного значения второй редакции УК или таким способом выражали «пассивное сопротивление» давлению, оказанному со стороны имперской власти?

В силу значительного сопротивления всех политических партий и большинства государственных деятелей Финляндии эти попытки не увенчались существенным успехом. Эволюция карательной системы в Финляндии во многом была определена становлением ее государственной автономии в рамках Российской империи, но несмотря на это уголовное право России не оказало заметного влияния на изменение соответствующих положений финского уголовного законодательства.

Историко-правовой анализ Уголовного уложения Финляндии и уложений Российской империи (Уложения о преступлениях и наказаниях 1845 г. в пореформенной редакции 1885 г. и Уголовного уложения 1903 г., проект которого был уже создан к 1885 г.) выявил разный подход к решению сходных проблем, хотя как финские, так и русские законодатели того времени были в основном сторонниками классической школы права. Это объясняется разными историко-правовыми традициями, уровнями развития правовой культуры, различиями в форме правления, разными темпами развития производительных сил в империи и княжестве, более быстрой сменой производственных отношений в княжестве (где уже были отменены сословные привилегии) по сравнению с империей, а также общей ориентацией финляндского национального движения на общедемократические, общечеловеческие ценности, а не на феодально-абсолютистские принципы официальной России.

По истечении трех десятилетий, начиная с 1860-х гг. Финляндия приобрела тюремную систему, отвечающую мировым стандартам того времени. К концу XIX в. завершилась эпоха крупных и коренных преобразований финляндской тюремной системы. Собственное уголовно-исполнительное законодательство только ускорило этот процесс. Наказание лишением свободы стало основным. Повышению его роли способствовало введение в княжестве системы прогрессивно-поступательных стадий заключения. Финляндская прогрессивная пенитенциарная система заключалась в том, что арестант, пройдя все разряды и заслужив улучшение положения своим поведением и прилежанием, мог рассчитывать на ходатайство об условно-досрочном освобождении. В России подобное освобождение было введено законом лишь в 1909 г.²⁶

По мере увеличения общей безопасности и изменения в нравах общества кодификация уголовного законодательства Финляндии XIX в. отразила общие

²⁶ Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 3. Т. XXIX. 1909. Отд. 1. № 31330–32882 и Дополнения. СПб.: Государственная типография, 1912. 1112 с., № 32241.

закономерности развития уголовного права европейских стран, постепенного законодательного утверждения общечеловеческих ценностей. Она свидетельствует также о взаимопроникновении, синтезе правовых культур многих стран Западной Европы. Сохранение же определенной самобытности финляндской кодификации было обусловлено относительно ранним развитием собственно финляндской национальной правовой культуры, основанной на гуманистических принципах. В целом же тюремные преобразования в Финляндии носили опережающий характер по сравнению с изменениями, проводившимися в России. То, что финляндская тюремная система создавалась под влиянием европейской науки и практики, признавалось русскими тюремоведами уже тогда²⁷. Гуманистическая и демократическая направленность финляндской уголовно-исполнительной кодификации и ее практическая эффективность вызывали восхищение прогрессивной части как специалистов, так и всего российского общества. Либерально настроенные русские эксперты посещали финские тюрьмы и перенимали опыт. Эта традиция, заложенная еще в конце XIX в., продолжается и по сей день²⁸.

Подводя итоги выше сказанного, можно смело заявить, что европейская интеграция финского не только уголовного, но и уголовно-исправительного законодательства состоялась. Оно было признано одним из самых передовых среди европейских стран того времени.

References

- Dusaev R.N.* Kodifikaciâ ugolovnogo zakonodatel'stva Finlândii XIX v.: Avtoreferat dis. ... d.û.n. SPb., 1992.
- Dusaev R.N.* Ugolovnoe uloženie Velikogo Knâžestva Finlândskogo. Istoriâ sozdaniâ, osnovnye instituty. L., 1988.
- Elenev F.* Finlândskij sovremennij vopros po russkim i finlândskim istočnikam. SPb., 1891.
- Germanson R.* Stat'â 2-â rossijskih osnovnyh zakonov i finlândskaâ konstituciâ // *Pravo*. 1908.20.04. № 16.
- Grottenfel't A.* Tûremnoe delo v Velikom Knâžestve Finlândskom. Otčët, predstavennyj finlândskim Tûremnym Upravleniem v aprele 1890. Gel'singfors, 1890.
- Korkunov N.M.* Finlândskoe Velikoe Knâžestvo // *Ûridičeskaâ letopis`*. 1890. Aprel`.
- Nol'de, B.È.* Očerki russkogo gosudarstvennogo prava. SPb., 1911.
- Sablina M.A.* Vospriâtie Finlândii v Rossii (konec XIX — načalo XX v.). // *Meždunarodnye otnošenîa i dialog kul'tur: Sbornik naučnyh statej*. № 1 (2012). SPb., 2013.
- Sergeevskij N.D.* K voprosu o finlândskoj avtonomii i osnovnyh zakonah. SPb.: Gos. tip., 1902.
- Sergeevskij N.D.* K voprosu o korenyh zakonah v.k. Finlândskogo. SPb., 1899.
- Slučevskij V.K.* Stolknovenie russkih i finlândskih zakonov // *Žurnal Ministerstva Ûsticii*. 1908. № 5.
- Tagancev N.S.* Velikoe Knâžestvo Finlândskoe: Vyderžka iz lekcij po russkomu ugolovnomu pravu. T.I. Izd. 2-e. 1902.
- Ûtunen A.* Ssylka finnov v Sibir» iz avtonomnogo Velikogo Knâžestva Rossijskoj imperii i sssl'nye v Sibiri. Hel'sinki, 1984.

²⁷ *Владимиров С.* Организация тюремного дела в Финляндии // *Тюремный Вестник*. 1912. № 1. С. 203.

²⁸ 07.06.2013. Новости. Российские СИЗО станут похожими на европейские. Директор ФСИН Геннадий Корниенко находится с рабочим визитом в Финляндии. Уже подписан ряд соглашений с зарубежными коллегами.

Список литературы

- Германсон Р.* Статья 2-я российских основных законов и финляндская конституция // *Право*. 1908. 20.04. № 16.
- Гротенфельт А.* Тюремное дело в Великом Княжестве Финляндском. Отчет, представленный финляндским Тюремным Управлением в апреле 1890. Гельсингфорс, 1890.
- Дусаев Р. Н.* Кодификация уголовного законодательства Финляндии XIX в.: Автореферат дис. ... д.ю.н. СПб., 1992.
- Дусаев Р. Н.* Уголовное уложение Великого Княжества Финляндского. История создания, основные институты. Л., 1988.
- Еленев Ф.* Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891.
- Коркунов Н. М.* Финляндское Великое Княжество // *Юридическая летопись*. 1890. Апрель.
- Нольде Б. Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911.
- Саблина М. А.* Восприятие Финляндии в России (конец XIX — начало XX в.) // *Международные отношения и диалог культур: Сборник научных статей*. № 1 (2012). СПб., 2013.
- Сергеевский Н. Д.* К вопросу о коренных законах в.к. Финляндского. СПб., 1899.
- Сергеевский Н. Д.* К вопросу о финляндской автономии и основных законах. СПб.: Гос. тип., 1902.
- Случевский В. К.* Столкновение русских и финляндских законов // *Журнал Министерства Юстиции*. 1908. № 5.
- Таганцев Н. С.* Великое Княжество Финляндское: Выдержка из лекций по русскому уголовному праву. Изд-е 2-е. [Б. м.], 1902.
- Юнтунен А.* Ссылка финнов в Сибирь из автономного Великого Княжества Российской империи и ссыльные в Сибири. Хельсинки, 1984.

А. В. Востриков

Е. В. Балобанова. Записки слушательницы С.-Петербургских Высших Женских Курсов I выпуска (1882 г.)

Заслуги Екатерины Вячеславовны Балобановой в истории отечественного женского образования, библиотечного дела, кельтологии и литературы только недавно стали привлекать внимание исследователей¹. Биографические сведения о ней скупы и не всегда достоверны. О событиях 1860–1870-х гг., проведенных ею преимущественно во Франции и Германии, а также в русской провинции, мы знали только по ее устным рассказам ученицам и знакомым, в фрагментарной и неточной передаче. Между тем именно эти годы были чрезвычайно важны для становления этой замечательной женщины, ее научного и общественного характера. Е. В. Балобанова оказалась очевидцем событий франко-прусской войны и Парижской коммуны, изнутри познакомилась с жизнью немецких университетов; по возвращении в Россию она

¹ См.: Подольская И. И. Балобанова Екатерина Вячеславовна // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г. С. 146; Семенухина М. В. Ирландские мотивы в русской литературе Серебряного века // Мифы и реальность в современной англоязычной картине мира: Сборник материалов конференций. Вып. 1 / Под ред. И. Б. Руберт. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 73–81; Таланова А. Н. Бретонская культура в творчестве Е. Балобановой // Образ европейца в русской и американской литературах: Материалы IX международной научной конференции «Художественный текст и культура» 20–22 октября 2011 года. Владимир: Транзит-ИКС, 2012. С. 60–64; см. также подготовленные нами издания: Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / Сост. А. В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2009; Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания / Сост., автор ст. и коммент. А. В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2014.

стала одной из немногих в то время интеллигентных русских женщин, ищущих пути независимой жизни. Публикуемый мемуарный текст восполняет биографическую лакуну, а также представляет интерес как еще одно свидетельство событий европейской и отечественной истории.

Е. В. Балобанова родилась в 1846 г. (по другим сведениям — в 1847 г.) в Нижнем Новгороде в дворянской семье; в 1857–1862 гг. воспитывалась в Нижегородском Мариинском институте благородных девиц (выпущена с отличием). В середине 1860-х гг., желая продолжить образование, Балобанова уехала к родственникам в Бретань, где изучала бретонский, а потом и другие кельтские языки сначала под руководством дяди, а затем в учебных заведениях Парижа, Гейдельберга и Геттингена; после возвращения в Россию поступила в 1878 г. на С.-Петербургские высшие женские («Бестужевские») курсы, где занималась в семинаре академика А. Н. Веселовского. С 1882 г. занимала должность библиотекаря курсов.

С 1880-х гг. Е. В. Балобанова активно занималась литературной деятельностью. Она подготовила первый полный прозаический перевод на русский язык «Оссиановских поэм»² и составила несколько книг (преимущественно для юношеской аудитории), основанных на собранном во время жизни в Европе фольклорном материале³.

«Записки слушательницы...» являются продолжением автобиографического цикла: «Кавказские воспоминания: Из рассказов бабушки старшим внукам» (1899; 6-е изд.: 1914) и «Пятьдесят лет назад: Воспоминания институтки» (1913). В мемуарных текстах Е. В. Балобанова иногда «подправляла» отдельные факты биографии, опускала «несущественные» детали, изменяла хронологическую последовательность; в рассказе об известных исторических событиях обычно опиралась на устоявшиеся объективированные (в частности словарные) оценки⁴. Однако вся эта обработка носила не сущностной, а косметический характер; в основе повествования всегда оставалась неповторимая, полная встреч и событий жизнь автора. Внести же необходимые коррективы, восстановить реальные хронологию и обстоятельства помогает краткая повесть «Моя автобиография», составленная Балобановой по просьбе С. А. Венгерова в 1913 г.⁵

«Записки...» были начаты, вероятно, в 1913–1914 гг., однако вскоре интенсивная работа была приостановлена и продолжалась урывками (о чём свидетельствует, в частности, стилистическая неоднородность частей). Вызванный

² *Макферсон Д.* Поэмы Оссиана Джемса Макферсона (J. Macpherson. Poems of Ossian) / Исслед., пер. и примеч. Е. В. Балобановой. СПб.: Журн. «Пантеон литературы», 1890.

³ Библиографию научных и литературных трудов см.: Екатерина Балобанова... С. 140–147.

⁴ Подробнее см. наш комментарий к «...Воспоминаниям институтки» (Екатерина Балобанова... С. 92–93).

⁵ Опубликовано нами: Екатерина Балобанова... С. 76–90.

войной кризис в издательской области не позволял надеяться на скорое издание книги. В 1916 г. перенесла инсульт О. М. Петерсон, ближайший друг Е. В. Балобановой, с которой она более тридцати лет делила кров, работу в Коломенской женской гимназии и целый ряд совместных научно-литературных трудов. Последующие три года (до самой смерти Петерсон) Балобанова все силы отдавала уходу за полупарализованной подругой. Постоянное эмоциональное напряжение усугублялось происходившими революционными событиями, ликвидацией Бестужевских курсов как самостоятельного учебного заведения и присоединением их к университету, беспокойством за судьбу созданной почти сорокалетним трудом бестужевской библиотеки, тяжелым материальным положением. Постоянную поддержку Е. В. Балобановой в это время оказывали ее ученицы — помощницы по библиотеке. Видимо, по их настоянию она составила вступление и перебелила написанное начало «Записок...», надеясь продолжить работу. Однако к середине 1920-х гг. здоровье Е. В. Балобановой было окончательно подорвано, она практически ослепла, жила в полуподвальной комнате на нищенское пособие (из библиотеки, уже университетской, ее сократили без пенсии). В последние годы жизни, до самой смерти, последовавшей в феврале 1927 г., она разбирала свой архив и библиотеку, раздаривая книги, оттиски и рукописи друзьям и знакомым. Видимо, в это время рукопись «Записок...» была передана ее ученице, выпускнице Бестужевских курсов Евлалии Павловне Казанович, заведовавшей в то время библиотекой Пушкинского Дома, от которой она (судя по карандашной записи на обложке) и поступила в Рукописный отдел.

Публикуется впервые по рукописи: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 1а–29. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам с сохранением индивидуальных особенностей; очевидные описки исправлены.

В октябре 1918 года С.-Петербургские Высшие Женские Курсы были переименованы в III Государственный Университет, а в октябре 1919 г. слиты с Университетом и, таким образом, Высшие Женские Курсы, прожившие своей жизнью и со своими традициями, со своими собственными средствами, ровно сорок лет (с октября 1878 по октябрь 1918 г.), перестали существовать, и страница их истории дописалась до конца.

Мы, обломки прошлого (немного нас уже осталось), невольно оглянулись по ту сторону этих сорока лет и можем сказать последующим поколениям:

Вас не было там, где мы были, —
Где будете — нам не бывать!

Постараемся же восстановить ту историю этих сорока лет, свидетельницами которой мы были, и по возможности нарисовать картину нашего бытия до них и после...

После выпуска из Института

Я окончила курс в Нижегородском Институте в 1862 году, в момент общей сдвижки русской жизни, и сразу попала в водоворот и новой обстановки, и новых понятий, и новых идей.

Мои родители, богатые помещики, к моему выпуску были совершенно разорены, но не уничтожением крепостного права, а раньше: только крепостная зависимость как будто что-то еще поддерживала. Мой отец был долгое время уездным предводителем дворянства в разных уездах: всегда весь уезд у нас пил, ел и веселился, а денег, разумеется, никто не считал. Кроме того, отец весь был соткан из увлечений: то он переселялся в Москву, где вместе со своим другом, известным в то время московским актером Живокини⁶, сорил деньгами, создавая небывалых знаменитых комиков, из которых, по уверению моей матери, выходили трагики для его кармана; то строил в глухих уездах огромные дома со всякими причудами, стоявшие потом долгие годы пустыми и заколоченными, то разводил английские парки и т.п.

Когда формировалось ополчение в Севастопольскую войну, он снарядил на свой собственный счет целый батальон, что уже окончательно нас разорило.

Девятнадцатое февраля⁷ застало отца в должности предводителя дворянства и ему уже совершенно некогда было заниматься личными делами. К тому же имения наши, все небольшие, были разбросаны в разных уездах Нижегородской и Симбирской губерний, а когда на него напирали мировые посредники с требованиями уставных грамот, то он поступал очень просто: отпускал крестьян с землей и усадьбами на волю, т.е. безвозмездно, и таким образом роздал не менее трех тысяч десятин, оправдываясь тем, что ему нет времени возиться с такой мелочью. Моя мать не умела удерживать его от такой расточительности и только продавала свои бриллианты и жемчуга⁸, чтобы вносить проценты в Опекунский Совет или для покрытия разных недоимок. Когда стало ясно, что мы совсем разорены, мать настояла на том, чтобы дворянство взяло в опеку все наши имения, надеясь таким образом что-нибудь сохранить для детей; но вышло еще хуже: отец обрадовался, что ответственность снята с него, и уже совершенно перестал заниматься нашими делами и смеясь рассказывал:

— Представьте, небывалый случай, — предводитель под опекой! Дворянство, между тем, ни за что не хочет его освободить от предводительства!

⁶ Живокини Василий Игнатьевич (1805 или 1807–1874) — знаменитый московский комик, актер Малого театра; с середины 1830-х гг. часто выступал в провинции (в том числе в Нижнем Новгороде).

⁷ 19 февраля 1861 г. был подписан манифест об отмене крепостного права.

⁸ «Бриллиантов и жемчугов у матери было очень много, так как она была рожденная Демидова, из рода Демидовых Сан-Донат» (Прим. Е. В. Балобановой). Анна Александровна Балобанова, мать мемуаристки, происходила из другой ветви демидовского рода; Анатолий Николаевич Демидов, первый князь Сан-Дonato, приходился ей троюродным дядей.

Опекуны попадались один хуже другого, и у матери совсем опустились руки!

Из нас, детей, дома оставалась только я, младшая. Старший брат командовал чем-то на Кавказе и, несмотря на наши настоятельные просьбы приехать помочь нам, присылал почти все деньги, но приезжать отказывался, писавши, что привык воевать с врагами, а не с мошенниками-опекунами, а потому не может быть нам полезен.

Второй брат был сослан в Вятку: он тоже был военный, стоял с полком в Польше во время тамошнего восстания, влюбился в какую-то польку; вышла большая история, и только благодаря его крайней молодости, он еще не был совершеннолетний, его не расстреляли и не осудили за измену, а просто исключили из службы и сослали. Этого удара отец наш не мог перенести и скончался в начале 1864 г., да и брат вскоре последовал за ним; сначала брат впал в религиозный экстаз, и священник, у которого он было поселился, после его смерти писал нам, что такой праведной кончины он не запомнит за свою долгую жизнь. Младший брат жил у бабушки, ничего не делал, не хотел учиться и «пил горькую», как говорится.

После кончины отца все наши имения были проданы с аукциона, и мы с матерью остались, по ее выражению, на соломе.

Но пока мы не огляделись, не сосчитали, что у нас есть, мать свезла меня в Петербург и поместила в знаменитый тогда пансион М-ле Труба⁹. Положим, это нам ничего не стоило, так как я жила у кузины Суцовой, которая за меня и платила, но всё же это было совершенно потерянное время: я совсем не подходила ни по обстановке, ни по манерам, ни по нарядам, ни даже, что греха таить, ни по знаниям, и М-ле Труба, придя от меня в ужас, отпустила вскоре восвояси.

Вернувшись домой, я узнала, что денег у нас осталось гораздо меньше ожидаемого, и я стала искать места. Мы переменили образ жизни, но скорее внешне, чем радикально: правда, мы нашли квартиру в четыре комнаты, продали лошадей, экипажи, распустили весь штат: повара, лакеев, горничных, — при нас осталась только дочь моей кормилицы, которая так меня любила, что служила в институте, пока я там училась, а когда я окончила, перешла к нам и теперь решила исполнять должность и кухарки, и горничной, и прачки. Но сами мы продолжали вести тот же образ жизни, какой вели до смерти отца, и по окончании траура опять принялись за привычный строй высшего провинциального общества: т.е. участвовали во всех увеселениях, балах, спектаклях и т.п. Но мысль найти какое-нибудь место меня не покидала. Вскоре в нашем институте открылась вакансия немецкой классной дамы, а моя мать, как я ее ни уверяла, что эта роль не по мне, что я по-немецки знаю плохо¹⁰, ни за что не верила: «Это всё

⁹ Анжелика-Савиния Труба состояла наставницей при дочерях вел. кн. Михаила Павловича, а также содержала пансион для девиц на наб. Екатерининского канала. В тексте неточность: должно быть «М-ме Труба».

¹⁰ «См. Институтские Воспоминания: «Пятьдесят лет назад» (Прим. Е. В. Балобановой).

твои капризы,» — говорила она, и сама написала принцу Ольденбургскому¹¹, с которым была знакома, но будто бы от меня.

Сама она знала по-немецки еще хуже моего; к счастью, ее мечта рассеялась навсегда: Принц прислал это письмо в институт как образчик удивительной орфографии девицы, кончившей курс с отличием.

Тут уже я решила взять свою судьбу в собственные руки, и мама перестала мне противоречить: я открыла маленькую школу в наших же четырех комнатах: мама взялась учить по-французски, она отлично знала этот язык, и рукоделию; моя институтская подруга Надя Кайзер немецкому языку, рисованию и чистописанию, я — остальным предметам. Детей набралось около двадцати человек, всё больше наши соседи: дети приходского причта, купцов, ремесленников, но были и знакомые из высшего нижегородского общества и несколько иностранцев, по преимуществу французов. Все дети были дружны между собой и с нами, были веселы и довольны. Мы с Надей учили их танцевать, мать играла на фортепьяне, учили и петь французские песенки, что производило большой эффект, даже у родителей, о детях, разумеется, говорить нечего. Школа наша просуществовала всего две зимы, но с многими из ребят мы остались в дружбе чуть ли не на всю жизнь: моя мать крестила потом у большинства вышедших замуж учениц; на свадьбы обычно получали приглашения, и хотя я редко впоследствии бывала в Нижнем, но если узнавали о моем приезде, — то вся наша молодая ватага являлась к нам кто с пряниками своего печенья, кто с орехами, кто с яблоками из своего сада, кто с домашними лакомствами. На похоронах моей матери, умершей через тридцать лет после закрытия школы, собрались все жившие еще в Нижнем ученики и ученицы!

К сожалению, как я уже сказала, школа наша просуществовала всего две зимы¹²: денег она, разумеется, давать не могла, мы брали с детей по три рубля в месяц, а наш запас, при нашем образе жизни, таял весьма быстро, и пришлось принять приглашение старшего брата и ехать к нему на Кавказ¹³.

¹¹ Ольденбургский, принц Петр Георгиевич (1812–1881) — государственный деятель; среди прочих званий и должностей он был главноуправляющим IV Отделением собственной Е. И. В. Канцелярии и главным начальником женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии.

¹² В «Моей автобиографии» организация собственной школы отнесена к концу 1862 — началу 1863 г.; в конце 1863 г. Балобанова уже покинула Нижний Новгород, так что ее первый педагогический опыт (упомянутый вскользь) не мог продолжаться дольше нескольких месяцев.

¹³ Майор (капитан?) Михаил Вячеславович Балобанов был воспитателем в Нижегородской Графа Аракчеева военной гимназии в 1878–1880 гг. Другими сведениями о нём мы не располагаем.

Кавказская жизнь¹⁴

Жизнь на Кавказе для меня была волшебным сном!

Я никогда не могла себе представить до сих пор ничего подобного, — хотя в детстве провела целую зиму в Швейцарских горах, не говоря уже о том, что подолгу и часто гостила в Бретани у моей тетки, сестры моего отца, которая была замужем за бретонским землевладельцем и жила там в своем имении¹⁵. Но такой пленительной красоты и такого разнообразия от снежного и страшного ледяного Эльбруса до тропической красоты Закавказья, от грандиозного Кавказского хребта с Казбеком и бесконечно синего или скорее сизого Черного моря, и такого удивительного воздуха я представить себе не могла! Не говоря уже о самом образе жизни, совершенно необычной, шумной лагерной обстановке и т.п. Брат был начальником стрелков, бывал в постоянных разъездах, вводя в своем районе новое оружие в войсках. Меня он брал всегда с собой, так как мама не выдержала жизни даже в Пятигорске: Машук и Бештау, совсем обыкновенные горы, давили ее; так что с последними осенними каретами и пароходами она благополучно вернулась в Нижний. Вероятно, брату было неудобно возить с собой такой балласт в лице двадцатилетней особы, но он смирился, не показывая и тени неудовольствия, — а я наслаждалась, ни о чем не думая.

В это время брату выдали премию за какое-то изобретение, и он разделил полученные двенадцать тысяч¹⁶ между мамой и мной, причем посоветовал мне, не теряя времени, ехать за границу доканчивать образование, так как у нас еще нигде было учиться. Я очень обрадовалась и, недолго раздумывая, летом в 1866 году через Новороссийск и Марсель уехала к тетке в Бретань, а осенью того же года поступила в Сорбонну на курсы *Faculté des lettres*, по совету дяди, на отдел *langues celtiques, grammaire et philologie*¹⁷. В Сорбонне все очень удивились такому выбору и даже вначале делали мне затруднения при записи. Разумеется, никто не знал, что помимо моей склонности к этой отрасли знаний, — я была более всего подготовлена к ней: с детства я владела старым простонародным бретонским наречием, правнуком старокельтского, благодаря жизни у тетки и нашей деревенской обстановке.

¹⁴ «См. мою книгу «Кавказские воспоминания»» (Прим. Е. В. Балобановой).

¹⁵ Их имя (возможно, неточно) названо Балобановой в «Моей автобиографии»: «Теперь этот род совсем угас: графы де ла Вьер» (Екатерина Балобанова... С. 79).

¹⁶ Годовое жалованье армейского майора в 60–70-х гг. XIX в. составляло 530 руб. (см.: *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 345).

¹⁷ В «Моей автобиографии» говорится, что Балобанова поступила на «<...> частные однолетние курсы «*Pour les institutrices etrangeres*». Эти курсы принесли мне огромную пользу: кроме французской грамматики, диктовки, стиля, декламации и др. элементарных предметов, — мы слушали французский эпос у самого Leon Gautier и старофранцузский язык у старика Paulin Paris и т.п. Я прослушала весь курс, но не решилась сдать экзамена, особенно по стилю, без которого всё равно меня не пропустили бы» (Екатерина Балобанова... С. 86).

Приятель и земляк дяди, знаменитый Ренан¹⁸, помог мне своим авторитетным влиянием, и я попала к Darbois de Jubainville¹⁹, не имевшему тогда еще постоянного курса и охотно принявшего меня на свои *cours libres*, на которых я и работала вплоть до их закрытия, т.е. до начала франко-прусской войны.

Война 1870–1871 гг.

Война была объявлена, как известно, летом²⁰ и застала меня в Марселе, куда я приезжала во время каникул, чтобы заработать немного денег. У моих друзей, Крыловых, была транспортная контора, Krilof, Corbey et Co, для перевозки вина из Испании в Россию, и я была им полезна. На другой день после объявления войны в Марсельской гавани не осталось ни одного парохода или судна, так что пришлось добираться до Парижа где немножко по железной дороге, где в телеге, а где просто пешком. Немецкие полчища шли сплошной волной прямо на юг, катились, как стремительный бурный поток, без всякого удерживания и задержки. Я кое-как добралась до аванпостов Швейницевской армии²¹, где был русский госпиталь, под управлением доктора Бубнова, моего родственника²². Бубнов не только дал мне денег, но он добыл мне от самого Швейница пасс и свободный проезд в вагонах немецкого поезда. Таким образом, я доехала совершенно благополучно до французских линий и попала туда накануне, так сказать, Седана.

²³В конце августа 1870 г. французская армия Мак-Магона после тщетных попыток освободить Мец и после неудачного сражения при Бомоне отступила

¹⁸ Ренан, Эрнест (Renan; 1823–1892) — чрезвычайно популярный во второй половине XIX в. писатель и историк; родился в бретонском городе Трегье, недалеко от которого жили родственники Е. В. Балобановой.

¹⁹ Д'Арбуа де Жубэнвиль, Мари Анри (d'Arbois de Jubainville; 1827–1910) — французский историк, археолог и филолог, специалист по кельтским языкам; после окончания Школы хартий в 1852 и до 1880 г. заведовал архивом департамента Об (г. Труа).

²⁰ Франция объявила войну Пруссии 19 июля 1870 г.

²¹ Швейниц Лотар фон (Schweinitz; 1822–1901) — прусский генерал и дипломат; в 1869–1876 гг. посол Северогерманского союза (а затем Германской империи) в Австро-Венгрии; в 1876–1892 гг. германский посол в России. В военных действиях во время франко-прусской войны Л. фон Швейниц не участвовал; возможно, Е. В. Балобанова спутала (или контаминировала) его с командовавшим на первом этапе войны 1-й армией генералом Карлом Фридрихом фон Штейнцем (1796–1877).

²² Бубнов Николай Деметьевич (1837–1889) — врач; с 1869 г. старший чиновник при Медицинском департаменте МВД, врач Преображенского полка и личный врач принца П. Г. Ольденбургского; во время франко-прусской войны принимал участие в деятельности так называемого «Базельского агентства» («Международного агентства в Базеле», действовавшего под эгидой Красного Креста). Впоследствии почетный лейб-медик, медицинский инспектор Ведомства учреждений императрицы Марии. Н. Д. Бубнов был первым браком женат на Евгении Александровне Демидовой, кузине (четвероюродной сестре) Е. В. Балобановой.

²³ Весь последующий абзац, выделенный *курсивом*, является извлечением (с сокращениями) из статьи «Седан» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза–Ефрона (Т. 29 (57): Сахар — Семь мудрецов. 1900. С. 309–310; без подписи).

к Седану. В ночь с 31-го августа на 1-е сентября баварский корпус был выдвинут с целью преградить французам возможность ускользнуть через Бельгийскую границу, а другой — не должен был пускать их в Мезьер. Сражение 1-го сентября началось до рассвета, — Мак-Магон, раненый гранатой, оставил поле сражения, сдав командование генералу Дюкро, который приказал начать отступление, но энергичный генерал Вимфен, как старший, отменил это приказание, хотя это ничего не спасло. Вскоре французы, окруженные со всех сторон, были притиснуты к Седану, в котором начались пожары и страшные взрывы; в 5 часов утра французы выкинули белый флаг: прусский король приказал прекратить огонь и велел вступить в переговоры с Вимфеном, но вдруг вместо последнего неожиданно наткнулся на Наполеона III, который объявил себя военнопленным. Однако Мольтке было поручено, не обращая внимания на последнего, сговориться с Вимфеном об условиях капитуляции, обрекавшей все главные французские силы на сдачу в плен. Тогда сам Наполеон вступил в переговоры с Бисмарком о допущении французским войскам, сдав оружие, перейти Бельгийскую границу, на что немцы не согласились, и к 11 часам утра 2 сентября капитуляция была подписана и вся французская армия начала перевозиться в Германию. Таким образом, был положен конец второй империи, и 4-го сентября в Париже была провозглашена республика!

Доехав до аванпостов французской армии, не капитулировавшей у Седана, я попала к разбитому корпусу Фроссара, притиснутого к Швейцарской границе, который сдавал оружие швейцарцам, переходил уже ее в качестве простых граждан.

Это была довольно внушительная картина! Швейцарцы в своих средневековых одеждах и блестящих латах стояли шпалерами и пропускали обезоруженных поодиночке солдат и офицеров.

Я надеялась, что смогу перейти тоже границу с обозом; немецкого пасса я, разумеется, не показала, но с русским, казалось мне, не могло быть задержки, то же думала и маркитантка, внушившая мне эту мысль, но нам не пришлось в голову, что я приехала в немецком вагоне, а следовательно, не могла воспользоваться никакой льготой.

Пока шла эта сумятица с перевозкой Седанской армии в Германию, а ландвера во Францию, для охраны границы, я была беспрепятственно пропущена в Париж, где и осталась у своей сорбоннской хозяйки, которая обещала меня содержать до лучших дней. Теперь мы надеялись на лучшие времена!

Но как, как мы ошиблись! В Париже 18 марта была провозглашена Коммуна. Она длилась всего 72 дня, но наделала неисчислимых бед!

Коммуна

²⁴Для привлечения сторонников коммунары объявили свободу для рабочих, повышение заработной платы, свободу союзов, стачек, уничтожение ренты, передачу всех орудий производства в руки рабочих, передачу им всех заводов и фабрик, возвращения им всего, что было ими заложено, выкуп всех их вещей и т.д., и т.д.

Коммуна образовала Совет, в котором не было ни даровитых военначальников, ни испытанных государственных людей: все члены Совета до тех пор были просто агитаторы. Из более даровитых можно было бы назвать Делаключа, но он теперь был уже развалиной, и Феликса Пиа, довольно даровитого публициста, но только теоретика, необычайно тщеславного и при этом трусливого. Самые выдающиеся в Совете были Франкель, Верлен и Малон: они лучше других понимали социальный вопрос, действовали благоразумнее и держались вдали от преступлений Коммуны. Самая крайняя коммунистическая фракция были бланкисты, названные так по имени своего основателя Бланки. Они представляли собой элемент, не останавливавшийся ни перед какими бы то ни было²⁵ преступлениями или насилиями. Самый способный из них был Эд. Вместе с ним в Совете заседали и самые ярые ораторы парижских клубов якобинского направления, например, живописец Курбе, Верморель, мечтатель Флуранс и бульварный фельетонист Валлес. Были, их немало, простые болтуны, честолюбцы без знания людей и истории, как Рауль Риго и Ферре; были, разумеется, и самые последние подонки общества.

Конечно, такой состав Совета Коммуны представлял картину полного хаоса: было множество партий, из которых каждая поддерживала членов своей фракции и раздавала им высшие должности, а других, даже самых способных, отвергала и агитировала против них. Совет был одновременно и законодателем и высшим правительственным учреждением; между тем он не имел не только программы для своей деятельности, но даже знаний, — как такие программы могут составляться. Разумеется, духовенство было лишено всех прерогатив: церкви и церковное имущество было у него отнято и оно оставлено безо всякой помощи. К чести большинства членов Совета, конечно, кроме крайних подонков общества, оно отличалось суровой честностью: например, известный Советский министр финансов, так называемый главный бухгалтер, ворочавший миллионами коммунарских денег, Журд, брал для себя лично только жалованье мелкого конторщика, а его жена продолжала служить прачкой. Все главные члены Совета довольствовались тем жалованьем, которое они по-

²⁴ Последующий фрагмент, выделенный курсивом, являются пересказом, с включением словных цитат, статьи «Коммуна Парижская» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза–Ефрона (Т. 15А (30): Коала–Конкордия. 1895. С. 874–879; без подписи); ошибки в написании отдельных фамилий исправлены автором публикации.

²⁵ Так в тексте.

лучали и раньше, — кто жалованьем наборщика дешевой типографии, кто слесарного подмастерья и т.п.

Разруха и беспорядок были полные: никто никого не слушался, полиция ни во что не вмешивалась. Например, казалось, пресса была стеснена до крайности, а газеты противоположного направления не только продолжали выходить, но можно было их свободно покупать на всех углах и бульварах.

Всем было ясно, что война между республиканцами и коммунарами была неизбежна. Коммунары решительно не могли справиться со своей задачей, шли без всякого плана, забывали защищать самые важные форты и занимались почти исключительно изданиями приказов и декретов, которые звучали гордо, хвастливо, но неубедительно.

Первая стычка между коммунарами и республиканцами произошла 2-го апреля и всем стало ясно, с какой жестокостью будет вестись борьба: первые попавшиеся коммунары, захваченные в плен, были немедленно расстреляны республиканцами. Коммунары Эд, Дюваль и Флуранс сделали вылазку, но без всякого плана, и она кончилась полной неудачей, а Флуранс и Дюваль, попавшиеся в плен, были немедленно расстреляны озлобленными версальцами, т.е. республиканцами. Коммуна назначила главнокомандующим коммунара Кюзере, но вскоре его сместила, кажется, за его полную неспособность, и его заменил поляк Домбровский, издавший приказ об обязательной службе всех парижан от 17 до 40-летнего возраста, но этот приказ оставался пустым звуком, так как его никто не исполнял. Во многих промышленных центрах население приняло коммунистическую программу безо всякого плана и воодушевления, а потому при входе в эти города республиканцев немедленно сдали ее в архив, так сказать.

После этого стало ясно, что падение Парижской Коммуны было только вопросом времени. Более двухсот тысяч республиканцев окружили Париж. Мак-Магон собрал их из военнопленных Меца и Седана, отпущенных немцами в первую очередь. Один за другим переходили в их руки важнейшие пункты, а 21 мая без боя они вступили в город. Теперь версальцам оставалось еще завоевать улицы, и началась жесточайшая борьба с ужасающими подробностями, свидетельницей которой отчасти была я.

Мы жили в rue de l'école de Médecine у самой площади, но к нашему счастью в этом школьном районе хотя и были непрерывные пожары, но не так близко к нам, чтобы могли нам угрожать серьезной опасностью²⁶. Коммунары издали приказ, чтобы все дома, из которых выселялись, по их приказанию, их сторонники коммунары, немедленно взрывались на воздух, не обращая внимания на то, оставались ли там другие жители или нет. Разумеется, тут действовала часто и личная месть: в некоторых домах прямо запирались мирные жители, которыми коммунары почему-либо были недовольны или на которых были злы.

²⁶ Улица Rue de l'École-de-Médecine находится в Латинском квартале (Балобанова называла его «школьным»).

Всю эту страшную неделю, с 21 по 28 мая, мы, разумеется, не спали: все ночи были светлее дня, — взрывы, стоны, вой собак, оставленных в горящих домах, были неописуемы. Хотя пожары и взрывы не угрожали нам гибелью, но всё же они были настолько близко, что не было возможности хотя бы на минутку забыть!

На Медицинскую площадь фельдшера и студенты начали свозить мертвых, обожженных, сваренных заживо. Мертвых складывали в подвалы анатомического театра, полуживых — приносили к нам, т.е. на улицу rue de Médecine, а вскоре все дома нашего квартала были ими заполнены. Мы спали днем, по очереди, т.е. если можно сказать, что мы спали; за провизией ходили тоже по очереди: покупали хлеб, картофель и овощи, что же касается до мяса, то оно не только нам стало бесконечно противно своим запахом, но даже наша собака немилосердно выла, когда ей его подносили.

Между другими мертвыми студенты принесли расстрелянных коммунарами епископа Дарбуа и нескольких священников²⁷.

Но вот 26 мая пожары и взрывы, как будто, стали реже и дальше, но мы еще не могли успокоиться. Однако версальцы окружили коммунаров сплошной стеной, а 28-го мая Коммуна пала безвозвратно и начались суды и ссылки, но казней сравнительно, как говорят, было не более тридцати. Сослано же было более двухсот тысяч коммунаров²⁸ и между ними честный Журд и Рошфор. Конечно, жаль было Журда, но Париж вздохнул свободно!

Из Коммунаров лично я знала двоих, Henri Martin²⁹ и Жаклара, последний был женат на Корвин-Круковской, родной сестре С. В. Ковалевской³⁰. Это были, разумеется, не крайние и очень просвещенные социалисты. Когда Коммуна пала, они пытались поселиться в Италии, но Итальянское Правительство их не приняло: оно не желало ссориться с французской республикой и, по совету Софьи Васильевны, они перекочевали в Петербург. Как это

²⁷ Архиепископ Парижа Жорж Дарбуа (1813–1871) был расстрелян 24 мая вместе с 63 другими заложниками (в том числе несколькими священниками) во дворе Рокеттской тюрьмы.

²⁸ В указанной выше статье «Коммуна Парижская» говорится: «Начали свою работу военные суды, которые осудили свыше 13 000 человек; из них 7500 человек было сослано, а 21 расстреляны. Число федералистов, расстрелянных без суда, в течение братоубийственной недели, Мак-Магон определяет в 15 000 человек, а генерал Аппер считает вдвое более» (с. 879).

²⁹ Мартен Бон-Луи-Анри (Martin; 1810–1883) — французский историк и политик; в 1870 г. был избран мэром 16-го округа Парижа; в 1871–1876 гг. член Национального собрания, впоследствии сенатор; автор книги «Россия и Европа» («La Russie et l'Europe», 1866).

³⁰ Ковалевская Софья Васильевна (урожд. Корвин-Круковская; 1850–1891) — математик; первая в мире женщина — профессор математики; дочь генерала от инфантерии Василия Васильевича Корвин-Круковского (1803–1875); с 1868 г. жена (первоначально фиктивная) Владимира Онуфриевича Ковалевского (1842–1883); в 1869–1874 гг. обучалась в Гейдельбергском, а затем в Берлинском университетах; в апреле 1871 г. с мужем приехала в осажденный Париж.

ни странно, но Принц Ольденбургский предложил им лекции на Педагогических курсах и в Лицее. Здесь они жили и работали долго³¹. С Жакларом я часто встречалась у литератора В. В. Чуйко³², а Анри Мартину я давала уроки русского языка.

Вот как это бывает на свете!³³

Моя заграничная университетская жизнь

В начале июня версальцы меня, как иностранку, выпустили беспрепятственно из Парижа, а немецкий кордон, благодаря моему немецкому пассу, который на этот раз я предьявила, только поверхностно меня обыскал и даже в немецком вагоне доез до Швейцарской границы.

³¹ Жаклар Анна Васильевна (урожд. Корвин-Круковская; 1843–1887) — русская революционерка и писательница; сестра С. В. Ковалевской; жена В. Жаклара (с 1869 г.). Жаклар Виктор (Jaclard; 1840–1903) — французский журналист и революционер, член I Интернационала, активный участник Парижской коммуны, после разгрома которой был арестован версальцами; бежал с помощью С. В. и В. О. Ковалевских и В. В. Корвин-Круковского; жил в Швейцарии. В 1874 г. с женой переехал в Россию; с 1875 г. жили в Петербурге, Жаклар посещал педагогические курсы, преподавал французский язык и словесность в Патриотическом и Елизаветинском институтах — женских учебных заведениях, подконтрольных Ведомству учреждений императрицы Марии (т.е. принцу П. Г. Ольденбургскому); печатался в журналах «Слово» и «Дело».

³² Чуйко Владимир Викторович (1839–1899) — литературный критик, переводчик, журналист; с 1867 г. был корреспондентом «С.-Петербургских ведомостей» в Париже, а затем в Женеве и Риме.

³³ В «Моей автобиографии» Е. В. Балобанова о Парижской коммуне даже не упомянула. Общий негативный тон главы «Записок...», несомненно, свидетельствует о том, что она была написана до 1917 г. После Октябрьской революции Парижская коммуна стала одним из самых значимых исторических событий, чествуемых новой властью (День Парижской Коммуны, 18 марта, в декабре 1918 г. стал государственным праздником), и писать о ней в подобном тоне было совершенно недопустимо. Рассказы Е. В. Балобановой о Коммуне запомнились ученицам и знакомым, и факт ее причастности к столь знаменательному историческому событию был неоднократно отмечен. Так, в стихотворении «Великой гражданке» библиотекарь и поэт-дилетант Л. М. Шах-Паронианц писал:

Средь очевидцев сцен Парижской ты Коммуны

Была и видела все ужасы борьбы

Гражданской, обозрев жизнь бурную с трибуны,

Где кровь несчетных жертв окрасила столбы (Екатерина Балобанова... С. 65).

Особенно примечателен некролог Е. В. Балобановой, напечатанный в «Красной газете» 8 февраля 1927 г. (на следующий день после ее смерти):

«Вчера в Ленинграде, на 84-м году скончалась участница Парижской Коммуны, пионерка женского образования в России и старейшая деятельница библиотечного дела в Ленинграде Е. В. Балобанова.

Покойная была участницей Парижской Коммуны, укрывала у себя в квартире коммунаров и оказывала раненым первую медицинскую помощь. Она способствовала победе одного коммунара, преследуемого французскими жандармами.

Покойная много лет служила по библиотечному делу» (Екатерина Балобанова... С. 55–56). Кто является автором этого текста, откуда взялись трогательные подробности о спасенном коммунаре, — нам неизвестно.

В Швейцарии, в Лозанне, я задержалась до осени у моей знакомой М-ме Леблан, имевшей там école primaire, и только в октябре попала в Гейдельберг, куда стремилась. Благодаря, опять-таки, немецкому пассу была беспрепятственно допущена в Университет как вольная слушательница. Профессора начали понемногу съезжаться и открывать свои курсы: приехал Феликс Дан³⁴, читавший переходную эпоху, весьма мне нужную; открыл свой курс профессор Виндиш по кельтским наречиям: der celtische Schotze³⁵. Я занималась у обоих. Устроиться мне удалось в студенческой меблированной квартире, недалеко от Университетской площади: народу пока собралось еще немного, а потому мы разместились весьма удобно. Между прочим, моей соседкой оказалась одна прелестная юная полька, Августа Нейман, с которой я скоро подружилась и которая имела влияние на мою дальнейшую судьбу. Августа была богатая девушка и круглая сирота, воспитывалась она в католическом монастыре, где всеми силами старались ее прикрепить, заставляя даже принять пострижение, но Августе удалось сбежать в Дрезден и поступить там в Консерваторию. В Дрездене жили в то время наши Стасовы³⁶, не помню кто из них учился там же, и Августа познакомилась с семьей своей соученицы. Когда полиция стала преследовать ее, как несовершеннолетнюю, по требованию ее католических воспитателей, Владимир Васильевич Стасов, имея большое знакомство между профессорами, перевез ее в Гейдельберг и помог ей записаться там.

В то время всё студенчество увлекалось лекциями Феликса Дана, действительно, поэтическими импровизациями; Августа, вместе со мной, записалась на них. Не прошло и половины семестра, как Дан и Августа страстно влюбились друг в друга. «C'était un coup de foudre»³⁷, — сказал мне учитель Августы, итальянец, преподававший ей теорию музыки. Дан в это время разводился со своей женой, и хотя они обручились к Рождеству, но дело их не подвигалось: семья жены Дана сделала затруднения, — духовенство тоже, так как оба были католики, а католическая религия развода не признает.

³⁴ Дан Феликс (Dahn; 1834–1912) — немецкий писатель и поэт, историк и философ; преподавательскую карьеру начал в 1857 г. в Мюнхене, после чего занимал кафедры в Вюрцбурге (с 1863), Кенигсберге (с 1872 г.), Бреслау (с 1888 г.); автор нескольких монографий, но широкую популярность приобрел благодаря историческим романам.

³⁵ Виндиш Эрнст Вильгельм Оскар (Windisch; 1844–1918) — немецкий языковед, санскриптолог и кельтолог; в 1872–1875 гг. — профессор сравнительного языкознания в Гейдельбергском университете; вероятно, Балобанова имела в виду: «Keltische Schätze»; официально курс, читанный Виндишем в летний семестр 1873 и зимний 1873/74 г. назывался «Altirische Grammatik».

³⁶ Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — общественный деятель, музыкальный и художественный критик, историк искусства, библиотечный деятель. Балобанова хорошо знала также его сестру, Надежду Васильевну (1822–1895), одну из самых активных, последовательных и бескомпромиссных деятельниц женского движения в России во второй половине XIX в.; члена Комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам с момента основания.

³⁷ Это была любовь с первого взгляда (*франц.*).

Полиция везде искала Августу, как я уже сказала, благодаря тому, что она была еще несовершеннолетняя. Но так как полиция везде, во всех странах и во все времена медлительна и небескорыстна, то мы всё же ее прятали довольно тщательно. Когда же становилось опасно, то мы сплавливали Августу окольным путем к Стасовым. Наконец, Дан получил развод, и мы их обвенчали в тот же день в церкви Св. Петра в Гейдельберге, а в студенческом общежитии устроили им фестиваль. Во время пира явилась полиция за Августой, — но было уже поздно: Августа Нейман не существовала, а с нами пиrowала frau Dahn³⁸.

Через Августу Дан я познакомилась со всеми Стасовыми и с их русским кружком. Влюбилась в Анну Павловну Философову³⁹, — это была совершенная очаровательница! Красавица, полная энергии, всей душой преданная служению идее высшего женского образования, отдавшая всю себя без завета несению этой миссии, до конца дней своих, — (она умерла сравнительно недавно), — без капли тщеславия, без малейшей фальши, — она горела огнем и горячее ее сердце ни одной минуты не сдавалось.

Ни одна русская образованная женщина не должна забывать того, чем она обязана Анне Павловне!

Муж ее⁴⁰, известный государственный деятель, понимал, что удержать или направить жену на другой путь никто не был в силах, а потому не препятствовал ей, да и ему мы, русские женщины, очень обязаны, как я это скажу впоследствии.

Я пробыла в Гейдельбергском университете пять семестров⁴¹, а оттуда перекочевала на два последних в Геттинген, но не на свою специальность, а на курсы библиотковедения: Bibliothekskunde и Bibliothekslehre, т.е. на теорию

³⁸ Рассказ о женитбе Ф. Дана на «прелестной юной польке Августе Нейман» имеет в основе реальную историю. Тереза Дросте-Хюльсхофф (Droste zu Hülshoff, 1845–1929) происходила из весьма родовитой, но обедневшей немецкой семьи; после смерти отца (1850 г.) она воспитывалась в монастыре сестер-доминиканок в Нанси (Лотарингия), играла на арфе, сочиняла стихи; с 1867 г. она училась в Вюрцбурге, где и познакомилась с уже известным профессором и писателем Феликсом Даном. Вспыхнул бурный (и с точки зрения современников вполне скандальный) роман: Дан был на 11 лет старше, его родители были актеры, наконец он был женат (на художнице Sophie Fries; 1835–1898). Только спустя пять лет все преграды были преодолены, и в 1873 г., уже в Кенигсберге, Феликс и Тереза Дан обвенчались (см: [Dahn F.] Erinnerungen. Bd. 4. Abth. 1. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1894. S. 204 sqq.; ibid. Bd. 4. Abth. 2. 1895. S. 95 sqq.).

³⁹ Философова Анна Павловна (урожд. Дягилева; 1837–1912) — общественная деятельница; в течение многих лет считалась неформальным лидером женского движения в России; первый председатель Комитета Общества для доставления средств ВЖК.

⁴⁰ Философов Владимир Дмитриевич (1820–1894) — Главный военный прокурор Российской империи, член Государственного Совета, статс-секретарь Его Императорского Величества, действительный тайный советник.

⁴¹ Согласно «Моей автобиографии» Балобанова была в Гейдельберге дважды: зимой 1867/68 г. и «после франко-прусской войны» в течение неопределенного времени (Екатерина Балобанова... С. 86–87).

и практику⁴². Денег у меня оставалось немного, а кроме того, Даны уехали в Веймар⁴³, а Виндиш прекратил свой курс на целый год.

В Геттингене, при записи, от меня потребовали а) свидетельства от доктора, что я не страдаю болезнью сердца, т.е. могу беспрепятственно лазить; б) не близорука; с) и что во всё время ученья не буду носить корсета⁴⁴. Когда всё это было выполнено, меня приняли на оба курса, — чтобы не задерживаться, к Рождеству я сдала практическую часть («Bibliothekslehre»). Немного задержалась на теории, что было гораздо труднее, но всё же к концу второго семестра сдала и теорию и даже весьма порядочно. Затем я немедленно вернулась в Россию: брат меня снова пригласил на Кавказ, и я с восторгом полетела к нему⁴⁵. Только теперь он жил в Тифлисе, быв дежурным штаб-офицером у великого князя Михаила Николаевича⁴⁶, и нам обоим пришлось вести придворную жизнь, — так как нас поселили в самом дворце. Великая княгиня⁴⁷ решила меня перевоспитать и выбить из моей головы студенческие бредни, находя мои манеры ужасными! Туалетом моим она поручила заняться моей землячке, фрейлине Соничке Огаревой⁴⁸, а та должна была получать от самой Ольги Федоровны наставления, как и что следовало для меня купить, заказать и т.д. Соничка не смела ослушаться и представляла такие счета брату, что последний вошел в неоплатные долги, и я решила его спасти и уехать к матери. Великая княгиня очень одобрила такое мое решение, приписывая его всецело своему влиянию, и даже написала любезное письмо маме.

⁴² Согласно «Моей автобиографии», Е. В. Балобанова училась на библиотечных курсах при Геттингенском университете в 1869/70 г. (Екатерина Балобанова... С. 87).

⁴³ Скорее всего, «Веймарн» — описка, и Е. В. Балобанова имела в виду Веймар. Впрочем, как мы указывали выше, Феликс и Тереза Дан с 1872 г. жили в Кенигсберге.

⁴⁴ В своей книге «Библиотечное дело» Е. В. Балобанова писала о требованиях, предъявляемых к библиотекарю: «<...> он должен, несомненно, обладать здоровьем, которое не мешало бы проводить время в духоте, стоять по несколько часов, когда приходится разбирать книги, взлезать по лестницам в шкафы и не затрудняться количеством переходов из одного этажа в другой. Я сказала бы, что библиотекарь должен быть молод, но, к сожалению, молодость и опыт — два понятия несовместимые <...>. Поэтому я ограничусь пожеланием, чтобы библиотекарь был подвижен, здоров, обладал бы всеми вышеприведенными физическими качествами, не определяя ни минимума, ни максимума его возраста» (Екатерина Балобанова... С. 29).

⁴⁵ В «Моей автобиографии» не говорится об этой поездке на Кавказ. Вероятно, все описанные ниже события следует отнести к более раннему периоду.

⁴⁶ Михаил Николаевич (1832–1909) — великий князь; с 1862 по 1881 г. наместник на Кавказе и командующий Кавказской армии.

⁴⁷ Ольга Федоровна (урожд. Цецилия Августа, принцесса Баденская; 1839–1891) — великая княгиня, жена Михаила Николаевича (с 1857 г.).

⁴⁸ Огарева Софья Николаевна (1842–1870) — фрейлина великой княгини Ольги Федоровны в 1866–1869 гг. Ее отец, генерал-лейтенант, генерал-адъютант Николай Александрович Огарев (1811–1867) в начале 1860-х гг. неоднократно исполнял должность нижегородского временного («ярмарочного») генерал-губернатора, и Балобанова могла познакомиться с С. Н. Огаревой.

Таким образом, я рассталась с Кавказом, но не навсегда: приходилось приезжать впоследствии на лето — лечиться, но жить там уже мне не пришлось никогда.

Провинциально-либеральная жизнь

В Таганроге, через который я проезжала, я нечаянно наткнулась на своего нижегородского хорошего знакомого — доктора Леонида Ивановича Рагозина⁴⁹. Он был разочарован в медицине, таких в те времена было много, и занялся различными коммерческими предприятиями, таких тоже было немало, — это было в большой моде! Он был женат на Зиновьевой из богатой и знатной семьи, — тоже по моде опростившейся! У них были свои пароходы, хлебная торговля с Италией и еще что-то подобное. Возобновив со мной знакомство и узнав, что я еду искать места, Рагозин пригласил меня остаться у них в роли как бы *une femme pour tout faire* и помогать с детьми (у них было трое крошечных), и в конторе, и на телефоне, который помещался тут же в их доме, и им почему-то нужно было иметь собственного телефониста. Со мной Рагозины были необычайно милы: доктора я знала, как уже сказала, раньше, но с его женой мы немедленно как будто тоже сблизилась. Одно только меня удивляло — это два условия, которые они мне предъявили: 1-е, я должна была скрывать весьма тщательно, что я жила и училась за границей. На мой вопрос, почему же это, они мне ответили намеками на жандармов, на коммерческие тайны и вообще на что-то такое, чего я не поняла, но смирилась; и 2-е, что они в городе знакомы со всеми порядочными и образованными людьми, а потому вводить в их кружок других неудобно.

Разочарование для меня наступило очень скоро: я поняла, во-первых, что первое условие было сплошной вздор. Дело в том, что М-ше Рагозина была лицемерная и очень тщеславная особа. Она жила несколько лет в семье своей сестры, Жуковской, бывшей замужем за известным русским эмигрантом⁵⁰, — и часто гостила у другой, которая почти всё время проводила с кружком Бакунина⁵¹. Учиться Рагозина не училась, она могла отлично пускать пыль в глаза и без науки, и мое окончание Университета, хотя и вольной слушательницей, — ей совсем было не под стать. Что же касается до второго условия, то оно было столь же нелепо: кружок их состоял не только не из образованных людей, но это были льстивые господа, искавшие у Рагозиных разных материальных благ и занимавшиеся сплетнями и пересудами. Меня, разумеется, сразу все

⁴⁹ О семье Рагозиных и в первую очередь о его братьях Викторе и Евгении см.: *Колесниченко Г. В.* Братья Рагозины. Начало нефтяного дела в России. СПб.: Альфарет, 2009.

⁵⁰ Жуковский Николай Иванович (1833–1895) — революционер-народник, один из ближайших помощников М. А. Бакунина; с 1862 г. за границей, в 1864 г. заочно осужден и приговорен к изгнанию из пределов России навсегда.

⁵¹ Вероятно, имеются в виду так называемые «Южные бунтари», кружок народников-бакунистов, действовавший в 1874–1879 гг. на Украине; в его состав входили В. К. Деборский-Мокриевич, Н. К. Бух, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и др.

возненавидели и только жена одного из близких друзей Рагозина не побоялась мужа, не только не сплетничала обо мне, но даже приглашала в гости. С Рагозиными жил очень милый присяжный поверенный Праотцев с гражданской женой и двумя сыновьями, маленькими мальчиками. Но М-ме Рагозина свалила на эту бедную женщину и своих детей, она видела, что мне было уже совсем некогда, и всё хозяйство; так что мы с женой Праотцева иногда по неделям не успевали обменяться двумя-тремя словами. Единственно, с кем я очень подружилась, была очаровательная юная гимназистка Саша Позен. Глупый отец и злая мачеха выталкивали ее сплошь и рядом из дома, и она прибегала к нам, главным образом, в мою комнату, и мы с ней отводили душу. Сначала М-ме Рагозина ее очень ласкала, но так как Саша была из ряда вон хорошенькая, то она ее очень скоро приревновала к мужу. К счастью, эта ревность помогла судьбе Саши: она уговорила отца ее отвезти ее в Петербург доканчивать образование, снабдила деньгами и поручила брату своего мужа, Евгению Ивановичу Рагозину, жившему в Петербурге, иметь попечение о Саше и ее младшей сестре, которую кстати прихватили, — чтобы освободить мачеху.

Саша вскоре вышла замуж за Евгения Ивановича, прекрасного человека, тоже в типе тех русских образованных людей, преданных искренно идее высшего образования для женщин, совершенно ничего не имеющего общего с моими таганрогскими принципалами ни по идеям, ни по понятиям, ни даже по обстановке.

Боже мой, какой поднялся у нас в Таганроге Содом и Гоморра! Как смел Евгений Иванович жениться на Саше? Подняли на него всё и всех, досталось, разумеется, и мне, рикошетом. На семейном совете было решено дать денег Сашиному отцу, чтобы он немедленно скакал в Петербург и там, кажется, должен был кому-то жаловаться на то, что его дочь, несовершеннолетняя, сбежала из родительского дома. Но пришла от Саши телеграмма: Поздрав, сейчас обвенчались, — и всё было кончено. Но не для меня; так как я получила от молодых такую же депешу, то для меня настали такие кошмарные дни, что я уже не могла выдержать дальше и перешла в контору пароходства по Дону и Волге, где заправлял очень хороший человек, а его жена, М-ме Рихтер, устроила меня у себя. Я никогда не рассталась бы с этой семьей, если бы не Рагозины, Таганрог и весь этот ужас. Муж Саши вызвал меня в Петербург в свою транспортную дружину⁵², так называлось его пароходство по Волге, и в половине октября я навсегда рассталась с Таганрогом и всей этой ужасной жизнью.

⁵² Пароходное акционерное общество «Дружина» было основано в 1858 г. волжскими купцами братьями Шиловыми; с 1864 г. им управлял В. И. Рагозин, женатый на дочери одного из Шиповых; Е. И. Рагозин, видимо, управлял петербургским представительством пароходства. См.: Коновалов Н. А. Деятельность пароходного общества «Дружина» (1850–1860-е) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. Т. 114. № 2. С. 133–141.

Я заношу в эти записки воспоминания о той фальши, которая царила тогда почти повсюду в провинции, в либерально-интеллигентном обществе, с которой нам приходится не только теперь считаться, но которой мы обязаны нашей всей разрухой!

Мужу Саши Рагозиной, да и ей самой, я навсегда осталась благодарна и обязана всей своей последующей судьбой, но только жалко, что не удалось мне ничем существенным отплатить им!

Брат мой, приезжавший в отпуск, смеясь, поздравлял меня:

— Ну, сестренка! Ты, наконец, опять попала в хорошее *société polie*⁵³.

У Петербургских Рагозиных я, действительно, вышла снова в общество людей преданных высшим идеалам, и не только возобновила знакомство с Философовой, но через нее и с другими подобными же кружками, например, с Страннолюбским⁵⁴, его друзьями Тарновскими⁵⁵ и т.п. У Рагозиных я возобновила сношения с Боборыкиным⁵⁶, другом моего детства, с его прелестной женой⁵⁷ и многими другими.

После Севастопольской войны⁵⁸

<...>

Тогда было разрешено Университетам допускать институток, окончивших с отличием, к университетскому экзамену на преподавательницу того или

⁵³ Приличное общество (*франц.*).

⁵⁴ Страннолюбский Александр Николаевич (1839–1903) — деятель народного и женского образования, педагог, математик-методист; контр-адмирал.

⁵⁵ Тарновская Варвара Павловна (1844–1913) — общественная деятельница; член Комитета Общества для доставления средств ВЖК с момента основания и до самой смерти (с 1903 г. — председатель). Ее муж Тарновский Ипполит Михайлович (1833–1899) — врач-гинеколог и акушер-практик, преподаватель; также занимал различные административные должности по медицинской части.

⁵⁶ Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) — писатель, журналист; родился в семье нижегородского помещика, учился в Нижегородской гимназии.

⁵⁷ Боборыкина Софья Александровна (урожд. Зборжевская; 1845–1925) — жена П. Д. Боборыкина; в юности актриса, впоследствии занималась литературным трудом: автор повестей и рассказов, переводов с французского.

⁵⁸ В настоящей главе Е. В. Балобанова, вероятно, планировала описать предысторию создания Бестужевских курсов. Основным источником сведений для нее послужила статья А. Н. Анненской «Исторический очерк возникновения и деятельности “Общества для доставления средств Высшим Женским Курсам в С.-Петербурге” за 25 лет», написанная для юбилейного сборника (С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903: Очерки и материалы. СПб.: Ком. О-ва для доставления средств Высшим женским курсам в С.-Петербурге, 1903. С. 1–242). Увлечшись реферированием, Балобанова отвлеклась от своего мемуарного замысла; получившийся в итоге текст отличается от предыдущих глав «Записок...» по стилистике, часто непоследователен и даже бессвязен. Мы опускаем объемные реферативные фрагменты, сохранив только один собственно мемуарный эпизод.

иною предмета. Я немедленно вернулась в Россию весной 1867 года⁵⁹, чтобы выдержать такое испытание в Москве: Петербургский университет был закрыт после истории 66 года!⁶⁰ Моей матери, очень любившей всякие протекции, очень улыбалась мысль протолкнуть меня посредством Дмитрия Ивановича Иловайского⁶¹, ее старинного знакомого. Дмитрий Иванович, желая сделать ей приятное, пригласил на чашку чая нас и многих профессоров, между прочим, грозу того времени профессора богословия священника Сергиевского⁶², который, узнав, что я из заграничного университета и претендую на роль преподавательницы истории, уделил мне полвечера на беседу, а когда я пришла через два дня узнать, когда мне назначено испытание, мне вернули обратно бумаги с пометкой рукой Сергиевского: «в вере не крепка». Карандашную пометку мы с Иловайским стерли, но время было уже позднее, начало мая, и я на пароходе из Нижнего с письмом Д. И. Иловайского помчалась в Казань, к тамошнему профессору истории Горскому⁶³, который учил меня в Нижегородском институте, когда еще не перешел в Казань. Горский живо устроил без задержки испытание, и 17 мая я выдержала оба экзамена: и по богословию, и по истории, как русской, так и всеобщей, на полный балл. Но мне оставалось еще выдержать из географии, которую не преподавали в Университете, а потому пришлось держать в I-й гимназии. Попечитель округа, Шестаков⁶⁴, был в отпуску, и его заме-

⁵⁹ Согласно «Моей автобиографии», Е. В. Балобанова уехала за границу в 1866 г. и не возвращалась в течение нескольких лет. Описываемые ниже события, вероятно, имели место вскоре после окончания Мариинского института (1862 г.) в связи с желанием открыть собственную школу (см. выше). Рассказ о сдаче экзамена по географии, выдержанный в стилистике школьного анекдота, мог в качестве одного из источников иметь рассказ брата Сергея о его обучении (его письма из кадетского корпуса упоминаются в «Воспоминаниях институтки»).

⁶⁰ В связи с волнениями студентов С.-Петербургский университет был временно закрыт с 20 декабря 1861 г. С осени 1862 г. открылся физико-математический факультет, а с осени 1863 г. и все остальные.

⁶¹ Иловайский, Дмитрий Иванович (1832–1920) — историк; окончил Московский университет (1854 г.), после чего преподавал в гимназии в Рязани; в 1858 г. вернулся в Москву, защитил в университете магистерскую диссертацию, в 1860 г. был избран адъюнктом по кафедре всеобщей истории, на следующий год был отправлен в заграничную командировку, а по возвращении, в 1862 г., вышел в отставку и посвятил себя научной и публицистической деятельности; автор самых известных гимназических учебников по истории (всего более 150 изданий).

⁶² Сергиевский Николай Александрович (1827–1877) — профессор богословия и настоятель церкви Московского университета с 1858 г., с 1863 по 1884 г. ординарный профессор кафедры церковного законодательства юридического факультета Московского университета.

⁶³ Горский Сергей Дмитриевич — учитель истории 2-й Казанской гимназии (1856–1867 гг.) (см.: *Смоленский С. В.* Воспоминания: Казань, Москва, Петербург. М.: Языки славян. культуры, 2002. По указ.). О преподавании С. Д. Горского в Нижегородском Мариинском институте нам ничего неизвестно.

⁶⁴ Шестаков Петр Дмитриевич (1826–?) — в 1865–1883 гг. попечитель Казанского учебного округа.

нял генерал Анненков⁶⁵. Нас, аспиранток, набралось человек 5–6, и генерал сам приехал на экзамен. Анненков был не только близорук, но почти слеп — носил двое очков и еще имел лорнет. Мне достался билет об Ост-Индии, о которой я решительно не имела никакого понятия и встала в совершенный тупик. Смело начертила известный треугольник, но не знала, что же мне делать дальше. Но вдруг генерал, увидя мой решительный чертеж, одобрительно улыбнулся:

— Прекрасно, барышня, вот как смело начертили, ну а теперь расскажите мне что-нибудь об этих английских торгашах!

Я вспомнила прочитанную мною статью во «Всемирном путешественнике» о восстании сипаев против англичан в 1857 году и, была не была, стала ее излагать самым бессовестным образом. Генерал сел на стол, до того времени всё стоял, и выслушал меня до конца.

— Прекрасно, барышня, прекрасно, поставим ей полный балл, — обратился он к учителю и уехал, не слушая других. Учитель, морщась, всё же поставил мне 4, с генеральской отметкой вышли нужные 4½, и экзамен прошел блистательно.

— А ведь это подло, — сказал мне учитель по окончании испытаний, — пользоваться чужой слабостью.

— Я же думала, — ответила я, — что если не подло, то всё же нехорошо задавать вопрос экзаменуемой не по курсу географии по программе средних учебных заведений.

Учитель сконфузился, и всё было кончено. Нам выдали «Временное свидетельство» как первым пионеркам, но мы ими не могли воспользоваться, так как начались политические истории, и из нас, успевших выдержать этот экзамен (кажется, нас было человек 15–20), попало девять в этих глупых политиках, и у нас всех отобрали и Временные свидетельства и подписку, что мы ими не имеем права пользоваться.

Выдержав этот экзамен, я снова уехала в Гейдельберг <...>

References

Biblioteka Bestuzhevskih kursov: Istoricheskaya hronika v svidetelstvakh I dokumentah / Sost. A. V. Vostrikov. SPb.: SPbGU, 2009.

Volkov S. V. Russkij oficerskij korpus. M.: Voenizdat, 1993.

Ekaterina Balobanova, bibliotekar` Bestuzhevskih kursov: Trudy, dokumenty, vospominaniya / Sost., avtor st. i komment. A. V. Vostrikov. SPb.: SPbGU, 2014.

Konovalev N. A. Deyatel'nost' parohodnogo obshchestva «Druzhina» (1850–1860-e) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2013. T. 114. № 2. S. 133–141.

Kolesnichenko G. V. Bratya Ragoziny. Nachalo neftyanogo dela Rossii. SPb.: Alfaret, 2009.

Makferson D. Poehmy Ossiana Dzhemsa Makfersona (J. Macpherson. Poems of Ossian) / Issled., per. i primech E. V. Balobanovoj. SPb.: Zhurn. «Panteon literatury», 1890.

Podolskaya I. I. Balobanova Ekaterina Vyacheslavovna // Russkie pisateli 1800–1917: Biograficheskij slovar. M.: Sov. ehnciklopediya, 1989. T. 1: A–G. S. 146.

S.-Peterburgskie vysshie zhenskije kursy za 25 let. 1878–1903: Ocherki I materialy. SPb.: Kom. O-va dlya dostavleniya sredstv vysshim zhenskim kursam v S.-Peterburge, 1903.

⁶⁵ Если наше предположение об источнике эпизода верно, то, возможно, речь идет о генерале от инфантерии Николае Петровиче Анненкове (1790–1865), участнике войны 1812 г., члене Совета Главного управления и инспекторе военно-учебных заведений.

Semenihina M. V. Irlandskie motivy v russkoj literature Serebryanogo veka // Mify i realnost v sovremennoj angloyazychnoj kartine mira: Sbornik materialov konferencij. Вып. 1 / Под ред. I. B. Rubert. SPb.: Izd-vo SPbGUEF, 2011. S. 73–81.

Smolenskij S. V. Vospominaniya: Kazan, Moskva, Peterburg. M.: Yazyki slavyan. kultury, 2002.

Talanova A. N. Bretonskaya kultura v tvorcestve E. Balobanovoj // Obraz evropejca v russkoj i amerikanskoj literaturah: Materialy IX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Hudozhestvennyj tekst i kultura» 20–22 oktyabrya 2011 goda. Vladimir: Tranzit-IKS, 2012. S. 60–64.

Dahn F. Erinnerungen. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1890–1895. Bd. 1–5.

Список литературы

Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / Сост. А. В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2009.

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993.

Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания / Сост., автор ст. и коммент. А. В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2014.

Колесниченко Г. В. Братья Рагозины. Начало нефтяного дела России. СПб.: Альфарет, 2009.

Коновалов Н. А. Деятельность пароходного общества «Дружина» (1850–1860-е) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. Т. 114. № 2. С. 133–141.

Макферсон Д. Поэмы Оссиана Джемса Макферсона (J. Macpherson. Poems of Ossian) / Исслед., пер. и примеч. Е. В. Балобановой. СПб.: Журн. «Пантеон литературы», 1890.

С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903: Очерки и материалы. СПб.: Ком. О-ва для доставления средств Высшим женским курсам в С.-Петербурге, 1903. С. 1–242.

Семенихина М. В. Ирландские мотивы в русской литературе Серебряного века // Мифы и реальность в современной англоязычной картине мира: Сборник материалов конференций. Вып. 1 / Под ред. И. Б. Руберт. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 73–81.

Таланова А. Н. Бретонская культура в творчестве Е. Балобановой // Образ европейца в русской и американской литературах: Материалы IX международной научной конференции «Художественный текст и культура» 20–22 октября 2011 года. Владимир: Транзит-ИКС, 2012. С. 60–64.

Dahn F. Erinnerungen. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1894. Bd. 4. Abth. 1. S. 204 sqq.; ibid. Bd. 4. Abth. 2. 1895.

Ф. А. Селезнев

Вопрос о сепаратном мире между Россией и Германией в материалах перлюстрации (1916 г.)¹

В историографии оживленно обсуждается вопрос о том, насколько вероятным было заключение сепаратного мира между Россией и Германией до Февральской революции. Однако до сих пор предметом анализа историков были гипотетические контакты высшего руководства России и Германии². Ниже приводятся документы, которые могут дать представление об отношении к этой проблеме широких кругов русского общества. В основе публикации — фрагменты выписок из перлюстрированных писем, отложившихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Данный исторический источник отличается высокой степенью репрезентативности и хорошо известен специалистам. В последние годы он не раз

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские контрэлиты и вопрос о сепаратном мире с Германией (1914–1918)», проект № 14–01–00032.

² Историографические обзоры проблемы см: *Лебедев В. В.* К историографии проблемы выхода России из войны накануне Февральской революции. Обзор // Вопросы истории. 1971. № 8; *Евдокимова Н. П.* Проблема сепаратных переговоров о мире между Германией и Россией в годы Первой мировой войны в работах советских историков // Советская и зарубежная историография новой и новейшей истории. Вып. 6. Л., 1981; *Васюков В. С.* К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // Исторические записки. Т. 107. М., 1982; *Соколов Б. В.* К вопросу о сепаратном мире между Россией и Германией (1914–1917 гг.) // История СССР. 1985. № 5.

становился объектом исследования³. Было осуществлено несколько ценных публикаций материалов перлюстрации⁴. Однако объем не введенной в научный оборот части этого комплекса источников всё еще велик.

Ниже публикуется подборка выписок из перлюстрированных писем, посвященная отношению российского общества к проблеме сепаратного мира. В нее включено 23 фрагмента частных писем за период с мая по ноябрь 1916 г. Среди авторов писем — профессор Московского университета Н. Н. Любавин, гофмейстер А. А. Арапов, член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела С. Л. Облеухова, примыкавший к социал-демократам историк земства Б. Б. Веселовский, профессор Харьковского университета В. И. Савва, генерал И. Г. Эрдели, офицеры, священнослужители, представители интеллигенции, дворянства, студенчества, среднего городского класса, крестьян. В их мнениях нашли отражение все оттенки политического спектра: от сторонников РСДРП до крайне правых.

Интересно, что в письмах правых, которых их оппоненты зачастую обвиняли в стремлении к сепаратному миру, отсутствуют даже намеки на необходимость прекращения войны. Подспудное неприятие крайне правыми этой войны можно усмотреть лишь в их критическом отношении к союзникам-англичанам (документ № 2).

Большинство публикуемых фрагментов писем (20) относится к двум месяцам конца 1916 г. — октябрю и ноябрю. Октябрь 1916 г. стал тем временем, когда тема сепаратного мира с Германией впервые начинает часто встречаться в выписках из перлюстрированных писем. Причем ее касаются не только политики, но и обыватели. В их письмах получила преломление кампания либеральной оппозиции, развернутая против председателя Совета министров Б. В. Штюрмера, после того как тот в июле 1916 г. сменил С. Д. Сазонова на посту министра иностранных дел. Оппозиция выказывала обеспокоенность тем, что назначение Штюрмера может означать поворот внешней политики в сторону сепаратного мира.

³ *Ганелин Р. Ш.* Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года // *Отечественная история.* 1997. № 1; *Измозик В. С.* 1) К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // *Россия и Первая мировая война (материалы международного научного коллоквиума).* СПб., 1999; 2) *Российское общество в 1915 году: по материалам перлюстрации // Межвузовская научная конференция «Россия в Первой мировой войне: проблемы истории и историографии»:* Сборник докладов. СПб., 2015.

⁴ *Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: В 4 т. Т. 1: Эволюция взглядов / Отв. ред. В. В. Журавлев; [предисл. В. В. Журавлева; сост. и коммент. Л. А. Лыковой, О. А. Шашковой].* М., 2014; *Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред., предисл. В. В. Шелохаев; сост., коммент. и предисл. К. А. Соловьева.* М., 2014; *Лыкова Д. А., Перегудова З. И.* «Сегодня мы узнали, что Германия объявила войну России». Перлюстрации писем Департаментом полиции МВД Российской империи в 1914 г. // *Исторический архив.* 2014. № 6.

Особую роль в дискредитации Штюрмера сыграло письмо А. И. Гучкова начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву от 16 августа 1916 г. В октябре 1916 г. оно в копиях получило широкое хождение в Москве (документ № 6). В числе «изменников» упоминался и новый глава МВД А. Д. Протопопов (документ № 9). Пиком этой кампании стало сенсационное выступление в Государственной Думе 1 ноября 1916 г. П. Н. Милюкова, бросившего Штюрмеру обвинение в измене. Отзвуком речи Милюкова является документ № 19.

Мультиплицирование слухов об измене высших властей способствовало росту недовольства их политикой в целом. Возникновение подобных настроений среди горожан стимулировали бытовые трудности (дороговизна или нехватка необходимых товаров). Эти проблемы одни связывали с происками «внутренних немцев» (документы № 10, 16), другие — с войной как таковой. Мир же представлялся желанным избавлением от всех этих неурядиц (документ № 12). Что касается крестьян, то антивоенные настроения среди них осенью 1916 г. начались в связи с возможностью призыва старших возрастов (документ № 21).

В целом публикуемые документы показывают, что представители политической элиты и образованного общества относились к возможности сепаратного мира с Германией отрицательно. В то же время во внеэлитных социальных группах с октября 1916 г. нарастают антивоенные настроения. Таким образом, раскол между элитой (в том числе ее оппозиционной по отношению к Николаю II частью) и большинством народа по вопросам войны и мира существовал уже в конце 1916 г.

Документ № 1

1916, май, 10. *Н. Н. Любавин*⁵ (Москва) — *И. Н. Любавину* (Петроград)

Затяжка войны дело очень тяжелое для всех. Но нет худа без добра. Чем дольше будет тянуться война, тем полнее отвыкнем мы от немцев и тем более научимся обходиться без их помощи. Посмотри, как в первый год войны церемонились с немецкими колонистами, а теперь стали продавать их земли. В прошлом году мы были очень беспомощны по отношению к химическим товарам, а теперь производство их понемногу налаживается. Один химический завод открывают за другим.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 616

Документ № 2

1916, июнь, 15. *Н. С. Мельцов* (Желовское почтовое отделение Калужской губернии) — *графу П. С. Шереметеву*⁶ (Петроград)

⁵ Любавин Н. Н. (1845–1918) — химик, профессор Московского университета.

⁶ Шереметев П. С. (1871–1943) — общественно-политический деятель консервативного направления, член Государственного совета.

Не поинтересовался ли ты работами экономической конференции в Париже?⁷ Это то, что называется из огня да в полымя попасть. Французы и англичане, удовлетворяя свою ненависть к немцам, которую мы не можем питать в такой степени, как они, готовятся, вместе с тем, поживиться и нами. Мы попадем к ним в кабалу, в особенности к британцам, во сто крат худшую, чем пресловутое «немецкое засилье». Мне из верных источников известно, что уже половина Урала захвачена англичанами и будет дальше захватываться в обеспечение услуг, оказываемых ими в настоящую войну. Кому же выгодна эта война, как не им? Нам грозит судьба Турецкой империи: насаждение насильно парламентского строя и переход в чужестранные руки всех естественных богатств, а впридачу и таможенных сборов.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 625

Документ № 3

1916, сентябрь, 24. *И. Н. Любавин (Петроград) — Н. Н. Любавину (Москва)*

Хвостов⁸, как в свое время и Сазонов⁹, удален происками Штюрмера¹⁰. Сазонов, между прочим, за то, что был против заключения сепаратного мира, которого Вильгельм письмом просил у нашего императора и за которым стоял Штюрмер. Сазонов об этом сообщил английскому послу, а тот — своему правительству. Тогда английский король прислал нашему императору письмо с требованием удалить Штюрмера, который, как говорят, и будет вскоре удален. В деле отставки Хвостова Штюрмер также сыграл очень скверную роль.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 642

Документ № 4

1916, октябрь, 2. *«Вася» (действующая армия) — А. Л. Пиловой (Москва)*

Не надейтесь на скорое окончание войны. Немцы еще очень сильны и справиться с ними нелегко, а справиться нужно, иначе уж слишком бесцельны были бы все ужасы и бедствия, которые принесла эта война. Наше счастье, что у нас союзники англичане, которые не позволят идти ни на какие уступки, а то мы, русские, уже давно бы начали уступать. В этом и несчастье, что вы все думаете, как бы скорее кончилась война, а не думаете о том, что безрезультатный конец принесет еще более тяжелую обстановку.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 679

⁷ Конференция стран Антанты по экономическим вопросам началась в Париже 1 июня 1916 г. На ней Англия и Франция пытались договориться со своими союзниками о торговой изоляции Германии после окончания войны. Для России это означало, что сбыт немецких товаров на ее территории будет максимально затруднен, в то время как продукция Англии получит статус наибольшего благоприятствования.

⁸ Хвостов А. А. (1857–1922) — с 7 июля по 16 сентября 1916 министр внутренних дел.

⁹ Сазонов С. Д. (1860–1927) — министр иностранных дел с 1909 по 7 июля 1916.

¹⁰ Штюрмер Б. В. (1848–1917) — председатель Совета министров с 20 января по 10 ноября 1916.

Документ № 5

1916, октябрь, 2. «Саша» (действующая армия) — Е. С. Штаммер (Харьков)

Подходит зима, а о мире по-прежнему ни слова. Интересно, что мы будем делать дальше. Есть очень много признаков, говорящих о неблагополучии наших финансов. Если дело дошло до экономии на солдатском жаловании, то это уже плохо. Такими мерами финансов больше не добыть, а озлобление можно сильно увеличить. Требования, предъявляемые к солдату, всё увеличиваются.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 679

Документ № 6

1916, октябрь, 3. Протоиерей С. Успенский (Москва) — епископу Владимиру¹¹ (Орлов Вятской губернии)

По Москве ходит письмо А. И. Гучкова¹², в котором Министры обвиняются чуть ли не в потворстве врагам и один прямо обвиняется в измене.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 685

Документ № 7

1916, октябрь, 4. «Н. Бо...» (действующая армия, этапный ветеринарный лазарет) — Л. М. Байкову (Москва)

В публике настроение здесь довольно твердое насчет конечного одоления Германии. Все сокрушаются только о непонятных нехватках продуктов первой необходимости, которых у нас, несомненно, имеется в избытке. Все говорят и видят, что товары и продукты укрываются с целью большего поднятия цен.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 698

Документ № 8

1916, октябрь, 7. Португей-юнкер Я. Киянов (Москва) — И. Ф. Проленко (Воронеж)

Расчеты на окончание войны в сентябре не оправдались. Наоборот, война как будто собирается затянуться на неопределенное время. А между тем жизнь

¹¹ Предположительно адресатом письма являлся епископ Белостокский Владимир, в миру В. М. Тихоницкий (1873–1959).

¹² Гучков А. И. (1862–1936) — лидер Союза 17 октября, член Государственного совета и председатель Центрального военного промышленного комитета (1915–1917). 16.08.1917 в письме, адресованном начальнику штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексееву, А. И. Гучков писал: «А если Вы подумаете, что вся эта власть возглавляется господином Штюмером, у которого и в армии и в народе прочная репутация, если не готового уже предателя, то готового предать, что в руках этого человека ход дипломатических сношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем, а следовательно вся наша будущность, то Вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога охватила общественную мысль и народное настроение» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 194 об.).

всё более и более становится тяжелой <...> В самом деле, войну кончить нужно, но кончить нельзя, а между тем ведение ее становится невозможным.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 721

Документ № 9

1916, октябрь, 10. *И. Виноградов (Тверь) — А. П. Надежину (Петроград)*

Про Москву говорят, что готовится грандиозный погром, будто бы ходит по рукам записка с требованием удалить Протопопова¹³ за то, что он ставленник немцев и на немецкие деньги вместе с подкупленными немцами банками хотел издавать газету¹⁴.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 740

Документ № 10

1916, октябрь, 12. *А. Арапов¹⁵ (Петроград) — Филатову (ст. Арапово Московско-Казанской железной дороги)*

Общее настроение здесь пессимистическое. В Румынии идет неважно, и занятие Констанцы поднимает дух германцев¹⁶. Столько надежд возлагалось на это выступление, и они не оправдались. Напротив, говорят, что оно осложнило задачу Брусилова¹⁷, который обязан теперь заботиться о поддержке союзников. Вот немцам теперь желательно использовать благоприятный момент, и они всё пускают в ход, чтобы добиться сепаратного мира с нами. В придворных кружках пущен слух, что переговоры начнутся в декабре, пока прилагаются все усилия, чтобы подпустить черную кошку между Англией и нами. Бьюкенэн¹⁸ не желает иметь сношений с новым министром иностранных дел и для переговоров ездил в Ставку. Вильгельм ничем и никем не брезгает и не скупится на золото для подкупа. Банки под немецким засильем хлопочут вовсю,

¹³ Протопопов А. Д. (1866–1918) — депутат IV Государственной Думы от Симбирской губернии, член фракции земцев-октябристов. С 16 сентября 1916 — управляющий министерством внутренних дел.

¹⁴ Речь идет о газете «Русская воля». С предложением начать издавать газету, которая защищала бы интересы русской промышленности, А. Д. Протопопов выступил в феврале 1916 г. 15 июля 1916 он собрал совещание представителей банковского капитала по вопросу о финансировании газеты. Расходы по ее изданию взяли на себя Международный банк, Русский для внешней торговли банк, Азовско-Донской банк. 19 ноября 1916 В. М. Пуришкевич, выступая в Государственной Думе, обвинил А. Д. Протопопова в том, что тот хочет издавать газету при помощи банков, работающих на немецкие деньги. Первый номер «Русской воли» вышел 15 декабря 1916.

¹⁵ Арапов А. А. (1832–1919) — гофмейстер Двора Е. И. В.

¹⁶ 14 (27) августа 1916 Румыния вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты. Румынские войска быстро начали терпеть поражения. 6 октября генерал Макензен перешел в решительное наступление в Добрудже. 10 октября 1916 румыны потеряли стратегически важный порт Констанца на Черном море.

¹⁷ Брусилов А. А. (1853–1926) — генерал, командующий Юго-Западным фронтом.

¹⁸ Бьюкенен Дж. (1854–1924) — в 1910–1918 гг. посол Великобритании в России.

и им мы всецело обязаны дороговизной, которая продолжает расти не по дням, а по часам. Но, несмотря на всю неприглядность жизни, никто худого мира не желает, а сепаратный мир считали бы великим несчастьем, чреватым пагубными последствиями.

Про Сухомлинова¹⁹ молчат; правды мы никогда не узнаем, слишком много замешанных, которых неудобно судить.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 753

Документ № 11

1916, октябрь, 13. *Л. (Оржельское Курской губернии) — И. И. Красносельскому (Одесса)*

Большинство населения пока инертно и пока довольно терпеливо переносит положение вещей, но может наступить момент, когда население под напором невзгод начнет думать и своим серым разумом может прийти к заключению, что не стоит тянуть канитель. Что же касается немцев, то я убежден, что они с радостью сейчас согласились бы на восстановление статус кво анте, если бы таковое им предложили. И если бы это обстоятельство сделалось общеизвестным до степени общего убеждения, то при наличии всякого рода затруднений ежедневного обихода, несомненно, имеющих увеличиться в огромной степени сравнительно с теперешними, это большинство может завопить о мире. И в этом я вижу главную нашу опасность. Ни от Франции, ни от Англии ожидать этого нельзя, но у нас всё возможно. Как же внушить этому большинству, что необходимо претерпеть до конца, что следует переносить всевозможные лишения, лишь бы добиться торжества принципа справедливости и, вместе с тем, обеспечить для следующих поколений невозможность повторения таких нелепостей, как эта начатая прусским милитаризмом бойня.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 759

Документ № 12

1916, октябрь, 14. *Нотариус Андреев (Одесса) — М. К. Богоявленскому (Москва)*

Я убежден, что если бы сегодня был заключен мир, то завтра у нас все магазины были б завалены всякой всячиной.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 763

Документ № 13

1916, октябрь, 15. *И. Н. Любавин (Петроград) — Н. Н. Любавину (Москва)*

Дела у нас идут, по-видимому, неважно. Скверно то, что у нас немцы сильно работают: это заметно по очень многому. Говорят, что у вас в Москве на этой

¹⁹ Сухомлинов В. А. (1848–1926) — генерал, военный министр в 1909–1915. Был обвинен в плохой организации снабжения армии, злоупотреблениях. 20 апреля 1916 арестован и помещен в Петропавловскую крепость. В октябре 1916 переведен под домашний арест.

неделе были большие беспорядки на почве дороговизны: будто бы были вызваны войска, которые отказались стрелять в народ, а стреляли в полицию, среди которой было много убитых. Этот слух чересчур чудовищен, чтобы ему верить, но, во всяком случае, кому-то нужно распускать такие слухи. Кроме того, я почти ежедневно слышу пожелания, чтобы война поскорее кончилась, хотя бы и вничью. Кому же это надо, как не немцам.

У нас в Петрограде тоже поговаривают о предстоящих беспорядках на наступающей неделе. Если этот слух оправдается, то удивительного тут ничего не будет, так как немцам очень выгодно вызывать смуты у своих врагов, чтобы заставить заключить мир, в котором они так нуждаются.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 771

Документ № 14

1916, октябрь, 15. <Нрзб.> (Москва) — А. А. Ростаслову (Петроград)

Опять начались слухи о сепаратном мире. Называют даже число — 12 ноября, когда будто бы будет объявлено перемирие.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 774

Документ № 15

1916, октябрь, 17. «Твой весь» (Харьков) — С. И. Розенфельду (Томск)

У нас была факультетская сходка, 550 человек против 50, по обсуждению текущего момента, вынесли резолюцию в духе циммервальдского манифеста²⁰. Вот как. Многие склонны рассматривать это событие как новую эру в истории студенчества, поворот к старому.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 781

Документ № 16

1916, октябрь, 18. С. Облеухова²¹ (Петроград) — В. М. Пуришкевичу²² (Бендеры)

Внутренние немцы разыгрывают на струне продовольственных неурядиц. Со всех сторон идут слухи, что на окраинах разбросали прокламации «война против войны»; происходят забастовки.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 792

²⁰ Циммервальдский манифест — принят на международной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария), проходившей 23–26 августа 1915 г. Манифест охарактеризовал ведущуюся войну как империалистическую и указал на лживость лозунга «защиты отечества». Был принят при поддержке участвовавших в конференции большевиков во главе с В. И. Лениным.

²¹ Облеухова С. Л. — редактор «Вестника Русского собрания», член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела.

²² Пуришкевич В. М. (1870–1920) — руководитель Русского народного союза имени Михаила Архангела, депутат IV Государственной Думы.

Документ № 17

1916, октябрь, 18. *Б. Веселовский*²³ (Петроград) — *К. Б. Веселовскому* (п/о Малое Щербедино Саратовской губернии)

На заводах идет брожение и вообще настроение меняется. На этих днях разбрасывали призывы требовать мира.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1057. Л. 797

Документ № 18

1916, ноябрь, 9. *С. И. Остроумов*²⁴ (Петроград) — *С. С. Остроумову* (г. Зми-ев, Харьковской губернии)

Прогрессивный блок, то есть большинство Думы и половина Государственного совета, борется с кабинетом. Или Штюрмер будет отставлен, или Думу распустят. Решено это будет, может быть даже сегодня, или завтра. Штюрмер — сторонник сепаратного мира.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 993

Документ № 19

1916, ноябрь, 16. «*Клавдий*» (Петроград) — *Е. К. Николаевой* (Тифлис)

Речь Милокова, не пропущенная цензурой, ходит по рукам в печатных на машинах листах. Она имеет огромное агитационное значение. Одна очень бурная сходка (чисто политическая) была уже на высших женских курсах. Народу была тьма. Говорили о начале революции в России. Да, пахнет ею... Для всех ясно, что Штюрмер с Гришкой Распутиным и императрицей продали Россию немцам и всё время добивались сепаратного мира. И это та Императрица, за здоровье которой молятся миллионы темного люда, отдающего за Русь всё свое самое дорогое... Милоков разоблачил все махинации. Материал ему дали послы иностранных держав.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1123

Документ № 20

1916, ноябрь, 17. *В. Савва*²⁵ (Харьков) — *Ф. А. Келлеру*²⁶ (действующая армия)

Настроение и теперь: биться до конца. Думаю, что это не только результат патриотизма, которого у нас в так называемом обществе слишком мало. Одним война принесла наживу, другие за войну потому, что подозревают

²³ Веселовский Б. Б. (1880–1954) — историк земства и городского хозяйства, примыкал к социал-демократам.

²⁴ Остроумов С. И. (1861 — после 1917) — священнослужитель, депутат IV Государственной Думы от Рязанской губернии, член фракции земцев-октябристов.

²⁵ Савва В. И. (1865–1920) — историк, профессор Харьковского университета.

²⁶ Келлер Ф. А. (1857–1918) — генерал, командующий 3-м конным корпусом (Юго-Западный фронт). Его семья проживала в Харькове.

правительство в желании заключить преждевременный мир: слишком привыкли быть в оппозиции к правительству.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1130

Документ № 21

1916, ноябрь, 17. *М. Новиков*²⁷ (*Лантево, Тульской губернии*) — *В. А. Маклакову (Петроград)*

Здесь ходят упорные слухи о возможности призыва от 45 до 52 лет. Видимо поддерживаемые Вами и Вашей фракцией истребительные лозунги для продолжения никому не нужного безумия войны не остановятся на 45-летних, а придется еще и еще приносить жертвы и всё только ради удовлетворения какого-то самолюбия небольшой группы властолюбцев.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1134 об.

Документ № 22

1916, ноябрь, 19. *И. Н. Любавин (Петроград)* — *Н. Н. Любавицу (Москва)*

Против А[лександр]ы Ф[едоровны]²⁸ идет всё большее и большее возбуждение. Прямо указывают как на главный источник измены и по этому поводу слышатся голоса из армии.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1163

Документ № 23

1916, ноябрь, 20. *Генерал Эрдели*²⁹ (*Херсонская губерния*) — *О. М. Эрдели (Одесса)*

Если Штурмер действительно был инициатором сепаратного мира, как это доказывали с немецкими газетами в руках Милюков и Пуришкевич в Гос. Думе, то, думаю, мир не мог быть подписан Тем, Который всенародно заявил, что мир не может быть раньше победоносного окончания войны.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1174.

References

Evdokimova N. P. Problema separatnykh peregovorov o mire mezhdru Germaniyei i Rossiei v gody Pervoy mirovoy voyny v rabotakh sovetskikh istorikov // *Sovetskaya i zarubezhnaya istoriografiya novoy i noveyshey istorii.* Вып. 6. Л., 1981.

Ganelin R. Sh. Gosudarstvennaya дума i pravitel'stvennaya vlast' v perlyustrirovannoy perepiske kanuna 1917 goda // *Otechestvennaya istoriya.* 1997. № 1.

²⁷ Новиков Михаил Петрович (1870–1937, по другим данным 1871–1939). Крестьянин деревни Боровково Тульской губернии, корреспондент Л. Н. Толстого. В 1914 г. вместе с другими последователями Толстого подписал воззвание против войны «Опомнитесь, люди-братья!», за что около года просидел в тюрьме под следствием, но по суду вместе с другими участниками подписания воззвания был оправдан и освобожден из-под стражи. Благодарю исследователя толстовства Е. В. Агарина за предоставление сведений об М. П. Новикове.

²⁸ Александра Федоровна (1872–1918) — русская императрица, жена Николая II.

²⁹ Эрдели И. Г. (1870–1939) — генерал, командующий Особой армией.

Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999.

Лебедев В. В. К историографии проблемы выхода России из войны накануне Февральской революции. Обзор // Вопросы истории. 1971. № 8.

Лыкова Д. А., Перегудова З. И. «Сегодня мы узнали, что Германия объявила войну России». Перлюстрации писем Департаментом полиции МВД Российской империи в 1914 г. // Исторический архив. 2014. № 6.

Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: В 4 т. Т. 1: Эволюция взглядов / Отв. ред. В. В. Журавлев; предисл. В. В. Журавлева; сост. и коммент. Л. А. Лыковой, О. А. Шашковой. М., 2014.

Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред., предисл. В. В. Шелохаев; сост. и коммент. и предисл. К. А. Соловьева. М., 2014.

Сokolov B. V. К вопросу о сепаратном мире между Россией и Германией (1914–1917 гг.) // Историya SSSR. 1985. № 5.

Vasyukov V. S. К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // Исторические записки. Т. 107. М., 1982.

Список литературы

Васюков В. С. К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // Исторические записки. Т. 107. М., 1982.

Ганелин Р. Ш. Государственная дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917 года // Отечественная история. 1997. № 1.

Евдокимова Н. П. Проблема сепаратных переговоров о мире между Германией и Россией в годы Первой мировой войны в работах советских историков // Советская и зарубежная историография новой и новейшей истории. Вып. 6. Л., 1981.

Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999.

Лебедев В. В. К историографии проблемы выхода России из войны накануне Февральской революции. Обзор // Вопросы истории. 1971. № 8.

Лыкова Д. А., Перегудова З. И. «Сегодня мы узнали, что Германия объявила войну России». Перлюстрации писем Департаментом полиции МВД Российской империи в 1914 г. // Исторический архив. 2014. № 6.

Сokolov B. V. К вопросу о сепаратном мире между Россией и Германией (1914–1917 гг.) // Историya SSSR. 1985. № 5.

Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: В 4 т. Т. 1: Эволюция взглядов / Отв. ред. В. В. Журавлев; предисл. В. В. Журавлева; сост. и коммент. Л. А. Лыковой, О. А. Шашковой. М., 2014.

Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред., предисл. В. В. Шелохаев; сост. и коммент. и предисл. К. А. Соловьева. М., 2014.

Е. З. Панченко

Книги с автографами в библиотеке Н. П. Лихачева: Статистический обзор

Большая часть библиотеки академика Н. П. Лихачева в настоящее время растворена в фондах библиотеки С.-Петербургского института истории. В процессе систематического просмотра хранилищ, документальных проверок, ежедневной работы с книгами выявлено значительное количество изданий (почти 700) с адресованными Н. П. Лихачеву дарственными надписями¹. Среди авторов этих надписей выдающиеся российские историки, филологи, искусствоведы второй половины XIX — первой трети XX в. (И. Э. Грабарь, В. О. Ключевский, Н. П. Кондаков, И. Ю. Крачковский, А. С. Лаппо-Данилевский, Б. Л. Модзалевский, А. В. Орешников, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, А. Н. Пыпин, Н. К. Рерих, Л. М. Савелов, П. К. Симони, Е. В. Тарле, И. В. Цветаев, А. А. Шахматов и др.), известные общественные деятели, книгоиздатели, библиофилы.

Есть дарственные надписи, которые весьма пространны, эмоциональны, содержат яркие характеристики и адресата, и дарителей. Один из автографов П. К. Симони, в высшей степени уважительный и в то же время шуточный, призывает разделить новые идеи автора: «Его Библиографскому Величеству Николаю Петровичу Лихачеву в знак глубокого уважения и душевной преданности трудившегося поднощика от Библиографии, дерзнувшего ввести неуставные ереси

¹ Дарственные надписи на книгах библиотеки СПбИИ отражены в двух картотеках, организованных в алфавитном порядке: «Автографы» и «Адресаты». Предварительные результаты работы см.: *Панченко Е. З.* Книги с автографами в библиотеке Н. П. Лихачева: статистический анализ // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: Материалы VI Междунар. науч. конф. СПб., 1997.

на пользу справляющихся с пространным библиографическим полем, энциклопедическим словарем Ефрония и Брокгаузия именуемым, во граде Святого Петра 19 февраля 1912 года»². Автограф П. А. Флоренского напоминает надпись, высеченную в камне: «+ <крест> Глубокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву, с чувством радости при мысли о крепости России, пока живут на ней Лихачевы, — Священник Павел Флоренский 1917 II 23 Сергиев Посад». Дата надписи тоже не может не обратить на себя внимание³. Пространные надписи с нравоучительными изречениями и стихами сопровождают сборники, составленные В. Н. Смольяниновым, служившим по ведомству Министерства народного просвещения: «Высокочитимому Николаю Петровичу Лихачеву от идущего по его стопам, хотя и робкими шагами Вл. Смольянинова. 24 января 1904. Москва.

Люби отчизны край и сердцем к ней гори,
О славных предках ты с восторгом говори,
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси! <...>»⁴.

Традиционно интерес вызывают надписи на книгах именно такого рода — сделанные рукой выдающихся личностей, при особых обстоятельствах, необычной формы и т.д.⁵ Таковы, однако, лишь немногие автографы, а дарственная надпись на книге — явление массовое. И если отдельные выразительные автографы характеризуют личности, то типичные надписи, являясь частью культурного быта, характеризуют определенным образом социальную среду и эпоху.

Книги с автографами дают богатый материал для изучения роли Н. П. Лихачева в научной жизни его времени, а также подаренной книги как типичного явления в среде гуманитарной российской интеллигенции на протяжении

² На вырезке статьи: *Симони П.* Библиография русская // Новый энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 6. СПб., [1912]. Шифр К 8086.

³ На отт.: Переписка протоиереев С. К. Смирнова и... А. А. Лебедева // Богослов. вестник. 1916. № 10–12. Шифр К 5002. Автограф опубли.: *Панченко Е.* Книга как подарок (по материалам русских автографов на книгах из библиотеки Санкт-Петербургского института истории) // Михайловская пушкиниана. Вып. 63. Сельцо Михайловское, 2014. С. 400.

⁴ На кн.: Восемнадцатый век: исторический сборник, издаваемый по бумагам фамильного архива... кн. Ф. А. Куракиным / Под ред. В. Н. Смольянинова. Т. 1. М., 1904. Шифр ППг 967. Под стихами В. Смольянинов написал «Хомяков», однако А. С. Хомякову принадлежат только последние три строчки (стихотворение «России»). Этот же текст напечатан на с. 171 второго тома сборника «Восемнадцатый век».

⁵ См., например: *Голубева О. Д.* Автографы заговорили... М., 1991; Эпоха Государственной Думы в автографах Российской национальной библиотеки / Сост.: В. Е. Кельнер, О. П. Новикова. СПб., 2007; Советский художественный авангард. Инскрипты книжного собрания РГАЛИ. Вып. 1 / Сост. Л. Я. Дворникова. М., 2012; Наши автографы: инскрипты писателей и поэтов на книгах Российской национальной библиотеки / Сост. В. Е. Кельнер. СПб., 2013.

полувека: самые ранние датированные автографы лихачевской библиотеки относятся к 1881 г., когда он был девятнадцатилетним студентом⁶, самые поздние — к январю 1930 г., за две недели до его ареста⁷.

Нас интересовали не отдельно взятые дарственные надписи, а подаренные книги в целом, которые поэтому рассматривались с нескольких точек зрения: само издание (научное или иное, книга или оттиск статьи, тематика, год, место издания), автор надписи (отношение к данному изданию, профессия) и собственно дарственная надпись (содержание, дата).

Все подаренные Н. П. Лихачеву издания можно отнести к научным (надо отметить, что остальные могли не попасть в состав библиотеки Института истории⁸). Среди них 65 % являются книгами и брошюрами, 35 % — оттисками статей и вырезками, что говорит не о праздничном и памятном, а скорее о деловом характере большинства даров. Даже книга с редким — печатным — «приношением» казанского археолога и библиофила А. Н. Островского свидетельствует прежде всего о взаимопонимании коллег: «Николаю Петровичу Лихачеву, В знак уважения к его библиографическим трудам. От издателя», «Единственный экземпляр с печатным приношением. А. Островский»⁹.

Тематический спектр подаренных изданий очень широк. Наиболее многочисленны книги по истории России допетровского времени; далее идут в порядке убывания: русская история XVIII и XIX вв., источниковедение, история русской литературы и языка, история церкви и христианства, археология, история искусства, всеобщая история, биографии и библиография, генеалогия, археография, книговедение, история славян, история Казани — родного города

⁶ «Николаю Петровичу Лихачеву от автора. Каз[ань]. 17 Сент. 1881 г.» на кн.: *Загоскин Н. П.* Верховники и шляхетство 1730-го года. Казань, 1881. Шифр IIIг 8186. Не датированы, возможно, еще более ранние автографы Н. П. Загоскина на подаренных Н. П. Лихачеву изданиях (*Загоскин Н. П.* Уложение царя и Великого князя Алексея Михайловича... Казань, 1879. Шифр IVги 720 и *Загоскин Н. П.* Центральное управление Московского государства. Вып. 1. Казань, 1879. Шифр IVги 1151). Еще один «студенческий» автограф: «Христолюбивому Николаю Петровичу Лихачеву автор. 1881 IX/12» на отд. отт.: *Кузнецов С. К.* Атаманы кости (Старинное кладбище близ с. Черемисского...) // Известия Археолог. о-ва. 1880. Т. 9. Шифр IV 7648.

⁷ «Глубокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от автора. 2/I 30 г.» на отд. отт.: *Кушова Е. Н.* Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке // Известия АН СССР. 1929. Шифр IIIг 6767. «Глубокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву от автора. 14/I 30 г.» на отд. отт.: *Юшков С. В.* «Правосудие митрополичье» // Летопись занятий Археогр. комис. за 1927–1928 годы. 1929. Вып. 35. Шифр IVги 268.

⁸ В фонде библиотеки СПбИИ РАН нет художественной литературы из библиотеки Н. П. Лихачева, за исключением некоторого количества русских книг XVIII — первой четверти XIX в. Беллетристика (часть, по крайней мере) находится в библиотеке Пушкинского Дома.

⁹ На двух дополнительных листах в книге: *Духовная Василия Никитича Татищева* / Изд. под наблюдением чл. Каз. О-ва археологии, истории и этнографии Андрея Островского. Казань, 1885. Шифр IV 4048. Если принять во внимание возраст Н. П. Лихачева в 1885 г. (23 года), то будет понятно, что «приношение» было немного шутливым.

Н. П. Лихачева, история русского права, история других городов и губерний России, византистика, палеография, публикации архивных материалов, этнография, дипломатика и сфрагистика, история русской науки, нумизматика и т.д. В то же время можно сказать, что настолько же широки были и профессиональные интересы самого Н. П. Лихачева и что тематика ни одного из подаренных ему изданий не выходит за их рамки. Соответствие тематического состава подаренных изданий профессиональным интересам адресата опять же говорит о преобладании деловых связей между адресатом и дарителями, а многообразие тематики подаренных изданий — об авторитете Н. П. Лихачева как ученого у представителей самых разных областей исторической науки. Книг, подаренных просто по какому-либо случаю, кем-то, кто не имел отношения к их написанию или изданию, в лихачевском собрании пока не обнаружено. Показательно, что даже преподнесенные родственниками Н. П. Лихачева книги не нарушают этого правила: таковы книги с автографами его дяди археолога А. Ф. Лихачева¹⁰, двоюродного брата, коллекционера Ф. А. Лихачева¹¹, тестя, историка Г. Ф. Карпова¹², и тещи А. Т. Карповой¹³.

Из подаренных 682 книг 38 % изданы в Петербурге–Петрограде–Ленинграде, где Н. П. Лихачев прожил большую часть жизни, 21 % — в Москве, 41 % — в других городах (36 городах Российской империи: Казани, Киеве, Варшаве, Юрьеве, Одессе, Томске, Нижнем Новгороде, Ревеле, Харькове, Юрьеве, Вятке, Симбирске, Перми, Тамбове, Вологде, Рязани, Калуге, Орле и т.д. и в 16 городах других европейских стран и Америки, в том числе Париже, Берлине, Праге, Лейпциге, Риме, Оксфорде, Нью-Йорке), что демонстрирует и широту научных контактов Н. П. Лихачева, и активное участие в интеллектуальной жизни своего времени жителей не только столичных и университетских, но и провинциальных городов.

Подавляющее большинство изданий подарено самими авторами (или реже — составителями, редакторами, издателями). Среди профессий преобладают преподаватели истории, литературы, права высших учебных заведений России, сотрудники крупных библиотек, архивов, Археографической комиссии, но есть и труды священнослужителей, офицеров, любителей-краеведов, гимназических учителей, врачей. На настоящий момент в нашей картотеке

¹⁰ «Любезнейшему племяннику Николаю Петровичу Лихачеву на память автор» на кн.: *Лихачев А. Ф.* Скифский след на Билярской почве. Сообщение об одной интересной находке. Казань, 1885. Шифр IIIг 1127.

¹¹ «Дорогому брату Николаю Петровичу Лихачеву от Ф. Лихачева 10 декабря 1912 г.» на отд. отт. статьи: *Лихачев Ф. А.* О персидской сабле XVII века с клинком работы Асадуллаха. Казань, 1910. Шифр IV 6856.

¹² «Николаю Петровичу Лихачеву на добрую память от автора 16 дек. 89 г.» на отд. отт.: *Карпов Г. Ф.* В защиту Богдана Хмельницкого. М., 1890. Шифр IVги 926.

¹³ «На память о Геннадии Федоровиче Карпове Николаю Петровичу Лихачеву Анна Карпова» на кн.: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. Пг., 1880. Шифр IIIг 561.

зафиксированы имена 324 лиц, даривших книги Н. П. Лихачеву, из них 127 неоднократно, зачастую на протяжении десятилетий. Так, например, автографы на книгах В. Г. Дружинина датированы 1886 и 1926 гг.¹⁴ Н. П. Лихачеву дарили книги представители нескольких сменяющих друг друга поколений: от А. П. Жандра, Д. И. Иловайского и А. Н. Пыпина до почти наших современников — М. В. Алпатова и Е. Н. Кушевой. Есть даже «династии» историков, отцов и детей — Н. А. и Н. Н. Фирсовы, М. П. и Н. М. Петровские (оба старших — преподаватели Н. П. Лихачева в Казанском университете), А. Н. Островский, казанский археолог и библиофил, брат знаменитого драматурга, и его дочь, историк М. А. Островская. Наиболее многочисленны в собрании Н. П. Лихачева книги и оттиски с автографами члена Археографической комиссии П. Г. Васенко; исследователя раннехристианского искусства В. Гринейзена; юриста, историка и публициста И. Я. Гурлянда; одного из учителей Н. П. Лихачева, профессора русского права Казанского университета, впоследствии его ректора, библиофила Н. П. Загоскина (ему же принадлежит самый ранний из датированных автографов); историка А. Н. Зерцалова; библиотекаря Императорской Публичной библиотеки, члена Археографической комиссии Х. М. Лопарева, археографа и историка Н. Н. Оглоблина; генеалога Л. М. Савелова; филолога и книговеда П. К. Симони; профессора русского языка и словесности академика А. И. Соболевского; московского археографа В. Н. Сторожева; палеографа, археолога и этнографа А. А. Титова; исследователя истории России XVIII в. Н. Д. Чечулина.

Количество авторов, направлявших свои труды в дар Н. П. Лихачеву, в том числе на протяжении многих лет, разнообразие их основных профессий говорит о широкой известности ученого, о стабильном характере его научных связей и, наконец, просто о его человеческих качествах. В то же время всё это свидетельствует о престиже исторической науки и об активности научной жизни вообще в рассматриваемый период времени.

245 автографов датированы. Из них 22 приходятся на 1880-е гг., 35 — на 1890-е, 63 на 1900-е, 60 на 1910-е, 65 на 1920-е гг. Эти цифры иллюстрируют растущую активность молодого ученого и расширение его научных контактов, достижение их максимума в 1900-е гг. и тридцатилетнее пребывание на этом уровне. Отметим, что переломный 1917 г. не внес никаких изменений в эту картину.

При сравнении даты автографа с выходными данными произведений печати обнаруживается, что более 80 % изданий подарены в год выхода или на следу-

¹⁴ «Николаю Петровичу Лихачеву на добрую память от автора СПб. 5/1 86» на отд. отт. *Дружинин В.* О житии Корнилия Выгопустынского, написанного Пахомием // Журн. М-ва народ. просвещения. 1884. Ч. 235. Шифр ППг 8493. «Глубокоуважаемому Николаю Петровичу Лихачеву на добрую память от автора. 11/XI 1926» на отд. отт.: *Дружинин В. Г.* Дополнение к исследованию о Поморских палеографах начала XVIII в. // Летопись занятий Археогр. комис. за 1923–1925 годы. 1926. Вып. 33. Шифр IV 16942.

ющий год. Если предположить, что дата автографа зачастую не ставилась там, где она совпадала с годом выхода книги или статьи, то этот процент будет еще выше. Интересно, что встречаются издания с автографами, помеченными ноябрем и декабром предыдущего по сравнению с указанным в выходных данных года¹⁵. То, что преподносились сочинения, едва успевшие появиться из типографий, совершенно естественно, так как авторам не терпелось узнать мнение коллеги об их труде, и они не ждали специального повода. Подаренные книги, таким образом, становились частью живого научного процесса, обмена информацией и идеями. Показательны в этом смысле автографы постоянного корреспондента Н. П. Лихачева, сотрудника Архива Министерства юстиции в Москве С. А. Шумакова: «Глубокоуважаемому Н. П. Лихачеву автор. Москва. Кудринская Садовая. Д[ом] Келлер. Кв. Полозова. С просьбой о замечаниях и поправках, которыми автор весьма будет порадован»¹⁶, «Многоуважаемому Н. П. Лихачеву от автора четыре оттиска. С просьбой выслать III в. (третий) «Известий Генеал[огического] общ[ества]». Очень нужно для работы. Адрес: Москва. Девичье Поле. Архив М[инистерст]ва Юстиции <...>»¹⁷.

По содержанию и форме сами дарственные надписи можно разделить на несколько групп и обозначить их как «официальные», «дружеские», «информативные», «лаконичные», «академические» и т.д. Конечно, границы этих групп весьма условны, так как кроме самых кратких («Н. П. Лихачеву») одинаковые надписи практически не встречаются. Для примера автографы нескольких типов. «Официальный»: «Его Превосходительству Николаю Петровичу Лихачеву Г[осподину] Вице-Директору И[мператорской] Публичной библиотеки, от составителя»¹⁸; «дружеский»: «<...> Дорогому Товарищу и другу Николаю Петровичу Лихачеву на память наших университетских дней душевнопреданный и любящий епископ Анастасий, прежде А. Александров»¹⁹; «информативный», т.е. содержащий какие-либо сведения об адресате, обстоятельствах написания работы и т.д.: «Николаю Петровичу Лихачеву, без библиотеки которого эта книжка не могла бы быть написана, от автора, в знак благодарности»²⁰; «эмоциональный»: «От искренней любви досточтимому профессору, дорогому другу, Николаю Петровичу Лихачеву на добрую память от автора Михаила

¹⁵ Например: «Достоуважаемому и дорогому Николаю Петровичу Лихачеву на добрую память от автора. 1909 г. 18 декабря» на кн.: *Успенский А. И.* Очерки по истории русского искусства. Т. 1. М., 1910. Шифр IIIг 2471.

¹⁶ На кн.: *Шумаков С.* Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 2. М., 1900. Шифр I 2037.

¹⁷ На кн.: *Шумаков С.* Экскурсы по истории Поместного приказа. М., 1910. Шифр IIIг 3300.

¹⁸ На кн.: *Абрамович Д. И.* Софийская библиотека. Вып. 3. СПб., 1910. Шифр IIIг 744.

¹⁹ На кн.: *Александров А.* Служба св. Кириллу, учителю славянскому. СПб., 1895. Шифр IIIг 421. А. И. Александров, декан историко-филологического факультета Казанского университета, в 1910 г. был пострижен в монашество.

²⁰ На кн.: *Хоментовская А. И.* Кастильоне, друг Рафаэля (1478–1529). Пг., 1923. Шифр И 2816.

Мельникова 19 ноября 1917 г. Москва»²¹; «памятный»: «На память о Геннадии Федоровиче Карпове Николаю Петровичу Лихачеву Анна Карпова»²²; «лаконичный»: «Н.П. Лихачеву от автора»²³. Однако более трех четвертей всех надписей выполнены в стиле, который можно назвать академическим: они немногословны, содержат две симметричные части — «кому» с почтительным эпитетом и «от кого» или «такой-то» с выражением уважения или благодарности адресату. Например, глубокоуважаемому (высокопочтительному, достолюбезному, искренноуважаемому и т.п.) Николаю Петровичу Лихачеву от преданного, уважающего, благодарного, признательного автора. «Академические» дарственные надписи преобладают на протяжении всего времени, независимо от возраста и общественного положения как адресата, так и дарителей, — иными словами, и студенту и академику Н. П. Лихачеву адресованы надписи одного и того же типа, начертанные рукой профессоров 1880-х гг. и молодых ученых 1920-х. Отметим опять же, что смена общественно-политического устройства не поколебала эту традицию. Постоянное употребление одной и той же дарственной формулы говорит о широком распространении и частой практике обычая дарить книгу и в то же время об отсутствии стремления сделать каждую надпись неповторимой и значительной. Характер самой формулы свидетельствует об уважительном, но вполне демократичном стиле взаимоотношений в научной среде. Сам Н. П. Лихачев дарил свои труды с надписями того же типа²⁴. Очевидно, что академическая дарственная надпись дожила до наших дней, разве что уважительные эпитеты потеряли яркость и разнообразие.

Каким было отношение Н. П. Лихачева к подаренным книгам? Часть их переплетена, отмечена экслибрисом²⁵, встречаются его записи (например о редкости издания), — то же было и с книгами, которые он приобретал сам. В некоторые книги вплетены письма их авторов, конверты бандеролей (таким образом документирован путь книги в библиотеку)²⁶. Есть и неразрезанные экземпляры

²¹ На кн.: *Мельников М.* Прожитые дни настоятеля Лужецко-Ферапонтовой обители священо-архимандрита Вениамина (Аверкиева). Вып. 1. М., 1916. Шифр ШГ 6696.

²² См. сноску 13.

²³ На отд. отт.: *Ключевский В. О.* Евгений Онегин и его предки // Русская мысль. 1887. № 2. Шифр IV 8613.

²⁴ Например: «Уважаемому Николаю Сергеевичу Чаеву от автора. 22 окт[ября] 1928 г.». На кн.: *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928 (Труды Музея палеографии; вып. 1). Шифр Л 4192. О «формуле» дарственной надписи см. также: *Панченко Е.* Книга как подарок... С. 397–398.

²⁵ В библиотеке Н. П. Лихачева переплетались не только «толстые» книги, но и оттиски статей или даже вырезки из несколько страниц, для которых был разработан особый тип переплета.

²⁶ Например, книга: *Соколовская Т.* Каталог масонской коллекции Д. Г. Бурлыгина. Русский отдел. СПб., 1912. Шифр ШГ 6204. Дарственная надпись на обложке: «Прошу принять этот клочок к тайностям масонским от уважающей Вас Тиры Соколовской 5/II 1913 г.» Переплет Н. П. Лихачева, его экслибрис. В книгу вплетено письмо Тиры Соколовской Н. П. Лихачеву (о годе учреждения Казанской ложи), датированное 4 февраля 1913 г., и конверт этого письма.

ры. В целом подаренные или же приобретенные другими путями книги были равноценны для Н. П. Лихачева в его профессионально подобранной библиотеке историка.

Результаты работы не кажутся неожиданными: в библиотеке ученого естественно выглядит немалое количество подаренных коллегами книг и оттисков, написанных корректно, но непритязательно, возможно, в перерыве заседания научного общества, или присланных по почте с краткой сопроводительной запиской. В большинстве своем надписи не претендуют на то, чтобы быть литературным произведением или историческим документом, однако они являются частью письменной культуры эпохи, отражают отношение к книге и стиль взаимоотношений между людьми. Книги с автографами в лихачевской библиотеке показывают активный и демократичный характер академической жизни 1880-х — 1920-х гг., престиж исторической науки и значительное место самого Н. П. Лихачева в научной жизни его времени.

References

Эпоха Государственной Думы в автографх Российской национальной библиотеки / Сост.: В. Е. Кельнер, О. П. Новикова. СПб., 2007.

Golubeva O. D. Avtografy zagovorili... М., 1991.

Наши автографы: инскрипты писателей и поэтов на книгах Российской национальной библиотеки / Сост. В. Е. Кельнер. СПб., 2013.

Panchenko E. Книга как подарок (по материалам русских автографов на книгах из библиотеки Санкт-Петербургского института истории) // Михайловская пушкиниана. Вып. 63. Сельцо Михайловское, 2014. С. 392–405.

Panchenko E. Z. Книги с автографами в библиотеке Н. П. Лихачева: статистический анализ // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: Материалы VI Междунар. науч. конф. СПб., 1997. С. 52–53.

Советский художественный авангард. Инскрипты книжного собрания РГАЛИ. Вып. 1 / Сост. Л. Я. Дворникова. М., 2012.

Список литературы

Голубева О. Д. Автографы заговорили... М., 1991.

Наши автографы: инскрипты писателей и поэтов на книгах Российской национальной библиотеки / Сост. В. Е. Кельнер. СПб., 2013.

Панченко Е. Книга как подарок (по материалам русских автографов на книгах из библиотеки Санкт-Петербургского института истории) // Михайловская пушкиниана. Вып. 63. Сельцо Михайловское, 2014.

Панченко Е. З. Книги с автографами в библиотеке Н. П. Лихачева: статистический анализ // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства: Материалы VI Междунар. науч. конф. СПб., 1997.

Советский художественный авангард. Инскрипты книжного собрания РГАЛИ. Вып. 1 / Сост. Л. Я. Дворникова. М., 2012.

Эпоха Государственной Думы в автографх Российской национальной библиотеки / Сост.: В. Е. Кельнер, О. П. Новикова. СПб., 2007.

Л. В. Тимофеев

Факты и домыслы о происхождении Алексея Николаевича Оленина

Автор первой биографии А. Н. Оленина (21.11.1764–17.04.1843) — зять старшей дочери и хранитель оленинского архива — сообщает, что его родителями были статский советник Николай Яковлевич Оленин (ум. в 1802) и дочь генерал-аншефа князя С. Ф. Волконского Анна Семеновна (ум. в 1812)¹. Более подробные сведения о предках Алексея Николаевича и его потомках были опубликованы в 1887 г. в родословной Олениных, берущих свое начало от Парфения².

Из записок же М. А. Корфа (1800–1876), увидевших свет в 1899 г., известно, что отцом Алексея Николаевича «под именем и прикрытием статского советника Оленина был церемониймейстер екатерининского двора Матвей Кашталинский, славный в свое время распутством, картежною игрою и маленьким ростом, перешедшим в наследство к его сыну»³.

Первоисточник подобной информации то ли о реальном факте, то ли о сплетне нам неизвестен. Записки были опубликованы, когда не было в живых не только М. А. Корфа, но и детей Оленина, а также и некоторых из его внуков.

Праправнук Алексея Николаевича, Алексей Александрович Оленин (20.07.1890–3.06.1942; погиб в концлагере Освенцим), собирая материалы для родословной, сообщил 20 марта 1941 г. из Праги в Париж к тетке, известной

¹ *Стояновский Н. И.* Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина // Археологические труды А. Н. Оленина. СПб., 1881. Т. 2. С. XV.

² *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 230–233.

³ *Корф М. А.* Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина. 1899. Т. 100. № 11. С. 269.

камерной певице М. А. Олениной-Дальгейм (19.09.1869–27.08.1970): «Легенду о том, что Алексей Николаевич был сыном Кашталинского, я тоже знаю, но доказательств ее справедливости нигде мне обнаружить не удалось. В “Старых годах” барон Н. Н. Врангель об этом говорит как о факте, но ссылается на записки барона М. Корфа в “Русской старине”. Их я еще не нашел, но полагаю, что барон Корф, известный своим скверным характером и недоброжелательно относившийся к Алексею Николаевичу, использовал в своих записках эту пикантную сплетню, выдав ее за факт»⁴.

А. А. Оленин не ошибся. Уже первая запись М. А. Корфа об А. Н. Оленине свидетельствовала о резко негативном отношении автора к первому директору Императорской публичной библиотеки: «Умер вчера (17 апреля 1843 г. — Л. Т.) один из ничтожнейших людей нашей администрации, умевший или успевший между тем стяжать себе не только все почести и величия гражданские, но и некоторую репутацию, даже некоторую популярность. Имя этой ничтожности — Алексей Николаевич Оленин, лилипут и ростом и всеми высшими дарованиями административными... Покойный был так мал, как обыкновенное 12-летнее дитя, и у места его в Государственном совете всегда стоял табурет для его ног, которые иначе болтались бы в воздухе. При сем том лицо его было довольно оригинальное и умнее, нежели обитавший в нем дух»⁵.

Б. Л. Модзалевский, доверившись Корфу, внес без каких-либо комментариев поправку в своем экземпляре труда В. В. Руммеля и В. В. Голубцова⁶.

Информация М. А. Корфа оставалась не востребованной биографами А. Н. Оленина до 2001 г., когда появилась первая публикация В. М. Файбисовича в ее поддержку. «Подтверждение» сообщению М. А. Корфа автор обнаружил в записках С. Н. Глинки (1776–1847), который в детские годы, обучаясь в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, встретился (или встречался) в доме Кашталинского с А. Н. Олениным: «Видал я у него и молодого человека в щегольском, красном артиллерийском мундире, ловкого, умного, и который, обладая разнообразными знаниями, золотил разговоры чистым русским языком без примеси французского. То был Алексей Николаевич Оленин»⁷.

Посещения Олениным Кашталинского были восприняты В. М. Файбисовичем как визиты сына к отцу и подтолкнули к выявлению обстоятельств грехопадения княжны Анны Волконской, родившей еще до брака с Н. Я. Олениным Алексея. Л. Г. Агамалян в этой связи отметила, что «в последнее время (после публикаций В. М. Файбисовича. — Л. Т.) всё активнее звучит версия, согласно

⁴ Гос. архив Рязанской обл. (далее — ГАРО). Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 18 — 20 об.

⁵ РО ИРЛИ. Д. 15898. Л. 5 — 5 об.

⁶ Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч. С. 231. Экз. Б. Л. Модзалевского находится в библиотеке ИРЛИ РАН, инв. № 21179, шифр: Г/Р-86.

⁷ Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 9.

которой на самом деле отцом Алексея Николаевича был Матвей Федорович Кашталинский»⁸, однако не указала, у кого и где она обнаружила поддержку этой версии.

Предположения, домыслы и выводы В. М. Файбисовича

1. «Если сведения, сообщенные М. А. Корфом и прозрачно подтверждаемые С. Н. Глинкой, справедливы, то можно *предположить* (здесь и далее все слова курсивом выделены мной. — Л. Т.), что сближение А. С. Волконской с М. Ф. Кашталинским произошло во время пребывания императорского двора в Москве в 1762–1763 гг.». Последствия этого «сближения» и вынудили князя Семена Волконского искать забеременевшей в марте 1763 г. дочери жениха, которым и стал Николай Оленин⁹.

2. Неравный брак, «ощутимое несоответствие в возрасте супругов, вечный разлад между ними и их жизнь в разъезде с первых месяцев брака *заставляют предположить*, что союз Николая Яковлевича и Анны Семеновны Олениных был следствием некоего соглашения» (с. 22).

3. Расхождение «официальной» даты рождения (1763) с той, которой придерживался Алексей Николаевич (1764)¹⁰ — не что иное, как желание «соблюсти приличия и согласовать время появления Оленина на свет *со временем заключения брака* его родителями» (с. 24).

4. «Признав датой рождения А. Н. Оленина 21 ноября 1764 г., мы должны заключить, что Н. Я. Оленин женился на кнж А. С. Волконской не *позднее февраля* (или все-таки марта? — Л. Т.) этого года. В XVIII столетии офицер, обзаводясь семьей, как правило, выходил в отставку. Между тем 2 июня 1764 г. Н. Я. Оленин вступил в л.-гв. Конный полк, расквартированный в Петербурге, тогда как его беременная жена оставалась в Москве, где поздней осенью и появился на свет А. Н. Оленин» (с. 21).

5. Одно из «очевидных» условий этого контракта — вступление Николая Оленина в военную службу. Причем это событие произошло «ровно через 11 месяцев» после продажи части имения, унаследованного после смерти сначала матушки, Устинии Федоровны, а потом и родного брата Дмитрия (с. 24).

6. «Возможно, продажа Н. Я. Олениным 2 июля 1763 г. части имения была связана с *предстоящей женитьбой* (но она уже состоялась то ли «не позднее февраля», то ли в марте! — Л. Т.). По-видимому, накануне ему был предложен

⁸ Приютино: Антология русской усадьбы / Сост. и коммент. Л. Г. Агамаян, И. С. Ефимовой; вступ. ст. и подг. текстов Л. Г. Агамаян. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 10.

⁹ Файбисович В. М. Николай Яковлевич или Матвей Федорович? (Обстоятельства рождения А. Н. Оленина) // Приютинский сборник. СПб., 2001. № 2. С. 24. Далее отсылки на эту статью будут даваться в основном тексте с указанием в скобках только страницы.

¹⁰ Обоснование рождения Оленина в 1764 г. было опубликовано в том же сборнике: Тимофеев Л. В. К родословной Олениных. С. 15–17.

брачный контракт, по которому он должен был признать своим чужого ребенка (А. С. Волконская носила под сердцем сына уже пятый месяц)» (т.е. все-таки с марта! — Л. Т.) (с. 24).

7. «*Не исключено, что наличные деньги были нужны ему на дорогостоящую экипировку и обустройство в Петербурге*» (с. 24).

8. «*Со слухами о своем незаконном происхождении*» Оленин столкнулся еще в юные годы (с. 26).

9. Подтверждает версию Корфа и равнодушное отношение Алексея Николаевича к своей родословной (с. 27).

10. О том же свидетельствует и «беспрецедентное решение» матушки подарить симбирское имение своему брату, князю Г. С. Волконскому (с. 28).

Подводя черту, автор исследования приходит к однозначному заключению: «*Всё вышесказанное приводит нас к выводу о том, что в действительности отцом А. Н. Оленина был М. Ф. Кашталинский, и датой рождения А. Н. Оленина следует признать 21 ноября 1763 г. — дату официальных документов, дату, обозначенную на его надгробном памятнике*» (с. 26).

Впрочем, черту подвела Мария Майофис в рецензии на книгу В. М. Файбисовича «Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии» (СПб., 2006): «*В первой главе представлены <...> служебная и семейная истории его (Алексея Николаевича. — Л.Т.) юридического отца, Николая Яковлевича, и подробная аргументация версии о фактическом отцовстве Матвея Федоровича Кашталинского, церемониймейстера двора Екатерины II. Здесь же установлены точная дата рождения Оленина (ноябрь 1763-го, а не 1764 г., на котором настаивал сам герой книги*».

Факты и аргументы против предположений и домыслов

С. Н. Глинка «прозрачно подтвердил» лишь факт знакомства и общения А. Н. Оленина с Кашталинским. Описанная встреча состоялась после учебы Оленина в Дрезденской артиллерийской школе и перевода 11 сентября 1785 г. из капитанов в артиллерию квартирмейстером. Именно с этого времени и до 5 декабря 1788 г. Алексей Николаевич носил красный, с черным воротником и обшлагами мундир, упомянутый С. Н. Глинкой¹¹.

Еще раньше, с 1774 г. и до отъезда за границу в 1780 г., мальчик Оленин находился в Пажевском корпусе. Его воспитанники состояли в придворном штате императрицы, а потому никак не могли не общаться с обер-церемониймейстером императорского двора Матвеем Кашталинским.

Наконец, пути представителей этих двух фамилий, принадлежавших к смоленскому дворянству, сходились задолго до рождения А. Н. Оленина, как в Петербурге, так и на смоленщине.

¹¹ РГБ НИОР. Ф. 211. К. 3627. Ед. хр. 4.

Так, в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в Петербурге с 24 августа 1738 г. обучался и 23 декабря 1747 г. выпущен прапорщиком (первый офицерский чин) в армию Николай Федорович Кашталинский¹².

Матвей Федорович отсутствует в первой части опубликованного в 1761 г. «Именного списка...», однако в челобитной на раздел имения, поданной в Вотчинную коллегию 3 мая 1742 г., его брат Степан Федорович сообщал, что в корпусе учатся оба его брата — Николай и Матвей Кашталинские¹³.

13 мая 1743 г. в разделительной записи полученного имения Степан Кашталинский подтвердил пребывание обоих братьев в кадетском корпусе¹⁴.

Родился Николай Кашталинский в 1724 или 1725 г. (в 1727 г. указано, что ему от роду 3 года; в 1755 г. он сообщил, что «от роду ему 30 лет»)¹⁵.

Матвей Федорович, по одним данным, в 1741 г. вступил в военную службу¹⁶. По сведениям Н. А. Мурзанова, первоисточник которых неизвестен, Матвей Федорович родился 18 апреля 1726 г., а «службу начал в 1748 г. в гвардии»¹⁷. По-видимому, время пребывания в военном учебном заведении не вошло в общий стаж службы Кашталинского.

Будучи моложе Николая на один-два года, Матвей и в службу должен был вступить позже, но также предварительно пройдя курс обучения, что позволяет довериться указаниям старшего брата Степана на пребывание младшего брата также в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе.

Из Олениных в те же годы в корпусе учились или служили в офицерских чинах три двоюродных брата: кадет Михаил Яковлевич (с 23.12.1736 по 10.02.1742); офицер Яков Ларионович (дед Алексея Николаевича, с января 1733 по 22.06.1746); кадет, а затем и офицер Иван Иванович (с 28.02.1738 по 22.06.1746)¹⁸.

В 1745 г. Яков Ларионович и Михаил Яковлевич Оленины наследовали поместья в Бережнском и в Мушковском станах Смоленского уезда¹⁹ и вотчин-

¹² Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. СПб., 1761. Ч. 1. С. 194.

¹³ Штиленко Д. П. Материалы к родословию смоленского дворянства. М.: Старая Басманная, 2014. Вып. 3. С. 274–275.

¹⁴ Там же. С. 275.

¹⁵ Там же. С. 271.

¹⁶ Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1887. Ч. 1: А–Л. С. 388.

¹⁷ Мурзанов Н. А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / Изд. подг. Д. Н. Шилов. СПб.: Д. Буланин, 2011. С. 201. По другому источнику, начало службы в 1741 г., производство в обер-церемониймейстеры в 1774 г. (Кашталинский Матвей Федорович // Рус. биогр. словарь. СПб., 1897. Т. [Ибак–Ключарев]. С. 588).

¹⁸ Именной список... С. 140, X, VII, 181, XX, XV.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 990. Л. 3.

ный двор с крестьянами, купленный у Василия Ивановича Кашталинского²⁰, который доводился двоюродным дедом Матвеем Федоровичу.

В этих же станах находились имения братьев Степана, Николая и Матвея, перешедшие к ним после смерти отца, а потом и деда.

Смоленские шляхтичи — соседи по имениям, родственники, свойственники и их потомки — в столице продолжали поддерживать связи.

С. Н. Глинка сообщает, что из усадьбы его отца «всякого рода варенья и закуски отправлялись и к Матвеем Федоровичу Кашталинскому, слывшему тогда смоленским милостивцем», бескорыстно помогавшим в столице своим землякам²¹. Поэтому неудивительны визиты к нему и молодого офицера А. Н. Оленина, и 9–12-летнего кадета Сухопутного кадетского корпуса С. Н. Глинки.

О женитьбе отца А. Н. Оленина. Официальные документы свидетельствуют, что княжна Анна Волконская и Николай Оленин обвенчались не в 1763 или 1764 г. в связи с беременностью невесты, как полагает В. М. Файбисович, а в 1761 г., т.е. задолго до приезда императорского двора в Москву по случаю коронационных торжеств.

4 мая 1761 г. в Москве была подписана сговорная на брак княжны Анны с капралом лейб-гвардии Преображенского полка Николаем Яковлевичем Олениным. В числе свидетелей оказался подпрапорщик Преображенского полка князь Михаил Иванович Дашков — муж княгини Екатерины Романовны, урожденной графини Воронцовой. Князь С. Ф. Волконский выделил дочери «приданого золота и серебра, платьев и белья и протчева» на 4 тыс. руб. Еще 6 тыс. были даны на приобретение деревень вместо «указаного ей части недвижимого имения <нрзб> за брата ее князя Григория и сестер ее кн. Софьи и кн. Екатерины»²². Таким образом, продажа Николаем Олениным 2 июля 1763 г. части своего имения никак не была связана с «поисками средств на предстоящую женитьбу».

Следует также отметить, что «виновник» грехопадения жены Николая Оленина не имел чести быть в 1762–1763 гг. участником торжеств в Москве. Обер-церемониймейстерами, церемониймейстером и в должности церемониймейстеров Двора состояли в то время другие лица²³.

По уточненным Н. А. Мурзановым сведениям, только 25 августа 1764 г. подполковник Матвей Кашталинский был пожалован в церемониймейстеры, а 21 апреля 1773 г. назначен обер-церемониймейстером²⁴. Его имя впервые появляется в Камер-фурьерских журналах 30 сентября 1764 г.²⁵

²⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Ед. хр. 3478. Л. 293 — 293 об.

²¹ Глинка С. Н. Указ. соч. С. 5.

²² РГИА. Ф. 914. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 4–5.

²³ См.: Описание вшествия в Москву и коронования императрицы Екатерины II. [Б. г., б. м.].

²⁴ Мурзанов Н. А. Указ. соч. С. 201.

²⁵ Журналы камер-фурьерские 1764 г. СПб., 1856. С. 175.

Причина выдачи княжны Анны Волконской, принадлежавшей к старинному титулованному дворянскому роду, за выходца из незнатного служилого дворянства крылась не в желании отца «соблюсти приличия и согласовать время рождения у его дочери сына Алексея со временем заключения брака», а в ином: найти жениха своей засидевшейся в девицах третьей дочери.

При обычае XVIII в. выдавать замуж 13–15-летних невест возраст Анны вызывал озабоченность. Девять лет прошло с того дня как четвертая дочь князя Семена, 13-летняя Наталия, была выдана замуж, опередив старших сестер Александру и Анну. У Анны же такая возможность появилась только на 25-м году, а на выданье у отца ждали своего часа Екатерина и Софья! Наметившийся брак заставил князя С. Ф. Волконского, командующего пятью кирасирскими полками генерал-лейтенанта, участвовавшего в Семилетней войне, примчаться из Пруссии в первопрестольную.

Против 6 тыс., выделенных в 1751 г. княжне Марии, а в 1752 г. княжне Наталии, князь увеличил на одну тысячу приданое и в два раза сумму на приобретение деревень, что составило 10 тысяч²⁶.

Женихом княжны Анны Волконской (12.01.1737–4.02.1812) оказался 17-летний²⁷ юноша-сирота, который учился в дворянской гимназии при Московском университете и одновременно числился в капралах л.-гв. Преображенского полка²⁸.

Это соответствовало закону от 18 мая 1756 г., который определил зачисленным на учебу недорослям, «чтобы они не могли чрез то потерять произведение (производство в следующий чин. — *Л.Т.*), оных в повышениях старшинством не обходить и произвождение им с прочими в тех командах чинить по указам»²⁹.

Нам неизвестны обстоятельства сближения Олениных и Волконских, но их знакомство прослеживается, как и с Кашталинскими, по Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу. С 1732 г. в корпусе учились будущий генерал-аншеф князь Михаил Никитич Волконский (по 04.11.1736), князь Николай Никитич (по 04.11.1736) и будущий генерал-майор князь Алексей Никитич (по 23.10.1738)³⁰.

Однокашниками жениха по Московскому университету, зачисленного в ученики в 1756 г., оказались князя Михаил Сергеевич (1745–1812) и Анд-

²⁶ РГИА. Ф. 914. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 1, 3.

²⁷ Дата рождения, 14 апреля 1744 г., установлена по надписи на надгробном памятнике в с. Салаур бывшего Касимовского, а ныне Шиловского р-на Рязанской обл.

²⁸ Отец братьев Олениных, Яков Ларионович, скончался в 1749 г., а мать, Устиния Федоровна, урожд. Огарева, в 1756.

²⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. второе. СПб., 1840. Т. 14. № 10558. С. 571–573.

³⁰ Лузанов П. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус... (с 1732 по 1741). СПб., 1907. С. 118, 120, 141.

рей Сергеевич (1746–1828) Волконские³¹. Будучи детьми князя Сергея Федоровича (1715–1784), они доводились невесте Николая Оленина двоюродными братьями³².

18 мая 1762 г. Николай Оленин покинул гимназию. Согласно «Манифесту о даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству», изданному в тот год 18 февраля императором Петром III, он должен был явиться в полк³³.

15 июля 1762 г. новая императрица Екатерина II издает указ «О награждении отставляемых дворян от службы офицерскими чинами». Отныне «всем отставным и впредь отставляющимся за болезнями дворянам, как служащим, кои не с офицерскими чинами будут отставляемы и они служили беспорочно, и не служащим давать чины офицерские, дабы они перед теми, кои не из дворян отставляемы будут, преимущество имели»³⁴.

Этим указом воспользовался Николай Оленин, выйдя в отставку с получением чина армейского поручика. Реплика В. М. Файбисовича о том, что в «документах, связанных с дальнейшей военной службой Николая Яковлевича, пребывание в Преображенском полку не упоминается» (с. 19), ошибочна, о чём свидетельствует сохранившийся формуляр: «В службу вступил в 1757-м лейб-гвардии в Преображенский полк и произайдя нижними чинами в 764 пожалован лейб-гвардии в Конный полк корнетом. В 765 подпоручиком...»³⁵ и т.д.

Утверждение В. М. Файбисовича о наличии «официальных» документов, подтверждающих рождение А. Н. Оленина в 1763 г., не более как вымысел автора, ибо они не обнаружены до сих пор. В XVIII в. таким официальным документом считались церковно-приходские метрические книги или выписки из них. Метрические книги храма Благовещения Чудова монастыря, в котором будто бы крестили младенца Алексея, не сохранились. Не удалось обнаружить и выписку из них в архивных документах Департамента герольдии. Отсутствует она и в архивах Олениных.

О рождении 21 ноября мы узнаем из «Очерка жизни Алексея Николаевича Оленина», написанного зятем его дочери Варвары Н. И. Стояновским³⁶, и от Д. А. Ровинского, получившего от последнего сведения для своих

³¹ История Московского университета (вторая половина XVIII — начало XIX века): Сб. док-тов. Т. 3: 1757 / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышин. М.: Academia, 2014. С. 428, 433.

³² *Волконская Е. Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 744, 750.

³³ ПСЗРИ. Т. 15. № 11444. С. 914.

³⁴ Там же. Т. 16. № 11611. С. 20. В. М. Файбисович ссылается на этот же источник (Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 45, примеч. 42), но цитирует интерпретированный текст указа, приведенный мною в родословной Олениных (*Тимофеев Л. В.* От Парфения (Родословная Олениных) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник — 2003 / РАН. М.: Наука, 2004. С. 17).

³⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 6. Ед. хр. 1048. Л. 2. Корнет и прапорщик в гвардии соответствовали чину поручика в армии; подпоручик — армейскому штабс-капитану.

³⁶ Археологические труды А. Н. Оленина. СПб., 1881. Т. 2. С. XV.

изданий³⁷. В этот день отмечал свой день рождения и сам Оленин, а его друзья Ф. П. Львов и В. В. Капнист откликнулись стихотворными поздравлениями. На надгробном же памятнике днем рождения «обозначено» не 21, а 28 ноября, как и во всех справочных изданиях, поместивших биографию Оленина с указанием дня и месяца его рождения³⁸.

Упорное нежелание признать факт рождения А. Н. Оленина в 1764 г. я объясняю стремлением В. М. Файбисовича согласовать в своей концепции «сближение» то ли в феврале, то ли в марте 1763 г. Кашталинского и девицы Волконской, которое привело в ноябре того же года к появлению Алексея Николаевича.

Признав отцом А. Н. Оленина М. Ф. Кашталинского, В. М. Файбисович «прозрачно» указал на его участие при зачислении в 1774 г. 10-летнего мальчика в Пажеский корпус. Основанием подобного ошибочного предположения или утверждения стало производство в том же году Матвея Федоровича в оберцеремониймейстеры, позволившее, как полагает исследователь, обратиться ему с просьбой к императрице, если это «не было случайным совпадением»³⁹.

Думаю, что это только предположение. Отец пажа, офицер лейб-гвардии Конного полка Николай Яковлевич Оленин, с июня 1764 по январь 1777 г. также находился при дворе императрицы. Офицеры полка несли караульную службу в Летнем и Зимнем дворцах; наряду с офицерами других гвардейских полков присутствовал на торжествах в дни рождений и тезоименитств членов императорской фамилии, в дни празднования годовщин восшествия на престол и коронации самой Екатерины II, в дни Рождества Христова и пр. Только с весны 1774 г. он несколько месяцев отсутствовал в столице, участвуя волонтером в заключительной кампании русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Протекцию Алексею могли составить более «весомые» фигуры: матушка Анна Семеновна, урожденная княжна Волконская, ее именитые родственники, а также фаворит императрицы и шеф Кавалергардского корпуса, подполковник л.-гв. Конного полка граф Г. Г. Орлов, который в марте того же 1774 г. просил Высочайшего соизволения повысить в чинах отца Алексея, отправившегося волонтером на войну с турками⁴⁰. Наконец, прибывший в феврале того же 1774 г. с полей русско-турецкой войны Г. А. Потемкин — однокашник Николая Яковлевича по Московскому университету и однополчанин по л.-гв. Конному полку, в полковниках которого состояла императрица.

³⁷ Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1887. Т. 2. Стб 1388; Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895. Т. 2. Стб 709.

³⁸ Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб., 1883. Т. 3 (М–Р). С. 304; Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч. С. 231; Кубасов И. Оленин Алексей Николаевич // Рус. биогр. словарь. СПб., 1905. Т. [Обезьянинов–Очкин]. С. 215; Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 18. С. 373. См.: Тимофеев Л. В. Когда же родился А. Н. Оленин? // Национальная библиотека. 2014. № 2. С. 58–63.

³⁹ Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин. С. 27.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 6. 15 марта 1774 г. Николай Яковлевич удостоился чина ротмистра.

Любопытно интерпретировано В. М. Файбисовичем сообщение старшей дочери Алексея Николаевича, Варвары Алексеевны, об инциденте, произошедшем с ее отцом во время учебы в Артиллерийской школе (1780–1785): «Будучи учеником в Дрездене, Батюшку потащили его товарищи на Бастей, чтоб посмотреть, что написано большими буквами: “Alénin — bâtard de Catherine II” (Аленин — побочное дитя Екатерины II. — Л. Т.). Он взбесился и боялся, чтоб не донесли государыне, что это он сам написал. Бросился на дерево и всё написанное сорвал» (с. 26).

В. М. Файбисович усомнился в «достоверности передачи того факта, который, несомненно, лежал в основе этой истории». По его мнению «рациональным зерном в этом рассказе является то, что до товарищей Оленина дошли отголоски слухов о его незаконном происхождении (превративших Кашталинского-отца в императрицу-мать?! — Л. Т.). Гораздо *вероятнее*, что незаконное происхождение Оленина не стало тайной для его товарищей по Пажескому корпусу» (с. 26–27).

Спустя несколько лет В. М. Файбисович обосновал свою версию источника слухов об отцовстве Матвея Кашталинского: «Однако несколько штрихов в этом рассказе заставляют отнестись к нему с осторожностью: если товарищи Оленина хотели сделать свою оригинальную версию происхождения достоянием гласности, они составили бы свое объявление на немецком языке и вывесили бы его на более доступном для ознакомления месте, чем дерево на скале в двадцати верстах от Дрездена, где Оленина, надо думать, никто не знал. <...> Нечто подобное могло произойти, скорее, в Петербурге»⁴¹.

На мой взгляд, указание В. А. Олениной конкретного места события — Бастей — свидетельствует о том, что именно в Саксонии, а не в Санкт-Петербурге произошел этот инцидент. Что послужило поводом к подобной мальчишеской — не более — выходке товарищей в момент посещения живописных скал над Эльбой, осталось за рамками рассказа. Воспроизведение же В. А. Олениной текста плаката на французском языке — не повод для сомнений в достоверности ее слов.

Подобная дразнилка возникла не на «отголосках», дошедших из России, а в результате осмысления той информации, которая стала известна товарищам по учебе в Артиллерийской школе не без участия самого Оленина о том, что именно императрица повелела зачислить его в Пажеский корпус; именно она исполнила его мечту получить образование в Артиллерийской школе в Дрездене; именно она следила за его учебной работой по присылаемым отчетам; именно она взяла на себя расходы за содержание и обучение⁴².

Последнее подтверждают векселя, высланные в Россию русским посланником князем А. М. Белосельским, которые императрица оплатила из своих

⁴¹ Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин. С. 41, 51 (примеч. 192).

⁴² Оленина А. А. Дневник. Воспоминания. СПб.: Академ. проект, 1999. С. 229–230.

«комнатных» денег⁴³. Не могли не видеть товарищи по школе и дорогостоящие карманные часы фирмы «Брегет» с вензелем Екатерины II на крышке⁴⁴.

Эти и, возможно, другие неизвестные нам факты внимания Екатерины Великой к мальчику были истолкованы товарищами однозначно: Оленин — приبلудный сын русской императрицы.

Что касается «равнодушного» отношения Алексея Николаевича к корням своей родословной, то это не повод для выводов, сделанных В. М. Файбисовичем, которому известно из записок В. А. Олениной, что и ее муж, Г. Н. Оленин (четвероюродный брат Алексея Николаевича), «был точно так же равнодушен на этот предмет, как и Батюшка»⁴⁵.

Впрочем, этому удивляться не стоит. Предки Алексея Николаевича не вошли в историю России ни своей знатностью, ни подвигами на поле брани, ни богатством, о чем свидетельствуют выявленные и опубликованные в родословной материалы⁴⁶.

По поводу «беспрецедентного решения» Анны Семеновны лишить сына симбирского имения. Раздел наследства после кончины 5 марта 1802 г. Н. Я. Оленина состоялся летом того же года в Москве, где проживала Анна Семеновна. Из письма жены, 16 июня отправленного из Петербурга вдогонку Алексею Николаевичу, видно, что при разделе наследства могли возникнуть проблемы. «Бога ради береги свое здоровье, — просила мужа Елизавета Марковна, — разберись в Москве как можно поскорей, *отдай, что хотел*, мы и без имения были счастливы, бесценный мой друг, на что оно нам?»⁴⁷

После посещения имений и вотчин в Рязанской и Тульской губерниях Оленин возвратился в Москву. 1 августа надворный суд рассмотрел и удовлетворил ходатайство Анны Семеновны о передаче сыну «по закону должностующее перейти к ней» наследственное имение покойного мужа, состоящее в Касимовском уезде Рязанской губернии и в Сердобском уезде Саратовской губернии⁴⁸.

1 января 1803 г. Анна Семеновна по полюбовному акту «следующую ей из показанного родителя нашего недвижимого тако и из всего движимого имения *указную часть не взяв себе*, а чрез поданную прошлаго 1802 г. июля 30-го дня в Московском надворном суде прозьбу и учиненной допрос, отдала мне Алексею навсегда»⁴⁹.

⁴³ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3897. Л. 100; Ед. хр. 3900. Л. 69.

⁴⁴ В 1971 г. часы были приобретены у праправнучки Алексея Николаевича по линии его сына Петра Алексеевича М. П. Гортинской (1883–1973) для создаваемого в Приютине мемориального музея Лениных.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 33 об.

⁴⁶ Тимофеев Л. В. От Парфения. С. 7–63.

⁴⁷ ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 3 об.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 26. Ч. 2. Ед. хр. 3478. Л. 64–69.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 1018.

«Не указная часть» — симбирское имение — в итоге осталась за Анной Семеновной и в этих двух документах не упомянута. Это имение и 179 душ мужского пола Николай Яковлевич заложил 15 марта 1789 г. под занятые на один год 5 тыс. ассигнациями и 3 тыс. руб. серебром. С долгом он рассчитался только в 1796 г.⁵⁰, но откуда и на каких условиях были взяты деньги для выкупа, мы пока не знаем.

В. М. Файбисович сообщает о некоем письме Анны Семеновны к сыну «с требованием отказаться от притязаний на это имение», но не указывает его местонахождения⁵¹. Если симбирское имение осталось за Анной Семеновной, то с какой стати она «требовала» у сына отказаться от него?

Остался за матушкой Алексея Николаевича и дом в Москве, приобретенный у некоего Наумова, о чём узнаем из ее завещания на движимое имущество, составленного 7 мая 1807 г.⁵² Ранее дом принадлежал Николаю Яковлевичу⁵³, а в 1808 или 1809 г. Анна Семеновна подарила его Московскому университету⁵⁴.

Подобные действия я не склонен объяснять зачатием ее собственного сына Кашталинским. В. М. Файбисовичу известна непредсказуемость поступков Анны Семеновны, которая «по неукротимому своему нраву широко пользовалась всеми дозволенными в то время невозможными причудами», о чём писала в своих воспоминаниях младшая дочь А. Н. Оленина А. А. Андро⁵⁵.

Сохранили нам примеры необузданности отдельных представителей рода Волконских и письма княжны Варвары Николаевны Репниной в Торжок к Николаю Петровичу Оленину (1838–1899) — внуку Алексея Николаевича: «Анна Алексеевна Андро, рожденная Оленина (тетка Николая Петровича. — Л. Т.), рассказывала мне, что однажды мать ея отца Алексея Николаевича Оленина, рожденная княжна Волконская, разсердясь на него, сняла с ноги туфлю, ею стала хлестать сына по щекам; он же неподвижно переносил это, как вдруг она закричала: “Люди! Люди!”. Они сбежались. Она им велела бить сына. Тогда Алексей Николаевич, скрестя руки на грудь, сказал: “От вас, матушка, я должен всё переносить, но если один из них меня только пальцем тронет, то беда ему!”. И у матери и у ея слуг опустили руки и тем это кончилось»⁵⁶.

Такие же вспышки неоправданного гнева обрушивал на родного сына и брат Анны Семеновны — князь Григорий Семенович Волконский: «От отца моего, князя Николая Григорьевича Репнина, я слышала, что однажды возвращаясь с учения, чуть ли не был он тогда уже полковником, на верхней ступени

⁵⁰ Там же. Ед. хр. 602. Л. 8–9 об.

⁵¹ *Файбисович В. М.* Алексей Николаевич Оленин. С. 422.

⁵² ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 10.

⁵³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Ед. хр. 2518. Л. 31.

⁵⁴ *Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 235.

⁵⁵ *Оленина А. А.* Указ. соч. С. 226.

⁵⁶ ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 25.

лестницы, по которой он поднимался, стоял его отец князь Григорий Семенович Волконской, брат матери Алексея Николаевича Оленина, и в нетерпении, и негодовании топал ногами. И когда отец мой поравнялся с ним, то он дал полновесную пощечину. Отец мой схватил эту карающую руку и, поцеловав ее, побежал в свою комнату и запер дверь на ключ. <...> Вдруг он слышит, что стучатся в его дверь. “Грешный человек, — сказал мне отец мой, — я догадался, что это Батюшка стучится и не открыл дверь! Наконец слышу слова: «Николай, твой отец у порога твоего на коленях!» Тогда, — прибавил мой отец, — я бросился отпереть двери и бросился на колени сам. Батюшка поднял меня и сказал: «Я уже тебе не отец, но будем друзьями!»” Еще прибавлю, что мой отец не доискивался, что побудило в отце такой припадок гнева⁵⁷.

Строптивость и неуравновешенность Анны Семеновны проявились в передаче симбирского имения любимому брату, а не сыну. Одна из причин, на мой взгляд, кроется в ослушании Алексея Николаевича при выборе невесты. Представители княжеского рода Волконских, берущего будто бы свое начало от Рюрика, состояли в родстве с именитыми князьями Репниными и Оболенскими; Римскими-Корсаковыми, Дмитриевыми-Мамоновыми, Хрущевыми, Ермоловыми...

Отцом же выбранной Алексеем Николаевичем невесты был сын протоиерея в Черниговской губернии и бывший придворный певчий, а ныне директор Императорской придворной капеллы Марк Федорович Полторацкий. 22 декабря 1763 г. ему было пожаловано дворянство, дан родовой герб, а фамилия Полторацких внесена в Общий гербовник дворянских родов.

Ближайшие планы преодоления существующих препятствий для женитьбы на Елизавете Марковне Полторацкой Оленин изложил 10 июня 1791 г. в письме к своему старшему другу, архитектору и поэту Н. А. Львову. Из него мы узнаём, что Алексей Николаевич собирается отправиться из Старой Руссы, где квартировал его полк, в Петербург, «чтоб переговорить с *Матвеем Федоровичем* как бы нам свадьбу скорее сыграть».

Кроме Матвея Федоровича принять участие в преодолении препятствий собирался и Иван Федорович, который доводился Оленину братом и был его полковым командиром. Отсутствие фамилий двух помощников свидетельствует о том, что Львову будет понятно о ком идет речь. «Надобно вам знать, — общал Алексей Николаевич, — что Мат[вей] Фед[орович] и брат мой решились как можно скорее свадьбу сыграть, а именно в августе месяце и для того, ежели можно вам будет к тому времени приехать в Питербург, я от вас ожидать буду большое пособие. <...> Иван Фед[орович] по возвращении моем из Питербурга тотчас хочет ехать в Москву лично матушку мою уговаривать. По возвращении оттуда хочет со мною ехать в Питербург и женить меня»⁵⁸.

⁵⁷ ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 26.

⁵⁸ ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 5.

Алексей Николаевич в то время служил в Псковском драгунском полку, командиром которого был Иван Федорович Дмитриев-Мамонов. Его матушка, Александра Семеновна, урожденная княжна Волконская, доводилась сестрой Анне Семеновне Олениной.

В Петербурге же Оленин собирался просить переговорить с Марком Федоровичем и Агафоклеей Александровной Полторацкими Матвея Федоровича — по-видимому, Кашталинского, хотя там же находился еще и граф Матвей Федорович Апраксин⁵⁹. Однако, публикуя впервые фрагменты этого письма, я вместо имени Матвея Федоровича поставил многоточие⁶⁰.

В монографии, посвященной А. Н. Оленину, В. М. Файбисович отметил, что мною были опущены «весьма существенные подробности», потому что намерение Оленина обратиться именно к Матвею Федоровичу «едва ли не самое примечательное в этом письме. <...> *Очевидно*, речь идет о М. Ф. Кашталинском. *Вероятно*, не рассчитывая на материальную помощь со стороны Анны Семеновны и Николая Яковлевича Олениных, Алексей Николаевич надеялся на доброту Матвея Федоровича»⁶¹.

Не связывая Кашталинского и Оленина родственными узами, он недвусмысленно комментирует в примечаниях свою же реплику: «Примечательно, что имя Николая Яковлевича Оленина вообще не упоминается Алексеем Николаевичем в связи с предстоящей женитьбой»⁶². О доброте, щедрости и заботливости Матвея Кашталинского известно из записок С. Н. Глинки. Известно и о давнем его знакомстве с Олениными. Оленин ясно и понятно изложил суть проблемы в своем письме к Н. А. Львову. Решать ее следовало с Анной Семеновной, в Москве, а не с Николаем Яковлевичем. Именно она противилась этому браку.

О том же пишет и В. А. Оленина, что также известно В. М. Файбисовичу: «Матушка его приготовила ему какую-то княжну Долгорукую, да еще и злую, которую он ни за что не согласился взять себе в жены, а 5 лет сряду сватался за мою матушку, которую она 5 лет проклинала, но, наконец, позволила, благословила, и они были счастливейшая пара в мире»⁶³.

Николай Яковлевич после отставки жил в основном в родовом имении Салаур или в Касимове, а при нем находились и две сестры Алексея Николаевича — Варвара и Софья. Как раз в 1791 г. дворянство Касимовского уезда избрало его на три года своим предводителем.

⁵⁹ Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795) / Сост. В. П. Степанов. СПб.: Академ. проект, 2003. С. 99.

⁶⁰ Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983. С. 9. Полный текст письма см.: Тимофеев Л. В. Приют, любовью муз согретый. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 55–57.

⁶¹ Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин. С. 64, 65.

⁶² Там же. С. 184. Примеч. 71.

⁶³ ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 877. Л. 32 об.

А. А. Андро в своих неоконченных воспоминаниях отметила, что деда своего «знала по рассказам моей матушки, как человека добрейшаго и тихаго нрава», отличавшегося «своею кротостию и уживчивостию»⁶⁴.

Свои письма к Алексею Николаевичу (сохранились два письма, отправленные в июле 1800 г. из Касимова и Салаура) он заканчивал идентичной подписью: «Отец твой и друг Николай Оленин»⁶⁵.

Мы не знаем, как в реальной жизни осуществили свои намерения Кашталинский в Петербурге, а Дмитриев-Мамонов в Москве. Запись же в метрической книге Николо-Богоявленского морского собора о венчании подполковника Алексея Николаевича Оленина и девицы Елизаветы Марковны Полторацкой появилась только 6 февраля 1792 г.⁶⁶ Спустя три недели, 27 февраля, Агафоклея Александровна заняла у Кашталинского сроком на два года 70 тыс. ассигнациями под залог мызы Оккервиль на реке Охте с принадлежащими к ней деревнями, которые были приобретены 4 мая 1791 г.⁶⁷

Вывявленные документы, к сожалению, свидетельствуют лишь о контактах Матвея Кашталинского с А. Н. Олениным и с Полторацкими. Свидетельства возможных связей Матвея Федоровича то ли в 1763, то ли в 1764 г. с уже замужней Анной Семеновной Олениной у нас по-прежнему отсутствуют.

Произвольные интерпретации В. М. Файбисовичем реальных событий, построенные на оговорках *возможно, по-видимому, можно думать, не исключено, очевидно, вероятно, можно предположить*, не позволили обнаружить подтверждение лаконичной реплике М. А. Корфа о том, что отцом А. Н. Оленина был М. Ф. Кашталинский. И самое удивительное: автор научного исследования, постоянно говоря о существовании «официальных документов», на которые он будто бы опирается, не указал хотя бы место их нахождения.

***

Между тем у Матвея Федоровича имелся внебрачный сын, получивший фамилию Линский. С этим сыном известный при императорском дворе, в столичном светском обществе и в смоленской провинции холостой хлебосол и страстный карточный игрок доживал свой век в сельце Яново в 23 верстах от Смоленска.

Рассказ Федора Николаевича Гольцева (Гольцова) о встрече в молодости с этим Линским в доме Кашталинского записал в 1870 г. А. А. Лесли (1810–1877).

⁶⁴ Оленина А. А. Указ. соч. С. 226, 228.

⁶⁵ ГАРО. Ф. Р-6740. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4, 5. Адресованное Н. А. Львову письмо и оба письма Николая Яковлевича к сыну почему-то оказались в архиве П. А. Оленина (сын Алексея Николаевича) и были переданы его правнучкой Н. П. Олениной (1889–1980) в Рязанский архив.

⁶⁶ Афанасьев С. И. Православные храмы Петербурга // Мера. 1996. № 1 (11). С. 271.

⁶⁷ Гос. архив Тверской области. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1494. Л. 4. Сообщил В. И. Сысоев (Тверь).

Линский (в дневниковой записи его имя не указано) оказался тоже азартным картежником и уговорил Гольцева сесть за ломберный стол. Однако результат для него оказался удручающим: за сутки Линский проиграл не только свои деньги, но и принадлежавшие Кашталинскому оружие, картины, ковры... Опомнившись, он стал умолять Гольцева вернуть ему всё проигранное, обещая рассчитаться деньгами после получения обещанного отцом наследства. В залог предложил взять «историческую реликвию» — образ Смоленской Божьей Матери, поднесенный М. И. Кутузову (!) в 1812 г. от жителей освобожденного им Смоленска «с довольно длинною подписью внизу в несколько строк. <...> В подписи подробно сказано, как этот образ достался Кашталинскому»⁶⁸.

Главный хранитель Смоленского музея-заповедника А. И. Полулях сообщила в ответ на мой запрос: «Речь идет, вероятно, об одной из икон, хранящихся в нашем музее. <...> Источник поступления “нашей” иконы не установлен: том книги поступлений, в который она была внесена, погиб во время Великой Отечественной войны. В связи с этим информация, которую Вы нам передали, очень интересна: вероятно, в приведенном Вами рассказе речь идет именно об иконе нашего музея. Во всяком случае, это повод для дальнейшего исследования».

Когда и как этот образ достался Кашталинскому, скончавшемуся 24 июня 1817 г., остается загадкой. Смолянами действительно был заказан образ Смоленской Божьей Матери для поднесения освободителю города М. И. Кутузову, однако из-за скорострительной кончины полководца икона осталась в Успенском соборе Смоленска. В 1815 г. ее подарили (в ответ на просьбу) дочери Кутузова Дарье Михайловне Опочининой, а в собор была «написана такая же икона», после 1917 г. поступившая в Смоленский исторический музей⁶⁹.

В настоящее время списки с иконы Богоматери Смоленской-Кутузовской хранятся не только в Смоленском музее-заповеднике, но также в Историческом музее Москвы (с 1941 г., из церкви в Филях), Эрмитаже (с 1945 г.) и в Гомельском дворцово-парковом ансамбле (в мемориальных вещах рода Паскевичей)⁷⁰. Находится ли среди них и указанный А. А. Лесли список — предмет исследования специалистов.

Рассказ Ф. Н. Гольцева, по-видимому, родственника Кашталинского, матерью которого была Аграфена Федоровна, урожденная Гольцева⁷¹, вызывает полное доверие относительно наличия у Матвея Федоровича внебрачного сына под фамилией Линский и «исторической реликвии», которую лично видел в 1870 г. (!) автор дневниковых записей А. А. Лесли.

Причисление же к побочным сыновьям Матвея Кашталинского еще и Алексея Николаевича Оленина по-прежнему требует доказательств.

⁶⁸ Лесли в войне 1812 г. / Авт.-сост. О. Н. Лесли. Смоленск, 2005. С. 103–105.

⁶⁹ Бибарцева Я. Р. Икона Богоматери Смоленской-Кутузовской // Музейный вестник / Смоленский гос. музей-заповедник. Смоленск, 2013. Вып. 7. С. 5.

⁷⁰ Там же. С. 9–11.

⁷¹ Штиленко Д. П. Указ. соч. С. 270.

References

- Afanas'ev S. I.* Pravoslavnye chramy Peterburga // Mera. 1996. № 1 (11). S. 268–283.
- Azbuchnyj ukazatel' imen russkich dejatelej dlya Russkogo biograficeskogo slovarja.* SPb., 1887. Ch. 1: A–L.
- Bibartzeva J. R.* Iкона Богоматери Смоленской-Кутузовской // Музейный вестник. Смоленск, 2013. Вып. 7. S. 5–13.
- Boľshaya sovetskaya encyclopediya. 3-e izd. M.: Sov. encyclopediya, 1971. T. 18.
- Fajbisovich V. M.* Alexej Nikolaevich Olenin: opyt nauchnoj biographii. SPb., 2006.
- Fajbisovich V. M.* Nikolaj Jakovlevich ili Matvej Fedorovich? (Obstojatelstva rozhdeniya A. N. Olenina) // Prijutinskij sbornik. SPb., 2001. № 2. S. 18–28.
- Glinka S. N.* Zapiski. SPb., 1895.
- Imennoj spisok vsem byvshim i nyne nachodjashimsya v Suchoputnom shlyakhetnom kadetskom korpuse. SPb., 1761. Ch. 1.
- Istoriya Moskovskogo unuversiteta (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX veka): Sb. dokumentov. M.: Academia, 2014. T. 3: 1757.
- Kashtalinskij Matvej Fedorovich* // Russkij biograficeskij slovar'. SPb., 1897. T. [Ibak–Kliucharev]. S. 588.
- Korf M. A.* Iz zapisok // Russkaya starina. 1899. T. 100. № 11. S. 267–299.
- Kubasov I.* Olenin Aleksej Nikolaevich // Russkij biograficeskij slovar'. SPb., 1905. T. [Obez'janiniov–Ochkin]. S. 215–224.
- Lesli v vojne 1812 g. / Avt.-sost. O. N. Lesli. Smolensk: Madzhenta, 2005.
- Luzanov P. F.* Suchoputnyj shljachetnyj kadetskij korpus... (s 1732 po 1741). SPb., 1907.
- Murzanov N. A.* Slovar' russkich senatorov. 1711–1917 gg.: Materialy dlya biografij. SPb.: D. Bulanin, 2011.
- Olenina A. A.* Dnevnik. Vospominaniya. SPb.: Akadem. proekt, 1999.
- Opisanie vshestviya v Moskvu i koronovaniya imperatricy Ekateriny II. [Bez mesta i goda].
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Vtoroe sobranie. T. 14–16. SPb., 1840–1842.
- Priyutino: Antologiya russkoj usad'by / Sost. i comment. L. G. Agamaljan, I. S. Efimovoj. SPb.: Puchkin-skij Dom, 2008.
- Rovinskij D. A.* Podrobnij slovar' russkich graverov XVI–XIX vv. T. 2. SPb., 1895. Stb 449–1248.
- Rovinskij D. A.* Podrobnij slovar' russkich gravirovannyh portretov. T. 2. SPb., 1887. Stb 737–1420.
- Rummel V. V., Golubtsov V. V.* Rodoslovnyj sbornik russkich dvorjanskich familij. SPb., 1887. T. 2.
- Russkoe slugiloe dvorjanstvo vtoroj poloviny XVIII veka (1764–1795). SPb.: Akadem. proekt, 2003.
- Saitov V. I.* Peterburgskij nekropol. SPb., 1883. T. 3: (M–R).
- Shpilenko D. P.* Materialy k rodosloviyu smolenskogo dvorjanstva. Vyp. 3. M.: Staraja Basmannaja, 2014.
- Stojanovskij N. I.* Oчерк zhizni A. N. Olenina // Archeologicheskie trudy A. N. Olenina. SPb., 1881. T. 2. S. XV–XIX.
- Timofeev L. V.* K rodoslovnoj Oleninyh // Prijutinskij sbornik. SPb., 2001. № 2. S. 7–17.
- Timofeev L. V.* Kogda zhe rodilsja A. N. Olenin? // Nacionalnaya biblioteka. 2014. № 2. S. 58–63.
- Timofeev L. V.* Ot Parfenija (Rodoslovnaja Oleninyh) // Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytiya: Ezhegodnik – 2003. M.: Nauka, 2004. S. 7–63.
- Timofeev L. V.* Priyut, ljubov'yu muz sogretyj. SPb.: Nestor-Istoriya, 2007.
- Timofeev L. V.* V krugu družej i muz. Dom A. N. Olenina. L.: Lenizdat, 1983.
- Vasil'chikov A. A.* Semejstvo Razumovskich. SPb., 1880. T. 2.
- Volkonskaja E. G.* Rod kniazej Volkonskich. SPb., 1900.
- Zhurnaly kamer-furierskie 1764 g. SPb., 1856.

Список литературы

- Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1887. Ч. 1: А–Л.
- Афанасьев С. И.* Православные храмы Петербурга // Мера. 1996. № 1 (11). С. 268–283.
- Бибарцева Я. Р.* Икона Богоматери Смоленской-Кутузовской // Музейный вестник. Смоленск, 2013. Вып. 7. С. 5–13.
- Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 18: Никко–отолиты.
- Васильчиков А. А.* Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2.
- Волконская Е. Г.* Род князей Волконских. СПб., 1900.
- Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895.
- Журналы камер-фурьерские 1764 г. СПб., 1856.

Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. СПб., 1761. Ч. 1.

История Московского университета (вторая половина XVIII — начало XIX века): Сб. документов. Т. 3: 1757 / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Д. Н. Костышин. М.: Academia, 2014.

Кашталинский Матвей Федорович // Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. [Ибак–Ключарев]. С. 588.

[Корф М. А.] Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина. 1899. Т. 100. № 11. С. 267–299.

Кубасов И. Оленин Алексей Николаевич // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. [Обезьянинов–Очкин]. С. 215–224.

Лесли в войне 1812 г. / Авт.-сост. О. Н. Лесли. Смоленск: Маджента, 2005.

Лузанов П. Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус... (с 1732 по 1741). СПб., 1907.

Мурзанов Н. А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий. СПб.: Д. Буланин, 2011.

Оленина А. А. Дневник. Воспоминания. СПб.: Академ. проект, 1999.

Описание шествия в Москву и коронации императрицы Екатерины II. [Б. г., б. м.].

Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. 14–16. СПб., 1840–1842.

Приютино: Антология русской усадьбы / Сост. и коммент. Л. Г. Агамалян, И. С. Ефимовой; вступ. ст. и подг. текстов Л. Г. Агамалян. СПб.: Пушкинский Дом, 2008.

Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. 2: К–Ф. СПб., 1895. Стб 449–1248.

Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1887. Т. 2: Е–О. Стб 737–1420.

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887.

Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795) / Сост. В. П. Степанов. СПб.: Академ. проект, 2003.

Саитов В. И. Петербургский некрополь. Т. 3 (М–Р). СПб., 1883.

Стояновский Н. И. Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина // Археологические труды А. Н. Оленина. СПб., 1881. Т. 2. С. XV–XXIX.

Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. Л.: Лениздат, 1983.

Тимофеев Л. В. К родословной Олениных // Приютинский сборник. СПб., 2001. № 2. С. 7–17.

Тимофеев Л. В. Когда же родился А. Н. Оленин? // Национальная библиотека. 2014. № 2. С. 58–63.

Тимофеев Л. В. От Парфения (Родословная Олениных) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник — 2003. М.: Наука, 2004. С. 7–63.

Тимофеев Л. В. Приют, любовью муз согретый. СПб.: Нестор-История, 2007.

Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин: опыт научной биографии. СПб., 2006.

Файбисович В. М. Николай Яковлевич или Матвей Федорович? (Обстоятельства рождения А. Н. Оленина) // Приютинский сборник. СПб., 2001. № 2. С. 18–28.

Шпиленко Д. П. Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 3. М.: Старая Басманная, 2014.

П. В. Крылов

«Доля холопская, труд да побои»

Рецензия: *Korpela J. Idän orjakauppa keskiajalla. Ihmisryöstöt Suomesta ja Karjalasta // Historiallisia tutkimuksia. 266. Helsinki, 2014. 288 s.*

Рабство как общественное явление существует со времен не оставившего письменных источников традиционного общества вплоть до дней сегодняшних. Оно принимает разнообразные формы принуждения к труду людей, которые по той или иной причине утратили право распоряжаться своей личной свободой. Посвященным рабству исследованиям, рассматривающим его с исторической, социологической, этнографической точек зрения, в прямом смысле этого слова нет числа. Одно из них легло в основу монографии Юкки Корпела, профессора всеобщей истории из Университета Восточной Финляндии, «Восточный рынок рабов в средние века. Похищение людей из Финляндии и Карелии». Своим названием она вызывает у потенциального читателя ожидание увидеть работу, целиком посвященную региональной истории шведско-российского пограничья и тех проблем, которые были вызваны многолетними военными столкновениями между соседними государствами, сопровождавшимися уводом в плен значительных масс населения. Впрочем, ожиданиям будет суждено рассеяться довольно скоро: введение в суть проблемы рабства в средневековом обществе занимает в книге около сотни страниц и касается немалого количества достойных внимания сюжетов: от используемой для обозначения рабов терминологии, до основных путей и центров работорговли, а также категорий живого товара и его стоимостных характеристик в зависимости от пола, возраста, внешности и специфиче-

ских качеств (например владения ремеслом) (с. 44, 154–155). Опираясь на обширный источниковый фундамент и знание историографии на западно- и восточноевропейских языках, автор весьма убедительно показывает эволюцию отношения к работорговле со стороны слоев, обладающих политической властью. Европейские государства позднего средневековья и раннего нового времени, включая Московское, стремятся ограничить ее вплоть до полного запрета с целью расширения собственной налоговой базы и демографических ресурсов (с. 187). В итоге пленные и попавшие в кабалу не перепродаются за пределы страны, но пополняют ее зависимое население. Те же государственные образования, которые хотя бы частично строили свое благополучие на внешней работорговле, такие как Крымское ханство или Новгородская республика, сходят с исторической сцены, в чём Ю. Корпела обнаруживает определенную закономерность.

В работе содержится подробное, насколько это возможно ввиду фрагментарности источникового материала, исследование всех сведений не только о финнах, но и о представителях разнообразных финно-угорских народов Прибалтики и Поволжья, так или иначе ставших жертвами работорговли со стороны более могущественных соседей за исключением, пожалуй, только эстонцев. Впрочем, исследователю приходится признать, что определить этническое происхождение той или иной группы рабов часто не представляется возможным (с. 131, 173 и др.).

Свойственный монографии широкий географический и хронологический охват, вне всякого сомнения, привлекает читателя, узнающего для себя немало занимательных подробностей: о материальной выгоде торговца, перепродающего рабов экзотической внешности, и о тех трудностях, которые он испытывал при их транспортировке. Отдельной благодарности заслуживает описание автором системы принудительного труда в Шведском королевстве XVI–XVII вв., которое вносит существенные нюансы в расхожее представление о том, что «Финляндия в период шведского правления не знала рабства» (с. 141–148). Однако прикосновение к теме рабства у финских народов заставляет сожалеть о том, что автор совершенно обошел стороной проблему калевальской эпической поэзии как исторического источника о карело-финском патриархальном рабстве. Можно вспомнить, что в свое время именно «Калевала» стала основой для монографии С. С. Гадзяцкого «Карелия и карелы в новгородское время»¹. Молчание финского автора тем более примечательно, что он не отказывает себе в возможности сослаться на скандинавские саги, когда говорит о рабстве как о «повседневном явлении эпохи викингов» (с. 39). Возможно, Ю. Корпела придерживается мнения о полной недостоверности эпического произведения, но, по мнению рецензента, оно должно быть высказано,

¹ Гадзяцкий С. С. Карелия и карелы в новгородское время. Петрозаводск, 1941.

особенно в существующих условиях скудости информации о финском обществе средневекового периода. Тем более что сведения о рабстве встречаются не только в общеизвестном эпическом своде, в котором чувствуется серьезная правка его автора, Э. Лённрута, но и в необработанном фольклорном материале².

Впрочем, богатая фактическим материалом и авторскими суждениями по широкому кругу вопросов книга вызывает у читателя довольно большое количество пожеланий и замечаний. В качестве примера: утверждение о том, что в Московском государстве в отличие от ближневосточных стран не сложилась управленческая элита несвободного происхождения (с. 190), подобная дворцовым евнухам, заставляет вспомнить о таком явлении, как «боевые холопы», ставшем особенно заметным на рубеже XVI–XVII вв. В частности, боевым холопом князя А. А. Телятевского был И. И. Болотников, выдвинувшийся в начальный период Смутного времени. В монографии, однако, не встречается ни словосочетание, обозначающее несвободного бойца на службе влиятельного человека, несмотря на частое употребление понятия «холоп», ни имя того, кто считался в советской историографии вождем первой в России крестьянской войны, ни посвященная этой общественной группе литература. Несмотря на то что боевых холопов нельзя причислить к элите, их вполне можно сравнить с янычарами или мамлюками, о которых Ю. Корпела пишет достаточно подробно во вводной части своей работы.

Богатый фактографический материал часто предоставляют автору источники церковного происхождения: хроника Адама Бременского, дневник Вильгельма Рубрука, перечень финляндских епископов Павла Юстена, хроника Видукинда Корвейского, русские монастырские хронографы, жития святых и т.п. Иногда представители церкви выступают контрагентами на рынке, как в случае монахинь, выкупающих раба за три монеты у датских викингов на рынке в Корбридже (с. 16), однако автор никоим образом не характеризует позицию богословия и популярной в позднем средневековье нравоучительной литературы по поводу рабства. По мнению рецензента, автор придерживается той точки зрения, что образованные деятели церкви принимали наличие в обществе рабов как данность, согласующуюся со Священным Писанием, однако по какой-то причине не высказывает ее открыто, что может быть поставлено ему в упрек.

Демографические характеристики работорговли находят себе достойное место в монографии Ю. Корпела. В частности, он на основании имеющихся данных с привлечением историографии оценивает долю рабов в населении разных стран и регионов Европы (с. 40). Впрочем, работе, на взгляд рецензента, недостает анализа влияния вынужденной миграции, происходившей в форме работорговли, на этнический состав той или иной территории, а также на ее лингвистический и культурный фон. Карта-схема основных направлений перемещения рабов в пределах Европы (с. 193) может послужить неплохой основой

² Например, сказание о проданной в рабство девушке. См.: Народные песни Ингерманландии / Ред. У. Конкка. Л.: Наука, 1974. С. 61–65.

для подобного исследования, хотя оно, вне всякого сомнения, достойно того, чтобы объединить усилия не только историков, но и антропологов и лингвистов.

Список использованных источников и литературы на многих языках, как классической, так и новейшей, способен впечатлить, тем не менее он выглядит слегка неполным, поскольку в нём не находится места для записок о путешествиях в Россию Джерома Горсея на фоне обильного использования сочинений Якоба Ульфельдта и Павла Юстена. Отмечая знание автором современной российской историографии, можно высказать определенное недоумение, вызванное тем, что в списке использованных работ отсутствуют книги В. М. Панеяха (упоминается только статья 1960 г.), И. Я. Фроянова и В. М. Воробьева, темой которых являются интересующие Ю. Корпела рабство, данничество и холопство, равно как и сочинения С. С. Гадзяцкого и Е. А. Рябина, посвященные взаимоотношениям между финно-угорскими племенами, бывшими, по словам финского ученого, важным источником «живого товара», и древнерусскими государственными образованиями.

Благодаря документальным свидетельствам, на страницах рецензируемой монографии появляются некоторые имена рабов, перестающих тем самым быть представителями «безмолвствующего большинства». Одна из них — Пиритка (Бригитта) из Выборга, купленная за два рубля И. И. Самариним у С. П. Обольянинова в 1593 г. Впоследствии она была крещена в православие под именем Соломония (с. 179–180). Однако в российской истории встречались и более известные люди, в жизни которых был плен и рабство. Одним из таких был И. И. Болотников. Размышления о влиянии полученного им жизненного опыта на дальнейшую деятельность в качестве одного из полководцев Смутного времени могли бы стать отправной точкой для разговора о судьбе освобожденных из плена или бежавших рабов на родине, когда им удавалось на неё вернуться. В этом контексте был бы уместен и пример Анники Сван из Йоутсено, побывавшей в русском плену в годы Северной войны, убежавшей в Швецию и вынужденной рассказать властям о своей жизни в петровской России.

Встречаются в монографии несколько сомнительных трактовок. Так, отчество Обакунович автор выводит из турецкого «Абак» или «Абакай» (с. 133), тогда как оно может быть искаженным в документе производным от именем Аввакум, а название Рабово, возможно, не «указывает на рабов» (с. 150), а является топонимом «Рябово», неверно отраженным в документе.

Интересная и информативная работа Ю. Корпела затрагивает одновременно столько сюжетов, по поводу каждого из которых хочется видеть отдельное полноценное исследование. Своими замечаниями рецензент вовсе не желает создать у потенциального читателя представление в том, что книга поверхностна и с ней не следует ознакомиться. По этой причине в завершение отзыва хотелось бы вновь поставить акцент на, пожалуй, главном достоинстве труда исследователя из Йоэнсуу. Безусловно, перед нами очень финская работа. И по своему языку вкпе со ставшим привычным отсутствием каких бы

то ни было резюме на языках других народов, и по стремлению поставить финляндскую проблематику в центр исследования. Однако она особенно ценна попыткой увидеть проблему рабства в общеконтинентальном евразийском контексте, в данном конкретном случае от афганского Герата до шведского Торнио. Автор убедительно показывает, как дороги, по которым сначала двигались караваны работорговцев, превратились в пути следования дипломатов, договаривающихся о выкупе и обмене пленными. Московское государство выступает на страницах книги вполне соответствующим своему времени, в том числе с точки зрения оценки управленческих технологий и стратегических приоритетов, а Новгородская республика во многом лишается романтического ореола, встречающегося не только в массовом историческом сознании, но и в серьезной научной литературе. Более того, падение этого политического образования, благополучие которого частично основывалось на работорговле, предстает совершенно закономерным. С другой стороны, в чём, по-видимому, также проявляются специфические воззрения автора, за Россией не признается какая-то особенная роль пространства контактов между Западом и Востоком, Севером и Югом. Всё выглядит так, как будто великие и малые державы своего времени: Турция, Россия, Речь Посполитая, Швеция, Дания, Иран, Крым, Ливония и т.д. поддерживали активные прямые контакты между собой, не имея нужды ни прибегать к посредничеству какой-то одной из стран, ни использовать какие-то монопольные пути передвижения, например проходящий через Россию путь по Волге. Всё это многообразие международных связей не стало препятствием для целой серии войн между указанными государствами в XVI — начале XVIII в., но это уже другая история, которой исследователь касается только в той части, в какой она приводит к появлению масс военнопленных, принуждаемых к подневольному труду.

В итоге, хотелось бы поздравить Юкку Корпела с удачной и содержательной книгой, слегка посетовав на то, что в полной мере оценить ее сможет очень и очень ограниченный круг читателей за пределами Финляндии, в науку которой работа профессора Восточно-Финского университета внесла яркий и весомый вклад.

Аннотации

Е. М. Балашов. Методы борьбы с преступностью несовершеннолетних в Петербурге-Петрограде в начале XX в.

В статье с использованием большого массива статистических данных рассматривается комплекс мер, использовавшихся для борьбы с детской преступностью в бывшей столице Российской империи в начале XX в. до революции 1917 г. В их числе: заключение в особые помещения при тюрьме, помещение в исправительный приют или колонию, передача под ответственный надзор родным и др. Основное внимание уделено истории деятельности первого в России ювенального суда, основанного в С.-Петербурге 21 января 1910 г. Введению этого суда подлежали дети и подростки 10–17 лет. В основу деятельности этого суда были положены принципы, радикально отличавшие его от обычного суда для взрослых: что выражалось, прежде всего, в приоритете воспитательных мер над карательными, в создании института попечителей, которые собирали сведения о малолетнем подсудимом и опекали его, и устранении формальностей судопроизводства. Учреждение «Особого суда по делам о несовершеннолетних» в С.-Петербурге имело огромное значение не только для дальнейшего утверждения воспитательного принципа в отношении несовершеннолетних правонарушителей, он стал тем органом, который располагал конкретными средствами для проведения этого принципа в жизнь. Несмотря на то что деятельность суда отчасти пришлась на самые тяжелые годы мировой войны и революции, он оставил заметный след в истории борьбы с детской преступностью в России. Несмотря на краткий период существования, детский суд имел большое значение для совершенствования способов этой борьбы. Он впервые применил на практике новые, гуманные формы и методы исправления подростков, заменив принцип «виновности» и «наказания» для большинства несовершеннолетних принципом их опеки и исправления.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетние, Санкт-Петербург, начало XX в.

**А. В. Востриков. Е. В. Балобанова.
Записки слушательницы С.-Петербургских
Высших Женских Курсов I выпуска (1882 г.)**

В «Записках...» Екатерины Вячеславовны Балобановой, многолетнего библиотекаря С.-Петербургских Высших женских («Бестужевских») курсов, кельтолога, переводчицы и писательницы, рассказывается о ее жизни после окончания Нижегородского института благородных девиц (1862 г.): о разорении, а затем смерти отца, об организации частного учебного заведения, оказавшегося недолговечным. В середине 1860-х гг. Балобанова уехала к родственникам в Бретань, где увлеклась изучением кельтской истории и фольклора, и вскоре отправилась в Париж, где продолжила занятия под руководством известного кельтолога А. Д'Арбуа де Жубэнвиля. В момент начала франко-прусской войны Балобанова была на каникулах в Марселе; возвращение во французскую столицу оказалось сопряжено с неожиданными приключениями. Оказавшись в Париже, она стала свидетельницей событий Парижской коммуны. По окончании войны Балобанова переехала в Германию, где посещала лекции известных профессоров (в том числе Ф. Дана и Э. Виндиша) в Гейдельбергском и Геттингенском университетах. После Германии она вернулась в Россию; в воспоминаниях содержатся подробности о пребывании в Тифлисе у брата, служившего при наместнике на Кавказе великом князе Михаиле Николаевиче, о службе в Таганроге в конторе предпринимателя и купца Л. И. Рагозина; об общении в Москве с профессорами университета Д. И. Иловайским и Н. А. Сергиевским и сдаче в Казани экзамена на право преподавания в учебных заведениях. Все описанные события, по замыслу автора, должны были послужить предисловием к рассказу о поступлении и учебе на С.-Петербургских Высших женских («Бестужевских») курсах, однако болезнь и смерть помешали этому плану осуществиться.

В воспоминаниях Е. В. Балобановой, в силу особенностей ее литературного дарования, очень точные и яркие бытовые подробности иногда сочетаются с банальными общими оценками, хронология событий трансформируется художественным воображением. Комментарии, составленные на основании автобиографических и исторических источников, позволяют внести необходимые коррективы.

Ключевые слова: воспоминания, дневники, женское образование в России, Екатерина Балобанова.

**В. Ю. Гессен. К истории преследования религии
в Петрограде-Ленинграде в 1918–1929 гг.
(по документам ЦГАЛИ СПб)**

Статья базируется на неопубликованных материалах ЦГАЛИ СПб, посвященных истории изъятия властями памятников искусства и старины, а также имущества в целом у частных лиц и учреждений Петрограда в период после переворота в октябре 1917 г. При этом повышенное внимание уделялось борьбе со всем тем, что было связано с религиозными конфессиями. И в этом плане изъятие церковных ценностей наряду с преследованием религиозных деятелей являлось основным направлением в ликвидации религиозной жизни. Изъятия производились в соборах и монастырях, приходских церквях, домовых церквях, находившихся в жилых зданиях, в государственных учреждениях, в лечебных, учебных и военных заведениях, причем последним уделено особое внимание. Немало церковных ценностей хранилось на квартирах частных лиц. Велики были их потери при ликвидации религиозной деятельности, при их последующей транспортировке на склады специально созданных властями организаций. Изъятые ценности в значительной части направлялись в Русский музей, частью в Эрмитаж, в другие города. Показано, что выдававшиеся охранные свидетельства на имущество на деле были лишь средством обеспечения его сохранности до момента последующего изъятия.

Ключевые слова: Петроград, Наркомпрос, архивные сведения, религиозные учреждения, соборы, церкви, изъятия церковных ценностей, музеи, охранные свидетельства.

**В. Н. Гинев. Земские начальники:
объективная необходимость
или реакционная контрреформа?**

В статье рассматриваются как позитивные, так и негативные оценки введенного в 1889 г. института земских начальников. Анализируется разброс мнений по этому вопросу в правительственных структурах и публицистике до 1917 г., в советской и современной историографии. Положительно оценивается попытка П. А. Столыпина заменить сугубо сословный дворянский состав земских начальников чиновниками, независимыми от местных предводителей дворянства, лишёнными судебных функций и права опеки над крестьянским самоуправлением; прогрессивным являлось намерение Столыпина создать всесословную волость. Показано, что сопротивление консервативного дворянства не дало осуществить эти планы.

Автор солидаризируется с теми отечественными исследователями, которые считают внедрение земских начальников в крестьянское самоуправление реакционным актом, препятствовавшим модернизационному развитию России в начале XX в.

Ключевые слова: земский начальник, участковый комиссар, Столыпин, реформа местного управления, историография вопроса.

А. А. Ефимов. Малые и малоизвестные строительные проекты Министерства императорского двора в Санкт-Петербурге в 1840-х гг.

Статья посвящена малоизвестной стороне деятельности Министерства императорского двора — формированию облика Санкт-Петербурга. Автор утверждает, что Придворное ведомство в своей работе отнюдь не ограничивалось строительством дворцов для членов императорской фамилии, осуществив за годы своей работы целый ряд других архитектурных проектов. При этом некоторые из них широко известны, а история их строительства подробно и многократно рассмотрена исследователями, тогда как процесс возведения других зданий освещен фрагментарно, а участие Министерства императорского двора в их создании совершенно не учитывается.

Так, при Николае I в Санкт-Петербурге было осуществлено строительство полковых храмов нескольких гвардейских полков, архитектором которых стал, в значительной степени благодаря личному предпочтению государя, К. А. Тон. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Конного полка также находилась в ведении ряда структур Придворного ведомства. В статье на примере Александринской женской больницы рассматривается такое направление строительной деятельности министерства, как возведение лечебных учреждений, строившихся в рамках благотворительной деятельности членов императорской семьи.

В заключительной части статьи автор обращается к истории возведения здания Театра-цирка, на месте и отчасти на основе которого впоследствии будет создан один из лучших театров Санкт-Петербурга — Мариинский театр. Так же как и в двух предыдущих случаях, объектом исследования является не только само строительство как таковое, но и участие в этом процессе Министерства императорского двора как организатора и контролирующего органа.

Ключевые слова: Министерство императорского двора, Санкт-Петербург, Николай I, Строительная комиссия Кабинета Е. И. В., строительство, А. П. Брюллов, К. А. Тон, А. К. Кавос.

С. Н. Искюль. Великая княжна Екатерина Павловна, Наполеон и «баварский брак»

Статья посвящена малоизвестному эпизоду династических отношений Российского Императорского дома и владетельных домов германских государств начала XIX в., в данном случае имеется в виду баварский курфюршеский (впоследствии королевский) дом Виттельсбахов. Эпизод раскрывает сложную ситуацию в этом клубке отношений, когда династически германские государства, многие из которых уже были связаны с Романовыми, традиционно тяготели к России. В то же время политика этих государств направлялась также во многом традиционно стремлением к союзу с Францией в противовес державам Германии — Австрии и Пруссии. Эпизод примечателен тем, что тесно связан с русско-французскими отношениями до и, в особенности, после Тильзитского мира, когда французская дипломатия планировала укрепить союз Франции с Россией еще и династическим союзом.

Ключевые слова: династическая политика России, великая княжна Екатерина, дипломатия, Наполеон, Рейнский союз, Бавария.

Л. Кангаспуру. Уголовный кодекс Финляндии 1889 г. как законодательный источник европейской интеграции

В статье анализируются некоторые характерные черты Уголовного кодекса Финляндии, который с 1889 г. остается в силе до настоящего времени. Стабильность уголовного законодательства Финляндии резко контрастирует с уголовным законодательством других государств Скандинавии. Причины этой стабильности делают актуальной проблемой изучение исторического опыта Финляндии в сфере уголовно-исправительной политики.

Ключевые слова: Финляндия, уголовно-исправительная политика, Уголовный кодекс 1889 г.

П. В. Крылов «Доля холопская, труд да побои».

Рецензия: *Korpela J. Idän orjakauppa keskiajalla.*

Ihmisyöstöt Suomesta ja Karjalasta //

Historiallisia tutkimuksia. 266. Helsinki, 2014. 288 s.

В. А. Мосунов. Красноборская операция. Февраль 1943 г.

Статья посвящена одной из малоизученных страниц обороны Ленинграда — Красноборской операции 55-й армии в феврале 1943 г. 18 января силами

Ленинградского и Волховского фронтов была прорвана блокада Ленинграда. После этого 67-я армия Ленинградского фронта и 2-я Ударная армия Волховского фронта начали наступление на юг для выполнения задач, предусмотренных Директивой о проведении операции «Искра». После неудачи обеих армий в наступлении южнее Ладоги Ставка ВГК приняла решение нанести удары по флангам немецкой группировки, занимавшей оборону в районе Мги и Синявино. Одним из этих фланговых ударов было наступление 55-й армии в районе Красного Бора. Для этого наступления армия получила усиление в виде двух гвардейских стрелковых дивизий, принимавших участие в прорыве блокады. 45-й гвардейской стрелковой дивизии А. А. Краснова и 63-й гвардейской стрелковой дивизии Н. П. Симоняка. После прорыва обороны силами гвардейцев в бой должны были пойти силы подвижной группы. Основным противником 55-й армии являлись части и соединения 50-го армейского корпуса 18-й армии Группы армий «Север». Среди них была 250-я пехотная дивизия, сформированная из испанцев. Именно на ее участке 63-я гвардейская стрелковая дивизия добилась наибольшего успеха в первый день операции, 10 февраля. Однако подвижная группа 55-й армии и дивизия А. А. Краснова не смогли выполнить своих задач. В дальнейшем Красноборская операция превратилась в череду неудачных попыток прорвать оборону противника. В итоге после наступления 23 февраля операция была остановлена. Войска 55-й армии понесли большие потери и не выполнили основной задачи операции.

Ключевые слова: Ленинградский фронт, операция «Искра», 55-я армия, В. П. Свиридов, И. М. Любовцев, Н. П. Симоняк, А. А. Краснов, Красный Бор, 250-я пехотная дивизия.

Е. З. Панченко. Книги с автографами в библиотеке Н. П. Лихачева: Статистический обзор

Среди книг академика Н. П. Лихачева, хранящихся в фондах библиотеки Санкт-Петербургского института истории, выявлено около 700 экземпляров с дарственными надписями. Эти экземпляры рассмотрены с нескольких точек зрения: само издание (научное или иное, книга или оттиск статьи, тематика, год, место издания), автор надписи (отношение к данному изданию, профессия) и собственно дарственная надпись (содержание, дата). Все подаренные издания можно назвать научными. Из них 65% являются книгами и брошюрами, 35% — оттисками статей и вырезками. Тематический спектр изданий очень широк, но при этом не выходит за рамки профессиональных интересов самого Н. П. Лихачева. 38% даров изданы в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, 21% — в Москве, 41% — в других городах (Российской империи, Европы и Америки). Подавляющее количество автографов принадлежит авторам подаренных изданий. Количество подаренных книг растет в 1880-х —

1900-х гг., затем до 1930 г. остается на достигнутом уровне. Более 80% изданий подарены вскоре после выхода из печати. 75% надписей выдержаны в «академическом» стиле: они состоят из двух частей — «кому» с почтительным эпитетом и «от кого» или «такой-то» с выражением уважения или благодарности адресату. Работа демонстрирует широкое распространение в гуманитарной среде 1880-х — 1920-х гг. обыкновения дарить свои книги коллегам, разнообразие научных контактов, престиж исторической науки, демократизм академической среды и значительное место Н. П. Лихачева в научной жизни его времени.

Ключевые слова: Н. П. Лихачев, библиотека Санкт-Петербургского института истории, автографы, дарственные надписи, подаренная книга.

Н. Б. Рязанцева. Опыт координации деятельности студенческих организаций университетов Российской империи

Статья посвящена деятельности студенческих организаций вузов западных губерний Российской империи. В статье анализируются их разные формы. Особое внимание автором уделено разработке системы контроля над деятельностью различных форм студенческих организаций. Автором проанализированы основные методы, разработанные в студенческих организациях Санкт-Петербургского и Дерптского университетов, которые имели большое влияние на возникновение и управление на этапах формирования собственных студенческих организаций в Российской Империи. Далее, автор уделил особое внимание наиболее эффективным формам студенческих организаций.

В ходе проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что именно научные, литературные и музыкальные кружки являлись положительным примером формирования мировоззрения молодого поколения как вызывающие стремление к научным знаниям и одной из наиболее эффективных форм студенческих организаций в вузах Российской империи.

Ключевые слова: университет, студенческие организации, университетские традиции, методы и формы взаимодействия.

П. В. Седов. «Калязинская челобитная»: Замысел и историческая канва произведения

Статья посвящена истории создания известной повести второй половины XVII в. «Калязинской челобитной». Это произведение рассматривается в литературе как демократическая сатира, обличающая нравы монашества, как выразительный пример секуляризации русской культуры XVII в.

Автор впервые обращает внимание на тот факт, что повесть написана старообрядцем, и потому содержащиеся в ней резкая критика монастырской жизни направлена не против церкви вообще, а против церковной реформы Никона. В этой связи оценка этого произведения как проявления секуляризации культуры отражает не столько реальный замысел и исторический контекст произведения, сколько господствующие в историографии XX в. мировоззренческие установки.

Ключевые слова: монастыри, церковная реформа Никона, демократическая повесть XVII в.

Ф. А. Селезнев. Вопрос о сепаратном мире между Россией и Германией в материалах перлюстрации (1916 г.)

Публикуется подборка выписок из перлюстрированных писем, посвященная отношению российского общества к проблеме сепаратного мира. Публикуемые документы показывают, что представители политической элиты и образованного общества относились к возможности сепаратного мира с Германией отрицательно. В то же время во внеэлитных социальных группах с октября 1916 г. нарастают антивоенные настроения.

Ключевые слова: Первая мировая война, сепаратный мир, перлюстрация, Б. В. Штюрмер.

Е. Ф. Синельникова. Финансовый аспект взаимоотношений власти и научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1917–1920-х гг.

Статья посвящена одному из самых важных аспектов взаимоотношений власти и научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1917–1920-х гг. — финансовому. Исследование основано на архивных источниках из фондов научных обществ Петрограда-Ленинграда и научно-административных властных органов, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. В статье особое внимание уделено формам государственного финансирования деятельности научных обществ: на полном государственном финансировании находилось определенное количество обществ, число и состав которых менялись вплоть до официального закрепления на законодательном уровне за 9 научными обществами Ленинграда статуса «государственных»; частично финансировалось большинство научных обществ города (оплата работы сотрудников, отдельные «предприятия»); другие же не получали ничего от государства и были вынуждены выживать на членские взносы и случайные пожертвования.

Объем финансирования научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1920-х гг. во многом зависел от благосклонности власти, обусловленной политическими, экономико-социальными условиями и идеологическими соображениями.

Ключевые слова: научные общества, советская власть, 1920-е гг., наука и власть, Петроград, Ленинград, общественные организации, нэп.

К. А. Тарасов. Дискуссия о «Декларации прав солдата» в Петроградском гарнизоне в 1917 г.

В статье проводится анализ реакции солдат Петроградского гарнизона на опубликование «Декларации прав солдата» в мае 1917 г. Большевики были той политической силой, которая спровоцировала обсуждение отдельными воинскими частями приказа военного министра. Основным пунктом, на который указывали противники «Декларации», было указание, что назначение воинского командования является исключительно прерогативой высшего командования. Таким образом, отменялась практика выборного начала, которая была распространена в первые дни революции. Делается вывод, что агитация большевиков против этого пункта объяснялась в большей степени политическими мотивами и была направлена против социалистов, вошедших в правительство после Апрельского кризиса.

Ключевые слова: Декларация прав солдата, Революция 1917 г., Петроградский гарнизон.

Д. В. Тимофеев. Варианты решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX в.: Опыт сравнительного анализа «недозволенных речей», прошений и дворянских проектов

В статье на основе архивных материалов представлены основные «сценарии» освобождения крестьян в первой четверти XIX в. В результате сравнительного анализа материалов следствия по делам о распространении «недозволенных речей», доносов, записок и проектов, выявлены следующие варианты решения крепостного вопроса: сценарий «внешнего освобождения», «освобождение по инициативе российского императора» посредством перевода крестьян на государственные земли и выплаты денежной компенсации; освобождение с переходом в «новое состояние», сценарий «отложенного освобождения». Сравнительный анализ сюжетов о роли государства, темпах и условиях предоставления крестьянам свободы позволил сделать вывод о существовании в сознании российских подданных общности патерналистских установок. Ожидание инициативы со стороны государства не только существенно замедляло

процесс разработки реформы, но и способствовало формированию прямо противоположных моделей поведения, нацеленных на использование подневольного труда.

Ключевые слова: крестьянский вопрос в России, история России первой четверти XIX в., проекты отмены крепостного права, слухи, реформы в России XIX в.

Л. В. Тимофеев. Факты и домыслы о происхождении Алексея Николаевича Оленина

Статья посвящена попытке обосновать справедливость утверждения М. А. Корфа (1800–1876) о том, что отцом первого директора Императорской публичной библиотеки, президента Академии художеств и члена Государственного совета А. Н. Оленина (1764–1843) был не корнет л.-гв. Конного полка Н. Я. Оленин, а шталмейстер Императорского двора М. Ф. Кашталинский, маленький рост которого унаследовал его побочный сын. Реплика М. А. Корфа, опубликованная в его воспоминаниях в 1899 г., оставалась не востребовавшей биографами А. Н. Оленина до 2001 г., когда появилось первое исследование В. М. Файбисовича, посвященное обстоятельствам рождения этого персонажа.

В статье рассматриваются и на основании выявленных в архивах Российской Федерации неизвестных В. М. Файбисовичу документальных материалов отводятся как несостоятельные все без исключения аргументы, а точнее — предположения автора в поддержку высказывания М. А. Корфа о происхождении А. Н. Оленина. Эти документы позволили внести уточнения в генеалогическое древо рода Олениных, в биографии А. Н. Оленина и его родителей — Николая Оленина и княжны Анны Волконской. Они позволили привести контрдоводы отдельным предположениям автора о неблагоприятном климате в доме Олениных из-за грехопадения княжны Волконской, которое заставило ее отца, князя С. Волконского, срочно искать жениха своей незамужней дочери, которым и стал выходец из незнатного шляхетного смоленского дворянства, 17-летний ученик Дворянской гимназии при Московском университете Николай Оленин. Выявленные материалы свидетельствуют о том, что контакты между Олениными и Волконскими, Олениными и Кашталинскими существовали на протяжении трех поколений.

Ключевые слова: А. Н. Оленин, Н. Я. Оленин, М. А. Корф, М. Ф. Кашталинский, Волконские, В. М. Файбисович, год рождения, происхождение, биография, генеалогия, мемуары, смоленское дворянство.

А. Фридландер. Святой Гильда и помазание королей

Мнения историков по вопросу о средневековых истоках миропомазания королей практически всегда совпадают, да и сама эта проблема едва ли заслуживает очередного рассмотрения. Эта церемония обрела свои очертания в VIII в. при помазании Пепина; прецедент проложил путь помазанию многочисленных Вестготских королей в VII столетии. Несколько противоречивших этому свидетельств хотя и не отбрасывались совсем, но практически не привлекали внимания и редко принимались всерьез.

Эта статья рассматривает одно из таких свидетельств и содержит в себе оценку степени его достоверности. Фраза «ungebantur reges», представленная в труде Гильды Премудрого «О гибели Британии», чаще всего описывается как просто фигура речи, метафора или как банально неверная информация. Она отбрасывалась в сторону, поскольку не имела подтверждения из других источников. Однако автор статьи предлагает пересмотреть взгляд исследователей на этот вопрос. Положение дел в раннесредневековой Британии, крайне нестабильная политическая ситуация, распространение идей пелагианства, особенно в отношении необходимости помазания, дает основания заявить, что слова Святого Гильды не являются лишь метафорой или ошибкой, а указывают на реальное событие, попытку в эпоху хаоса, когда не было возможности опереться на четкие основания, установить новый способ признания правомочности обретения власти.

Ключевые слова: Гильда Премудрый, миропомазание королей, пелагианство, Вестготское королевство.

Г. Шмоок. О значении русских словарей и переводчиков для немецкоговорящих стран в 1813–1815 гг.

В своей статье автор представляет частично не опубликованные данные своих предыдущих исследований, касающихся русских словарей и работы переводчиков во время Наполеоновских войн 1799–1815, приурочивая свою публикацию к 200-летию освободительных войн в Германии, и освещает роль русской армии в изгнании Наполеона из германских государств.

В статье рассматривается период между 1813 и 1815 гг., когда было выпущено большое количество этих книг, главным образом в Германии, а также в других европейских странах, чтобы подготовить население в языковом и культурном аспекте к появлению русской армии. Для выполнения этой цели были изменены подходы и концепция переводчиков русского языка, а также структура книг по русскому языку, которые теперь были нацелены на потребности пострадавшего от войны населения. Факты и тезисы, представленные в этой статье, должны позволить по-новому оценить значение переводчиков

русского языка в те годы и не только с точки зрения лингвистики, но и комплексно. На основании документов показано, что их помощь затрагивала все слои общества, была востребована ими, и хотя качество перевода находилось на низком уровне, переводчики так или иначе помогли обеспечить сосуществование с русскими солдатами. Брошюры и листовки, выпущенные в 1813 г. и сохранившие сведения об особенностях русской культуры, также содействовали решению этой задачи. Изученные материалы, которые сегодня рассматриваются как библиографическая редкость, представляют ценные сведения по истории германских земель, в особенности истории повседневности, в период освободительных войн за счет их родства с политическими изданиями.

Ключевые слова: русский язык, словарь, переводчик, Наполеоновские войны, русская армия, межкультурная коммуникация, политическая пресса.

Abstracts

E. M. Balashov. The measures against a juvenile delinquency in St Petersburg (Petrograd) in the beginning of the 20th century

The article on the basis of a great amount of statistic data examines the whole number of control measures used as counteractions on children's and teenagers delinquency in the capital of the Russian Empire in the beginning of the 20th century until the Revolution of 1917. Confinement in special minors' sections at prisons, placing in a corrective shelter or a colony, handing over to relatives under their responsible supervision and others were among those measures. The main attention is given to the history of activity of the first Russian juvenile court which was founded in St Petersburg on January 21, 1910. Children and teenagers of 10–17 years old were under the jurisdiction of this court. Activity of the juvenile court was based on the principles considerably different from usual court for adults; first of all there was priority of educational measures above retaliatory measures, then it established the institute of trustees who collected data on the juvenile defendant and sponsored him and it managed to eliminate formalities of legal proceedings. The establishment of so called «The Special Court on Minors' Affairs» in St Petersburg had great value not only for the further confirmation of an educational principle concerning minor offenders, the court prove itself the body which had concrete means to really carry out this principle. In spite of the fact that activity of juvenile court partly fell on the heaviest years of World War and Revolution, it left an appreciable trace in history of struggle against minor's delinquency in Russia. Despite the brief period of existence, juvenile court greatly contributed to this struggle. For the first time it put into practice new, humane forms and methods of minors' reformation, it replaced a principle of «guilt» and «punishment» by principle of trusteeship and correction for the majority of minors.

Key words: Russian Empire, St Petersburg, control measures against juvenile delinquency, foundation and activity of «The Special Court on Minors' Affairs».

A. Friedlander. St. Gildas and the anointing of kings

Consensus reigns, or very nearly, among historians concerning the medieval origins of royal anointing: a simple matter, barely worth the insertion of a question mark. The practice took root with the anointing of Pepin in the 8th century; one precedent paved the way, the anointing of various Visigothic monarchs in the 7th century. A few discordant points of evidence, while not disregarded, have generated little interest and found little acceptance. This article proposes to recall one discordant note and to suggest the chance of its credibility. The statement — *ungebantur reges* — in the *De Excidio Britanniae of Gildas*, has been explained away conveniently as a figure of speech, a metaphorical turn, or mere misinformation. It has been dismissed without evidence because no evidence confirms it, an argument from silence which validates only an *a priori* judgment. Perhaps, we suggest, it is well to reconsider the consensus. Conditions in sub-Roman Britain — a uniquely unstable political landscape, the fermentation of Pelagian ideas, especially regarding the necessity of unction — present the possibility that Gildas' words reflect not metaphor or misinformation but a material event, an experiment, in a time of chaos, in new forms of validation for authority unable to rest on established foundations.

Key words: Visigothic monarchs, Pelagian ideas, De Excidio Britanniae of Gildas.

V. Y. Gessen. The history of the persecution of religion in Petrograd-Leningrad in 1918–1929 (on basis of documents from TSGALI SPb archive)

The article is based on unpublished archival materials from CGALI SPb on the history of dispensation of the works of art, antiquities and other property from both individuals and institutions by the authorities in Petrograd in the period after the coup in October 1917. Special attention was paid to struggle against all connected with different religious confessions. In this respect the confiscation of Church valuables, along with the persecution of religious leaders, was the main direction in the elimination of the religious life. Seizures were made in cathedrals and monasteries, parish churches, house churches, located in residential buildings, in government offices, medical, educational and military institutions, the latter being given special attention. A lot of Church property was kept in the apartments of individuals. The losses of the items confiscated in the course of the campaign against religious activity during their subsequent transportation to the warehouse organizations specially created by the authorities were great. A large share of seized values was handed over to the Russian Museum, the Hermitage, partly it was transferred to other cities. It is shown that the security certificates on the property in fact served mainly to ensure that it is preserved until subsequent withdrawal.

Key words: Petrograd, the Commissariat, archival information, religious buildings, cathedrals, churches, confiscation of Church valuables, museums, security of the certificate.

V. N. Ginev. *Zemskije nachalniks* (land captains): objective necessity or reactionary counterreform?

The article considers both positive and negative judgments about the institute of zemskij nachalniks (land captains) introduced in 1889. It analyses the range of views concerning this question of both government authorities and of social and political journalism up to 1917, and assessment of this issue in Soviet and modern historiography. The article appreciates P. A. Stolypin's attempt to replace the zemskij nachalniks corps, which consisted exclusively of nobility, by officials that were independent from local marshals of nobility and were deprived of both judicial functions and the rights of guardianship over peasants' self-government. Stolypin's intention to establish a volost' (district) ruled by all classes is considered progressive. It is shown that opposition of reactionary nobility disallowed to accomplish these plans.

The author shares the opinion of those native researchers that consider the introduction of zemskij nachalniks a reactionary act that hindered the modernization of the early 20th century Russia.

Key words: zemskij nachalnik (land captain), district commissar, Stolypin, reform of local management, historiography of the quest.

S. N. Iskyul. Great princess Ekaterina Pavlovna, Napoleon and «the Bavarian marriage»

Article is devoted to a little-known episode of dynastic attitudes of the Russian Imperial house and sovereign houses of the German states in the beginnings of the 19th century, in this case the Bavarian Elector (subsequently Royal) house of Wittelsbach. The episode reveals intricate situation concerning international relations when the German states traditionally gravitated towards Russia and many of them had already been connected with the Romanov's dynasty. At the same time the policy of these states habitually was conditioned by aspiration for the union with France in order to counterbalance the greatest German powers – Austria and Prussia. This episode is remarkable being closely connected with the Russian-French relations both before and, in particular, after the Tilsit peace treaty when the French diplomacy planned to strengthen the alliance with Russia also by the dynastic union.

Key words: dynastic politics, Grand Duchess Catherine of Russia, diplomacy, Napoleon, the Confederation of the Rhine, Bavaria.

L. Kangaspuro. The Penal Code of Finland 1889 as a legislative source of European integration

The article analyzes some characteristic features of the Finnish Penal code, which since 1889, remains in force to this day. Stability of the criminal law of Finland contrasts sharply with the criminal laws of other States, Scandinavia. The reasons for this stability make the actual problem a study of the historical experience of Finland in the field of penal policy.

Key words: Finland, penal policy, Penal Code 1889.

P. V. Krylov. Review: *Korpela J. Idän orjakauppa keskiajalla. Ihmisryöstöt Suomesta ja Karjalasta // Historiallisia tutkimuksia. 266. Helsinki, 2014. 288 s.*

V. A. Mosunov. Krasny Bor offensive. February 1943

The article takes under consideration the little-known episode of the Leningrad defense — the offensive of 55th army near Krasnii Bor settlement in February 1943. On the 18 January Leningrad and Volkhov fronts ran the Leningrad blockade. Then 67th army of Leningrad front and the 2nd Shock army of Volkhov front began attacking southward in order to complete the goals given by the Main Headquarters Directive. After the failure of the both armies offensive to the south of Ladoga, the Main Headquarters decided to deliver two pincer attacks on the flanks of German troops near Mga and Sinyavino. One of these pincer attacks was the 55th army operation near Krasnii Bor settlement in February 1943. The army was supported by A. A. Krasnov 45th and N. P. Simonyak 63rd Guards Rifle divisions. Both divisions earlier took part in the breach of Leningrad blockade. When the guardsmen penetrated the enemy defense lines, they were followed by the 55th army mobile group. The main enemy forces in front of the 55th army were the subunits of the 50th Army corps of the 18th army. Among them was the 250th Spanish Infantry division. The initial success was accomplished on 10 February by the 63rd Guards rifle division. During the first day of the offensive they smashed the opposing Spanish units and captured Krasnii bor. But the army mobile unit and Krasnov division failed their objectives. Further, Krasnii Bor offensive turned into unsuccessful attempts to exploit the first day achievements. The offensive was stopped on February 23. The troops of the 55th Army suffered heavy losses and failed to reach the main objective.

Key words: operation «Spark», Battle for Leningrad, 55th Army, Leningrad front, Krasny Bor, A. A. Krasnov, V. P. Sviridov, I. M. Lyubovzev, N. P. Simonyak, 250th infantry division.

E. Z. Panchenko. The books with dedicatory inscriptions from N. P. Likhachev's collection of the Library of St Petersburg Institute of History: Statistic survey

About 700 books of academician N. P. Likhachev (1862–1936) at the Library of St Petersburg Institute of History were found to bear a dedicatory inscription. These items are considered in the article from several points of view: the type of publication (scholarly or otherwise, the book or off-print, subject-matter, year, place of publication), the author of the dedicatory inscription (relation to the publication, profession) and the inscription itself (content, date). All the publications in question proved scholarly. Of these, 65% are books and pamphlets and 35% are off-prints and press-cuttings. The thematic range of publications is very wide, but it is not beyond the professional interests of N. P. Likhachev. 38% of the items with a dedicatory inscription were published in St Petersburg / Petrograd / Leningrad and 21% in Moscow. The remaining 41% of them were issued in various cities of the Russian Empire, Europe and America. The majority of the items were presented by the authors of publications. The number of the books received by N. P. Likhachev as a gift was growing in the 1880s–1900s, and then until 1930 remained at the same level. More than 80% of publications were presented to N. P. Likhachev shortly after their coming out. 75% of the inscriptions are written in academic style: they consist of two parts – the addressee with a respectful epithet and the name of a person presenting the given publication, accompanied by an expression of respect and gratitude to the addressee. For the period 1880–1920 the article illustrates the widespread academic habit of presenting scholarly books to colleagues, a variety of scholarly contacts, the prestige of studying history, the democratic character of academic environment and a significant role of N. P. Likhachev in the scholarly life of his time.

Key words: academician N. P. Likhachev, Library of the St Petersburg Institute of History, scholarly books.

N. B. Ryazantseva. Experience of coordinating the student organizations in universities of the Russian Empire

The article is devoted to the activities of student organizations in universities of the western provinces of the Russian Empire. The article analyzes its different forms. Particular attention is paid to the development of the control system over the various forms of student organizations activities. The author analyzes the main methods developed in student organizations of St Petersburg and Derpt (Tartu) universities that had a great influence on the origin and management at the stages of forming own student organizations in the Russian Empire. Further, the author

pays special attention to the most effective forms of student organizations. It were scientific, literary and musical societies that came as positive example of formation of the younger generation world view as the attractive force to scientific knowledge and one of the most effective forms of student organizations in the universities of the Russian Empire.

Key words: universities, student organizations, universities traditions, methods and forms of interaction.

G. Schmook. «...der Russe fügt sich leichter, wenn man ihn in seiner Sprache anredet». About the significance of Russian dictionaries and interpreters in the German-speaking countries from 1813 to 1815

The author presents currently unpublished findings from previous studies of Russian dictionaries and activity of translators at the time of the Napoleonic Wars 1799–1815, dated for the 200th anniversary of the wars of liberation in Germany, and examines the role of Russian army in the banishment of Napoleon out of the German countries.

The article focuses upon the period between 1813 and 1815, when large quantities of phrase-books and dictionaries have been released, mostly in Germany, but also in other European countries, to make the population linguistically and culturally prepared for the arrival of the Russian forces. On this occasion translators of Russian language and authors of language books shifted conception and orientation from the «Satchel- and Soldier-dictionary» to the needs of population affected by the consequences of war. The facts and arguments presented in this paper are aimed to new reassessment of the importance of interpreters of Russian of this period in its complexity, not only concerning their linguistic function. On the basis of documents it is shown, that this assistance was addressed to all strata of population and also was used by them. Though these translators had a low level of Russian language, they helped to some extent to arrange the coexistence with the Russian army. Intercultural information about the Russian military provided in extra-brochures and leaflets, which have been released in 1813, also contributed to this. These materials, which are regarded today as bibliophilic treasures, present a valuable evidence of the everyday history of the German population during the time of the wars of liberation due to their closeness to the political daily press of that period.

Key words: Russian language, dictionary, interpreter, Napoleonic Wars, Russian military, intercultural communication, political daily press.

P. V. Sedov. «Kalyazin petition»: Concept and the historical canvas

The article deals with the historical context of the famous story of the second half of the 17th century, the so called «Kalyazin petition». This work is considered in literature as a democratic satire denouncing the morals of monasticism as a vivid example of the secularization of the 17th century Russian culture.

The article draws attention to the fact that the story is written by Old Believers author, and thus its sharp criticism of monastic life is directed not against the Church in general, but against the Nikon's Church Reform. In this regard, the evaluation of this text as a manifestation of culture's secularization reflects not so much the real intent and historical context of the work, but the historiographic ideas of the of the 20th century.

Key words: monasteries, Nikon's Church Reform, democratic story of 17th century.

F. A. Seleznev. The question of a separate peace treaty between Germany and Russia in the censorship materials (1916)

Published compilation of extracts from opened and inspected correspondence depicts the attitude of Russian society to the issue of a separate peace. These sources show that members of the political elite and educated society reacted to the possibility of a separate peace with Germany negatively. At the same time among the lower classes anti-war sentiment has been growing since October 1916.

Key words: The First World War, a separate peace, perusal, B. V. Sturmer.

E. F. Sinelnikova. The financial aspect of relations between the soviet power and scientific societies of Petrograd-Leningrad in 1917–1920s

The article is devoted to one of the most important aspects of relations between the soviet power and scientific societies of Petrograd-Leningrad in 1917–1920s, the financial aspect. This study is based on the sources from the archive funds of scientific societies of Petrograd-Leningrad, stored in the Central State Archive of Saint-Petersburg. The article focuses on the forms of state financing of scientific societies: full state financing received a certain number of societies, the number and composition of which varied up until 9 scientific societies of Leningrad were finally given the status of «state» by legislative definition; the majority of scientific societies were financed partly (payment of staff, special deals); others didn't receive anything from the government and were forced to survive on membership

dues and occasional donations. The amount of Petrograd-Leningrad scientific societies financing in the 1920s largely depended on the soviet power's attitude, which was determined by political, economic and social conditions and ideological considerations.

Key words: scientific societies, the soviet power, the 1920s, science and power, Petrograd, Leningrad, public societies, new economic policy.

K. A. Tarasov. Discussion on «Declaration of the rights of a soldier» in the Petrograd garrison in 1917

The article analyzes the reaction of Petrograd soldiers to the publication of the «Declaration of Soldiers' Rights» in May 1917. The Bolsheviks were the political force that provoked discussion in several regiments about the order of Minister of War. The main paragraph at which the opponents of «Declaration» pointed was the exclusive prerogative of the high command to appoint military officers. Thus the practice of elective principle, which was distributed in the early days of the revolution, was canceled. It is concluded that the agitation of the Bolsheviks against this paragraph was largely politically motivated and directed against the socialists who entered the government after the April crisis.

Key words: Declaration of soldiers' rights, Russian revolution of 1917, Petrograd garrison.

D. V. Timofeev. Solutions to the problem of serfdom in Russia in the first quarter of the 19th century: Comparative analysis of the «unlawful speeches», petitions and noble projects

In the article on the basis of archival materials the basic «scenarios» of the serfs' emancipation of the first quarter of the 19th century are presented. A comparative analysis of the investigation of cases of «unlawful speeches», denunciations, notes and projects dissemination identified the following options for addressing the issue of serfdom: the scenario of «external release», «liberation by the initiative of the Russian Emperor» by transferring the peasants on public lands with payment of money compensation; exemption with the transition to a «new state» and the scenario of «deferred liberation». Comparative analysis of the stories about the role of the state, the rate and conditions of the peasants' emancipation led to the conclusion about the existence in the minds of Russian citizens of paternalistic attitudes' community. Waiting the initiative from the state not only significantly slowed the development process of reform, but also contributed to the formation of antipodal behavior pattern aimed at the use of forced labor.

Key words: peasant question in Russia, history of Russia in the first quarter of the 19th century, projects abolition of serfdom, rumors, reforms in Russia of the 19th century.

L. V. Timofeev. Facts and speculations on the origin of Alexei Nikolaevich Olenin

The article attempts to substantiate M. A. Korf's (1800–1876) statement that the father of the first director of the Imperial Public library, the president of the Academy of Arts and a member of the State Council, A. N. Olenin (1764–1843), was not a son of the cornet of the Life Guards Cavalry regiment N. Ya. Olenin, but of a Master of the Horse of the Imperial Court M. F. Kashtalinskiy, who was a little man, and his collateral son got this hereditary constitution.

The Korf's statement published in his memoirs in 1899 was unclaimed by A. N. Olenin's biographers till 2001, when there appeared a first study of V. M. Faybisovich, dedicated to the birth of that man.

On the basis of the documents found out in the archives of Russian Federation and unknown to V. M. Faybisovich the evidences are presented that all the data put forward by him concerning Korf's statement about A. N. Olenin birth are unsound.

The documents presented in the article allowed clarifying the structure of the Olenins' kin genealogical tree, biography of A. N. Olenin and his parents – Nikolay Olenin and princess Anna Volkonskaya. They produce counter-evidences against some suppositions of the author concerning the unfavorable climate in the Olenins family because of the princess Volkonskaya fall that made her father, prince S. Volkonskiy, immediately look for a fiancé for his unmarried daughter. It was a 17 year-old student of the Nobility school at Moscow University Nikolay Olenin. The discovered documents give evidence concerning contacts between the Olenins and the Volkonskiys; the Olenins and the Kashtalinskiys that lasted over three generations.

Key words: A. N. Olenin, M. A. Korf, Anna Volkonskaya, V. M. Faybisovich, genealogy, memoirs.

A. V. Vostrikov. E. V. Balobanova. Memoirs of a student of St. Petersburg Higher Women Courses (the first class, 1882)

The Memoirs were composed by E. V. Balobanova, a longtime librarian of St Petersburg Higher Women («Bestouzhevskie») Courses, a celtologist, a writer and an interpreter. The text depicts the author's life after her graduation from Nizhegorodskii institut blagorodnykh devits (the School for Noble Maidens in Nizhnii Novgorod; 1862): the family wrack, her father's death, the start of a private school and its rapid closure after a short time. In the middle of 1860s Balobanova moved to her relatives

in Bretagne and was carried away by Celtic history and folklore. She left shortly for Paris to study under the guidance of a well-known French celtologist H. d'Arbois de Jubainville. The Franco-Prussian War caught Balabanova when she was out in Marseille on a holiday, and she witnessed events of the Paris Commune being back to Paris. After the war Balabanova settled back in Germany, where she attended courses of a well-known German professors (including F. Dahn and E. Windisch) in the Universities of Heidelberg and Göttingen. She made it back to Russia finally, and traveled a lot to its centre and outlands. The Memoirs describe particularly Balabanova's visit to her brother in Tiflis, who was in waiting at Grand Duke Mikhail Nikolaevich, the Russian tsar's Caucasus region governor; her service at the office of a businessman and merchant L. I. Ragozin in the city of Taganrog; her contacts with the Moscow University well-known professors D. I. Ilovaiskii and N. A. Sergievskii and her passing the exam for teaching in Kazan'. All the depicted events were envisioned by the author to make a foreword for the story of her study at St Petersburg Higher Women Courses («Bestouzhevskie»), but her sickness and death intervened the project.

The Memoirs are full of quite precise and colorful details of everyday life and due to the author's writing endowment they are sprinkled with commonplace remarks, the course of events is inverted with artistic imagination. The commentary grounded on autobiographic and historical sources enables it to make essential adjustments.

Key words: memoirs, diaries, women's education in Russia, Ekaterina Balabanova.

A. A. Yefimov. Small and little-known building projects accomplished by the Ministry of the Imperial Court in Saint Petersburg in 1840s

The article scrutinizes a little-known side of the construction activity of the Ministry of the Imperial Court in Saint Petersburg. The author claims that the Court Department not only built palaces for the members of the imperial family, but also accomplished many other building projects. Some of them are of note, and the process of their construction is the subject of a considerable literature, while the history of others is illustrated with scanty information.

The article takes under consideration several buildings and in this way attempts to shed light on the indicated subject. The first of the studied projects is the Church of the Annunciation built for the Horse Guard Regiment according to the plan of Konstantine Thon. The author both complements the history of this temple and outlines the contribution of the Ministry of the Imperial Court. Then the article examines such direction of the ministerial construction activity as building of patient care institutions in the context of the imperial family charity and takes as an example the Hospital built in memory of grand duchess Aleksandra Nikolaevna (Aleksandrinskaya bol'nitsa).

Finally the author investigates the construction process of the Theatre-circus which in less than fifteen years burned to the ground and was reconstructed into Mariinsky theatre. Special attention is traditionally paid to the contribution and participation of the Ministry of the Imperial Court as organizer and supervisory body.

Key words: the Ministry of the Imperial Court, Saint-Petersburg, Nicholas I, the Building Committee of the Cabinet of His Imperial Majesty, construction, A. P. Brullov, K. A. Thon, Alberto Kavos.

Сведения об авторах

Балашов Евгений Михайлович, д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

E-mail: balas1d@yandex.ru

Востриков Алексей Викторович, заведующий сектором Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: bestuzhevka@gmail.com

Гессен Валерий Юльевич, к. э. н.

E-mail: gessen27@mail.ru

Гинев Владимир Николаевич, д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

E-mail: spb_ii_ran@mail.ru

Ефимов Андрей Александрович, к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук.

E-mail: aaeimov5@gmail.com

Исколь Сергей Николаевич, д. и. н., заведующий научно-историческим архивом и группой источниковедения Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Email: iskiouls@yahoo.com

Кангаспуру Лариса, к. и. н., Хельсинкский университет.

E-mail: larisa.kangaspuro@helsinki.fi

Крылов Павел Валентинович, к. и. н., научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

E-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Мосунов Вячеслав Альбертович, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: sototh@list.ru

Панченко Елена Залковна, главный библиограф отдела Библиотеки Российской академии наук при Санкт-Петербургском институте истории РАН.
E-mail: elenazpan@yahoo.com

Рязанцева Наталья Борисовна, к. и. н., доцент кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: n.ryazantseva@spbu.ru

Седов Павел Владимирович, заведующий отделом древней истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
E-mail: sedovpv@rambler.ru

Селезнев Федор Александрович, д. и. н., профессор, заведующий Центром краеведческих исследований ИМОИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ИМОИ ННГУ.
E-mail: fseleznev@mail.ru

Синельникова Елена Федоровна, к. и. н., ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники Российской академии наук.
E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Тарасов Константин Андреевич, к. и. н., младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.
E-mail: senderkeeper@mail.ru

Тимофеев Дмитрий Владимирович, д. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.
E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Тимофеев Лев Валентинович, историк, первый директор Литературно-художественного музея-усадьбы «Приютино»; автор книг «В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина» (Л.: Лениздат, 1983), «Приют, любовью муз согретый» (СПб.: Нестор-История, 2007).
E-mail: lev_t36@mail.ru

Фридландер Алан, Professor Emeritus, Университет штата Южный Коннектикут, доктор философии Калифорнийского университета.
E-mail: friedlandea1@southernct.edu

Шмоок Гюнтер, специалист в области русской истории и филологии, дипломированный юрист, Берлин.
E-mail: gschmook@wed.de

Contacts of authors

Balaschov Evgenii Michailovich, Dr. of Sciences (History), leading researcher, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: balas1d@yandex.ru

Friedlander Alan, Professor Emeritus, Southern Connecticut State University M.A., Ph.D., University of California.

E-mail: friedlandea1@southernct.edu

Gessen Valeriy Julievitch, Ph.D. (Economics).

E-mail: gessen27@mail.ru

Ginew Vladimir Nikolaevich, Dr. of Sciences (History), leading researcher of St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: spb_ii_ran@mail.ru

Iskyul Sergey Nicolaevitch, Dr. of Sciences (History), Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

Email: iskiouls@yahoo.com

Kangaspuro Larisa, Ph.D., University of Helsinki.

Email: larisa.kangaspuro@helsinki.fi

Krylov Pavel Valentinovich, Ph.D., senior researcher of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavel_kryloff@mail.ru

Ryazantseva Natalia Borisovna, Candidate of Science (History), Associate professor, Chair of international cultural and humanitarian cooperation, Saint Petersburg State University.

E-mail: n.ryazantseva@spbu.ru

Mosunov Vyacheslav Al'bertovich, independent scholar, St Petersburg.

E-mail: sototh@list.ru.

Panchenko Elena Salkova, chief bibliographer of Department of the Library of the Russian Academy of Sciences at St Petersburg Institute of history.
E-mail: elenazpan@yahoo.com

Schmook Günther, Dipl.-Lehrer für Russisch und Geschichte; tätig als freiberuflicher Dozent für den deutsch-russischen Rechtsvergleich, für die Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen sowie zu interkulturellen Anforderungen internationaler Bildungszusammenarbeit.
E-mail: gschmook@wed.de

Sedov Pavel Vladimirovich, Head of Medieval Russian history Division of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.
E-mail: sedovpv@rambler.ru

Seleznev Fedor Aleksandrovich, History Grand Doctor, professor Department of Regional Studies and Local History, Institute of International Relations and World History Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.
E-mail: fseleznev@mail.ru

Sinelnikova Elena Fedorovna, Ph.D., Scientific secretary of Saint Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences.
E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Tarasov Konstantin Andreevich, Ph.D., junior researcher of Saint Petersburg Institute of history of the Russian academy of science.
E-mail: senderkeeper@mail.ru

Timofeev Dmitriy Vladimirovich, Dr. of Sciences (History), assistant professor, Institute of history and archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Timofeev Lev Valentjnovich, historian, former Director of the Literary Museum-estate «Priyutino» (1969-1977); author of monographs «In the circle of friends and muses. House of A. N. Olenin» (L.: Lenizdat, 1983) and «Shelter, love of the muses warmed» (SPb.: Nestor-History, 2007).
E-mail: lev_t36@mail.ru

Vostrikov Aleksey Viktorovch, Chief of the Department of Scientific library of M. Gorky of St Petersburg State University.
E-mail: bestuzhevka@gmail.com

Yefimov Andrey Alexandrovich, PhD., research fellow, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.
E-mail: aaeimov5@gmail.com

Требования к публикации статей и материалов

• Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. (для аспирантов — не более 0,5 а. л.). Объем публикуемых документов и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14 кеглем, сноски — 10 кеглем).

• Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, учебного звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

• Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева.

• Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы.

• Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.

• Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, так же как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.

• Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации / отказе в публикации / направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.

• Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.

• Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.

• До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.

• Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».

Издательство «Нестор-История» с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы

Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректура
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

Наличие собственной типографии

позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги

**Издательство помогает своим авторам
реализовать тираж через книготорговые организации**

Наши партнеры в Санкт-Петербурге:

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ») и другие организации

Наши партнеры в Москве:

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
- Государственный музей А.С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:

Санкт-Петербург
+ 7(812)235 15 86

Москва
+7 (499)755 96 25

или

через форму обратной связи на нашем сайте nestorbook.ru

Все книги издательства «Нестор-История»

можно приобрести по адресу:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. +7(965)048-04-28

Москва, ул. 1-я Брестская, д. 62, 3-й этаж, тел. +7(499)755-96-25

(100 м от станции метро «Белорусская-Кольцевая»)

или заказать:

www.nestorbook.ru

По вопросам оптовой торговли обращайтесь:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. 8-965-048-04-28

ТД «Гуманитарная Академия», тел. (812)430-99-21, www.humak.ru

